

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК

2025
Том 24. № 4

THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL
BULLETIN

2025
Volume 24. No. 4

*Посвящается памяти
Марине Глебовны Мошковой*

М.Г. Мошкова
(1929–2024)

**ISSN 2587-8123 (Print)
ISSN 2658-5995 (Online)**

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**НИЖНЕВОЛЖСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК**

2025

Том 24. № 4

**MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY**

**THE LOWER VOLGA
ARCHAEOLOGICAL BULLETIN**

2025

Volume 24. No. 4

THE LOWER VOLGA ARCHAEOLOGICAL BULLETIN

2025. Vol. 24. No. 4

Academic Periodical

First published in 1998

4 issues a year

In memory of M.G. Moshkova (1929–2024)

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Media (Registration Certificate
ПИ № ФС77-68211 of December 27, 2016)

The journal is included in the following Russian and
international databases: **Scopus**, **Russian Science
Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU**
(Russia), **AWOL** (USA), **DOAJ** (Sweden), **MIAR**
(Spain), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain)

Editorial Staff:

M.A. Balabanova – Dr. Sc., Prof., Chief Editor (Volgograd);
M.V. Krivosheev – Cand. Sc., Deputy Chief Editor (Volgograd);
K.S. Kovaleva – Executive Secretary (Volgograd);
V.I. Moiseev – Assistant Editor (Volgograd);
A.A. Novozhilova – Cand. Sc., Assoc. Prof., Editor
of English Texts (Volgograd);
V.M. Klepikov – Cand. Sc., Assoc. Prof. (Volgograd);
E.V. Pererva – Cand. Sc. (Volgograd);
A.N. Dyachenko (Volgograd);
N.M. Malov – Cand. Sc. (Saratov);
V.N. Myshkin – Cand. Sc. (Samara)

A.S. Skripkin – Dr. Sc., Prof. (Chief Editor of the
Periodical from 1998 to 2021) is permanently included in
the Editorial Staff by the decision of the Academic
Council of the Volgograd State University due to his
outstanding contribution to the Journal’s development

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-35. Fax: (8442) 46-18-48.
E-mail: nav@volsu.ru

Journal Website: <https://nav.volsu.com>
English version of the Website:
<https://nav.volsu.com/index.php/en>

Editorial Board:

Dr. Sc., Prof. *A.I. Aybabin* (Simferopol); Dr. Sc.
A.Yu. Alekseev (Saint Petersburg); Dr. Sc., Acad. of
RAS *Kh.A. Amirkhanov* (Moscow); Cand. Sc.
A.V. Borisov (Pushchino); Dr. Sc., Acad. of RAS
A.P. Buzhilova (Moscow); Senior Researcher
I.O. Gavritukhin (Moscow); Dr. Sc., Prof.
M.S. Gadzhiev (Makhachkala); Dr. Sc.
I.P. Zasetskaya (Saint Petersburg); Dr. Sc.
E.D. Zilivinskaya (Moscow); Dr. Sc., Corr. Member of
RAS *A.I. Ivanchik* (Moscow); Docteur habilité
M.M. Kazanskiy (Paris, France); Dr. Sc. *A.G. Kozintsev*
(Saint Petersburg); Dr. Sc., Prof. *L.N. Koryakova*
(Yekaterinburg); Dr. Sc., Assoc. Prof. *V. Kulchar* (Szeged,
Hungary); Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don); Cand.
Sc. *V.Yu. Malashev* (Moscow); Cand. Sc., Prof.
I.I. Marchenko (Krasnodar); Dr. Sc., Prof. *S.Yu. Monakhov*
(Saratov); Dr. Sc., Prof. *N.L. Morgunova* (Orenburg); Dr.
Sc., Prof. *L.F. Nedashkovsky* (Kazan); Dr. Sc., Prof., Corr.
Member of RAS *N.V. Polosmak* (Novosibirsk); Cand. Sc.
O.A. Radyush (Moscow); Cand. Sc. *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don); Dr. Sc. *N.N. Seregin* (Barnaul); Dr. Sc.
M.Yu. Treister (Bonn, Germany); Dr. Sc.,
Prof. *A.M. Khazanov* (Madison, USA); Dr. Sc.,
Prof. *I.N. Khrapunov* (Simferopol); Cand. Sc.
S.V. Sharapova (Yekaterinburg); Cand. Sc.
L.V. Yavorskaya (Moscow)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova*,

N.M. Vishnyakova, I.V. Smetanina

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Sept. 18, 2025.

Date of publication: Dec. 4, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 18.8. Published pages 20.2.

Number of copies 500 (1st printing 1–27 copies).

Order 88. «C» 28.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvvolgu@volsu.ru

НИЖНЕВОЛЖСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2025. Т. 24. № 4

Научный журнал

Основан в 1998 году

Выходит 4 раза в год

Памяти М.Г. Мошковой (1929–2024)

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68211 от 27 декабря 2016 г.)

Журнал включен в следующие российские и международные базы данных: **Scopus**, **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **РИНЦ** (Россия), **AWOL** (США), **DOAJ** (Швеция), **MIAR** (Испания), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания)

Редакционная коллегия:

М.А. Балабанова – д-р ист. наук, проф., главный редактор (г. Волгоград);

М.В. Кривошеев – канд. ист. наук, заместитель главного редактора (г. Волгоград);

К.С. Ковалева – ответственный секретарь (г. Волгоград);

В.И. Мусеев – технический секретарь (г. Волгоград);

А.А. Новожилова – канд. филол. наук, доц., редактор текстов на английском языке (г. Волгоград);

В.М. Клепиков – канд. ист. наук, доц. (г. Волгоград);

Е.В. Перерва – канд. ист. наук (г. Волгоград);

А.Н. Дьяченко (г. Волгоград);

Н.М. Малов – канд. ист. наук (г. Саратов);

В.Н. Мышикин – канд. ист. наук (г. Самара)

А.С. Скрипкин – д-р ист. наук, проф. (главный редактор журнала с 1998 по 2021 г.) решением Ученого совета Волгоградского государственного университета навечно включен в состав редакционной коллегии в связи с огромным вкладом в развитие журнала

Адрес редакции и издателя:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-35. Факс: (8442) 46-18-48.

E-mail: nav@volsu.ru

Сайт журнала: <https://nav.jvolsu.com>

Англ.яз. версия сайта журнала:

<https://nav.jvolsu.com/index.php/en>

Редакционный совет:

д-р ист. наук, проф. *А.И. Айбабин* (г. Симферополь);
д-р ист. наук *А.Ю. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *Х.А. Амирханов* (г. Москва);
канд. биол. наук *А.В. Борисов* (г. Пущино); д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва); ст. науч. сотр. *И.О. Гавриухин* (г. Москва); д-р ист. наук, проф. *М.С. Гаджиев* (г. Махачкала); д-р ист. наук *И.П. Засецкая* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук *Э.Д. Зилибинская* (г. Москва); д-р ист. наук, чл.-кор. РАН *А.И. Иванчик* (г. Москва); д-р хаб. *М.М. Казанский* (г. Париж, Франция); д-р ист. наук *А.Г. Козинцев* (г. Санкт-Петербург); д-р ист. наук, проф. *Л.Н. Корякова* (г. Екатеринбург); канд. ист. наук, доц. *В. Кульчар* (г. Сегед, Венгрия); д-р ист. наук *С.И. Лукьяненко* (г. Ростов-на-Дону); канд. ист. наук *В.Ю. Малашев* (г. Москва); канд. ист. наук, проф. *И.И. Марченко* (г. Краснодар); д-р ист. наук, проф. *С.Ю. Монахов* (г. Саратов); д-р ист. наук, проф. *Н.Л. Моргунова* (г. Оренбург); д-р ист. наук, проф. *Л.Ф. Недашковский* (г. Казань); д-р ист. наук, проф., чл.-кор. РАН *Н.В. Полосъмак* (г. Новосибирск); канд. ист. наук *О.А. Радюш* (г. Москва); канд. ист. наук *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону); д-р ист. наук *Н.Н. Серегин* (г. Барнаул); д-р ист. наук *М.Ю. Трейстер* (г. Бонн, Германия); д-р ист. наук, проф. *А.М. Хазанов* (г. Мэдисон, США); д-р ист. наук, проф. *И.Н. Храпунов* (г. Симферополь); канд. ист. наук *С.В. Шарапова* (г. Екатеринбург); канд. ист. наук *Л.В. Яворская* (г. Москва)

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова*,

Н.М. Вишнякова, *И.В. Сметанина*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 18.09.2025 г.

Дата выхода в свет: 04.12.2025 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,8.

Уч.-изд. л. 20,2. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–27 экз.).

Заказ 88. «С» 28.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvvolgu@volsu.ru

© ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Таиров А.Д. Скотоводческое хозяйство населения Южного Зауралья в раннем железном веке	5
Савельев Н.С. Система «степь – лесостепь» в формировании культуры кочевников Южного Урала середины – второй половины I тыс. до н.э.: взгляд через 50 лет	21
Мышкин В.Н. Конское снаряжение кочевников Южного Приуралья во второй половине VI – V в. до н.э.	48
Сиротин С.В. Деревянные конструкции в курганах кочевников Южного Урала в конце VI – IV в. до н.э.: типология надмогильных сооружений	92
Глебов В.П., Дедюлькин А.В. Об элитарных погребенияхnomадов раннесарматского времени (II–I вв. до н.э.)	129
Голофаст Л.А., Демиденко С.В., Кадиева А.А., Румянцева О.С. Стеклянный скифос в золотой оправе II–I вв. до н.э. с территории Западного Кавказа из собрания Государственного исторического музея	151
Кривошеев М.В., Малашев В.Ю. Комплексы финиала позднесарматского времени в Нижнем Поволжье	174

ПУБЛИКАЦИИ

Балабанова М.А., Перерва Е.В., Хегай К.М. Антропологическое исследование останков из парного погребения могильника Малаевка V	187
--	-----

CONTENTS

ARTICLES

Tairov A.D. Cattle Breeding of the Southern Trans-Urals Population in the Early Iron Age	5
Savelyev N.S. Steppe – Forest-Steppe System in Formation of the Southern Ural Nomadic Culture in the Mid – Second Half of the 1 st Millennium BC: A Prospective After 50 Years	21
Myshkin V.N. Horse Equipment of the Nomads of the Southern Urals in the Second Half of the 6 th – 5 th Centuries BC	48
Sirotin S.V. Wooden Structures in the Kurgans of Nomads of the Southren Urals in the Late 6 th – 4 th Centuries BC: Typology of Grave Structures	92
Glebov V.P., Dedyulkin A.V. On the Elite Burials of the Nomads of the Early Sarmatian Period (2 nd – 1 st Centuries BC)	129
Golofast L.A., Demidenko S.V., Kadieva A.A., Rumyantseva O.S. A Glass Skyphos with a Gold Frame of the 2 nd – 1 st Centuries BC from the Western Caucasus, the Collection of the State Historical Museum	151
Krivosheev M.V., Malashov V.Yu. Complexes of the Final of the Late Sarmatian Period in the Lower Volga Region	174

PUBLICATIONS

Balabanova M.A., Pererva E.V., Khegai K.M. Anthropological Study of the Remains from a Double Burial at the Malyaevka V Burial Site	187
--	-----

СТАТЬИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.1>

UDC 903'14(47+57)
LBC 63.442.7(2)-421

Submitted: 14.05.2025
Accepted: 06.08.2025

CATTLE BREEDING OF THE SOUTHERN TRANS-URALS POPULATION IN THE EARLY IRON AGE¹

Aleksandr D. Tairov

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation

Abstract. The research aims to elaborate on the cattle breeding model of the Early Iron Age populations from the Southern Trans-Urals forest-steppe and steppe. The economy of the Trans-Urals Bashkirs of the 18th – 19th centuries can serve as a model for the forest-steppe Southern Trans-Urals population of the period. Pastoralists lead the semi-nomadic way of life with almost year-round pasture keeping of cattle. While maintaining permanent winter settlements, the Bashkirs migrated seasonally in spring, summer, and autumn across grazing lands, relying on natural forage. The economy of the Kazakhs of the Younger and Middle jüz of the 18th – 19th centuries and the southeastern Bashkirs of the Middle Ages and modern period could be used as a model for reconstructing the economy of the nomads of the Southern Trans-Urals steppe. In the first variant, when ethnically related nomadic groups inhabited the steppes from the Ural foothills to Turgay, the Aral-Ural migration cycle predominated completely, with winter camps located in the Aral region, lower Syr Darya basin, and Caspian areas. When the situation had escalated in the South, winter nomadic camps shifted northward to the valleys of the Turgay, Irgiz, Or, Ilek, and Emba rivers. The second variant is characterized by the habitat of the unrelated and stronger ethnopolitical tribes in the territory from the Ural River to the Turgay and on the Cis-Ural steppe. At such a variant, an Aral-Ural circle and Southern Urals types of pastoralism prevailed. The nomads spent summer on the steppes from the Ural River to the eastern slopes of Turgay. In winter they moved to the Kyzyl-Kum, the foothills of Karatau, the middle and lower Syr Darya, and the northern and northeastern Aral Sea region. The nomads of the steppe foothills of the Urals, as well as the southeastern Bashkirs of the 18th – 19th centuries, had their camps properly in the Southern Urals. Winters they spent in the steppe foothills or intermountain valleys; summers they spent in the mountains.

Key words: Southern Trans-Urals, forest-steppe, steppe, early nomads, cattle breeding, Bashkirs, Kazakhs.

Citation. Tairov A.D., 2025. Skotovodcheskoe hozyaystvo naseleniya Yuzhnogo Zaural'ya v rannem zheleznom veke [Cattle Breeding of the Southern Trans-Urals Population in the Early Iron Age]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 4, pp. 5-20. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.1>

УДК 903'14(47+57)
ББК 63.442.7(2)-421

Дата поступления статьи: 14.05.2025
Дата принятия статьи: 06.08.2025

СКОТОВОДЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ¹

Александр Дмитриевич Тайров

Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),
г. Челябинск, Российская Федерация

Аннотация. Целью исследования является разработка модели скотоводческого хозяйства населения лесостепи и степи Южного Зауралья раннего железного века. В качестве модели хозяйства населения лесостепного Зауралья этого времени может выступать хозяйство зауральских башкир XVIII–XIX веков. По своему типу оно было полукочевым, с практически круглогодичным пастбищным содержанием скота. Башкиры, имея постоянные зимние поселения, кочевали весной, летом и осенью по сезонным пастбищам и содержали скот на подножном корму. В качестве модели хозяйства номадов раннего железного века степной зоны Южного Зауралья, в двух ее вариантах, может выступать хозяйство казахов Младшего и Среднего жузов XVIII–XIX вв. и юго-восточных башкир Средневековья и Нового времени. В первом варианте, когда степи от предгорий Урала до Тургая занимали этнически родственные коллективы номадов, абсолютно преобладал Арабо-Уральский цикл кочевания, при котором зимовья находились в Приаралье, низовьях Сырдарьи, Прикаспии. В случае обострения ситуации на юге зимние кочевья сдвигались к северу – в долины Тургая, Иргиза, Ори, Илека и Эмбы. Во втором варианте, когда степи от Яика до Тургая, а также степи Приуралья занимали неродственные и более сильные этнополитические объединения, параллельно существуют две системы кочевания – Арабо-Уральский цикл и Южноуральский. Номады, проводившие лето в степях от Яика до восточных склонов Тургая, зимовали в Кызылкумах, предгорьях Карагату, на средней и нижней Сырдарье, в Северном и Северо-Восточном Приаралье. Кочевники степных предгорий Урала, также как и юго-восточные башкиры XVIII–XIX вв., ограничивали свои кочевья территорией собственно Южного Урала – с зимовкой в степных предгорьях или межгорных долинах они поднимались на летние пастбища в горах.

Ключевые слова: Южное Зауралье, лесостепь, степь, ранние кочевники, скотоводческое хозяйство, башкиры, казахи.

Цитирование. Таиров А. Д., 2025. Скотоводческое хозяйство населения Южного Зауралья в раннем железном веке // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 4. С. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.1>

Введение

Хозяйство ранних кочевников Южного Урала и Нижнего Поволжья уже неоднократно являлось предметом специального рассмотрения отечественных исследователей [Смирнов, 1964; Железчиков, 1983; 1984; Акулатов, 1999]. Не обошла его своим вниманием и М.Г. Мошкова, поддержавшая основные выводы о хозяйстве савромато-сарматских племен Южного Приуралья и Заволжья, сделанные Б.Ф. Железчиковым. Для них, по ее мнению, было характерно экстенсивное скотоводство с круглогодичным выпасом скота, стабильными маршрутами кочевок, постоянными зимниками. Земледелие отсутствовало, даже в качестве подсобного занятия. Основное место в стаде занимали овцы, на втором месте были лошади, крупный рогатый скот разводился в минимальных количествах. В качестве археологически фиксируемых домашних промыслов выступают гончарство, косторезное, кожевенное и камнерезное дело, обработка дерева и ткачество. Основными производителями металлических изделий для сарматов были, как считала М.Г. Мошкова, кузнецы и литейщики оседлого населения близлежащих и более отдаленных районов [Мошкова, 1989, с. 202–206].

При описании хозяйства населения раннего железного века степной зоны Южного Урала все исследователи не выделяли в нем отдельные географические области, имеющие свои природно-ландшафтные особенности, которые во многом определяли специфику хозяйства местного населения. Не рассматривали они, кроме И.М. Акулатова, и особенности скотоводческого хозяйства в различные исторические периоды.

Однако степь, как, впрочем, и лесостепь Южного Зауралья по своим природно-ландшафтным характеристикам значительно отличаются от степи и лесостепи Южного Приуралья. Эти отличия обусловливали разницу в скотоводческом хозяйстве населения указанных регионов во все исторические периоды. Исходя из этого, целью данного исследования является разработка модели скотоводческого хозяйства населения лесостепи и степи Южного Зауралья раннего железного века на основе материалов по хозяйству башкир и казахов этого региона XVIII–XIX веков.

Материалы и методы

Южное Зауралье охватывает лесостепную и степную зоны в пределах Зауральской

подобласти Урало-Аральской культурно-исторической области [Таиров, 2010, с. 79]. Западную границу подобласти можно условно провести по центральным хребтам Урала и Мугоджар, восточную – по восточному склону Тургайской ложбинны. На севере граница подобласти в основном совпадает с границей леса и лесостепи, а крайние пределы ее южных границ доходили, в ряде случаев, до Средней и Нижней Сырдарьи. В разные исторические периоды северные и южные границы области менялись: она то расширялась в меридиональном направлении, то сокращалась. Эти трансформации обусловлены не только изменениями природных условий, вызванными колебаниями климата, но и, особенно в эпоху Средневековья и Нового времени, конкретной этнической и политической ситуацией как на севере, так и, особенно, на юге региона [Tairov, 2024, p. 175–176].

Лесостепь и северные степи Зауралья отделены от лесостепи и северных степей Приуралья труднопроходимой горной системой Южного Урала. Лишь на крайнем их юге, по широтному течению реки Урал (Яик), граница между Зауральем и Приуральем открыта для кочевников, также как открыта она в Мугоджарах, в зоне средних и южных степей.

Реконструкция хозяйства населения Южного Зауралья раннего железного века – задача достаточно сложная, особенно при отсутствии поселенческих памятников. Облегчить решение задачи может построение модели его хозяйственной деятельности, основанное на данных по хозяйству обитателей степи и лесостепи Южного Зауралья XVIII–XIX веков. Привлечение этих материалов обусловлено и оправдано рядом факторов. Те и другие занимали одну и ту же территорию – лесостепь и степь от восточных склонов Урала на западе до Тобола и Тургая на востоке, вели одинаковый полукочевой или кочевой образ жизни и имели сходный состав стада. Климатические условия XVIII–XIX вв. и VII–IV вв. до н.э., хоть и различались, но были весьма близки. Следует отметить, что природные условия степного и лесостепного Зауралья, благоприятные для кочевого и полукочевого скотоводства, способствовали длительному сохранению здесь традиций номадизма. Даже в конце XIX – начале XX в.

значительная часть зауральских и юго-восточных башкир² летом выезжала на кочевки. Так, в Курганской области кочевки прекратились лишь в 20-х гг. XX в. [Руденко, 2006, с. 59; Кузеев и др., 2015, с. 372; Ахатов, 2012, с. 20–21]. Как отмечает Р.З. Янгузин, «оплотом полукочевого скотоводства даже в начале XX в. оставался небольшой район по восточным склонам Уральского хребта (Верхнеуральский, часть Троицкого уездов)» Оренбургской губернии [Янгузин, 1989, с. 144, 147–152].

Результаты и обсуждение

Лесостепное Зауралье. В середине XIX в. в лесостепи Зауралья башкиры жили двумя группами. Первая (Екатеринбургский уезд, север современной Челябинской области) занимала восточные склоны Урала, земли по рекам Синара, Теча, Караболка, среднему течению Миасса, а также по берегам или вблизи многочисленных в этом крае озер. Вторая (Шадринский уезд, юго-запад современной Курганской области) освоила лесостепь между Миассом на севере и Тоболом и его притоком Уй на востоке и юге [Кузеев, 2015а, с. 192; Кузеев и др., 2015, с. 313–314]. В XVII–XVIII вв. северной границей кочевий башкир выступали долины рек Исеть и Пышма. На юге они занимали всю южную лесостепь до реки Уй, а их летовки отмечены даже в степной зоне – по реке Тогузак, правом притоке Уя. На восток кочевья башкир «простирались и по нижнему течению р. Уй, вплоть до ее впадения в р. Тобол» [Кузеев и др., 2015, с. 314–316]. Отметим, что расселение зауральских башкир XVII–XIX вв. в целом соответствует ареалам культур раннего железного века – иткульской (первая группа зауральских башкир), гороховской и саргатской (вторая группа зауральских башкир).

Скотоводческое хозяйство зауральских башкир XVIII – первой половины XIX в. по своему типу было полукочевым, с практически круглогодичным пастбищным содержанием скота. Причем, переход от кочевого хозяйства к полукочевому произошел здесь лишь в начале XVIII века. Башкиры, имея постоянные зимние поселения, кочевали весной, летом и осенью по сезонным пастбищам и содержали скот на подножном корму. В стаде

преобладали лошади, чуть меньше было овец. Крупный рогатый скот составлял до трети от количества лошадей. В небольшом количестве держали верблюдов [Кузеев, 2015а, с. 199, 203–204, табл. 1; Мурзабулатов, 1979, с. 62; 2002, с. 55–60; Ахатов, 2012, с. 10, 12–13].

Зимовья зауральские башкиры покидали, в зависимости от их местоположения и погодных условий, в конце апреля – конце мая [Паллас, 1786а, с. 94–95; Попов, 1813, с. 14; Никольский, 1899, с. 49] и переходили на весенние пастбища, расположенные недалеко от деревни. За время, проведенное на весенних пастбищах, исхудавший за зиму скот поправлялся и набирался сил. В конце мая – начале июня скот отгоняли к летним стоянкам – еще дальше от зимних жилищ. Как свидетельствуют источники, в летнее время «деревни пустеют и не остается в них не только ни одной души, но даже собак» [Черемшанский, 1859, с. 145; Паллас, 1786а, с. 157; Никольский, 1899, с. 49].

В зависимости от травостоя летние стоянки менялись несколько раз. Особо отметим, что места стоянок и маршруты перекочевок были закреплены за племенами, родами и родовыми подразделениями и их нарушение «допускалось лишь в исключительных случаях [Мурзабулатов, 1979, с. 65; Янгузин, 1989, с. 72; Бикбулатов и др., 2002, с. 46].

Башкиры северных районов современной Челябинской области (Аргаяшский и Кунакский районы) в XVIII в., по свидетельству П.С. Палласа, «для пастьбы своих стад избирают летом по большей части горы и около оных лежащие места... а осенью и зимою кочуют они по большей части в долинах солонцами и многими солеными озерами наполненных» [Паллас, 1786б, с. 8]. В частности, на летних кочевьях по реке Атлян, что западнее Миасса, он встретил барын-табынцев из Исетской провинции [Бикбулатов и др., 2002, с. 48]. «Зимой табуны, а вместе с ними и другой скот, – отмечал П.С. Паллас, – содержатся на вольном выпасе в степи. Снега здесь выпадают неглубокие, климат для скотоводства благоприятный... Овец в Зауралье сравнительно немного. Кое-где держат верблюдов» [Паллас, 1786а, с. 97]. Об этом же в начале XIX в. писал Н.С. Попов: «Башкирцы Екатеринбургского уезда (севера современной Челябинской области. – А. Т.) занимают

южную часть оного по рекам Зузелке, Тече, Караболке, Синаре и около озер, между ими лежащих. Все имеющие довольноное количество скота выезжают летом из юрт своих для кочевания в Уральские горы, а недостаточесвущие им остаются при своих деревнях». В другом месте он отмечает, что башкиры этого уезда «выезжают из юрт своих весною для кочевья в Уральские горы, на 40 и 70 верст расстояния от своего жилища» [Попов, 1813, с. 5, 16; Кузеев и др., 2015, с. 371–372; Бикбулатов и др., 2002, с. 48–49].

Основная часть башкир Шадринского уезда во второй половине XVIII – начале XIX в. кочевала летом в степях в долине Уя, вплоть до его впадения в Тобол. Как отмечал Н.С. Попов, «башкирцы Шадринского уезда обитают также при реках, в южную сторону Исети текущих, и около озер, между ними лежащих. Летом также выезжают они из юрт своих для кочевки со всем скотом и имением» [Попов, 1813, с. 7].

Некоторые из шадринских башкир вплоть до начала XIX в. перегоняла скот к Уральским горам, к верховьям рек Синара, Теча и Караболка (нынешняя Челябинская область), а также на реку Белянку (Белокатайский район Республики Башкортостан). Пермский губернатор в 1818 г. писал, что башкиры Шадринского уезда «выезжают со скотом в принадлежащие им степные места, изобилующие и лесом, а башкирцы Екатеринбургской округи отлучаются для сего в Уральские горы...» [Мурзабулатов, 1979, с. 64; 2002, с. 60]).

Таким образом, основная часть шадринских башкир проводила все время в лесостепной зоне междуречья рек Миасс и Уй, а часть перемещалась на полгода в горнолесную зону [Кузеев и др., 2015, с. 372; Ахатов, 2010, с. 13; 2012, с. 12, 16].

В конце июля и начале августа переходили на осенние пастбища. Время пребывания на них совпадало с сенокосом и, там где практиковалось земледелие, с жатвой [Лепехин, 1802, с. 37; Попов, 1813, с. 16; Мурзабулатов, 1979, с. 72]. Впрочем, «...не довольно сена на зиму запасают», – замечает П.С. Паллас, – «такмо для мелкой скотины и для лошадей, которых берегут к войне зимою малое число» [Паллас, 1786а, с. 97; Материалы по истории ..., 1949, с. 486; Янгузин, 1989, с. 35].

В деревни возвращались в разное время. Малосостоятельные хозяева – в сентябре – после заготовки сена и уборки урожая, состоятельные же в октябре – с первыми морозами, реже – после первого снега.

Зимой скот старались держать как можно дольше на подножном корму в окрестностях деревни. С наступлением холодов, при высоком снежном покрове и других неблагоприятных для выпаса погодных условиях, крупный и мелкий рогатый скот содержали в специальных помещениях, подкармливая заготовленным кормом. Продолжительность подкормки скота в стойлах зависела от состояния погоды и, как правило, не превышала 2–3 дней. Как только заканчивались неблагоприятные условия, скот вновь выгоняли на зимние пастбища. В качестве подкормки использовали сено. Следует отметить, что переход башкир, кочевавших по Синаре, к сенокошению произошел, согласно А. Чулошникову, во второй половине XVII в. [Чулошников, 1936, с. 5]. К этому же времени относятся и первые документальные свидетельства сенокошения у миасских башкир [Материалы по истории ..., 1936, с. 271]. Впрочем, сена заготавливали «токмо для мелкой скотины и для лошадей, которых берегли в небольшом количестве на случай войны» [Материалы по истории ..., 1949, с. 486]. С развитием земледелия стали использовать солому, реже – мякину и зерно. Для подкормки мелкого рогатого скота использовали ветки и кору деревьев. На ночь скот, за исключением лошадей, пригоняли домой или в специальные загоны на окопице и запирали [Лепехин, 1802, с. 36–37; Попов, 1813, с. 14, 18; Мурзабулатов, 1979, с. 65–67, 72].

Башкиры севера Екатеринбургского уезда (север нынешней Челябинской области) в XIX в. практиковали отгон основной части лошадей и крупного рогатого скота на тобеневку за Миасс, в южную лесостепь. Ранее, в первой половине XVIII в., летние и зимние пастбища башкир этого уезда находились еще южнее – в долине реки Увелька, левого притока Уя [Попов, 1813, с. 5; Бикбулатов и др., 2002, с. 49]. В допросном листке от 1737 г. сообщается: «кочуют наши башкирцы з женами и з детьми и со скотом по Увельке реке, и по Аю, и в горах Уральских и под Юрastовом, а зимою кочевать хотят

по Тоболу речке и по Тугозяку» (Тогузак, правый приток Уя. – А. Т.) [Материалы по истории ..., 1936, с. 325–326], то есть в северной части степной зоны Южного Зауралья.

Кочевое хозяйство зауральских башкир можно отнести к четвертому (полукочевому) типу (по А.М. Хазанову) – «все население кочует весной, летом и осенью в меридиональном или вертикальном направлениях, возвращаясь на зиму к постоянным жилищам. Наряду с кочевым скотоводством практикуется земледелие, но лишь как подсобный вид хозяйства» [Хазанов, 1975, с. 10–11]. К этому же типу, с определенными оговорками касательно земледелия, следует, вероятно, отнести и хозяйство «иткульцев», «гороховцев» и «саргатцев». Исходя из этого, хозяйство зауральских башкир может, как представляется, выступать в качестве модели хозяйства населения лесостепи Зауралья раннего железного века.

Степное Зауралье. Степное Зауралье, исходя из географических и историко-этнографических данных, можно разделить на две части: 1 – степи юго-восточных предгорий Урала – к западу от верховий реки Урал (Яик); 2 – степи от реки Урал (Яик) до восточных склонов Тургая.

Степи Южного Зауралья от верховьев Урала (Яика) на западе до Тургая на востоке в XVIII – начале XX в. занимали казахи Младшего и Среднего жузов, хозяйство которых относится к третьему (кочевому) типу по А.М. Хазанову – «все население кочует по стабильным маршрутам, имея постоянные зимники. Земледелие отсутствует» [Хазанов, 1975, с. 10–11]. Основу стада составляли лошади и овцы, разводили также верблюдов и, в небольшом количестве, крупный рогатый скот. Стада круглогодично находились на подножном корму, сенокошение отсутствовало. Летние кочевья находились в степной зоне – по притокам верховьев Урала (Яика), Тобола, Иргиза, Тургая, достигая на севере границ лесостепи. Зимовали они в Кызылкумах, предгорьях Карагату, на Средней и Нижней Сырдарье, в Северном и Северо-Восточном Приаралье [Таиров, 2007, с. 93–100; 2017, с. 82–87]. На самые северные летние пастбища, находящиеся на севере степной зоны, уходили наиболее сильные и многоскотные хозяйства.

Остальные же занимали участки степи по пути следования. Таким образом, представители одного кочевого подразделения занимали обширную меридионально вытянутую полосу степной зоны. «Вся степь, – отмечал в 1907 г. А. Кауфман, – как бы разбита на длинные и узкие полосы, вытянутые на сотни верст в направлении либо с юга на север, либо от жарких долин на горные летние пастбища; и каждая такая полоса представляет собой обычный кочевой путь, или район кочевок той или иной группы» [Курылев, 1998, с. 78]. «При том бедные киргизы (казахи. – A. T.), не будучи в состоянии следовать за богатыми по всей полосе их перехода с зимней на летнюю кочевку, остаются по пути, ожидая их возвращения, и от того летом один род растягивается на весьма большое пространство» [Бларамберг, 1848, с. 92]. Так, зимние кочевья казахов «Карасакальского племени Алимулинского рода» находились «между рр. Сыр и Куванью, в урочищах Ак-Синкир и Кух-Синкир, выше Караката. Летние: начиная от озера Аксакал-Барби, чрез больш. Тургай, по Тоболу, по высохшим озерам, изобильным кочками до Верхнеуральска» [Бларамберг, 1848, с. 77, 79]. Таким образом, перемещение с зимних пастбищ на летние и с летних на зимние можно представить как развертывание и свертывание свитка, начало которого находится на юге, в пустынной и полупустынной зонах, а окончание далеко на севере, в северной степи и южной лесостепи³.

Построение модели скотоводческого хозяйстваnomадов раннего железного века степей Южного Зауралья невозможно вне контекста истории этнографической группы юго-восточной башкир, населявших в XVIII–XIX вв. юго-восточные предгорья Урала. Как отмечает Р.Г. Кузеев, «башкирские племена, следуя глубоко традиционным урало-аральским маршрутом перекочевок, заселили во второй половине IX в. западное и южное Приуралье и Зауралье» [Кузеев, 2015б, с. 278–279]. Зауралье, по определению Р.Г. Кузеева, это «обширный район бассейна верхнего течения р. Урал (Яик), включая северные отроги Мугоджар, часть Тургайского плато и юго-восточные предгорья Уральского хребта», который через приаякскую степь и лесостепь смыкался со вторым, приуральским, центром [Ку-

зеев, 2015а, с. 149, рис. 2]. Как отмечал Р.Г. Кузеев, «с середины I тыс. н.э. юго-восточный Урал, а позднее южное и юго-западное Приуралье входили в единый территориально-хозяйственный комплекс с северным Приаральем и низовьями Сырдарьи; здесь установился круглогодовой цикл кочевки с учетом климатических особенностей отдельных частей этого огромного региона». Основной особенностью этого, Арало-Уральского, цикла кочевания «были постоянные круглогодичные передвижения кочевников со стадами с юга на север и с севера на юг в строгом соответствии со сменой времен года». Зимуnomады проводили в Приаралье и низовьях Сырдарьи. На лето откочевывали на север – к предгорьям Урала [Кузеев, 2015а, с. 143–144; Башкиры, 2016, с. 74]⁴.

Но уже на рубеже I и II тысячелетий древние башкиры оказались отрезанными от Приаралья и Прикаспия. Яик в среднем его течении в X–XII вв. являлся пограничной полосой, отделяющей башкир от огузо-кипчаков. С началом монгольского нашествия башкиры вынуждены были, изменив форму ведения хозяйства, перейти к круглогодичному кочеванию в степи, примыкающей к Уралу [Кузеев, 2015а, с. 158–159; Мажитов, 2012, с. 157]. Как отмечал Р.Г. Кузеев, «первоначально Южноуральские горы были для этих племен лишь местом летних кочевок; на долгие зимние месяцы они перегоняли свои стада на табуневку в южные степи, где снега были не так глубоки и зима не столь сурова, как на Урале. События, которые привели к коренному изменению политической обстановки на обширной территории между Волгой и Яиком, в XIII–XIV вв. и позднее заставили родоплеменные группы кочевников одну за другой навсегда остаться на Урале и в Приуралье» [Кузеев и др., 2015, с. 372]. С тех пор «Уральские горы с прилегающими широкими степями в историко-хозяйственном плане представляли самостоятельный регион, полностью обеспечивающий ведение полукочевого скотоводства» [Мажитов, 2012, с. 166; Мажитов, Султанова, 2009, с. 285].

Степи Южного Урала заняли новые кочевники, пришедшие с востока. Батый-хан в наставлении своему брату Шибану писал: «...летом ты живи на восточной стороне Яика,

по рекам Иргиз, Савук, Орь, Илек до горы Урала, а во время зимы в Аракуме, Каракуме и побережьях реки Сыр, в устьях Чу и Сарысу» [Мажитов, Гарустович, 2012, с. 178]. Таким образом, татаро-монголы «превратили в абсолют тысячелетний опыт скотоводов спускаться на зиму в приаральские, сырдарьинские и прикаспийские зимники, а на весну и лето вновь подниматься на север, в предгорные и горные пастбища Урала, Прикамья» [Мажитов, Гарустович, 2012, с. 179].

Со временем башкиры вернули часть зимних пастбищ на юге степной зоны. Однако после распада Золотой Орды степи нынешнего Восточного Оренбуржья вошли в состав Ногайской Орды, что привело к вытеснению башкирских племен с их зимних кочевий по Илеку, Эмбе и Ори. Причем, левое (восточное) крыло Ногайской Орды, по мнению В.В. Трапавлова, занимала примерно те же территории, что и казахский Младший жуз в XVIII–XIX вв. [Трапавлов, 2020, с. 638]. На севере ногайские кочевья доходили до верховьев Яика и долины Уя [Кузеев и др., 2015, с. 369]. На этих территориях у ногаев в течение XV–XVI вв. оформилась Арабо-Уральская система кочевания, включавшая зимовку в низовьях Сырдарьи и летовку на Яике [Трапавлов, 2020, с. 684–685; Мажитов, Зайцев, 2012, с. 198]. На территории же Ногайской Башкирии ногаи кочевали круглогодично «из гор и предгорьев в степь и обратно в предгорья; при этом предгорья... часто служили местом зимовки» [Мажитов, Зайцев, 2012, с. 198]⁵.

Распад Ногайской Орды в середине XVI в. дал возможность башкирам вновь обрести свои прежние зимние пастбища [Абсалямова, 2016, с. 17–18, 71–72]. Во второй половине XVII в. южная граница занятых башкирами земель «проходила с востока на запад, примерно от верховьев Тобола, устья р. Уй, южнее р. Илек, далее до среднего течения Яика, доходила до Волги в районе Саратова и Самары... На севере башкирские земли примерно доходили до устья Сылвы и среднего течения Чусовой, далее на северо-востоке они шли севернее р. Исеть, – от верховья до ее впадения в Тобол» [Акманов, 2011, с. 89–90].

В начале XVII в. на степи по верховьям Тобола, среднему течению Яика, по Ори, Иле-

ку, Кизилу и Сакмаре, на которых проживали башкиры, стали претендовать калмыки [Маннапов, 2006, с. 145–146; 2008а, с. 156; Абсалямова, 2016, с. 75]. В конце этого столетия башкиры занимали степи по Тоболу и Тургайу, калмыки – долины Илека и Иргиза, а восточнее Эмбы кочевали казахи [Добромыслов, 1901, с. 217].

К концу 30-х гг. XVIII в. степи от Тургая на востоке до левобережья Яика на западе заняли казахи Младшего и Среднего жузов. Их летние кочевья находились в верховьях Яика и по его левым притокам и по Илеку [Маннапов, 2008б, с. 276]. Как отмечает Ю.А. Абсалямова, «до начала XVIII в. зимние кочевья башкир простирались далеко на юг до рек Илек, Эмба, но с приходом казахов Младшего Жуза башкиры были вытеснены на север. С тех пор южная граница башкирских земель, отделявшая их от казахов, стала проходить по реке Яик» [Абсалямова, 2016, с. 19, 21, 77–78, 99].

Следует подчеркнуть, что постоянные поселения у юго-восточных башкир возникли довольно поздно – «...лишь с образованием пограничной крепостной линии по реке Урал» [Абсалямова, 2016, с. 5, 61, 64, 68, 99]. Другими исследователями время возникновения постоянных поселений (деревень, аулов) в Юго-Восточном Зауралье определялось по-разному, но в большинстве случаев не ранее второй половины XVII века [Ахатов, 2017; Савельев и др., 2023, с. 301]. Причем, как правило, эти постоянные поселения появлялись на местах зимовок, то есть в местах, удобных для зимнего содержания скота [Абсалямова, 2016, с. 64, 68; Ахатов, 2017, с. 23, 25; Кузеев, 2015а, с. 173].

Краткий обзор истории юго-восточных башкир позволяет утверждать, что при благоприятных политических условиях они занимали обширные пространства от предгорий Урала до Тургая. Их зимние кочевья, также как и у казахов Младшего и Среднего жузов, располагались далеко на юге – в Приаралье, низовьях Сырдарьи, Прикаспии. При неблагоприятных политических условиях на севере Центральной Азии башкиры зимовали в долинах Тургая, Иргиза, Ори, Илека и Эмбы. В том случае, если степи Южного Урала занимали более сильные объединенияnomadov,

башкирские кочевья ограничивались территорией собственно Южного Урала – с зимовок в степных предгорьях или межгорных долинах на летние пастбища в горах.

Традиционной формой хозяйства юго-восточных башкир XVIII–XIX вв. являлось полукочевое скотоводство. Основу стада составляли лошади, которые круглый год находились на подножном корме. Разводили также овец, коров, коз, верблюдов. Кочевали весной, летом и осенью по сезонным пастбищам и содержали скот на подножном корме, возвращаясь на зиму в деревни. Зимой табеневали не только лошади, но и овцы, для крупного рогатого скота и рабочих лошадей сооружались специальные помещения.

Структура стада у юго-восточных башкир в первой половине XIX в. была неоднородной и зависела от их местообитания. В степной зоне (восточная часть Баймакского и юго-восточная часть Абзелиловского районов) основу стада составляли лошади. Крупного рогатого скота было в полтора-два, иногда в три раза меньше, чем лошадей. Число овец приближалось к числу лошадей и во всех случаях превышало количество коров. А в бассейне Сакмары число крупного рогатого скота в полтора-два раза превышало число лошадей. Овцем было чуть меньше, чем лошадей, хотя в некоторых деревнях число овец превышало количество коров, и лошадей [Бикбулатов и др., 2002, с. 54–55].

Сокращение кочевых маршрутов в результате строительства в начале XVIII в. Оренбургской пограничной линии привело к недостатку пастбищных угодий и необходимости заготовки сена, но пока только для крупного рогатого скота, рабочих лошадей и молодняка [Абсалимова, 2016, с. 98–100; Акманов, 2011, с. 92; 2017, с. 369; Акманов и др., 2017, с. 32–33]. Лошади по-прежнему круглогодично находились на подножном корму. Башкиры, отмечал П.И. Рычков, «как зимою, так и летом, все свои табуны содержат на степи, ибо как бы ни глубок был снег, однако лошади их обвыкли разгребать, а по их названию табенить ногою, и так подснежную травою, имея на себе от лета довольно жири, содержатся, токмо для немногих лошадей, которых башкирцы в зимнее времена для езды употребляют, заготовляют они сено» [Рычков,

1762, с. 293]. Зимние пастбища находились обычно близ постоянных поселений и лошади паслись на них самостоятельно, без постоянного присмотра. При благоприятных условиях практиковалась и табеневка овец. В XVII–XVIII вв., как отмечал С.И. Руденко, крупный рогатый скот табеневал вместе с лошадьми, но со второй половины XIX в. его уже везде держали в деревнях [Руденко, 2006, с. 98].

Ранней весной скот выгонялся на ближайшие к постоянным поселениям пастбища. С распространением земледелия на первую весеннюю стоянку откочевывали после завершения сева. За время нахождения на ней (10–20 дней) исхудавший за зиму скот поправлялся и набирался сил. Потом направлялись на самую дальнюю летнюю стоянку. От нее постепенно двигались в сторону деревни, меняя за лето 3–4, иногда 5–6 и более мест кочевий. Маршруты кочевок строго соблюдались. Осенью, в конце сентября, возвращались в деревни, где и проводили зиму [Янгузин, 1989, с. 72, 152; Сулейманов, 2013, с. 190–191; Бикбулатов и др., 2002, с. 54; Башкиры, 2016, с. 138]. В середине XIX в. башкиры Троицкого, Челябинского и Верхнеуральского уездов, как отмечали капитан Герн и поручик Васильев в военно-статистическом обозрении Оренбургской губернии, «только осень и зиму проводят в... избах своих, с 15 же мая по 15 сентября, переходя с кочевками с места на место, на расстоянии от 5 до 35 верст от деревень своих, занимаются скотоводством» [Янгузин, 1989, с. 97]. Жители деревень по Сакмаре летом откочевывали в Уральские горы. В горы поднимались и башкиры, зимовавшие в верховьях Кизила в межгорье Крыктытау и Уралтау. На восточных склонах Ирендыка летовали жители степных деревень Зауралья [Бикбулатов и др., 2002, с. 54].

На летних пастбищах устанавливались либо войлочные юрты, либо переносные постройки из луба. Бедные башкиры летом обитали в балаганах, сооруженных из жердей и покрытых кошмой [Черемшанский, 1859, с. 145–147]. «Зиму башкиры проводили в зависимости от природных условий района в утепленных войлочных юртах, примитивных срубах или землянках» [Кузеев, 2015а, с. 173].

Как отмечает Р.Г. Кузеев с соавторами, в XVIII – начале XIX в. «система кочевки,

при которой скот на лето перегонялся в горы, а на зиму – в степи, имела место (помимо лесостепного Зауралья. – А. Т.) и в юго-восточном Зауралье, а также в южной Башкирии» [Кузеев и др., 2015, с. 372].

Таким образом, кочевое хозяйство юго-восточных башкир до второй половины XVII в. можно отнести к третьему (кочевому) типу (по А.М. Хазанову) – «все население кочует по стабильным маршрутам, имея постоянные зимники. Земледелие отсутствует». Позднее, в XVIII – первой половине XIX в., оно уже соответствует четвертому (полукочевому) типу – «все население кочует весной, летом и осенью в меридиональном или вертикальном направлениях, возвращаясь на зиму к постоянным жилищам. Наряду с кочевым скотоводством практикуется земледелие, но лишь как подсобный вид хозяйства», а со второй половины XIX в. – пятому (полукочевому) типу – «часть населения кочует большую или меньшую часть года в меридиональном или вертикальном направлениях, тогда как другая живет оседло и в основном занимается земледелием» [Хазанов, 1975, с. 10–11].

Значительную роль в хозяйственной жизни как зауральских, так и юго-восточных башкир XVIII–XIX вв. играла охота на мясного и пушного зверя, практиковались рыболовство и собирательство – сбор дикорастущих растений, ягод и плодов [Асфандияров, 1974, с. 44; Акманов и др., 2016, с. 142; Акманов, 2011, с. 93; 2017, с. 369–370; Янгузин, 1989, с. 73, 106–107; Муллагулов, 2011, с. 254; Шакирова, 1988; Кузеев и др., 2015, с. 370–371; Мажитов, Султанова, 2009, с. 464–465; Ахатов, 2012, с. 16–18].

Выводы

Как представляется, хозяйство зауральских башкир можно рассматривать в качестве модели такового населения лесостепи Зауралья раннего железного века. В качестве модели экономики nomadov этого времени степной зоны Южного Зауралья, в двух ее вариантах, может выступать хозяйство, во-первых, казахов Младшего и Среднего жузов XVIII–XIX вв. и, во-вторых, юго-восточных башкир Средневековья и Нового времени.

Когда все степи Зауралья, от предгорий Урала до Тургая, занимали этнически род-

ственные коллективы nomadов, то, при благоприятной политической ситуации на севере Центральной Азии, абсолютно преобладал Арало-Уральский цикл кочевания, при котором зимовья находились в Приаралье, низовьях Сырдарьи, Прикаспии. В случае обострения ситуации на юге зимние кочевья сдвигались к северу – в долины Тургая, Иргиза, Ори, Илека и Эмбы.

Когда степи от Яика до Тургая, а также степи Приуралья занимали неродственные и более сильные этнополитические объединения, параллельно существуют две системы кочевания – Арало-Уральский цикл и Южноуральский. Номады, проводившие лето в степях от Яика до восточных склонов Тургая, зимовали в Кызылкумах, предгорьях Карагату, на Средней и Нижней Сырдарье, в Северном и Северо-Восточном Приаралье. Кочевники степных предгорий Урала, также как и юго-восточные башкиры XVIII–XIX вв., ограничивали свои кочевья территорией собственно Южного Урала – с зимовкой в степных предгорьях или межгорных долинах они поднимались на летние горные пастбища.

Предложенные модели хозяйства кочевников степи и лесостепи Южного Зауралья являются лишь самой обобщенной моделью хозяйственной деятельности населения региона в раннем железном веке. Естественно, что скотоводческое хозяйство каждого конкретного коллектива гораздо сложнее модели и зависит от множества факторов – географических, климатических, биологических, этнических, социально-политических, религиозных и множества других. Однако, как представляется, построенная модель позволяет, так сказать, «увидеть лес за деревьями».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055 «Хозяйство и социальная организация скотоводческих обществ Южного Зауралья: от поздней древности до Нового времени» – <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 24-18-20055 “Economy and social organization of pastoral societies of the Southern Trans-Urals: from late antiquity to modern times” – <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

² В настоящее время под «зауральскими башкирами» понимаются башкиры, живущие в лесостепи Южного Зауралья – в Кунакском и Аргаяшском районах Челябинской области, а также в Сафакулевском и Альменевском районах Курганской области. Башкирское население Учалинского, Абзелиловского, Баймакского и Хайбуллинского районов Башкортостана именуется «юго-восточными башкирами» [Кузеев и др., 2015, с. 313].

³ Особенности ведения кочевого хозяйства, производственный цикл, организация производствен-

ного процесса и многие другие связанные с ними вопросы подробно освещены в фундаментальных работах С.Е. Толыбекова [1971] и Н.Э. Масанова [2011].

⁴ Система кочевания от Урала до Приаралья и Прикаспия возникла, по мнению Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой, еще в бронзовом веке и просуществовала до XVII–XVIII вв. [Мажитов, Султанова, 2009, с. 62–63].

⁵ Подробнее о Ногайской Башкирии и хозяйстве ее населения см.: [Трепавлов, 1997, с. 7–8; 2024, с. 418].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абсалямова Ю. А., 2016. Башкиры Восточного Оренбуржья. Уфа. 184 с.

Акбулатов И. М., 1999. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н.э.–IV в. н.э.). Уфа : НМ РБ. 102 с.

Акманов И. Г., 2011. Хозяйство и социальные отношения в башкирском обществе // История башкирского народа. Т. III. Уфа : Гилем. С. 89–102.

Акманов И. Г., 2017. Хозяйственная деятельность башкир в XVII – первой половине XVIII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5 : Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова : материалы к Междунар. науч. конф., Москва, 9–10 ноября 2017 г. М. : Изд-во Моск. ун-та. С. 367–373.

Акманов И. Г., Дусмухаметов Ф. А., Фаткуллин И. З., 2016. Развитие хозяйства башкир во второй половине XVI – первой половине XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. № 1. С. 140–149.

Акманов И. Г., Зайтунов Р. Б., Гайсин У. Б., Сулейманова Л. Ш., Даутов А. А., 2017. О развитии хозяйства Башкирии во второй половине XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Т. 23, № 2 (86). С. 29–35.

Асфандияров А. З., 1974. Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа. С. 33–48.

Ахатов А. Т., 2010. Скотоводческое хозяйство башкир Миасско-Уйского междуречья во второй половине XVIII в. // Урал – Алтай: через века в будущее : материалы IV Всерос. науч. конф., посвящ. III Всемирному курултаю башкир. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. С. 12–15.

Ахатов А. Т., 2012. Традиционный хозяйственный комплекс курганских башкир во второй половине XVIII – первой четверти XX в. (формирование и развитие) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск. 26 с.

Ахатов А. Т., 2017. К вопросу о времени возникновения башкирских аулов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота. № 12 (86) : в 5 ч. Ч. 4. С. 23–26.

Башкиры, 2016. М. : Наука. 662 с.

Бикбулатов Н. В., Юсупов Р. М., Шитова С. Н., Фатыхова Ф. Ф., 2002. Башкиры : Этническая история и традиционная культура. Уфа : Башкирская энциклопедия. 248 с.

Бларамберг И. Ф., 1848. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды, Оренбургского ведомства // Военно-статистический обзор Российской империи. Т. 14, ч. 3. СПб. VII, 30, 119 [39] с.

Добросмыслов А. И., 1901. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Императорского географического общества. Вып. 16. Оренбург : Типо-литография Тургайского Областного Правления. С. 125–272.

Железчиков Б. Ф., 1983. Экология и некоторые вопросы хозяйственной деятельности сарматов Южного Приураля и Заволжья в VI в. до н.э. – I в. н.э. // История и культура сарматов. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. С. 48–60.

Железчиков Б. Ф., 1984. Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов Южного Приураля // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа : БФ АН СССР. С. 3–17.

Кузеев Р. Г., 2015а. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // Кузеев Р. Г. Собрание научных трудов. Т. 3. Уфа : Китап. С. 136–221.

Кузеев Р. Г., 2015б. Урало-аральские этнические связи в конце I тыс. н.э. и история формирования башкирской народности // Кузеев Р. Г. Собрание научных трудов. Т. 3. Уфа : Китап. С. 267–285.

Кузеев Р., Бикбулатов Н., Шитова С., 2015. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX – начала XX в.) // Кузеев Р. Г. Собрание научных трудов. Т. 2. Уфа : Китап. С. 313–470.

Курылев В. П., 1998. Скот, земля, община у кочевых и полукочевых казахов (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб. : МАЭ РАН. 296 с.

Лепехин И., 1802. Продолжение дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. В Санктпетербурге : При Императорской Академии наук. Ч. 2. 338 с.

Мажитов Н. А., 2012. Исторический Башкортостан и формирование башкирского народа // История башкирского народа. Т. II. Уфа : Гилем. С. 121–168.

Мажитов Н. А., Гарустович Г. Н., 2012. Башкортостан в составе Золотой Орды // История башкирского народа. Т. II. Уфа : Гилем. С. 171–194.

Мажитов Н. А., Зайцев И. В., 2012. Башкортостан после распада Золотой Орды // История башкирского народа. Т. II. Уфа : Гилем. С. 195–205.

Мажитов Н. А., Султанова А. Н., 2009. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа : Китап. 496 с.

Маннапов М. М., 2006. К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков в XVII в. на Южном Урале и Степном Заволжье // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы III Регион. науч.-практ. конф. Челябинск : ЧелГУ. С. 144–148.

Маннапов М. М., 2008а. К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков в XVII в. в Степном Заволжье // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. № 4-3 (60). С. 156–159.

Маннапов М. М., 2008б. К вопросу о межэтнических взаимодействиях башкир с казахами и уральскими казаками в Степном Заволжье (XVIII – сер. XIX в.) // Этносоциальные процессы во Внутренней Евразии. Тематический сборник : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск ; Семей. С. 275–281.

Масанов Н. Э., 2011. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы : Print-S. 740 с.

Материалы по истории Башкирской АССР, 1936. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 631 с.

Материалы по истории Башкирской АССР, 1949. Т. III. Экономика и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. 691 с.

Мошкова М. Г., 1989. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 202–214.

Муллагулов М. Г., 2011. Добывающие промыслы и ремесла // История башкирского народа. Т. III. Уфа : Гилем. С. 252–258.

Мурзабулатов М. В., 1979. Скотоводческое хозяйство зауральских башкир в XIX – начале XX в. // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. М. : Наука. С. 62–77.

Мурзабулатов М. В., 2002. Хозяйственные занятия // Курганские башкиры : Историко-этнографические очерки. Уфа : Гилем. С. 48–103.

Никольский Д. П., 1899. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб. : Тип. П. П. Сойкина. 378 с.

Паллас П. С., 1786а. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2, кн. 1. 1770 год. В Санктпетербурге : При Императорской Академии наук. 476 с.

Паллас П. С., 1786б. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2, кн. 2. 1770 год. В Санктпетербурге : При Императорской Академии наук. 571 с.

Попов Н., 1813. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному ее состоянию. Ч. III. СПб. : Императорская академия наук. 355 с.

Руденко С. И., 2006. Башкиры : Историко-этнографические очерки. Уфа : Китап. 376 с.

Рычков П. И., 1762. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. Ч. 1. СПб. 331 с.

Савельев Н. С., Николаев С. Ю., Румянцев М. М., Русланов Е. В., Савельева А. Г., Сулейманов Р. Р., Хурмазев А. А., Кунгурцев А. Я., 2023. Комплекс материальной культуры башкир Южного Урала XVIII–XIX вв. (по данным селища Имсяк-Тай-1 в горно-степном Зауралье) // Уфимский археологический вестник. Т. 23, № 2. С. 300–319. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.2.009>

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М. : Наука. 380 с.

Сулейманов Ф. М., 2013. Юго-Восточный Башкортостан: малоизученные страницы истории и этнографии. Уфа : Гилем. 272 с.

Тайров А. Д., 2007. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ. 274 с.

Тайров А. Д., 2010. Урало-Аральская культурно-историческая область как результат адаптации древнего населения к условиям вмещающего ландшафта // Уральский исторический вестник. № 2 (27). С. 79–86.

Тайров А., 2017. Ранние кочевники Жайык-Иртышского междуречья в VIII–VI вв. до н.э. Астана : Қазақ гылыми-зерттеу мәдениет институтының баспа тобы. 392 с.

Толыбеков С. Е., 1971. Кочевое хозяйство казахов в XVII – начале XX в. Алма-Ата : Наука Казахской ССР. 635 с.

Трепавлов В. В., 1997. Ногай в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения // Материалы и исследования по истории и этнографии Башкортостана. № 2. Уфа. 72 с.

Трепавлов В. В., 2020. История Ногайской Орды. М. : Квадрига. 1040 с.

Трепавлов В. В., 2024. Неизданные работы. М. : Медина. 840 с.

Хазанов А. М., 1975. Социальная история скифов : Основные проблемы развития древних кочевников Евразийских степей. М. : Наука. 344 с.

Черемшанский В. М., 1859. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа : Тип. Оренбург. Губерн. Правления. 472 с.

Чулошников А., 1936. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М. ; Л. : Изд-во АН СССР. С. 3–64.

Шакирова Н. Ф., 1988. Дикорастущие растения в традиционном питании башкир // Советская этнография. № 3. С. 99–109.

Янгузин Р. З., 1989. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа : Башкир. кн. изд-во. 192 с.

Tairov A. D., 2024. Saryarka in the System of Economic and Ethnocultural Relations of the Early Nomads of the Southern Trans-Urals // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». Т. 29, № 4 (116). Р. 174–185. DOI: <https://doi.org/10.31489/2024HPh4/174-185>

REFERENCES

Absalyamova Yu.A., 2016. *Bashkiry Vostochnogo Orenburzh'ya* [Bashkirs of Eastern Orenburg]. Ufa. 184 p.

Akbulatov I.M., 1999. *Ekonomika rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (VII v. do n.e. – IV v. n.e.)* [Economy of the Early Nomads of the Southern Urals (7th c. BC – 4th c. AD)]. Ufa, NM RB. 102 p.

Akmanov I.G., 2011. *Khozyaystvo i sotsial'nye otnosheniya v bashkirskom obschetve* [Economy and Social Relations in the Bashkir Society]. *Istoriya bashkirskogo naroda* [History of the Bashkir People], vol. III. Ufa, Gilem Publ., pp. 89–102.

Akmanov I.G., 2017. *Khozyaystvennaya deyatel'nost' bashkir v XVII – pervoy polovine XVIII v.* [Economic Activity of the Bashkirs in the 17th – First Half of the 18th cc.]. *Rus', Rossiya: Srednevekov'ye i Novoye vremya. Vyp. 5: Pyatyye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova: materialy k Mezhdunar. nauch. konf.*, Moskva, 9–10 noyabrya 2017 g. [Rus, Russia: Medieval and New Time. Iss. 5: Fifth Readings of the Memory of the Academician of the Russian Academy of Sciences L.V. Milov: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, 9–10 November 2017]. Moscow, MSU, pp. 367–373.

Akmanov I.G., Dusmukhametov F.A., Fatkullin I.Z., 2016. *Razvitiye khozyaystva bashkir vo vtoroy polovine XVI – pervoy polovine XVIII v.* [Development of the Bashkir Economy in the Second Half of the 16th – First Half of

the 18th c.]. *Yezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy* [Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe], no. 1, pp. 140-149.

Akmanov I.G., Zaitunov R.B., Gaysin U.B., Suleymanova L.Sh., Dautov A.A., 2017. O razvitiu khozyaystva Bashkirii vo vtoroy polovine XVI – pervoy polovine XVIII v. [On the Development of the Economy of Bashkiria in the Second Half of the 16th – the First Half of the 18th c.]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan], vol. 23, no. 2 (86), pp. 29-35.

Asfandiyarov A.Z., 1974. Khozyaystvo bashkir v pervoy polovine XIX v. [The Bashkir Economy in the First Half of the 19th c.]. *Stranitsy istorii Bashkirii* [Pages of History of Bashkiria]. Ufa, pp. 33-48.

Akhatov A.T., 2010. Skotovodcheskoye khozyaystvo bashkir Miassko-Uyskogo mezhdurech'ya vo vtoroy polovine XVIII v. [Livestock Breeding of the Bashkirs of the Miassko-Uysk Interfluve in the Second Half of the 18th c.]. *Ural – Altay: cherez veka v budushcheye: materialy IV Vseros. nauch. konf., posvyashch. III Vsemirnomu kurultayu bashkir* [Ural-Altai: Through the Centuries into the Future: Proceedings of the 4th All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 3rd World Bashkir Kurultay]. Ufa, IHLL USC RAS, pp. 12-15.

Akhatov A.T., 2012. *Traditsionnyy khozyaystvennyy kompleks kurganskikh bashkir vo vtoroy polovine XVIII – pervoy chetverti XX v. (formirovaniye i razvitiye): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Traditional Economic Complex of the Kurgan Bashkirs in the Second Half of the 18th – First Quarter of the 20th cc. (Formation and Development). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Izhevsk. 26 p.

Akhatov A.T., 2017. K voprosu o vremenii vozniknoveniya bashkirskikh aulov [On the Question of the Time of the Emergence of Bashkir Villages]. *Istoricheskiye, filosofskie, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Studies. Questions of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., no. 12 (86), part 4, pp. 23-26.

Bashkiry [Bashkirs], 2016. Moscow, Nauka Publ. 662 p.

Bikbulatov N.V., Yusupov R.M., Shitova S.N., Fatyhova F.F., 2002. *Bashkiry: Etnicheskaya istoriya i traditsionnaya kul'tura* [Bashkirs: Ethnic History and Traditional Culture]. Ufa, Bashkirskaya entsiklopediya Publ. 248 p.

Blaramberg I.F., 1848. Voyenno-statisticheskoye obozreniye zemli kirgiz-kaysakov Vnutrenney (Bukeyevskoy) i Zaural'skoy (Maloy) Ordy, Orenburgskogo vedomstva [Military-Statistical Review of the Land of the Kyrgyz-Kaysaks of the Inner (Bukey) and Trans-Ural (Small) Hordes, Orenburg Department]. *Voyenno-statisticheskiy obzor Rossiyskoy imperii* [Military-Statistical Review of the Russian Empire], vol. 14, part 3. Saint Petersburg, VII, 30, 119 [39] p.

Dobrosmyslov A.I., 1901. Turgayskaya oblast'. Istoricheskiy ocherk [Turgai Region. Historical Essay]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva* [News of the Orenburg Department of the Imperial Geographical Society], iss. 16. Orenburg, Typo-lithography of the Turgai Regional Board, pp. 125-272.

Zhelezchikov B.F., 1983. Ekologiya i nekotoryye voprosy khozyaystvennoy deyatel'nosti sarmatov Yuzhnogo Priural'ya i Zavolzh'ya v VI v. do n.e. – I v. n.e. [Ecology and Some Issues of Economic Activity of the Sarmatians of the Southern Urals and Trans-Volga Region in the 6th c. BC – 1st c. AD]. *Istoriya i kul'tura sarmatov* [History and Culture of the Sarmatians]. Saratov, SSU, pp. 48-60.

Zhelezchikov B.F., 1984. Nekotoryye voprosy razvitiya skotovodcheskogo khozyaystva sarmatov Yuzhnogo Priural'ya [Some Issues of Development of Cattle-Breeding Economy of the Sarmatians of the Southern Urals]. *Pamyatniki kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Monuments of the Nomads of the Southern Urals]. Ufa, BB USSRAS, pp. 3-17.

Kuzeev R.G., 2015a. Razvitie khozyaystva bashkir v X–XIX vv. (k istorii perehoda bashkir ot kochevogo skotovodstva k zemledeliyu) [Development of the Bashkir Economy in the 10th – 19th c. (To the History of the Transition of the Bashkirs from Nomadic Cattle Breeding to Agriculture)]. Kuzeev R.G. *Sobraniye nauchnykh trudov* [Collection of Scientific Works], vol. 3. Ufa, Kitap Publ., pp. 136-221.

Kuzeev R.G., 2015b. Uralo-aral'skie etnicheskie svyazi v kontse I tys. n.e. i istoriya formirovaniya bashkirskoy narodnosti [Ural-Aral Ethnic Ties at the End of the 1st Millennium AD and the History of the Formation of the Bashkir People]. Kuzeev R.G. *Sobraniye nauchnykh trudov* [Collection of Scientific Works], vol. 3. Ufa, Kitap Publ., pp. 267-285.

Kuzeev R., Bikbulatov N., Shitova S., 2015. Zaural'skiye bashkiry (etnograficheskiy ocherk byta i kul'tury kontsa XIX – nachala XX v.) [Trans-Ural Bashkirs (Ethnographic Essay of Life and Culture of the Late 19th – Early 20th cc.)]. Kuzeev R.G. *Sobraniye nauchnykh trudov* [Collection of Scientific Works], vol. 2. Ufa, Kitap Publ., pp. 313-470.

Kurylev V.P., 1998. *Skot, zemlya, obshchina u kochevykh i polukochevykh kazakhov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Cattle, Land, Community among Nomadic and Semi-Nomadic Kazakhs (Second Half of the 19th – Early 20th cc.)]. Saint Petersburg, MAE RAS. 296 p.

Lepikhin I., 1802. *Prodolzheniye dnevnykh zapisok puteshestviya akademika i meditsiny doktora Ivana Lepikhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva v 1770 godu* [Continuation of the Daily Notes of the Journey of the Academician and Medical Doctor Ivan Lepikhin Through Various Provinces of the Russian State in 1770]. In Saint Petersburg, at the Imperial Academy of Sciences, part 2. 338 p.

Mazhitov N.A., 2012. Istoricheskiy Bashkortostan i formirovanie bashkirskogo naroda [Historical Bashkortostan and Formation of the Bashkir People]. *Istoriya bashkirskogo naroda* [History of the Bashkir People], vol. II. Ufa, Gilem Publ., pp. 121-168.

Mazhitov N.A., Garustovich G.N., 2012. Bashkortostan v sostave Zolotoy Ordy [Bashkortostan as Part of the Golden Horde]. *Istoriya bashkirskogo naroda* [History of the Bashkir People], vol. II. Ufa, Gilem Publ., pp. 171-194.

Mazhitov N.A., Zaitsev I.V., 2012. Bashkortostan posle raspada Zolotoy Ordy [Bashkortostan After the Collapse of the Golden Horde]. *Istoriya bashkirskogo naroda* [History of the Bashkir People], vol. II. Ufa, Gilem Publ., pp. 195-205.

Mazhitov N.A., Sultanova A.N., 2009. *Istoriya Bashkortostana. Drevnost'. Srednevekov'ye* [History of Bashkortostan. Antiquity. Middle Ages]. Ufa, Kitap Publ. 496 p.

Mannapov M.M., 2006. K voprosu o mezhetnicheskikh kontaktakh i letnikh kochevkakh bashkir i kalmykov v XVII v. na Yuzhnom Urale i Stepnom Zavolzh'ye [On the Issue of Interethnic Contacts and Summer Migrations of the Bashkirs and Kalmyks in the 17th c. in the Southern Urals and the Trans-Volga Steppe]. *Etnicheskiye vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy III Region. nauch.-prakt. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Proceedings of the 3rd Regional Scientific and Practical Conference]. Chelyabinsk, ChSU, pp. 144-148.

Mannapov M.M., 2008a. K voprosu o mezhetnicheskikh kontaktakh i letnikh kochevkakh bashkir i kalmykov v XVII v. v Stepnom Zavolzh'ye [On the Issue of Interethnic Contacts and Summer Migrations of the Bashkirs and Kalmyks in the 17th c. in the Steppe Trans-Volga Region]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Bulletin of the Altai State University. Series: History. Political Science], no. 4-3 (60), pp. 156-159.

Mannapov M.M., 2008b. K voprosu o mezhetnicheskikh vzaimodeystviyakh bashkir s kazakhami i ural'skimi kazakami v Stepnom Zavolzh'ye (XVIII – ser. XIX v.) [On the Issue of Interethnic Interactions of the Bashkirs with the Kazakhs and Ural Cossacks in the Steppe Trans-Volga Region (18th – mid-19th c.)]. *Etnosotsial'nyye protsessy vo Vnutrenneye Yevrazii. Tematicheskiy sbornik: materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Ethnosocial Processes in Inner Eurasia. Thematic Collection: Proceedings of the 10th International Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, Semey, pp. 275-281.

Masanov N.E., 2011. *Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva* [Nomadic Civilization of the Kazakhs: The Basics of Life of a Nomadic Society]. Almaty, Print-S Publ. 740 p.

Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR, 1936. Ch. 1. Bashkirskiye vosstaniya v XVII i pervoy polovine XVIII v. [Materials on the History of the Bashkir ASSR. Part 1. Bashkir Uprisings in the 17th and First Half of the 18th Centuries]. Moscow, Leningrad, USSR AS. 631 p.

Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR, 1949. Vol. III. Ekonomika i sotsial'nyye otnosheniya v Bashkirii v pervoy polovine XVIII v. [Materials on the History of the Bashkir ASSR. Vol. 3. Economy and Social Relations in Bashkiria in the First Half of the 18th Century]. Moscow, Leningrad, USSR AS. 691 p.

Moshkova M.G., 1989. *Khozyaystvo, obshchestvennyye otnosheniya, svyazi sarmatov s okrughayushchim mirom* [Economy, Social Relations, Connections of the Sarmatians with the Surrounding World]. *Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 202-214.

Mullagulov M.G., 2011. *Dobyvayushchiye promysly i remesla* [Extractive Industries and Crafts]. *Istoriya bashkirskogo naroda* [History of the Bashkir People], vol. 3. Ufa, Gilem Publ., pp. 252-258.

Murzabulatov M.V., 1979. *Skotovodcheskoye khozyaystvo zaural'skikh bashkir v XIX – nachale XX v.* [Cattle Breeding Economy of the Trans-Ural Bashkirs in the 19th – Early 20th Centuries]. *Khozyaystvo i kul'tura bashkir v XIX – nachale XX v.* [Economy and Culture of the Bashkirs in the 19th – Early 20th c.]. Moscow, Nauka Publ., pp. 62-77.

Murzabulatov M.V., 2002. *Khozyaystvennyye zanyatiya* [Economic Activities]. *Kurganskiye bashkiry: Istoriko-ethnograficheskiye ocherki* [Kurgan Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays]. Ufa, Gilem Publ., pp. 48-103.

Nikolsky D.P., 1899. *Bashkiry. Etnograficheskoye i sanitarno-antropologicheskoye issledovaniye* [Bashkirs. Ethnographic and Sanitary-Anthropological Research]. Saint Petersburg, Printing house of P.P. Soikin. 378 p.

Pallas P.S., 1786a. *Puteshestviye po raznym mestam Rossiyskogo gosudarstva. Ch. 2, kn. 1. 1770 god* [Travels Through Various Places of the Russian State. Part 2. Book 1. 1770]. In Saint Petersburg, at the Imperial Academy of Sciences. 476 p.

Pallas P.S., 1786b. *Puteshestviye po raznym mestam Rossiyskogo gosudarstva. CH. 2. Kn. 2. 1770 god* [Travels Through Various Places of the Russian State. Part 2. Book 2. 1770]. In Saint Petersburg, at the Imperial Academy of Sciences. 571 p.

Popov N., 1813. *Khozyaystvennoye opisaniye Permskoy gubernii po grazhdanskому yeye sostoyaniyu* [Economic Description of the Perm Province According to Its Civil and Natural State], part 3. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences. 355 p.

Rudenko S.I., 2006. *Bashkiry: Istoriko-ethnograficheskiye ocherki* [Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays]. Ufa, Kitap Publ. 376 p.

Rychkov P.I., 1762. *Topografiya Orenburgskaya, to yest' obstoyatel'noye opisaniye Orenburgskoy gubernii, sochinennoye kollezhskim sovetnikom i imperatorskoy Akademii nauk korrespondentom Petrom Rychkovym* [Orenburg Topography, i.e. a Detailed Description of the Orenburg Province, Composed by the Collegiate Councilor and Correspondent of the Imperial Academy of Sciences Pyotr Rychkov], part 1. Saint Petersburg. 331 p.

Savelyev N.S., Nikolaev S.Yu., Rumyantsev M.M., Ruslanov E.V., Savelyeva A.G., Suleymanov R.R., Khurmaev A.A., Kungurtsev A.Ya., 2023. Kompleks material'noy kul'tury bashkir Yuzhnogo Urala XVIII–XIX vv. (po dannym selishcha Imsyak-Tau-1 v gorno-stepnom Zaural'ye) [Complex of Material Culture of the Bashkirs of the Southern Urals in the 18th–19th Centuries (According to the Data of the Village Imsyak-Tau-1 in the Mountain-Steppe Trans-Urals)]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], vol. 23, no. 2, pp. 300-319. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.2.009>

Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannaya istoriya i kul'tura sarmat* [Sauromats. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 380 p.

Suleymanov F.M., 2013. *Yugo-Vostochnyy Bashkortostan: maloizuchennyye stranitsy istorii i etnografii* [South-Eastern Bashkortostan: Little-Studied Pages of History and Ethnography]. Ufa, Gilem Publ. 272 p.

Tairov A.D., 2007. *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepey v VII–VI vv. do n.e.* [Nomads of the Ural-Kazakhstan Steppes in the 7th–6th Centuries BC]. Chelyabinsk, SUSU. 274 p.

Tairov A.D., 2010. *Uralo-Aral'skaya kul'turno-istoricheskaya oblast' kak rezul'tat adaptatsii drevnego naseleniya k usloviyam vmeschchayushchego landshafta* [The Ural-Aral Cultural-Historical Province – Result of the Adaptation of the Ancient Population to the Conditions of the Host Landscape]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 2 (27), pp. 79-86.

Tairov A., 2017. *Rannye kochevniki Zhayyk-Irtyshskogo mezhdurech'ya v VIII–VI vv. do n. e.* [Early Nomads of the Zhayyk-Irtysh Interfluve in 7th–6th cc. BC]. Astana, Kazakh Research Institute of Culture. 392 p.

Tolybekov S.E., 1971. *Kochevoye khozyaystvo kazakhov v XVII – nachale XX v.* [Nomadic Economy of the Kazakhs in the 17th–Early 20th Centuries]. Alma-Ata, Nauka Publ. 635 p.

Trepavlov V.V., 1997. *Nogai v Bashkirii, XV–XVII vv. Knyazheskiye rody nogayskogo proiskhozhdeniya* [Nogai in Bashkiria, 15th–17th Centuries. Princely Families of Nogai Origin]. *Materialy i issledovaniya po istorii i etnologii Bashkortostana* [Materials and Research on the History and Ethnology of Bashkortostan], no. 2. Ufa. 72 p.

Trepavlov V.V., 2020. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow, Kvadriga Publ. 1040 p.

Trepavlov V.V., 2024. *Neizdannyye raboty* [Unpublished Works]. Moscow, Medina Publ. 840 p.

Khazanov A.M., 1975. *Sotsial'naya istoriya skifov: Osnovnyye problemy razvitiya drevnikh kochevnikov Yevraziiskikh stepey* [Social History of the Scythians: The Main Problems of Development of the Ancient Nomads of the Eurasian Steppes]. Moscow, Nauka Publ. 344 p.

Cheremshansky V.M., 1859. *Opisaniye Orenburgskoy gubernii v khozyaystvenno-statisticheskom, etnograficheskom i promyshlennom otnosheniyakh* [Description of the Orenburg Province in Economic-

Statistical, Ethnographic and Industrial Respects]. Ufa, Printing House of the Orenburg Provincial Government. 472 p.

Chuloshnikov A., 1936. Feodal'nyye otnosheniya v Bashkirii i bashkirskiye vosstaniya XVII i pervoy poloviny XVIII v. [Feudal Relations in Bashkiria and the Bashkir Uprisings of the 17th and First Half of the 18th Centuries]. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR. Ch. 1. Bashkirskiye vosstaniya v XVII i pervoy polovine XVIII v.* [Materials on the History of the Bashkir ASSR. Part 1. Bashkir Uprisings in the 17th and First Half of the 18th Centuries]. Moscow, Leningrad, USSR AS, pp. 3-64.

Shakirova N.F., 1988. Dikorastushchiye rasteniya v traditsionnom pitanii bashkir [Wild Plants in the Traditional Diet of the Bashkirs]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], no. 3, pp. 99-109.

Yanguzin R.Z., 1989. *Khozyaystvo bashkir dorevolyutsionnoy Rossii* [Economy of the Bashkirs in Pre-Revolutionary Russia]. Ufa, Bashkir. kn. izd-vo. 192 p.

Tairov A.D., 2024. Saryarka in the System of Economic and Ethnocultural Relations of the Early Nomads of the Southern Trans – Urals. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Istoriya. Filosofiya»* [Bulletin of Karaganda University. Series “History. Philosophy”], vol. 29, no. 4 (116), pp. 174-185. DOI: <https://doi.org/10.31489/2024HPh4/174-185>

Information About the Author

Aleksandr D. Tairov, Doctor of Sciences (History), Director of the Scientific and Educational Center for Eurasian Studies, South Ural State University (National Research University), Prospekt im. V.I. Lenina, 76, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation, tairov55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8575-0430>

Информация об авторе

Александр Дмитриевич Таиров, доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), просп. им. В.И. Ленина, 76, 454080 г. Челябинск, Российская Федерация, tairov55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8575-0430>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.2>

UDC 903'15(470.5)

LBC 63.442.7(235.55)-3

Submitted: 18.07.2025

Accepted: 06.08.2025

STEPPE – FOREST-STEPPE SYSTEM IN FORMATION OF THE SOUTHERN URAL NOMADIC CULTURE IN THE MID – SECOND HALF OF THE 1ST MILLENNIUM BC: A PROSPECTIVE AFTER 50 YEARS

Nikita S. Savelev

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russian Federation

Abstract. Like any science, archeology relies on sustainable concepts, most of which were formed decades ago. Therefore, these concepts can be used only through the lens of contemporary critical analysis subject to continuous adjustments. One of the key concepts of the Southern Ural nomadic world in the mid-1st millennium BC is the “migration” concept formulated by M.G. Moshkova in 1974 and significantly developed in the works of subsequent decades. Through the next decades, this concept significantly evolved. All in all, this concept boils down to the idea that the Transural forest-steppe people (and the Gorokhovo culture people in the first place) were number-one influencers for the Southern Transural Sauromatian nomads. This influence transformed the traditions and led to the formation of the “Common Sarmatian Prokhorovka Culture.” The analysis reveals that this concept fails to explain transformations in the Southern Ural nomads’ culture in the middle to second half of the 1st millennium BC because nomads had entered the Transural forest-steppes long before the Gorokhovo Culture emerged. The 5th – 4th centuries BCE nomadic burials in the Southern Ural reveal “steatitic” ceramics. Originally it didn’t belong to the Gorokhovo Culture. Instead, it is associated with the Itkul area’s southern extremity in the Ural Eastern piedmont, where, at the stage of the Itkul Culture’s formation from a post-Mezhovka basis under Sargary and Barkhatovo influences, a bright and very distinctive “early Gafury” ceramic complex emerged. The research shows that the Gorokhovo Culture in the Transural forest-steppe cannot be dated earlier than the mid-300s BC. There the Gorokhovo Culture was forming through nomads relocating north and merging with the local indigenous forest-steppe people. These data prove that the new traits in the Southern Transural nomads in the 400–300s BC are solely associated with their peripheral location in the Ural-Volga nomadic world and their wide networking (exogamic marriages) with the Ural eastern piedmont people. Thus, at the turn of the Scythian and the Sarmatian eras, the nomadic culture was transforming due to the processes inside the nomadic community. In particular, a transformation driver was an emerging and collapsing social stratification revealed by Filippovka 1 “royal” necropolis.

Key words: Southern Ural, Scythian and Sarmatian era, interactions between nomads and forest-steppe people, Gorokhovo Culture, formation of the Prokhorovka Culture.

Citation. Savelev N.S., 2025. Sistema «step’ – lesostep’» v formirovaniyu kul’tury kochevnikov Yuzhnogo Urala serediny – vtoroy poloviny I tys. do n.e.: vzglyad cherez 50 let [Steppe – Forest-Steppe System in Formation of the Southern Ural Nomadic Culture in the Mid – Second Half of the 1st Millennium BC: A Prospective After 50 Years]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 4, pp. 21–47. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.2>

УДК 903'15(470.5)

ББК 63.442.7(235.55)-3

Дата поступления статьи: 18.07.2025

Дата принятия статьи: 06.08.2025

СИСТЕМА «СТЕПЬ – ЛЕСОСТЕПЬ» В ФОРМИРОВАНИИ

КУЛЬТУРЫ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э.: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 50 ЛЕТ

Никита Сергеевич Савельев

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Как и любая наука, археология основывается на устойчивых концепциях, большинство из которых сформировалось десятилетия назад. Их использование возможно только через своевременный критический анализ и постоянные корректировки. Одной из ключевых концепций развития кочевого мира Южного Урала в середине I тыс. до н.э. явилась «миграционная» концепция, сформулированная М.Г. Мошковой в 1974 г. и получившая значительное развитие в работах последующих десятилетий. Суть ее в итоговом виде сводится к приоритетной роли населения лесостепного Зауралья (в первую очередь – носителей гороховской культуры) в воздействии на кочевников Южного Зауралья «савроматского» времени, что привело к трансформации их традиций и формированию «общесарматской прохоровской культуры». Анализ данной концепции показал, что она не может объяснить причины трансформации культуры кочевников Южного Урала середины – второй половины I тыс. до н.э., так как проникновение кочевников в Зауральскую лесостепь началось задолго до формирования гороховской культуры. Появившаяся в кочевнических погребениях V–IV вв. до н.э. Южного Урала «тальковая» керамика по своему происхождению является не гороховской, а связана с южной оконечностью иткульского ареала в восточных предгорьях Урала, где на этапе формирования иткульской культуры из постмежовской основы под саргаринским и бархатовским влиянием возник яркий и очень своеобразный «раннегаурийский» керамический комплекс. Также показано, что сложение гороховской культуры в Зауральской лесостепи не может быть датировано ранее середины IV в. до н.э. и проходило вследствие наслаждения переселявшихся на север кочевников на местное лесостепное население. Эти данные позволяют говорить о том, что появление новых черт у кочевников Южного Зауралья в V–IV вв. до н.э. связано исключительно с их периферийным положением в рамках кочевого мира Урало-Поволжья и широким развитием контактов (вероятно, экзогамных браков) с населением восточных предгорий Урала. Причинами трансформации культуры кочевников на стыке скифской и сарматской эпох, таким образом, являлись процессы, протекавшие внутри кочевого общества, связанные со сложением и разрушением стратифицированной социальной системы, известной по «царскому» некрополю Филипповка 1.

Ключевые слова: Южный Урал, скифо-сарматское время, взаимодействие кочевников и лесостепного населения, гороховская культура, формирование прохоровской культуры.

Цитирование. Савельев Н. С., 2025. Система «степь – лесостепь» в формировании культуры кочевников Южного Урала середины – второй половины I тыс. до н.э.: взгляд через 50 лет // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 4. С. 21–47. DOI: <https://doi.org/10.15688/navjvolsu.2025.4.2>

Введение

В 2024 г. исполнилось полвека со дня выхода монографии Марины Глебовны Мошковой «Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры» [Мошкова, 1974]. Несмотря на свой небольшой объем, эта работа стала одной из основополагающих в отечественном сарматоведении, в первую очередь – для исследователей, работающих по южно-уральской проблематике. Можно уверенно говорить о том, что она легла в основу современной концепции взаимодействия степного и лесостепного населения на северо-восточной периферии кочевого мира Южного Урала и, в определенной степени, даже в основу общей концепции трансформации кочевнической культуры скифского времени (так называемой савроматской) в раннесарматскую (прохоровскую).

Монография М.Г. Мошковой появилась в период самого начала накопления источников базы по кочевническим памятникам Южного Зауралья (обобщающая работа А.Х. Пшенич-

нюка, в которой основную часть составляли памятники Зауральской Башкирии, была опубликована только через 10 лет [Пшеничнюк, 1983] и явилась, по сути, попыткой автора разобраться в причинах появления на этой окраине кочевого мира Урало-Поволжья инокультурной «тальковой» керамики, имевшей внешнюю близость с материалами лесостепного Зауралья. Отмечу также, что на рубеже 1960–1970-х гг. изучение зауральских лесостепных древностей эпохи раннего железа находилось в той же начальной стадии, когда формулировались первые гипотезы и систематизировался крайне немногочисленный и разрозненный материал (см.: [Стоянов, 1973]).

Учитывая значимость сформулированных в 1974 г. положений, целью настоящей статьи является анализ концепции М.Г. Мошковой (в части взаимодействия степного и лесостепного населения) с точки зрения современной источниковской базы и имеющихся реконструкций, задачи работы – анализ отдельных положений, на которых была построена рассматриваемая концепция. Аналогичная

работа, проделанная Л.Т. Яблонским в отношении концепции А.Х. Пшеничнюка, опубликованной им в монографии 1983 г., показала несомненную важность такого анализа [Яблонский, 2016].

Концепция М.Г. Мошковой и ее дальнейшее развитие

Исходя из четырехчленной схемы сарматских древностей Б.Н. Гракова (савроматская / блюменфельдская, савромато-сарматская / прохоровская, сарматская / сусловская и аланская культуры / ступени) [Граков, 1947, с. 103–106], М.Г. Мошкова, оперируя как результатами своих раскопок в южной части Зауралья (могильники Новый Кумак и Аландское), так и всеми известными к тому времени материалами, обратилась к вопросу формирования следующей за савроматской / блюменфельдской культуры – раннесарматской / прохоровской. Традиционно и совершенно оправданно рассматривая раздельно запад и восток Урало-Поволжья, М.Г. Мошкова показала, что в IV в. до н.э. в Поволжье шла достаточно плавная эволюция традиций предшествующего времени, а на Урале этот процесс был осложнен рядом внешних факторов. Формулируя общие признаки прохоровской культуры, автор постоянно акцентирует внимание на том, что новая культура на Южном Урале формируется к концу IV в. до н.э., а на протяжении этого столетия идет процесс достаточно быстрого изменения погребальной обрядности (смена широтных ориентировок на южную, распространение узких и подбойных погребений, погребений с заплечиками, подсыпки мелом дна могильных ям, постепенное появление деревянных гробов, изменение состава заупокойной пищи и т. д.) и материальной культуры (появление новых типов зеркал, клинового оружия, распространение копий, эволюция типов бронзовых втульчатых наконечников стрел и появление железных черешковых наконечников, смена савроматских плоскодонных сосудов на круглодонные с богатой орнаментацией, распространение примеси талька в глиняном тесте сосудов и т. д.) [Мошкова, 1974, с. 11]. Также автор постоянно отмечает, что многое в погребальной обрядности прохоровской культуры является «наследием

савроматских традиций» (широкие прямоугольные ямы, дромосные погребения, коллективные захоронения), но к концу IV в. до н.э. они исчезают [Мошкова, 1974, с. 17].

Не детализируя восточные и южные связи (Казахстан и Средняя Азия), для анализа которых в 1970-е гг. практически отсутствовала информация, автор важнейшим направлением взаимодействия кочевников с внешним миром в середине I тыс. до н.э. видела северо-восточное – Зауральскую лесостепь, население которой приняло самое активное участие в формировании раннесарматской (прохоровской) культуры. По ее мнению, «тальковый комплекс» керамики, отличающейся не только примесью в тесте, но и круглодонными формами и богатой орнаментацией, происходит из Зауральской лесостепи, а точнее – напрямую связан с гороховской культурой, хотя в орнаменте близость проявляется в самых простых элементах [Мошкова, 1974, с. 32, 37, рис. 10]. Ее общий вывод следующий: «Нам представляется, что керамика гороховской группы сыграла решающую роль в формировании прохоровской круглодонной тальковой посуды», при этом речь должна идти не только о каком-то перемещении глиняных сосудов, сколько о перемещении людей: «...сложение прохоровского керамического комплекса и являлось результатом слияния двух групп населения – племен зауральской лесостепи (главным образом гороховской группы) и «савроматов» Южного Приуралья...» [Мошкова, 1974, с. 47, 48].

Помимо керамики, по мнению М.Г. Мошковой, о значительном и «деятельном участии в формировании прохоровской культуры» лесостепного населения свидетельствует большое количество мечей и кинжалов так называемого «переходного» типа, которые за пределами кочевнической территории «найдены только в районах лесостепных и даже лесных культур раннего железного века Зауралья» и очень ранние зеркала с широким валиком по краю [Мошкова, 1974, с. 24, 27]. Отдельные районы на севере расселения кочевников и юге расселения лесостепного населения (так называемые «Челябинские курганы») рассматривались ею как заселенные смешанным населением [Мошкова, 1974, с. 33]. Опираясь в том числе на мнение В.Е. Стоянова, выска-

занное им в 1960-е гг., о расширении в IV в. до н.э. ареала гороховской культуры на запад, вплоть до восточных предгорий Урала [Мошкова, 1974, с. 30–31]. М.Г. Мошкова формулирует самый главный вывод своей работы – концепцию «гороховской экспансии на юг». По ее мнению, именно экспансия населения гороховской культуры «на юг, в земли савроматов» и трансформировала традиции кочевого субстрата, дав ему своеобразную окраску, ярко проявившуюся в археологическом комплексе прохоровской культуры [Мошкова, 1974, с. 38].

Таким образом, «создание прохоровского археологического комплекса происходило в недрах самаро-уральского варианта савроматской культуры» [Мошкова, 1974, с. 47], но значительная часть его специфики (рассмотренные выше элементы материальной культуры, а также такой признак погребального обряда, как дромосные погребения, которые вслед за К.В. Сальниковым и К.Ф. Смирновым интерпретировались как подражания жилищам лесостепного зауральского населения) имеет именно зауральское лесостепное, а точнее – гороховское, происхождение.

В вышедшей спустя девять лет монографии, посвященной раннекочевническим памятникам южной Башкирии, А.Х. Пшеничнюк, отталкиваясь от взглядов М.Г. Мошковой, заострил внимание на том, что для зауральских могильников, вытянутых узкой полосой вдоль восточного склона Урала, корреляция типов сосудов (круглодонные с тальком богато орнаментированные – прохоровские, грубые плоскодонные – савроматские) и ориентировок погребенных (южная – прохоровская, широтная – савроматская) практически не работает. Выявленное сочетание признаков показывало значительно большую сложность, чем, например, в более западных (Предуралье) памятниках [Пшеничнюк, 1983, с. 78–82]. Это позволило А.Х. Пшеничнюку говорить о том, что, с одной стороны, в Южном Зауралье можно выделить «особый локальный вариант или даже самостоятельную археологическую культуру, родственную савроматской и одновременно близкую лесостепным культурам Зауралья в широком смысле (иткульской, воробьевской, гороховской)», с другой – что появление прохоровских черт в среде кочевников Южного Зауралья должно быть от-

несено к «довольно раннему времени – не позднее конца VI – V в. до н.э.» [Пшеничнюк, 1983, с. 83–84]. Последнее заключение автора будет иметь принципиальную важность для всех последующих аналитических работ по культурогенезу ранних кочевников Южного Урала (см., например: [Яблонский, 2016, с. 96–97]), но напрямую к теме настоящей статьи оно не относится.

Говоря о связях с лесостепным Зауральем, А.Х. Пшеничнюк считал, что активное освоение кочевниками этой территории началось уже в VI–V вв. до н.э. и «кочевники вступили в непосредственный контакт с оседлыми племенами». Однако позиция автора по взаимодействию степного и лесостепного населения диаметрально противоположна взглядам М.Г. Мошковой – по мнению А.Х. Пшеничнюка, «в процессе формирования прохоровской культуры более активная роль принадлежала, очевидно, кочевым савроматским племенам». Форма этого взаимодействия видится им исключительно как ассимиляция: «Участие лесостепного зауральского населения в формировании прохоровской культуры следует понимать, по-видимому, не столько как продвижение оседлых зауральских племен на запад, сколько как ассимиляцию их кочевым савроматским населением и вовлечение затем в походы на запад» [Пшеничнюк, 1983, с. 127–128].

Б.Ф. Железчиков, занимаясь вопросами культурогенеза ранних кочевников Южного Урала и продолжая разработки А.Х. Пшеничнюка о единстве культуры кочевников VI–III вв. до н.э., отмечал, что «связи с севером и северо-востоком проявляются только в керамике и вряд ли свидетельствуют о миграции с этой территории» [Железчиков, 1987, с. 40].

Таким образом, в первые полтора десятилетия после публикации концепции «гороховской экспансии на юг» и стимулированной культурной трансформации в кочевой среде ключевое ее звено не было принято двумя специалистами-кочевниковедами – А.Х. Пшеничнюком и Б.Ф. Железчиковым. Изъятие из сформулированных М.Г. Мошковой положений самого факта «экспансии» не разрушало концепции 1974 г., но сильно ее изменило, оставляя в ней всего лишь констатацию приоритетности связей не просто с «населением Зау-

ральской лесостепи», а именно с гороховской культурой. Против этого, в принципе, А.Х. Пшеничнюк и Б.Ф. Железчиков ничего не имели, так как данная проблематика уже далеко выходила за область их научных интересов. И если Б.Ф. Железчиков только касался данной темы, то А.Х. Пшеничнюк на основе корреляции большого массива данных достаточно убедительно показал, что речь должна идти не о пресловутой «гороховской экспансии», а о хаотичном и ситуативном появлении лесостепных элементов (точнее – собственно «несарматской» керамики в кочевнических похоронениях, на что и обращал внимание Б.Ф. Железчиков). Необходимо отметить и то, что в 1988 г. А.Д. Таиров и А.Г. Гаврилюк также четко разделили, с одной стороны, формирование прохоровской культуры, складывание которой шло на основе единого взаимосвязанного комплекса признаков элитарной культуры кочевников Южного Урала предшествующего, сарматского времени, и, с другой стороны, значительно более позднего (V – начало IV в. до н.э.) продвижения в Зауральскую степь носителей лесостепной гороховской культуры (принесших с собой тальковую керамику со специфической орнаментацией), которые «продвинулись и растворились в составе местного населения», а сама тальковая керамика достаточно быстро выпала из комплекса раннесарматской культуры [Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 152].

Эти взгляды не были учтены в защищенной в 1989 г. М.Г. Мошковой докторской диссертации – одним из районов происхождения «пришлых племен» на стадии формирования прохоровской культуры (наряду с Приаральем и Казахстаном) было названо лесостепное Зауралье и именно это переселение, а также изменение всей ситуации в Средней Азии, «как явились тем катализатором, который ускорил и главное помог оформить в новое качество те перемены, которые происходили уже в течение достаточно долгого времени внутри общества южноуральских кочевников» [Мошкова, 1989, с. 7, 31–32]. Говоря об особенностях прохоровского керамического комплекса, М.Г. Мошкова отмечала, что при «доминирующей близости с гороховской культурой» он представляет собой «органическое единение и местных, и пришлых черт при бес-

спорном господстве последних» [Мошкова, 1989, с. 29].

Взгляды М.Г. Мошковой, четко и емко сформулированные ею в 1974 г., были развиты и значительно расширены А.Д. Таировым, на протяжении последних почти 30 лет постоянно обращавшимся к этой проблематике [Таиров, 1998; 2009; 2016а; 2016б; 2019а; Таиров, Гуцалов, 2006; и др.]. Более того, сам факт культурного взаимодействия с лесостепным населением на северо-восточной периферии территории кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. рассматривался им как важнейший элемент в формировании «общесарматской прохоровской культуры» и предопределенности ее движения на запад. В концентрированном виде схема А.Д. Таирова, концептуально полно изложенная им в 1998 г. и в дальнейшем только дополняемая некоторыми деталями, охватывает порядка 200 лет динамичных событий, происходивших в Зауральской лесостепи и Южном Зауралье, имея постепенную тенденцию к перемещению на юг и юго-запад. Ниже перечислим основные положения этой схемы.

1) В связи с перенаселением в Зауральско-Западносибирской лесостепи в V в. до н.э. население саргатской культуры начало сдвигаться на запад и, встретившись в Притоболье с носителями гороховской культуры, сформировавшейся в V в. до н.э., часть их ассимилировало, а часть вынудило уйти западнее, ближе к восточным склонам Урала, в зону экономических интересов кочевников Южного Урала. 2) На этой территории гороховское население стало играть важную роль посредника между кочевниками, с которыми они создали военно-политический союз, и иткульскими металлургическими центрами. 3) В связи с продолжающейся угрозой с востока, здесь, на крайнем северо-востоке кочевого мира, начинает нарастать военизация (что приводит к широкому распространению клинового оружия и выработке новых его типов), часть гороховского населения переходит к кочевому скотоводству и вливается в состав кочевников Южного Зауралья (принеся, таким образом, свою традиционную керамику). 4) Перенаселение в Южном Зауралье и начавшаяся аридизация привели к необходимости миграции практически всего заураль-

ского населения в степи к западу от Уральских гор, в связи с чем окончательно и складывается «общесарматская прохоровская культура» – и именно в этом виде и по тем же причинам кочевники Степного Приуралья в конце IV – начале III в. до н.э. начали миграции на запад, что и привело к появлению прохоровской культуры в Поволжье. 5) Для носителей гороховской культуры участие во всем этом масштабном этнокультурном и этнополитическом «домино» привело к исчезновению культуры – большая часть населения ушла в степь, а оставшиеся были ассимилированы саргатской культурой [Таиров, 2019а, с. 202; Матвеева, 2019, с. 19, 30].

Эта масштабная историко-археологическая интерпретация, с одной стороны, вобрала в себя все имеющиеся к концу XX в. наработки по эпохе раннего железа Зауральско-Западносибирской лесостепи (В.Е. Стоянов, В.А. Могильников, Г.В. Бельтикова, Л.Н. Корякова, Н.П. Матвеева и др.), с другой – концепцию А.Х. Пшеничнюка – Б.Ф. Железчикова о единой культуре ранних кочевников Южного Урала VI–III вв. до н.э., в рамках которой места для савроматской культуры не оставалось [Пшеничнюк, 1995, с. 94] и которая впоследствии активно развивалась А.Д. Таировым [Таиров, 2009, табл. на с. 144].

Линейность и четкая сопряженность всех элементов, заложенная М.Г. Мошковой еще в концепции 1974 г. и далее развитая А.Д. Таировым, требуют анализа каждой из составляющих ее частей через призму имеющихся к настоящему времени археологических данных. Учитывая, что в целостном виде вся концепция М.Г. Мошковой – А.Д. Таирова является очень объемной и разноплановой, в настоящей работе основное внимание обращается только на элементы, характеризующие связи кочевников и населения Зауральской лесостепи и являющиеся ключевыми для формирования всей концепции.

Время и условия формирования гороховской культуры

Определяя время появления гороховских памятников V в. до н.э., М.Г. Мошкова опиралась на выводы В.Е. Стоянова, являвшегося первым исследователем, начавшим системно

изучать зауральско-западносибирские древности эпохи раннего железа. Ключевыми для определения ранней даты гороховской культуры стали погребение в кургане у с. Раскатиха и материалы селища Лужки I [Стоянов, 1973, с. 50–52, рис. 2, 3]. В первом комплексе (автор относит его к V – началу IV в. до н.э.), расположенным на крайнем востоке гороховской территории (правобережье Среднего Тобола), датирующими являются бронзовые наконечники стрел и литой бронзовый поясной крючок, во втором – фрагмент прямоугольного савроматского каменного жертвенника, найденный вместе с гороховской керамикой под упавшими сгоревшими стенами жилища.

Курган у с. Раскатиха. В колчанном наборе присутствовало 18 наконечников стрел, из них 1 – черешковый трехлопастной, 1 – трехлопастной с вытянутой треугольной головкой и наружной втулкой, 16 – трехлопастные дуговидной формы с внутренней втулкой [Стоянов, 1973, рис. 2, 1–4, 7]. Даже в степи Южного Урала массовое распространение наконечников стрел последнего типа начинается только с конца V в. до н.э. и захватывает весь IV в. до н.э., а ранее и позднее данного интервала эти наконечники очень немногочисленны [Куринских, 2011, с. 52–53, рис. 5; Савельев, 2021, с. 183–184]. Полное доминирование наконечников с внутренней втулкой не позволяет датировать погребение из Раскатихи ранее конца V в. до н.э., но более вероятно – где-то в пределах середины – второй половины IV в. до н.э. Подтверждает эту позднюю дату и поясной крючок, ранее относимый к «савроматским комплексам» [Стоянов, 1973, с. 52, рис. 2, 6] и рассматривавшийся как важный маркер архаичности данного погребения. Нахождение аналогичного крючка в кургане 1 могильника Гумерово 1 в островной Месягутовской лесостепи [Савельев, 2007, рис. 14, 7], который по обрядовым характеристикам ничем не отличается от остальных однокультурных памятников долины р. Ай¹, не позволяет его датировать ранее середины – второй половины IV в. до н.э. [Савельев, 2007, с. 113]. Бронзовая зооморфная так называемая «восьмерковидная» бляха (двулучевая свастика) из Раскатихи [Стоянов, 1973, рис. 2, 5] имеет очень близкую аналогию в погребении 1 кургана 8 могильника Мурзино I в

низовьях Исети, где она была найдена с черными кубическими стеклянными бусами с желтыми фестонами [Булдашов, Боталов, 2016, рис. 4,1, 4,5,7], что также подтверждает приведенную выше дату.

Лужки I. Нахождение в гороховском слое поселения фрагмента прямоугольного жертвенника [Стоянов, 1973, рис. 3,2], по мнению В.Е. Стоянова, указывало на «савроматский возраст раскопанного жилища» [Стоянов, 1973, с. 52]. В связи с этим М.Г. Мошкова делает заключение: «Следовательно, V век до н.э. должен быть включен в период существования гороховских памятников» [Мошкова, 1974, с. 32]. В настоящее время говорить о датировке всего этого комплекса (жилище, керамика, жертвенник) именно V в. до н.э. вряд ли возможно. Длительное использование фрагментированных жертвенников, как минимум до второй половины IV в. до н.э., установлено как по кочевническим материалам из некрополей Филипповка 1 и 2 [Савельев, 2023, с. 212–213], так и по находкам из лесостепных (собственно гороховских, напр., курган 4 могильника Мурзино I) памятников [Булдашов, Боталов, 2016, рис. 2,II]. С другой стороны, погребальный инвентарь Березовского кургана, расположенного к югу от г. Челябинск, показывает, что подобные прямоугольные жертвенники и в целом виде продолжают использоваться и в середине – второй половине IV в. до н.э., совстречаясь с мечами переходного типа, с уже сложившейся формой «раннесарматской тальковой керамики», а также колчанными наборами, в которых абсолютно преобладают бронзовые трехлопастные наконечники с внутренней втулкой [Хабдулина, Малютина, 1982, рис. 1,10,11,13, 2].

Таким образом, полученные за прошедшие полвека материалы позволяют датировать погребение в кургане у с. Раскатиха и жертвенник с поселения Лужки I не V или рубежом V–IV вв. до н.э., а временем не ранее середины – второй половины IV в. до н.э. Это полностью соотносится с радиоуглеродной датировкой элитного некрополя Скаты в Среднем Притоболье [Daire et al., 2002, table 11] и датой кургана 5 Воробьевского могильника, в котором найдено два акинака типа Солоха, появление которых на Южном Урале в целом не может быть ранее IV в. до н.э. [Савельев,

2025, с. 102]. Дополнительно о времени середины – второй половины IV в. до н.э. свидетельствует нахождение в кургане у с. Катайское на р. Исеть прямоугольного жертвенника на четырех ножках, очень близкого по параметрам жертвеннику из Березовского кургана (почти квадратный), и бронзового зеркала с широким валиком по краю и шестилепестковой розеттой, выполненной в пуансонной технике [Мошкова, 1974, с. 27, рис. 7,1,3]. Подобный вариант зеркал типа X является поздним и, по аналогиям в могильниках Переволочан 1 и Авласово, должен датироваться второй половиной IV в. до н.э. [Сиротин, 2010, рис. 4,2; 5,2; Сиротин, 2013, с. 166, рис. 3,2; Савельев, 2021, с. 184].

Несмотря на активные исследования в Зауральской лесостепи (в первую очередь – от восточного склона Урала до среднего течения р. Тобол, протяженность порядка 300 км) за время, прошедшее с момента публикации анализируемых работ В.Е. Стоянова и М.Г. Мошковой, никаких новых памятников гороховской культуры, которые уверенно датировались бы V в. до н.э., найдено не было. Поэтому основания для такой ранней датировки формирования гороховской культуры по погребальным комплексам остались теми же, что были в 1960–1970-е гг., и, по большому счету, только повторяются (см., например: [Могильников, 1992, с. 285]). Это отнюдь не свидетельствует об отсутствии на огромной территории от Уральских гор до Тобола памятников, которые датируются ранее IV в. до н.э. – здесь широко представлены байтовские, носиловские, воробьевские и иткульские древности [Матвеева, 2019], однако все это население не практиковало курганный обряд захоронения. Симптоматично, что в одном из таких могильников (Куртугуз I), где зафиксировано сочетание ингумаций, вторичных захоронений, кремации на стороне и воздушных захоронений, найден и достаточно ранний сосуд, по своей тальковой примеси и резному орнаменту условно отнесенный к гороховской культуре [Шарапова, 2022, рис. 6,6]. Важность этого сосуда в том, что ближайшие аналогии ему присутствуют в ранних памятниках Месягутовской лесостепи [Савельев, 2007, рис. 21,1,2] и среди самых ранних «зауральских лесостепных» сосудов, имеющих яйце-

видную форму, в погребениях кочевников Южного Зауралья середины I тыс. до н.э. (рис. 2), но для собственно гороховской культуры весь облик этого сосуда нехарактерен. В контексте темы, анализируемой в настоящей статье, важен вывод С.В. Шараповой о том, что у аборигенного «досаргатского» населения восточных предгорий Урала до проникновения гороховских традиций курганный обряд отсутствовал [Шарапова, 2022, с. 48–49].

Необходимо обратить внимание на то, что для всех наиболее ранних, а также элитных могильников гороховской культуры лесостепного Зауралья характерны большие широкие овальные и прямоугольные могильные ямы, парные и коллективные захоронения, шатровые сооружения, известны подбойно-катаомбные (Скаты, Озерный-1) и дромосные (Царев курган, Шмаково) захоронения, а также такой специфический элемент, как парные овальные ямы в центре кургана (Мурзино I), в материальной культуре – длинные мечи, наконечники копий, костяные панцирные пластины, железный шлем, гривны, золотые рифленые бусы, бронзовые котлы, каменные жертвенники и пр. Все это имеет ближайшие аналогии в кочевнических памятниках Южного Зауралья IV в. до н.э. (Переволочан I и др.). Это может свидетельствовать только о том, что погребальные традиции и инвентарь гороховской культуры Зауральской лесостепи могут быть напрямую выведены из южно-уральских кочевнических памятников [Савельев, 2007, с. 186], причиной чему было широкое освоение кочевниками лесостепных пространств [Пантелеева, 2008, с. 91]. Об этом же свидетельствует и статистическое сравнение лесостепных и степных погребальных традиций – они относятся к единой генеральной совокупности, при этом лесостепные традиции сформировались под сильным влиянием кочевников Южного Урала, также фиксируется и обратная связь в ориентировке погребенных – южная у кочевников, северная – у гороховского и саргатского населения [Корякова, Попова, 1987, с. 42–43].

Феномен Челябинских курганов

В районе современного г. Челябинск, расположенного на границе южной и северной

лесостепи на крупной излучине р. Миасс, где к ней подступает большое количество озер, еще в начале XX в. было зафиксировано свыше 1 000 курганов, из которых в 1906–1909 гг. Н.К. Минко исследовал около 90 [Таиров, 2019б, с. 98]. Материалы эпохи раннего железа дали 17 курганов, позднее, в 1970–1980-е гг. к ним добавилось еще три комплекса (два кургана в могильнике Шатрово I и разрушенное погребение на озере Смолино – так называемом «Училище»). Всего в настоящее время к «Челябинским» относятся 20 курганов с 22 погребениями.

Внимание на эту группу курганов обращали многие исследователи эпохи раннего железа Южного Зауралья – К.В. Сальников, К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова, В.Е. Стоянов и др. Ввиду неудовлетворительной фиксации раскопок, данные о погребальном обряде крайне отрывочны, но важность этой группы памятников требует дополнительного анализа даже такой информации. И если К.В. Сальников говорил о том, что эти курганы оставлены местными древними угорскими племенами, то К.Ф. Смирнов не считал возможным полностью отделить их от кочевнических памятников [Мошкова, 1969, с. 139]. По его мнению, «Челябинскими памятниками, которые находились в области тесных общений савроматских групп Южного Приуралья с племенами иного типа, представлена смешанная культура. Однако погребения савроматского времени в челябинских курганах мало чем отличаются от некоторых погребений степной полосы; поэтому их нельзя игнорировать при определении территории савроматов» [Смирнов, 1964, с. 192]. Проведя анализ сохранившихся данных по раскопанным Н.К. Минко курганам, М.Г. Мошкова акцентировала внимание на смешанном характере и невозможности отнести их «только к савромато-сарматским памятникам», при этом «степень смешанности и доминирующий элемент в разные хронологические периоды были различны». Так, для VI–V вв. до н.э. «можно говорить не только об очень сильном савроматском влиянии в культуре этого района, но даже о каких-то этнических включениях отдельных савроматских групп или племен, которые продвинулись далеко на север, в лесостепи и, возможно, осели здесь среди местного насе-

ния», а с самого конца V в. до н.э. «все больший вес приобретают местные традиции как в погребальном обряде, так и в инвентаре...» [Мошкова, 1969, с. 146–147]. И именно здесь М.Г. Мошковой было впервые высказано предположение о том, что близость керамического комплекса Челябинских курганов и степных кочевнических памятников сформировалась «за счет привнесения в сарматскую среду зауральских элементов культуры благодаря продвижению какой-то части лесостепного населения на юг и их контактов со степью, а возможно, и этнического включения в савромато-сарматский мир» [Мошкова, 1969, с. 147]. Не рассматривая отдельно в монографии 1974 г. челябинскую группу курганов, М.Г. Мошкова отмечает только, что эта территория – «зона смешения “савроматского” и “зауральского” этноса», граничащая с “савромато-сарматскими районами”» [Мошкова, 1974, с. 32–33].

Анализ доступной информации по Челябинским курганам показывает, что из 22 комплексов к раннесакскому и, вероятно, немногому более раннему времени относятся 5 (кург. 27 Чурилово; кург. 7 Сухомесово; кург. 1 Сосновский; кург. 36 погр. 1 Черняки; кург. 1 Шатрово), к савроматскому – 3 (курган на 11 версте Миасского тракта; кург. 36 погр. 2 Черняки; кург. 25/1909 Синеглазово), все остальные – к IV–III вв. до н.э.

Два первых комплекса савроматского времени представляют собой трупосожжения на древнем горизонте, из одного (курган на 11 версте Миасского тракта) сохранились большой близкий иткульским формам вытянутый яйцевидный горшок (рис. 2,2), имеющий многочисленные аналогии в кочевнических памятниках V в. до н.э. Южного Зауралья (рис. 3,5,6), и круглый орнаментированный по бортику каменный жертвенник [Берс, 1959, с. 71, № 307; Смирнов, 1964, рис. 75,13]², датируемый не ранее IV в. до н.э. [Маргарян и др., 2020, с. 186]. Во второй комплекс (впускное погребение в кургане 1 могильника Черняки), помимо круглого каменного жертвенника на трех ножках и бронзового зеркала с длинной боковой ручкой, входил широкогорлый круглодонный сосуд с иткульским орнаментом (рис. 6,1). Учитывая достаточно широкое распространение иткульских и близ-

ких им сосудов в степной зоне Южного Зауралья, а также их присутствие в погребальных памятниках с сожжением на древнем горизонте³, рассматриваемые два комплекса из Челябинских курганов можно уверенно отнести к восточноприаральскому культурному комплексу кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. [Мышкин, 2017; Савельев, 2019]. В третьем комплексе (Синеглазово, кург. 25/1909) восточная ориентировка сильно обожженного погребенного, лежавшего вытянуто в неглубокой яме или на уровне материка, сочеталась с мечом переходного типа, колчаном с 40 бронзовыми наконечниками стрел, крупным «тальковым» горшком со сложной резной орнаментацией [Смирнов, 1964, с. 67, рис. 49,7; Мошкова, 1969, рис. 1,8] (рис. 6,3), а также половиной плоской плиты – круглого каменного жертвенника [Маргарян, 2024, с. 579, № 7–16]. Наличие ближайших аналогий такой круглой плите и даже ее фрагментации в курганах 7 и 24 могильника Филипповка 1 [Пшеничнюк, 2012, с. 44, 61, рис. 91, 151, 173,2,3], а также остальной инвентарь погребения в кургане 25/1909 Синеглазово свидетельствуют о его датировке в пределах IV в. до н.э. Вероятно, данное погребение, которое может быть отнесено к «савроматским» традициям кочевников Южного Урала только по широтной ориентировке, является одновременным или даже немного более поздним, чем курган на 11 версте Миасского тракта.

Остальные 14 погребений (13 курганов) относятся к «прохоровскому» времени (вероятно – в пределах самого конца IV – III в. до н.э.). Ориентировка погребенных определена в восьми случаях: юг – 1, северо-восток – 1 (Исаково, кург. 15/1907), север – 6 (Исаково, кург. 20/1909; Синеглазово, кург. 25/1908; Шатрово I, кург. 3), то есть северная ориентировка является абсолютно преобладающей, на что обратила внимание еще М.Г. Мошкова [Мошкова, 1969, с. 144]. Южная ориентировка, характерная для прохоровской культуры, встречена всего один раз и не ясно, в каком конкретно комплексе. В двух случаях костяки были сильно обожжены и засыпаны углами (Синеглазово, кург. 25/1908; Исаково, кург. 15/1907), а в кургане 3 могильника Шатрово I следы горения в погребении отсутствовали, но после того, как яма была засы-

пана, поверх нее был разведен большой костер, от которого сохранились толстый слой прокала размером $1,6 \times 0,5$ м и окружающий его зольник размером $4,4 \times 3,9$ м [Терехова, Чемякин, 1983, с. 130]. По кургану 1 на пашне казака Смолина (раскопки 1906 г.) сохранилась информация, что в насыпи попадались угли и даже обожженные бревна [Мошкова, 1969, с. 142], что свидетельствует о наличии в нем достаточно крупной надмогильной деревянной конструкции. Один из обожженных костяков (Синеглазово, кург. 25/1908) был уложен на правом боку, а в двух случаях (Смолино, кург. 13/1908; Сухомесово, кург. 1/1908, погр. 2) умершие лежали головой на север вытянуто на спине, но с подогнутыми ногами. Для одного из крупных курганов в магнитном Исааково (точные данные отсутствуют) зафиксировано наличие надмогильной конструкции в виде деревянного шатра [Стоянов, 1973, с. 45].

Меч или кинжал прохоровского типа (Исааково, кург. 15/1907), синие биконические стеклянные бусы (Исааково, кург. 23/1909), круглая черная стеклянная бусина с желтым фестончатым орнаментом (Шатрово I, кург. 3), присутствие единичных железных наконечников стрел вместе с бронзовыми (Исааково, кург. 15/1907; Смолино, кург. 13/1908) свидетельствуют о том, что данная группа погребений из Челябинских курганов датируется концом IV – III в. до н.э. Самым ранним из них, вероятно, является курган 1 на пашне казака Смолина, где найден шаровидный кувшиновидный сосуд с высоким каннелированным горлом [Мошкова, 1969, рис. 1,6] (рис. 6,8). По совместности с мечами переходного типа и зеркалами типа 5.3 по А.С. Скрипкину данная устойчивая форма сосуда, являющаяся подражанием какому-то импортному образцу, датируется второй половиной – концом IV в. до н.э. [Савельев, 2000, с. 27, рис. 4,3,4; Васильев, 2004, рис. 6–8; Сиротин, 2017, с. 136, рис. 3,4,6,10].

Встреченные в рассматриваемой группе погребений Челябинских курганов глиняные горшки (Исааково, кург. 11, 20, 23; Синеглазово, кург. 25/1908; Сухомесово, кург. 1; Шатрово, кург. 3) шаровидные с дуговидной или растробовидной шейкой, обдненным насечковым или резным фестончатым орнаментом (рис. 6,2,4–7,10). Все они, что отмечались

и М.Г. Мошковой, не отличаются от горюховской погребальной керамики [Мошкова, 1969, с. 145–146; 1974, с. 33]. Сравнение их с кочевническими зауральскими сосудами как конца IV в. до н.э. [Сиротин, 2017, рис. 3,7–9,11–13], так и немного более раннего времени (рис. 5,6–13) показывает их значительное различие по морфологии и орнаментации. М.Г. Мошкова также говорила об орнаментальной простоте горюховской керамики и ее близости к кочевнической только по самым общим и простым геометрическим элементам [Мошкова, 1974, с. 33, 37].

Приведенные данные позволяют уточнить многие положения, высказывавшиеся ранее К.Ф. Смирновым и М.Г. Мошковой по Челябинским курганам и их месте в системе «степь – лесостепь» середины I тыс. до н.э.

Единственное относительно раннее «савроматское» погребение (кург. 36 погр. 2 Черняки) свидетельствует об освоении этой условно северной территории (60–70 км к северу от могильников у с. Кичигино и Березовского кургана) уже в V в. до н.э. К IV в. до н.э. относятся три погребения – курган на 11 версте Миасского тракта, курган 25/1909 Синеглазово и курган 1 на пашне казака Смолина. Для первого, как и более раннего погребения 2 в кургане 36 могильника Черняки, по особенностям обряда можно уверенно говорить о том, что данное население являлось носителями традиций восточносибирского культурного комплекса, широко распространенного в степной зоне Южного Зауралья. Во втором (кург. 25/1909 Синеглазово) на фоне стандартного инвентаря «филипповского» времени сохраняется широтная ориентировка умершего. Для всех четырех комплексов характерна высокая роль огня в погребальном обряде – кремация, положение сильно обожженного костяка в неглубокой яме, сожжение надмогильной конструкции, что говорит о сохранении в V–IV вв. до н.э. единой линии развития. Сосуды в погребениях – иткульский (рис. 6,1), близкий иткульскому по форме (рис. 2,2), раннегаурийский (рис. 6,3) и подражание импортному (рис. 6,8), имевшее достаточно широкое распространение в степной зоне Южного Урала.

Все остальные погребения могут быть датированы концом IV – III в. до н.э. Для них характерны северная ориентировка, горюхов-

ская керамика, а также распространенность использования огня в погребальном ритуале (обожженность костяков, большой костер над могильной ямой). Последнее, вероятно, может рассматриваться как элемент, связывающий раннюю и позднюю группу погребений. Таким же может быть и генезис керамики поздней группы – во всяком случае, у кочевников Южного Зауралья в течение IV в. до н.э. фиксируется упрощение и стандартизация форм и орнаментации (рис. 5). Учитывая количество исследованных погребений по периодам (5 – начальный этап раннего железа, 4 – V–IV вв. до н.э., 13 – конец IV – III в. до н.э.), можно достаточно уверенно говорить о росте количества населения в прохоровское время.

Это же позволяет с учетом имеющихся данных вернуться и к предположению М.Г. Мошковой о наличии в зоне расположения Челябинских курганов какого-то местного лесостепного населения, среди которого и оседали кочевники-савроматы, что постепенно привело к преобладанию местных (то есть гороховских) традиций [Мошкова, 1969, с. 146–147]. Исследования последующих десятилетий показали полное отсутствие на этой территории каких-либо памятников «местного лесостепного населения», они начинаются в 60–70 км западнее, в предгорьях Южного Урала, и в 70–80 км севернее, в долинах рек Багаряк, Синара и их притоков [Таиров, Шапиро, 2024, рис. 1]. Все это свидетельствует о том, что формирование черт, ставших впоследствии ведущими для лесостепной гороховской культуры, происходило в недрах кочевого населения, оставившего так называемые «Челябинские курганы». На фоне идущего процесса упрощения и стандартизации погребального обряда, отдельные ранние черты продолжают проявляться еще некоторое время и на более северных территориях – например, сожжение на древнем горизонте в кургане 7 могильника Мурзино I [Булдашов, Боталов, 2016, с. 324, рис. 2, III, IV].

«Тальковая» керамика ранних кочевников

Результатом принятия специалистами концепции М.Г. Мошковой 1974 г. стало то, что вся «тальковая» керамика, в том числе с нехарактерным для кочевнических памятников бога-

тым геометрическим орнаментом (каннылюры, треугольные фестоны, в том числе заштрихованные и заполненные насечками, косые сетки, горизонтальные зигзаги и пр.), стала однозначно связываться с включением населения гороховской культуры лесостепного Зауралья в состав ранних кочевников (см., например: [Таиров, 1998; Гуцалов, 2005; Таиров, Гуцалов, 2006]). Как было показано выше, данная часть концепции М.Г. Мошковой явилась основополагающей для последующих построений о приоритете зауральского импульса для формирования единой общесарматской прохоровской культуры. Однако рассмотренные вопросы сложения гороховской культуры и специфики так называемых «Челябинских курганов» не позволяют говорить о «гороховской экспансии» в степь в V–IV вв. до н.э. и, как следствие, гороховском происхождении степных инноваций этого времени. Сам факт появления у кочевников Южного Урала (с приоритетностью Южного Зауралья) инокультурной керамики несомненен, но концепцией 1974 г. и ее последующим развитием объясниться не может.

Детальный анализ «лесостепных» признаков кочевнической керамики Южного Зауралья и их эволюции был сделан мной ранее [Савельев, 2000; 2022], и за прошедшее время основные выводы не изменились, а только уточнились. Происхождение всей ранней «тальковой» кочевнической керамики по формам и орнаментации связано с южной оконечностью иткульского ареала в восточных предгорьях Урала (озера в верховьях р. Миасс), где на этапе формирования иткульской культуры из постмежовской основы под саргаринским и бархатовским влиянием возник яркий и очень своеобразный керамический комплекс, названный мной «раннегафурийским»⁴ [Савельев, 2000, с. 24–34; 2022, с. 59] (по В.А. Борзунову – «гафурийский», по Г.В. Бельтиковой – «межевско-гафурийский», по В.Т. Петрину – «гафурийско-иткульский», по А.Ф. Шорину – «межевско-сарматоидный»⁵). Характерные для этого комплекса (рис. 1) утолщения шеек, внутреннее ребро на шейке, орнаментация насечками плоского среза венчика, валики и производные от них каннылюры, геометрический орнамент имеют своим истоком бархатовскую культуру лесостепного Притоболья. Появившиеся в кочевнических погребениях

Южного Зауралья V в. до н.э. различные яйцевидные сосуды с приостренным и округлым дном (рис. 2), митровидные формы, широкогорлые чаши с округлым или уплощенным дном, гребенчатая орнаментация (рис. 4) также имеют в целом иткульское происхождение. Для кочевников этот комплекс существовал в качестве «лесостепной моды», связанной, вероятно, с широким распространением брачных связей⁶ с более северным оседлым населением (по очень удачной формулировке С.В. Шараповой – с аборигенным «досаргатским» населением восточных предгорий Урала [Шарапова, 2022, с. 48–49]). Развитие этой керамики в кочевой среде шло по линии значительного упрощения форм и орнаментов (рис. 5) и к III в. до н.э. она как единый комплекс практически полностью, за исключением отдельных реплик, исчезла. Использование М.Г. Мошковой «прохоровской» «тальковой» керамики III–II вв. до н.э. из самого северного для Приуралья могильника Старые Киишки [Мошкова, 1963, с. 24–29] при анализе этой группы керамики давало видимость ее длительного существования в кочевой среде. Однако последующие работы показали, что данная керамика в могильнике Старые Киишки не собственно кочевническая, а поступавшая к кочевникам «киишкинско-бишунгровской» группы от оседлого населения кара-абызской культуры, в среде которой несколькими поколениями ранее осела и активно ассимилировалась группа кочевников «филипповского круга», принесшая с собой керамический комплекс, который и стал основой для сложения собственно гафурийского [Савельев, 2010, с. 316–319; 2014].

Все приведенные данные свидетельствуют об одном – «гороховскую керамическую традицию нельзя признать в качестве прототипа прохоровской» [Пантелеева, 2008, с. 87], что ранее неоднократно отмечалось и мной [Савельев, 2000; 2007].

Система «степь – лесостепь» и ранние кочевники Южного Урала: к формированию новой концепции (вместо заключения)

Миграционная концепция, основа которой была сформулирована М.Г. Мошковой в 1974 г., явилась важнейшей объяснительной

моделью для интерпретации этнокультурных процессов в степях Южного Урала и лесостепной зоне Зауралья эпохи раннего железа на начальном этапе изучения этих территорий, но в настоящее время в нее должны быть внесены значительные корректизы.

Говоря о лесостепи, необходимо отметить, что формирование погребальных традиций гороховской культуры относится ко времени не ранее середины IV в. до н.э. и в значительной степени на основе стереотипов кочевников Южного Урала. Причиной этому явилось очень раннее, еще с раннесакского времени, освоение кочевниками степей Южного Зауралья богатых ресурсами лесостепных равнин, значительно усилившиеся к середине I тыс. до н.э. В отличие от лесостепей к западу от края Уральских гор, в южной части отделенных от степи низкогорными возвышенностями, а в северной – резкой и контрастной границей по среднему течению р. Белая, к востоку от Урала переход от степи к лесостепи и лесу очень постепенный и плавный, что позволяло кочевникам осваивать территории вплоть до долины р. Исеть, то есть примерно на 150 км к северу от современного г. Челябинск. Эта же плавность границ имела и еще одно следствие – наличие широкой слабозаселенной полосы между кочевым и оседлым миром. Именно эта полоса приоритетно и начала осваиваться кочевниками – об этом свидетельствуют как так называемые «Челябинские курганы», так и гороховский могильник Озерный-1 в верховьях Тобола, где найден прямоугольный каменный жертвенник на четырех ножках [Рябинина, 2011; Маргарян, 2024, с. 755, № 41-10]. Все более поздние (конец IV – III в. до н.э.) и относительно богатые гороховские могильники (Царев, Скаты, Шмаково, Куртамыш, Большеказакбаево II и др.) расположены значительно севернее и в основном ближе к р. Тобол. По подсчетам С.Е. Пантелеевой, эта группа, с одной стороны, объединяется наличием сосудов с орнаментом в виде каннелюр, а с другой – высоким весом защитного и наступательного вооружения, украшений из золота и серебра, наличием подбоев, крупных ям, шатров, погребений детей с оружием и пр. [Пантелеева, 2012, с. 189–191, табл. 1, 2]. Каннелюры, резная техника орнаментации, наличие плоского дна – все это на-

ходит свои истоки именно в кочевнической «тальковой» керамике, и их появление в лесостепи связано с проникновением кочевников и наслоением их на аборигенное население, что и привело к формированию собственно гороховского керамического комплекса [Пантелеева, 2010, с. 91–95]. Вероятность такого «возвратного» появления гороховской керамики, то есть ее вторичности по отношению к кочевнической «тальковой», ранее рассматривалась и мной [Савельев, 2007, с. 186, примеч. 113]. По стандартизированному виду керамики с обедненным орнаментом (рис. 6,9), а также специфическим типам погребальной обрядности и инвентаря, массовое продвижение кочевников в лесостепь может быть отнесено к середине – второй половине IV в. до н.э.

Вероятно, подобная достаточно крупная «кочевническая инвазия» в лесостепь основывалась на сетевом принципе освоения территории nomadov Южного Урала, когда относительно крупные гетерогенные могильники или их скопления располагались в основном на расстоянии 30–40 км друг от друга, представляя собой центры территориальных групп кочевого населения. Причины появления новых таких групп на удаленных к северу слабозаселенных территориях могут быть демографическими или экологическими.

Лесостепной же компонент в кочевнических памятниках Южного Зауралья середины I тыс. до н.э. фиксируется только антропологически и по керамике, что и свидетельствует о широкой распространенности экзогамных браков. Никаких материально фиксируемых следов погребальных традиций лесостепного населения в степи нет. Единичным исключением является курган 17 могильника Альмухаметово с женским захоронением второй половины V в. до н.э. (северная ориентировка, подогнутые ноги – как и в ряде Челябинских курганов, два крупных горшка, близких иткульским или раннегаурийским), расположенный далеко за пределами основного могильника (рис. 3).

Все эти данные свидетельствуют о том, что линейная миграционная концепция 1974 г., связывающая воедино события в зауральско-западносибирской лесостепи с ключевыми элементами трансформации культуры кочевников на стыке скифской и сарматской эпох

(то есть «формирование прохоровской культуры»), в реальности объединила в себе несколько самостоятельных линий внутреннего развития и взаимодействия с внешним миром как кочевого, так и лесостепного населения. Каждая из этих линий должна являться предметом самостоятельного источниковедческого анализа.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор благодарен д.и.н. А.Д. Таирову (ЮУрГУ, г. Челябинск) – за многолетние конструктивные дискуссии по теме данной статьи и разрешение привести графическую реконструкцию сосуда из кургана 1 могильника Кирса, а также к.и.н. К.Г. Маргарян (ЮУрГУ, г. Челябинск) – за значительную помощь в атрибуции ряда находок из так называемых «Челябинских курганов».

ACKNOWLEDGMENTS

The author is grateful to Doctor of Sciences (History) Alexander Tairov (South Ural State University, Chelyabinsk) for many years of constructive discussions on the topic of this article and permission to provide a graphic reconstruction of a vessel from kurgan 1 of the Kirsa burial ground, as well as Candidate of Sciences (History) Ksenia Margaryan (South Ural State University, Chelyabinsk) for significant assistance in attributing a number of finds from the so-called “Chelyabinsk Kurgans.”

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основной вопрос непринятия положений, сформулированных мной в монографии «Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа» [Савельев, 2007], со стороны специалистов по зауральско-западносибирской лесостепи связан с таксономическим положением гороховской культуры – отдельная это культура или крайний западный вариант саргатской историко-культурной общности и таксономического положения в них так называемых «айских» памятников. В настоящей статье этот вопрос не рассматривается, тем более что, по мнению С.Е. Пантелеевой, «вне зависимости от решения проблемы об объединении или разделении айских и гороховских памятников, их принадлежность к единому культурному континууму не вызывает сомнений» [Пантелеева, 2012, с. 182]. До больших аналитических исследований по гороховской про-

блематике данный подход представляется самым нейтральным и наиболее приемлемым.

² Данный жертвенник долгое время считался найденным «в одном из курганов IV в. до н.э. под Челябинском» [Смирнов, 1964, с. 165; Маргарян и др., 2020, с. 184, № 12]. Благодарю к.и.н. К.Г. Маргарян (ЮУрГУ, г. Челябинск) и Е.Н. Гончарову (Музей истории и археологии Урала, г. Екатеринбург), атрибутировавших этот жертвенник по коллекционной описи Свердловского музея [Берс, 1959]. Это позволило точно определить место его находки – «курган на 11 версте Миасского тракта, раскопки Н.К. Минко 1906 г.».

³ Например, могильник Переволочан 2 в Зауральской Башкирии (неопубликованные раскопки С.В. Сиротина, 2008 г.).

⁴ Соотношение «раннегафурийского» зауральского и «гафурийского» приуральского керамических комплексов не прямое, как это предполагалось исследователями зауральских древностей, а опосредованное, через кочевническую среду [Савельев, 2014; 2015].

⁵ Рассматривать данный комплекс как сформировавшийся под воздействием кочевнических керамических традиций (то есть «сарматоидный») невозможно, так как в степи Южного Зауралья подобная керамика появилась только в V–IV вв. до н.э., в иткульском же ареале она формируется на несколько веков ранее.

⁶ Под брачными связями в рассматриваемом случае подразумеваются устойчивые контакты кочевников Южного Зауралья с лесостепным населением, при которых женщины, входившие в состав кочевого социума, приносили с собой также и гончарные традиции, которые в отрыве от сформировавшего их общества начинали быстро изменяться [Савельев, 2000], что породило своеобразную «лесостепную моду» [Савельев, 2022], совмещавшую в себе в самых разных комбинациях собственно кочевнические и принесенные лесостепные традиции гончарства. Именно такой вариант смешения традиций реконструируется и на основе технико-технологического анализа керамики кочевников Южного Урала [Краева, 2015].

ПРИЛОЖЕНИЯ

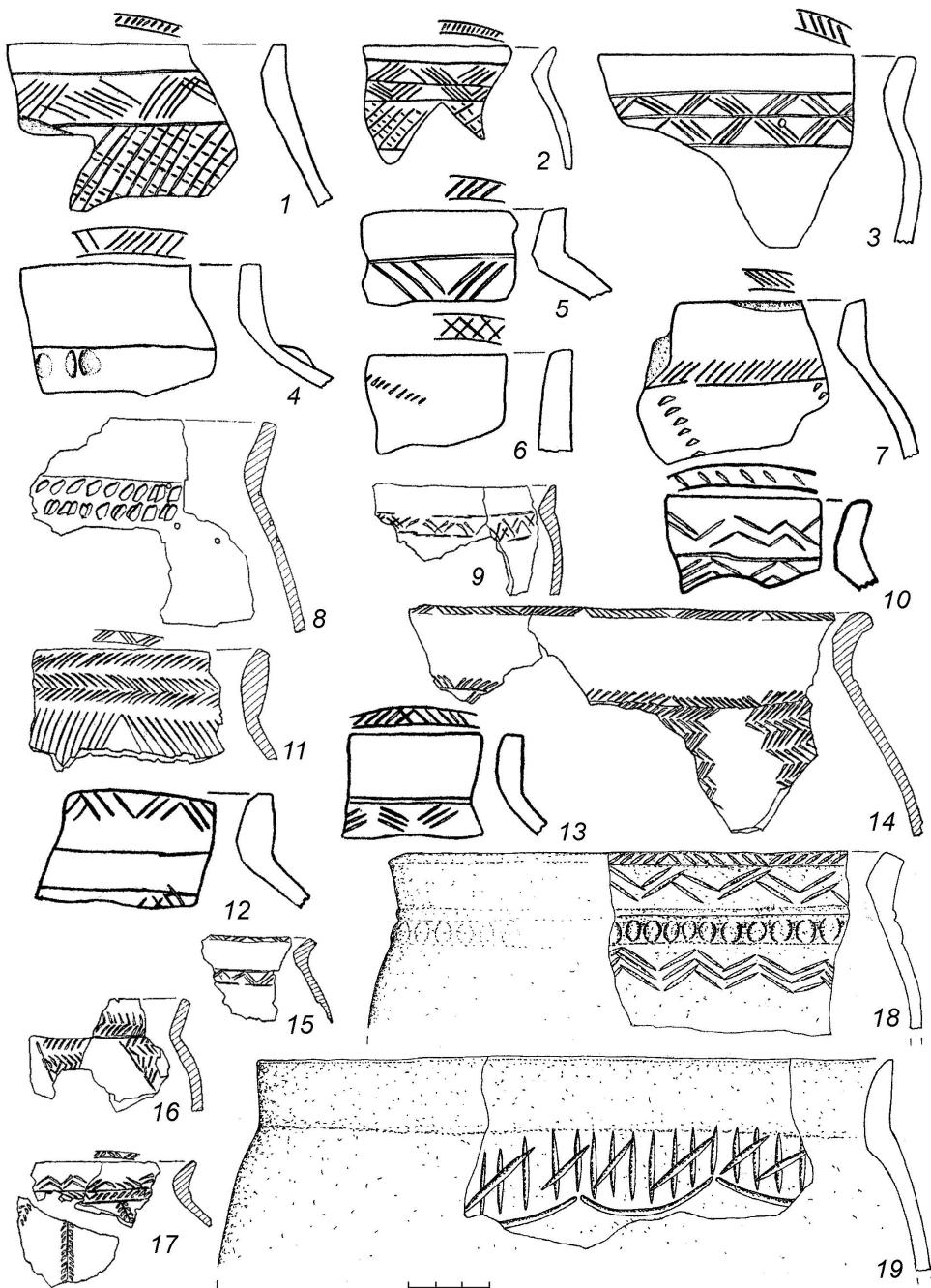

Рис. 1. Раннегаурийский керамический комплекс. Поселения восточных предгорий Южного Урала (верховья р. Миасс):

1–7 – Березки II; 8, 9, 11, 14–17 – Остров Малый Вишневый; 10 – Перевозный III; 12 – Аргази XIII;
13 – Березки V; 18, 19 – Няшевка.

1–7, 10, 12, 13 – по: [Шорин, 1996, рис. 4–5]; 8, 9, 11, 14–17 – по: [Бельтикова, 1988, рис. 2–3];
18, 19 – раскопки Л.Я. Крижевской, 1966 г. (фонды МАЭ УФИЦ РАН); 1–19 – рисунки автора

Fig. 1. Early Gafury ceramic complex. Settlements of the eastern foothills of the Southern Urals
(upper reaches of the Miass River):

1–7 – Berezki II; 8, 9, 11, 14–17 – Maly Vishnevyy Island; 10 – Perevozny III; 12 – Argazi XIII;
13 – Berezki V; 18, 19 – Nyashevka.

1–7, 10, 12, 13 – after: [Shorin, 1996, fig. 4–5]; 8, 9, 11, 14–17 – after: [Beltikova, 1988, fig. 2–3];
18, 19 – excavations by L.Ya. Krizhevskaya, 1966 (funds of the MAE UFIC RAS); 1–19 – drawings by the author

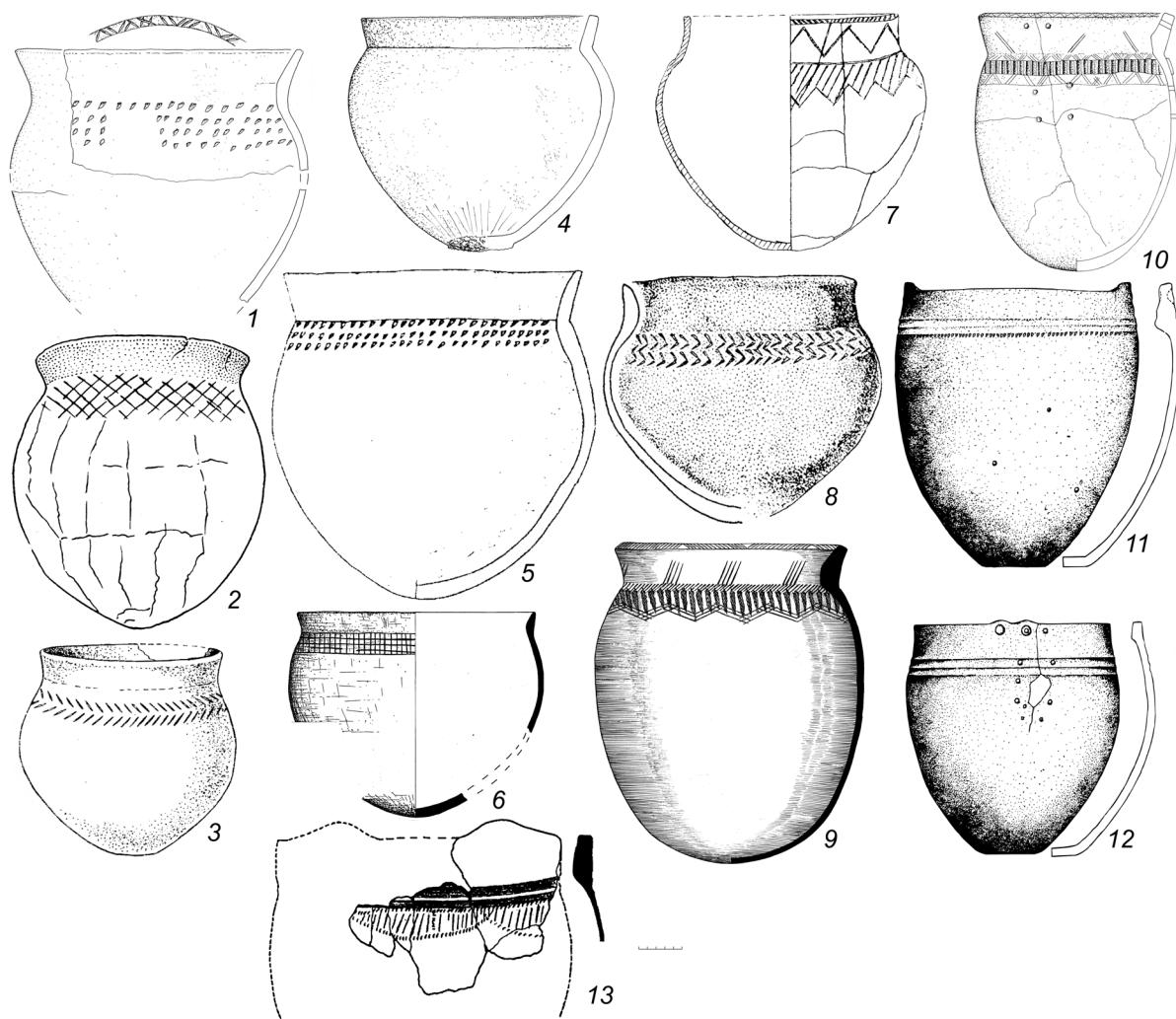

Рис. 2. Яйцевидные сосуды из погребений ранних кочевников Южного Урала V–IV вв. до н.э.:

1 – Кирса, кург. 1; 2 – курган на 11-й версте Миасского тракта (по: [Мошкова, 1969, рис. 1,7]; 3 – Альмухаметово, кург. 9 погр. 4 (по: [Пшеничнюк, 1983, табл. XXXV,15]; 4 – Валитово-2, кург. 2, кост. 1; 5 – курган у с. Наваринка, погр. 4 (по: [Гуцалов, Боталов, 2001, рис. 6,9]); 6 – Гадельша III (по: [Савельев, 2000, рис. 5,5]); 7 – Кудуксай III, кург. 1 (по: [Гуцалов, 2005, рис. 3,1]); 8 – Дэвкескен-4, кург. 2 (по: [Ягодин, 1990, рис. 13]); 9 – Яковлевка, кург. 1 (по: [Федоров, Васильев, 1998, рис. 5,2]); 10 – Майлыйбай-2; 11, 12 – Шумаево I, кург. 4 погр. 1 (по: [Моргунова и др., 2003, рис. 20,2,4]); 13 – Новый Кумак, группа III, кург. 3 погр. 1 (по: [Заседателева, 2006, рис. 4]).

1, 4, 6, 10 – рисунки автора

Fig. 2. Ovoid vessels from the burials of the early nomads of the Southern Urals in the 5th – 4th centuries BC:

1 – Kirsa, kurgan 1; 2 – kurgan on the 11th verst of the Miassky tract (after: [Moshkova, 1969, fig. 1,7]; 3 – Almukhametovo, kurgan 9, burial 4 (after: [Pshenichnyuk, 1983, table XXXV,15]; 4 – Valitovo-2, kurgan 2, skeleton 1; 5 – kurgan near the village of Navarinka, burial 4 (after: [Gutsalov, Botalov, 2001, fig. 6,9]); 6 – Gadelsha III (after: [Savelev, 2000, fig 5,5]); 7 – Kuduksa III, kurgan 1 (after: [Gutsalov, 2005, fig. 3,1]); 8 – Devkesken-4, kurgan 2 (after: [Yagodin, 1990, fig. 13]); 9 – Yakovlevka, kurgan 1 (after: [Fedorov, Vasiliyev, 1998, fig. 5,2]); 10 – Mailybay-2; 11, 12 – Shumaev I, kurgan 4 burial 1 (after: [Morgunova et al., 2003, fig. 20,2,4]); 13 – Novy Kumak, group III, kurgan 3 burial 1 (after: [Zasedateleva, 2006, fig. 4]).

1, 4, 6, 10 – drawings by the author

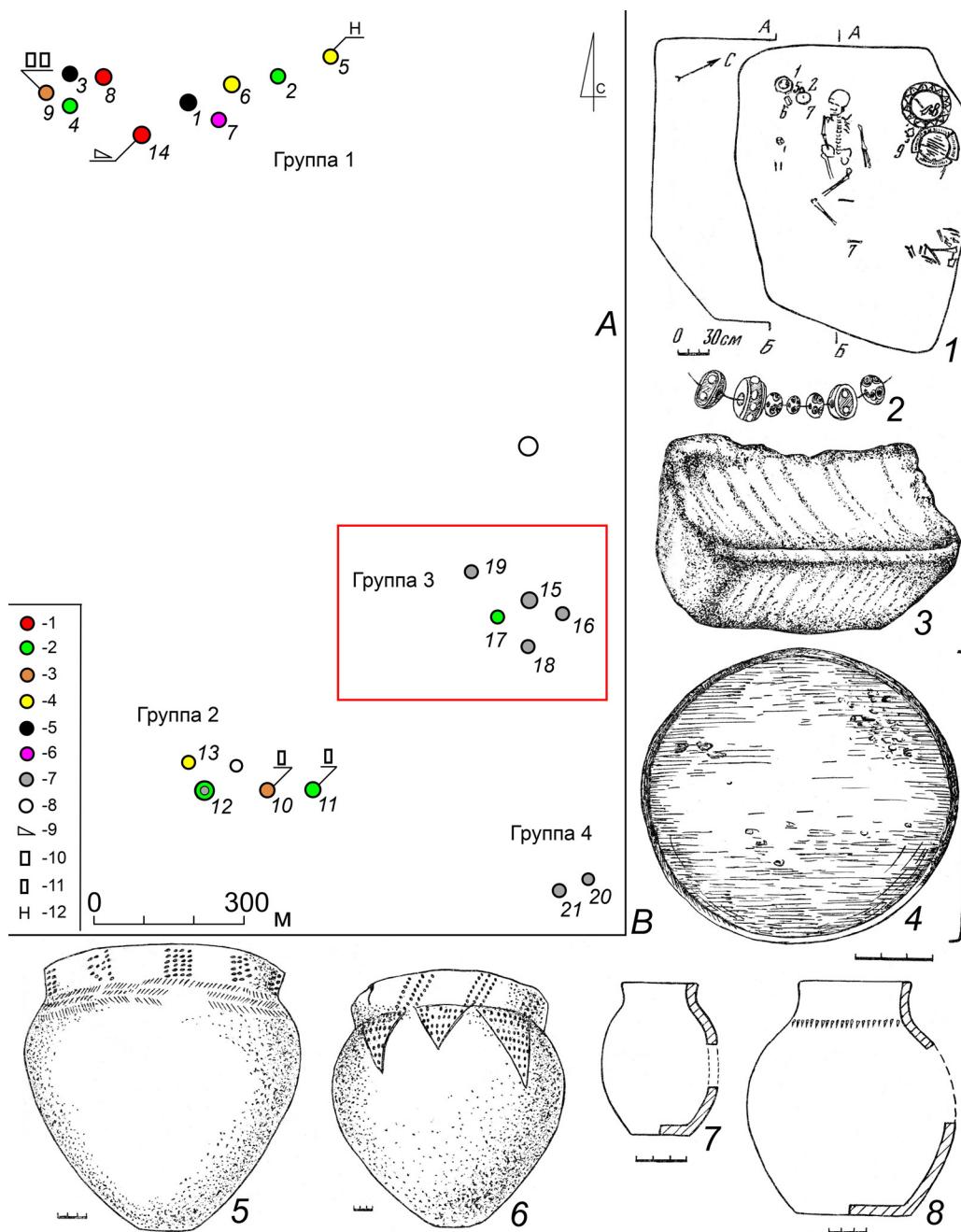

Рис. 3. Могильник Альмухаметово, курган 17. Женское погребение с яйцевидными сосудами (по: [Пшеничнюк, 1983, табл. XXXVIII]):

A – план могильника: 1 – восточноприаральский комплекс; 2 – блуменфельдский комплекс; 3 – мугоджарский комплекс; 4 – курганы с центральными подбояно-катакомбными погребениями; 5 – курганы без погребений или с неясными данными; 6 – курган позднесарматского времени; 7 – курганы эпохи бронзы; 8 – неисследованные курганы; 9–12 – боковые / впускные погребения (разные типы).
B – план погребения (1) и сопроводительный инвентарь: 2 – стеклянные бусы; 3 – каменный жертвенник; 4 – бронзовое зеркало; 5–8 – лепные глиняные сосуды

Fig. 3. Almukhametovo burial ground, kurgan 17. Female burial with ovoid vessels (after: [Pshenichnyuk, 1983, table XXXVIII]):

A – burial ground plan: 1 – East Aral complex; 2 – Blumenfeld complex; 3 – Mugodzhary complex; 4 – kurgans with central catacomb burials; 5 – kurgans without burials or with unclear data; 6 – kurgan of the Late Sarmatian period; 7 – Bronze Age kurgans; 8 – unexplored kurgans; 9–12 – lateral/inlet burials (different types). *B* – burial plan (1) and accompanying inventory: 2 – glass beads; 3 – stone altar; 4 – bronze mirror; 5–8 – molded clay vessels

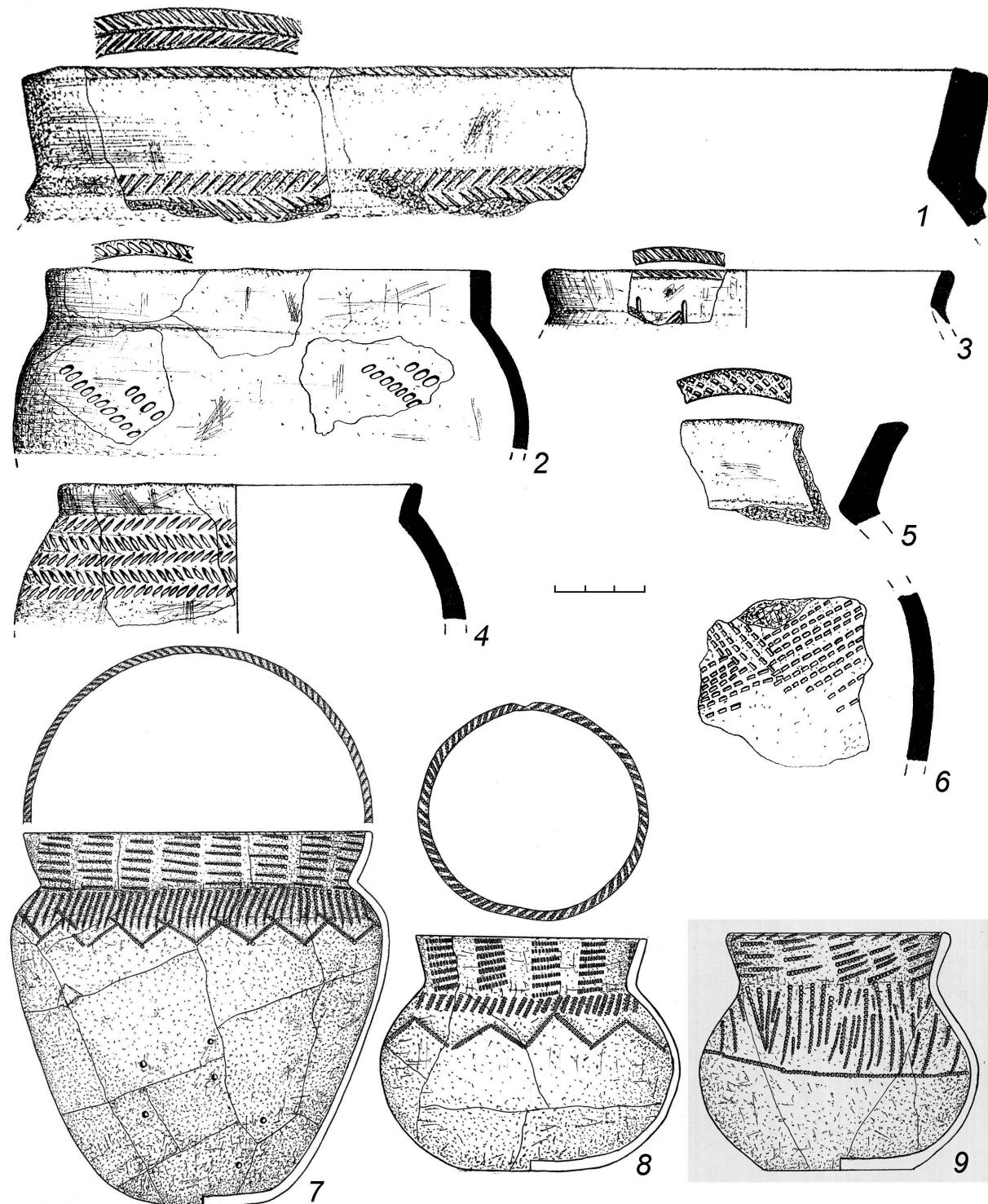

Рис. 4. Керамика из Тепяновского кургана (1–6) и могильника Кичигино I (7–9):
1–6 – по: [Савельев, 2000, рис. 7]; 7–9 – по: [Тайров, 2019а, рис. на с. 167, 197], без масштаба
Fig. 4. Ceramics from the Tepyanovsky kurgan (1–6) and the Kichigino I burial ground (7–9):
1–6 – after: [Savelev, 2000, fig. 7]; 7–9 – after: [Tairov, 2019a, fig. on pp. 167, 197], without scale

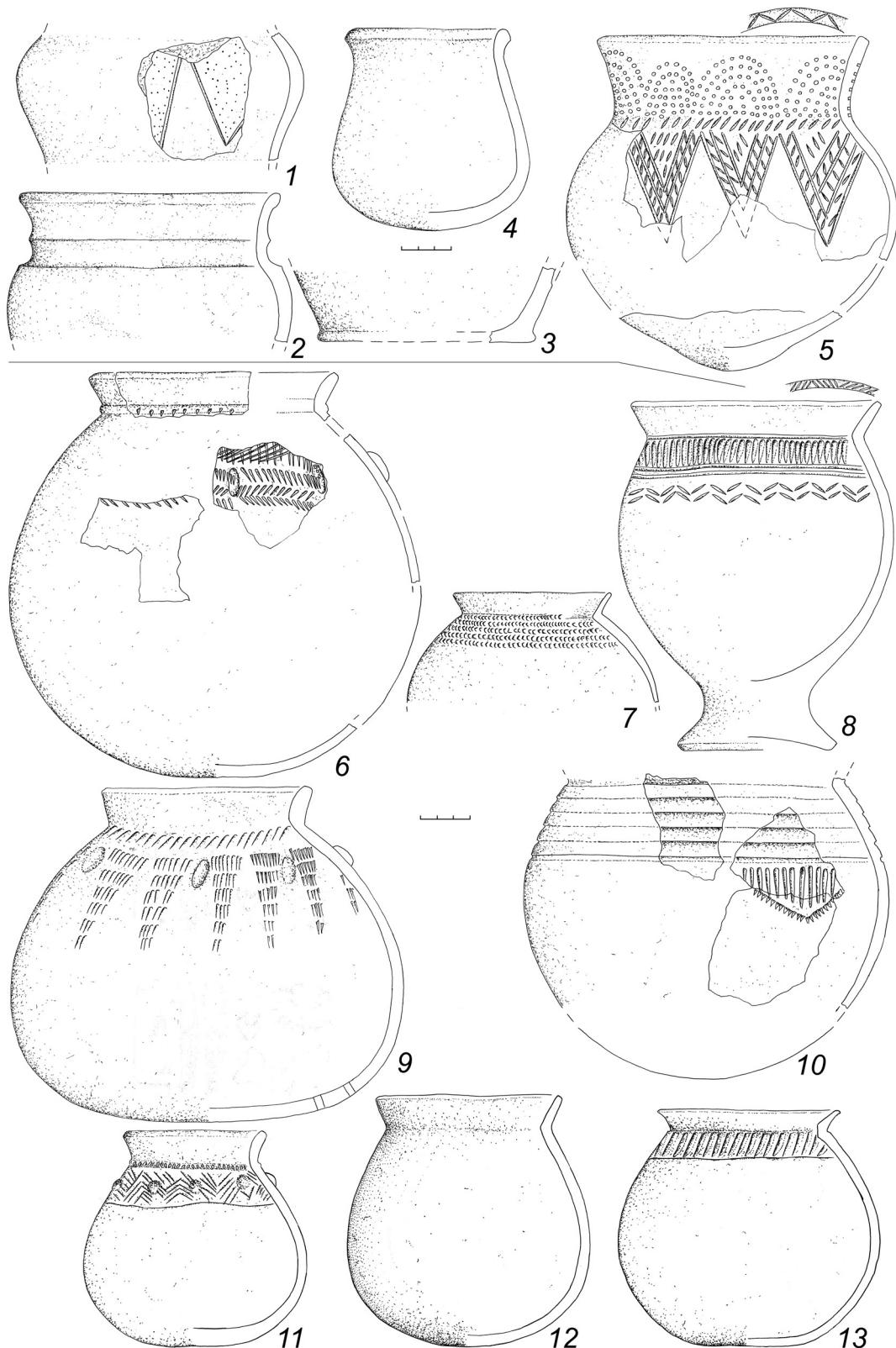

Рис. 5. Курганный могильник Переволочан I (V–IV вв. до н.э.). Керамика раннего и позднего этапов:

1–5 – кург. 8; 6, 7 – кург. 3; 8 – кург. 5; 9 – кург. 1; 10 – кург. 10; 11–13 – кург. 11. Рисунки автора

Fig. 5. Kurgan burial mound of Perevolochan I (5th – 4th centuries BC). Ceramics of the early and late stages:
1–5 – kurgan 8; 6, 7 – kurgan 3; 8 – kurgan 5; 9 – kurgan 1; 10 – kurgan 10; 11–13 – kurgan 11. Drawings by the author

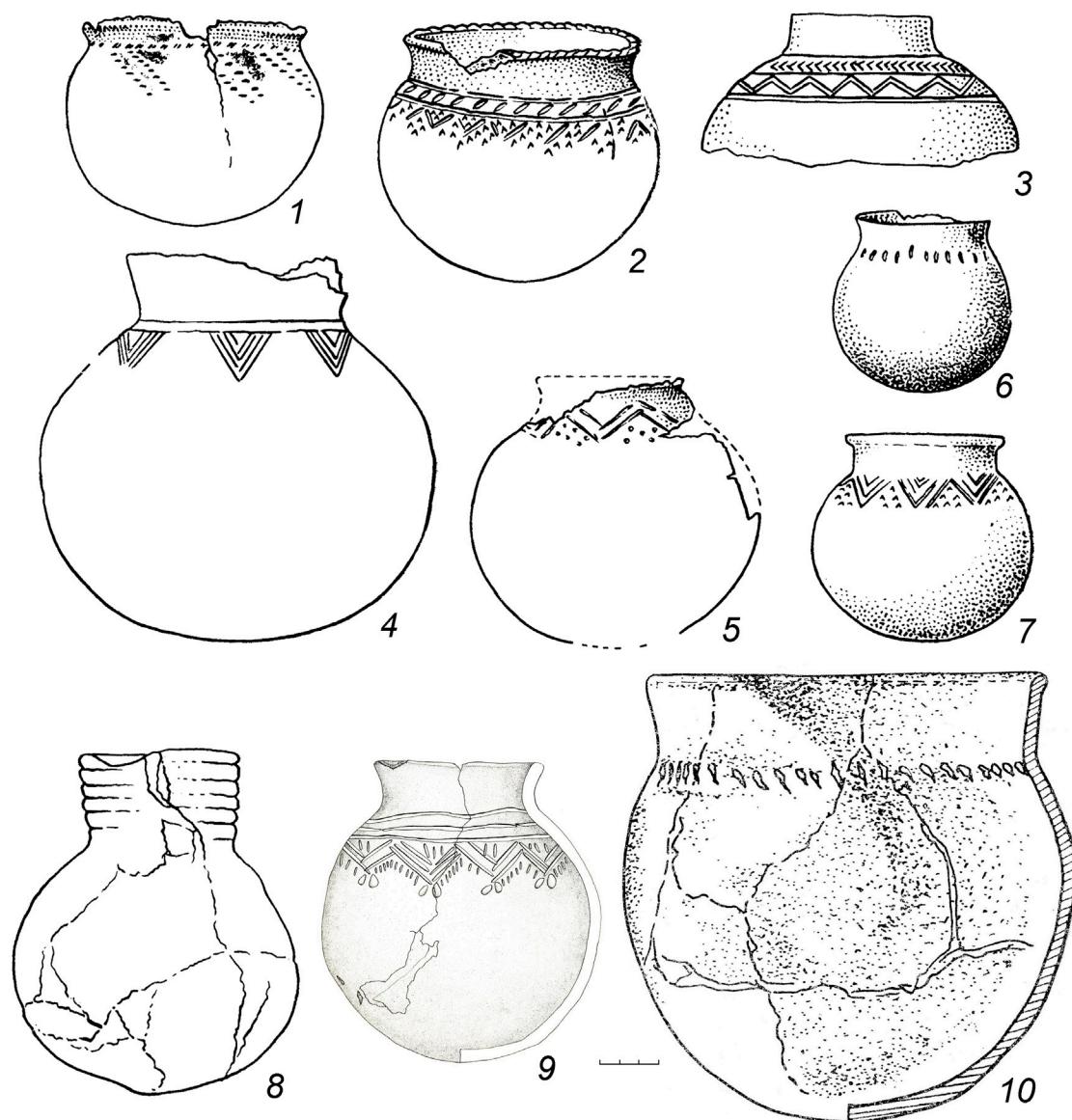

Рис. 6. Глиняные сосуды «Челябинских курганов» (1–8, 10) и могильника гороховской культуры Озерный-1 в верхнем течении р. Тобол (9):
 1 – Черняки, кург. 36 (1908 г.); 2 – Исаево, кург. 11 (1908 г.); 3 – Синеглазово, кург. 25 (1909 г.);
 4 – Сухомесово, кург. 1 (1908 г.); 5 – Синеглазово, кург. 25 (1908 г.); 6 – Исаево, кург. 20 (1909 г.);
 7 – Исаево, кург. 23 (1909 г.); 8 – курган на пашнях казака Смоляна (1906 г.); 9 – Озерный-1, кург. 5 погр. 3;
 10 – Шатрово I, кург. 3. 1–8 – по: [Мошкова, 1969, рис. 1]; 9 – по: [Рябинина, 2011, рис. 1,6];
 10 – по: [Терехова, Чемякин, 1983, рис. 1,12]

Fig. 6. Clay vessels of the “Chelyabinsk kurgans” (1–8, 10) and the burial ground of the Gorokhovo Culture Ozerny-1 in the upper reaches of the Tobol River (9):
 1 – Chernyaki, kurgan 36 (1908); 2 – Isakovo, kurgan 11 (1908); 3 – Sineglazovo, kurgan 25 (1909);
 4 – Sukhomesovo, kurgan 1 (1908); 5 – Sineglazovo, kurgan 25 (1908); 6 – Isakovo, kurgan 20 (1909);
 7 – Isakovo, kurgan 23 (1909); 8 – kurgan on the arable land of Cossack Smolin (1906); 9 – Ozerny-1, kurgan 5, burial 3;
 10 – Shatrovo I, kurgan 3. 1–8 – after: [Moshkova, 1969, fig. 1]; 9 – after: [Ryabinina, 2011, fig. 1,6];
 10 – after: [Terekhova, Chemyakin, 1983, fig. 1,12]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бельтикова Г. В., 1988. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Вопросы археологии Урала. Вып. 19. Свердловск : УрГУ. С. 103–117.

Берс Е. М., 1959. Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея. Свердловск : СОКМ. 84 с.

Булдашов В. А., Боталов С. Г., 2016. Новые аспекты исследования могильника Мурзино I // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей. С. 318–340.

Васильев В. Н., 2004. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. С. 153–172.

Граков Б. Н., 1947. ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ. Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. № 3. С. 100–121.

Гуцалов С. Ю., 2005. Зауральская керамика в погребениях ранних кочевников Южного Приуралья // Вестник ЧГПУ. № 3. С. 84–98.

Гуцалов С. Ю., Боталов С. Г., 2001. Курганы прохоровской культуры в районе Магнитогорска // Уфимский археологический вестник. Вып. 3. С. 148–161.

Железчиков Б. Ф., 1987. Южное Приуралье в V–IV вв. до н.э. // Проблемы археологии степной Евразии : тез. докл. Ч. 2. Кемерово : КемГУ. С. 38–40.

Заседателева С. Н., 2006. Прохоровское погребение Ново-Кумакского могильника. К вопросу взаимодействия степного и лесного населения Южного Урала в раннем железном веке // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы III Регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск : ЧелГУ. С. 95–98.

Корякова Л. Н., Попова С. М., 1987. К вопросу о сравнении саргатской и савромато-сарматской культур // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : ЧелГУ. С. 37–45.

Краева Л. А., 2015. Сарматская керамика как исторический источник // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии : междунар. симп. (29–31 октября 2013 г., Москва). М. : ИА РАН. С. 229–242.

Куриных О. И., 2011. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI–I вв. до н.э. (по материалам могильников у с. Покровка) // Российская археология. № 3. С. 42–54.

Маргарян К. Г., 2024. Каменные жертвенники ранних кочевников Евразии : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск. 935 с.

Маргарян К. Г., Купцов Е. А., Сиротин С. В., Бытковский О. Ф., Купцова Л. В., 2020. Геометрический орнамент как датирующий элемент на каменных жертвенниках ранних кочевников Евразии // Stratum plus. № 3. С. 171–190.

Матвеева Н. П., 2019. Гороховская культура в системе древностей раннего железного века Зауралья // Российская археология. № 1. С. 19–34. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630004109-8>

Могильников В. А., 1992. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М. : Наука. С. 274–311.

Моргунова Н. Л., Гольева А. А., Краева Л. А., Мещеряков Д. В., Турецкий М. А., Халипин М. В., Хохлова О. С., 2003. Шумяевские курганы. Оренбург : ОГПУ. 392 с.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д1-10. М. : АН СССР. 56 с.

Мошкова М. Г., 1969. Погребения VI–IV вв. до н.э. в Челябинской группе курганов // Древности Восточной Европы. МИА. № 169. М. : Наука. С. 138–147.

Мошкова М. Г., 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М. : Наука. 52 с.

Мошкова М. Г., 1989. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности : науч. доклад, представленный в качестве дис. ... д-ра ист. наук. М. 48 с.

Мышкин В. Н., 2017. Курганы скифского времени с погребениями на уровне дневной поверхности в степях Южного Урала: обрядовые характеристики // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45, № 3. С. 96–105. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2017.45.3.096-105>

Пантелеева С. Е., 2008. Культурные взаимодействия и трансформации в Южном Зауралье в середине I тыс. до н.э. (к вопросу о соотношении гороховских и прохоровских комплексов) // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : ОмГУ. С. 87–92.

Пантелеева С. Е., 2010. Гороховская культура: формирование и динамика развития (по материалам керамических коллекций) // Уральский исторический вестник. № 2 (27). С. 87–95.

Пантелеева С. Е., 2012. Погребальная керамика гороховской культуры: вариативность как маркер социальных границ // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 11, вып. 3 : Археология и этнография. С. 180–193.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 199 с.

Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем. С. 62–96.

Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.

Рябинина Е. А., 2011. Комплекс раннего железного века могильника Озерный-1 в Верхнем Притоболье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. СПб. ; М. ; Великий Новгород : ИИМК РАН. С. 376–377.

Савельев Н. С., 2000. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. С. 17–48.

Савельев Н. С., 2007. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа : Гилем. 260 с.

Савельев Н. С., 2010. Керамические импорты кара-абызской культуры: их происхождение, контекст и датирующие возможности // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. МИАР. № 13. М. : Тайс. С. 299–322.

Савельев Н. С., 2014. Сарматизация лесостепи Южного Приуралья: предпосылки, основные этапы, характеристики, следствия // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. С. 191–206.

Савельев Н. С., 2015. Поселенческие памятники кочевников скифо-сарматского времени в южной части горно-лесной зоны Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 15. С. 62–84.

Савельев Н. С., 2019. Южный Урал в I тыс. до н.э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // Уфимский археологический вестник. Вып. 19. С. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.004>

Савельев Н. С., 2021. Малые Гумаровские курганы скифо-сарматского времени на Южном Урале: хронология, особенности погребального обряда и вопросы культурной атрибуции // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20, № 1. С. 179–203. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.9>

Савельев Н. С., 2022. Культовое место эпохи ранних кочевников на горе Крутая в Южном Зауралье // Российская археология. № 1. С. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869606322010172>

Савельев Н. С., 2023. Каменные жертвенники // Сокровища сарматских вождей : Древности середины I тыс. до н.э. из Филипповских курганов на Южном Урале : науч. каталог. М. : ГМИИ им. А.С. Пушкина. С. 212–215.

Савельев Н. С., 2025. Мечи и кинжалы типа Солоха Южного Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Интеграции гуманитарного и естественно-научного подходов в археологии раннего металла. К 70-летию Александра Дмитриевича Таирова : материалы IX Всерос. науч. конф. Челябинск : ГИМЮУ. С. 98–103.

Сиротин С. В., 2010. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. МИАР. № 13. М. : Тайс. С. 323–338.

Сиротин С. В., 2013. Катаомбные погребальные комплексы IV в. до н.э. могильника «Авласовские курганы» из Южного Зауралья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11 (37), ч. II. С. 163–169.

Сиротин С. В., 2017. Хронология и планиграфия курганного некрополя Ивановские I курганы в Зауральской Башкирии // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск : ГИМЮУ. С. 132–139.

Смирнов К. Ф., 1964. Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука. 381 с.

Стоянов В. Е., 1973. О могильниках Зауральско-Западносибирской лесостепи (ранний железный век) // Вопросы археологии Урала. Вып. 12. Свердловск : УрГУ. С. 44–57.

Таиров А. Д., 1998. Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург : Димур. С. 87–96.

Таиров А. Д., 2009. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V – начале IV в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. С. 137–148.

Таиров А. Д., 2016а. Ранний железный век лесостепной зоны Южного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей. С. 16–31.

Таиров А. Д., 2016б. Взаимодействие населения лесостепи и степи Южного Зауралья в VII–II вв. до н.э.// Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей. С. 443–468.

Таиров А. Д., 2019а. Южный Урал в эпоху ранних кочевников. История Южного Урала. Т. 3. Челябинск : ЮУрГУ. 400 с.

Таиров А. Д., 2019б. Памятники ранних кочевников на северо-восточной периферии сарматского мира // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 1. С. 97–109. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.8>

Таиров А. Д., Гаврилюк А. Г., 1988. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск : БашГУ. С. 141–159.

Таиров А. Д., Гуцалов С. Ю., 2006. Этнокультурные процессы на Южном Урале в VII–II вв. до н.э. // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Челябинск : Рифей. С. 312–341.

Таиров А. Д., Шапиро А. Д., 2024. Новые антропоморфные фигурки из лесостепного Зауралья // Уфимский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 333–347. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.019>

Терехова Л. М., Чемякин Ю. П., 1983. Новый могильник раннего железного века в Челябинской области // История и культура сарматов. Саратов : СГУ. С. 129–138.

Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 62–96.

Хабдулина М. К., Малютина Т. С., 1982. Погребальный комплекс V–IV вв. до н.э. из Челябинской области // Краткие сообщения института археологии. Вып. 170. С. 73–80.

Шарапова С. В., 2022. Древности раннего железного века лесостепного Зауралья и Западной Сибири. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН. 208 с.

Шорин А. Ф., 1996. О роли межовской культуры Среднего Зауралья в формировании уральских культур раннего железного века // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. Уфа : Вост. ун-т. С. 20–32.

Яблонский Л. Т., 2016. А.Х. Пшеничнюк о ранних кочевниках Южного Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 16. С. 96–100. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2016.16.006>

Ягодин В. Н., 1990. Курганный могильник Дэвкескен-4 // Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент : Фан. С. 8–81.

Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashov V., Courtaud P., Epimajov A., Gonzalez E., Kovrigin A., Kosintsev P., Langouet L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Rajev D., Sharapova S., Ugé M.-C., 2002. Habitats et necropolis de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Les fouilles de 1993 à 1997. Memoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. XI. Paris : Diffusion de Brocard. 291 p.

REFERENCES

Beltikova G.V., 1988. Pamiatnik metallurgii na ostrove Malyy Vishnevyy [Metallurgy Site on Maly Vishnevyy Island]. *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri. Voprosy arheologii Urala* [The Material Culture of the Ancient Population of the Urals and Western Siberia. Issues of Ural Archeology], iss. 19. Sverdlovsk, UrSU, pp. 103-117.

Bers E.M., 1959. *Katalog arheologicheskikh kollektsiy Sverdlovskogo kraevedcheskogo muzeya* [Catalog of Archaeological Collections of the Sverdlovsk Museum of Local Lore]. Sverdlovsk, SRMIL. 84 p.

Buldashov V.A., Botalov S.G., 2016. Novye aspekty issledovaniya mogil'nika Murzino I [New Aspects of the Study of the Murzino I Burial Ground]. *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogenez)* [Archeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe (Problems of Cultural Genesis)]. Chelyabinsk, Rife, pp. 318-340.

Vasilev V.N., 2004. K hronologii ranneprohorovskogo kompleksa [Towards Chronology of Early Prokhorovka Complex]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 5, pp. 153-172.

Grakov B.N., 1947. ГУНАИКОКРАТОYMENOI. Perezhitki matriarchata u sarmatov [ГУНАИКОКРАТОYMENOI. Remnants of the Sarmatian Matriarchy]. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 100-121.

Gutsalov S. Yu., 2005. Zaural'skaya keramika v pogrebeniyah rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [Trans-Ural Ceramics in the Burials of Early Nomads of the Southern Urals]. *Vestnik ChGPU* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], no. 3, pp. 84-98.

Gutsalov S.Yu., Botalov S.G., 2001. Kurgany prohorovskoy kul'tury v rayone Magnitogorska [Mounds of the Prokhorovka Culture in the Magnitogorsk Area]. *Ufimskij arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 3, pp. 148-161.

Zhelezchikov B.F., 1987. Yuzhnoe Priural'e v V–IV vv. do n.e. [The Southern Urals in the 5th– 4th Century BC]. *Problemy arheologii stepnoy Evrazii: tez. dokl.* [Problems of Archeology of Steppe Eurasia: Abstracts of Reports], part 2. Kemerovo, KemSU, pp. 38-40.

Zasedateleva S.N., 2006. Prohorovskoe pogrebenie Novo-Kumakskogo mogil'nika. K voprosu vzaimodeystviya stepnogo i lesnogo naseleniya Yuzhnogo Urala v rannem zheleznom veke [The Prokhorovka Burial of the Novo-Kumak Burial Ground. On the Issue of Interaction Between the Steppe and Forest Populations of the Southern Urals in the Early Iron Age]. *Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale: materialy III Region. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals: Materials of the III Regional (with International Participation) Scientific and Practical Conference]. Chelyabinsk, ChelSU, pp. 95-98.

Koryakova L.N., Popova S.M., 1987. K voprosu o sravnennii sargatskoy i savromato-sarmatskoy kul'tur [On the Question of Comparing the Sargatskaya and Sauromatian-Sarmatian Cultures]. *Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [The Early Iron Age and the Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve]. Chelyabinsk, ChelSU, pp. 37-45.

Kraeva L.A., 2015. Sarmatskaya keramika kak istoricheskiy istochnik [Sarmatian Ceramics as a Historical Source]. *Sovremennye podhody k izucheniyu drevney keramiki v arheologii: mezhdunar. simp. (29–31 oktyabrya 2013 g., Moskva)* [Modern Approaches to the Study of Ancient Ceramics in Archaeology. International Symposium (October 29–31, 2013, Moscow)]. Moscow, IA RAS, pp. 229-242.

Kurinskikh O.I., 2011. Nakonechniki strel rannih kochevnikov levoberezhnogo Ileka VI–I vv. do n.e. (po materialam mogilnikov u s. Pokrovka) [Arrowheads from the Early Nomads of the Ilek Left Bank, 6th – 1st cc. BC (Based on the Materials from the Burial Grounds near Prokhorovka)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 42-54.

Margaryan K.G., 2024. *Kamennye zhertvenniki rannih kochevnikov Evrazii: dis. ... kand. ist. nauk* [Stone Altars of Early Eurasian Nomads. Cand. hist. sci. diss.]. Chelyabinsk. 935 p.

Margaryan K.G., Kuptsov E.A., Sirotin S.V., Bytkovskiy O.F., Kuptsova L.V., 2020. Geometricheskiy ornament kak datiruyushchiy element na kamennyh zhertvennikah rannih kochevnikov Evrazii [The Geometric Pattern on the Stone Altars of the Early Nomads of Eurasia as a Dating Element]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 171-190.

Matveeva N.P., 2019. Gorohovskaya kul'tura v sisteme drevnostey rannego zheleznogo veka Zaural'ya [Gorokhovo Culture in the System of Antiquities of the Early Iron Age of the Trans-Urals]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 19-34. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086960630004109-8>

Mogil'nikov V.A., 1992. Lesostep' Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri [Forest-Steppe of the Trans-Urals and Western Siberia]. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arheologiya SSSR* [The Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period. Archeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., pp. 274-311.

Morgunova N.L., Gol'eva A.A., Kraeva L.A., Meshcheryakov D.V., Tureckij M.A., Halyapin M.V., Hohlova O.S., 2003. *Shumaevskie kurgany* [The Shumaevsky Kurgans]. Orenburg, OSPU. 392 p.

Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prohorovskoy kul'tury* [Sites of Prokhorovka Culture]. SAI, iss. Д1-10. Moscow, AS USSR. 56 p.

Moshkova M.G., 1969. Pogrebeniya VI–IV vv. do n.e. v Chelyabinskoy gruppe kurganov [Burials of the 6th – 4th Centuries BC in the Chelyabinsk Group of Kurgans]. *Drevnosti Vostochnoy Evropy* [The Antiquities of Eastern Europe]. MIA, no. 169. Moscow, Nauka Publ., pp. 138-147.

Moshkova M.G., 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoy (prohorovskoy) kul'tury* [The Origin of the Early Sarmatian (Prokhorovka) Culture]. Moscow, Nauka Publ. 52 p.

Moshkova M.G., 1989. *Puti i osobennosti razvitiya savromato-sarmatskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti: nauch. doklad, predstavленный в качестве dis. ... d-ra ist. nauk* [Ways and Features of the Development of the Sauromat-Sarmatian Cultural and Historical Community. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow. 48 p.

Myshkin V.N., 2017. Kurgany skifskogo vremeni s pogrebeniyami na urovne dnevnaya poverhnosti v stepyah Yuzhnogo Urala: obryadovye harakteristiki [Scythian Age Barrows with Burials on the Ground Surface in the Southern Ural Steppes: Features of the Funerary Rite]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], vol. 45, no. 3, pp. 96-105. DOI: <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2017.45.3.096-105>

Panteleeva S.E., 2008. *Kul'turnye vzaimodeystviya i transformatsii v Yuzhnom Zaural'e v seredine I tys. do n.e.* (k voprosu o sootnoshenii gorohovskikh i prohorovskikh kompleksov) [Cultural Interactions and Transformations in the Southern Trans-Urals in the Middle of the 1st Millennium BC (on the Relationship Between the Gorokhovo and Prokhorovka Complexes)]. *VII istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [VII Historical Readings in Memory of M.P. Gryaznov]. Omsk, OSU, pp. 87-92.

Panteleeva S.E., 2010. *Gorohovskaya kul'tura: formirovaniye i dinamika razvitiya (po materialam keramicheskikh kollektivov)* [The Gorokhovo Culture: Formation and Development (On the Base of the Pottery Analysis)]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], no. 2 (27), pp. 87-95.

Panteleeva S.E., 2012. *Pogrebal'naya keramika gorohovskoy kul'tury: variativnost' kak marker sotsial'nyh granits* [Ritual Pottery of the Gorokhovo Culture: Variability as a Marker of Social Boundaries]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], vol. 11, iss. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 180-193.

Pshenichnyuk A.H., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [The Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 199 p.

Pshenichnyuk A.H., 1995. *Perevolochanskiy mogilnik* [Perevolochansky Cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Kurgans of Nomads of the Southern Urals]. Ufa, Gilem Publ., pp. 62-96.

Pshenichnyuk A.H., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Necropolis of Nomadic Nobility of the 4th Century BC in the Southern Urals]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.

Ryabinina E.A., 2011. *Kompleks rannego zheleznogo veka mogil'nika Ozernyy-1 v Verhnem Pritobol'e* [The Complex of the Early Iron Age Burial Ground Ozernyy-1 in the Upper Tobol]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arheologicheskogo syezda* [Proceedings of III (XIX) All-Russian Archaeological Congress], vol. 1. Saint Petersburg, Moscow, Velikiy Novgorod, IHMC RAS, pp. 376-377.

Savelev N.S., 2000. *Kamennye kurgany vostochnykh predgoriy Yuzhnogo Urala i nekotorye voprosy formirovaniya prohorovskoy kultury* [Stone Mounds of the Eastern Foothills of the Southern Urals and Some Issues of the Formation of the Prokhorovka Culture]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 2, pp. 17-48.

Savelev N.S., 2007. *Mesyagutovskaya lesostep' v epohu rannego zheleza* [Mesyagutovskaya Forest-Steppe in the Early Iron Age]. Ufa, Gilem Publ. 260 p.

Savelev N.S., 2010. *Keramicheskie importy kara-abyzskoy kul'tury: ih proiskhozhdenie, kontekst i datiruyushchie vozmozhnosti* [Ceramic Imports of the Kara-Abyz Culture: Their Origin, Context and Dating Possibilities]. *Arheologiya i paleoantropologiya Evraziiskih stepey i sopredel'nyh territoriy* [Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. MIAR, no. 13. Moscow, TAUS Publ., pp. 299-322.

Savelev N.S., 2014. *Sarmatizatsiya lesostepi Yuzhnogo Priural'ya: predposylni, osnovnye etapy, harakteristiki, sledstviya* [Sarmatization of the Southern Urals Forest-Steppe: Background, Milestones, Characteristics, Consequences]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 14, pp. 191-206.

Savelev N.S., 2015. *Poselechneskie pamyatniki kochevnikov skifo-sarmatskogo vremeni v yuzhnay chasti gorno-lesnoy zony Yuzhnogo Urala* [Settlement Monuments of Scythian-Sarmatian Time Nomads in Southern Mountain and Forest Area of South Ural]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [The Ufa Archaeological Herald], iss. 15, pp. 62-84.

Savelev N.S., 2019. *Yuzhnny Ural v I tys. do n.e. – osobaya kontaktnaya zona na kraynem vostoke Evropy* [The Southern Urals in the First Millennium BC as a Special Contact Zone in the far East of Europe]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 19, pp. 39-50. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.004>

Savelev N.S., 2021. *Malye Gumarovskie kurgany skifo-sarmatskogo vremeni na Yuzhnom Urale: hronologiya, osobennosti pogrebal'nogo obryada i voprosy kul'turnoy atributsii* [Small Gumarovo Kurgans of Scythian-Sarmatian Time at South Ural: Chronology, Features of the Funeral Rites and Issues of Cultural Attribution]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 20, no. 1, pp. 179-203. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.9>

Savelev N.S., 2022. *Kul'tovoe mesto epohi rannih kochevnikov na gore Krutaya v Yuzhnom Zaural'e* [A Cult Site of the Early Nomadic Period on the Mount Krutaya in the Southern Trans-Urals]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 53-66. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869606322010172>

Savelev N.S., 2023. Kamennye zhertvenniki [Stone Altars]. *Sokrovishcha sarmatskikh vozheley: Drevnosti serediny I tysyacheletiya do n.e. iz Filippovskikh kurganov na Yuzhnom Urale: nauch. katalog* [Treasures of the Sarmatian Leaders: Antiquities of the Middle of the 1st Millennium BC from the Filippovka Mounds in the Southern Urals: Scientific Catalog]. Moscow, Pushkin State Museum of Fine Arts, pp. 212-215.

Savelev N.S., 2025. Mechi i kinzhaly tipa Soloha Yuzhnogo Urala [Solokha Swords and Daggers of the Southern Urals]. *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale. Integracii gumanitarnogo i estestvenno-nauchnogo podhodov v arheologii rannego metalla. K 70-letiyu Aleksandra Dmitrievicha Tairova: materialy IX Vseros. nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Integration of Humanitarian and Natural Science Approaches in the Archaeology of Early Metal. On the 70th Anniversary of Alexander Dmitrievich Tairov: Proceedings of the IX All-Russian Scientific Conference]. Chelyabinsk, The State Historical Museum of the Southern Urals, pp. 98-103.

Sirotin S.V., 2010. Kurgan № 11 kurgannogo mogilnika Perevolochan v Zauralskoy Bashkirii [Kurgan no. 11 of the Kurgan Cemetery was Perevolochan in Trans-Ural Bashkiria]. *Arheologiya i paleoantropologiya Evraziyiskih stepey i sopredelnyh territoriy* [Archaeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. MIAR, no. 13. Moscow, Taus Publ., pp. 323-338.

Sirotin S.V., 2013. Katakombnye pogrebalnye kompleksy IV v. do n.e. mogilnika «Avlasovskie kurgany» iz Yuzhnogo Zauralya [Catacomb Burial Complexes of the IV Century BC Cemetery “Avlasovskie Kurgans” from the Southern Trans-Urals]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice], no. 11 (37), part II, pp. 163-169.

Sirotin S.V., 2017. Hronologiya i planigrafiya kurgannogo nekropolya Ivanovskie I kurgany v Zaural'skoy Bashkirii [Chronology and Planigraphy of Ivanovskie I Barrows Barrow Necropolis in the Trans-Ural Bashkiria]. *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ih okruzhenie: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Sarmatians and their Environment: Proceedings of the VII All-Russian (with International Participation) Scientific Conference]. Chelyabinsk, The State Historical Museum of the Southern Urals, pp. 132-139.

Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Sauromats. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 381 p.

Stoyanov V.E., 1973. O mogil'nikah Zaural'sko-Zapadnosibirskoy lesostepi (ranniy zheleznyy vek) [About the Burial Grounds of the Trans-Ural-West Siberian Forest-Steppe (Early Iron Age)]. *Voprosy arheologii Urala* [Issues of Ural Archeology], iss. 12. Sverdlovsk, UrSU, pp. 44-57.

Tairov A.D., 1998. Genezis rannesarmatskoy kul'tury Yuzhnogo Urala [The Genesis of the Early Sarmatian Culture of the Southern Urals]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Sites of Orenburg region], iss. 2. Orenburg, Dimur Publ., pp. 87-96.

Tairov A.D., 2009. O transformatsii kul'tury kochevnikov Yuzhnogo Urala v kontse V – nachale IV v. do n.e. [About Transformation of Culture of the Southern Urals Nomads in the End V – Beginning IV Centuries BC]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 9, pp. 137-148.

Tairov A.D., 2016a. Ranniy zheleznyy vek lesostepnoy zony Yuzhnogo Zaural'ya [The Early Iron Age of the Forest-Steppe Zone of the Southern Trans-Urals]. *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza)* [Archeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe (Problems of Cultural Genesis)]. Chelyabinsk, Rifey Publ., pp. 16-31.

Tairov A.D., 2016b. Vzaimodeystvie naseleniya lesostepi i stepi Yuzhnogo Zaural'ya v VII-II vv. do n.e. [The Interaction of the Population of the Forest-Steppe and the Steppe of the Southern Trans-Urals in the VII-II Centuries BC]. *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza)* [Archeology of the Southern Urals. Forest, Forest-Steppe (Problems of Cultural Genesis)]. Chelyabinsk, Rifey Publ., pp. 443-468.

Tairov A.D., 2019a. *Yuzhnyy Ural v epohu rannih kochevnikov. Istoryya Yuzhnogo Urala* [The Southern Urals in the Era of Early Nomads. The History of the Southern Urals], vol. 3. Chelyabinsk, SUSU. 400 p.

Tairov A.D., 2019b. Pamyatniki rannih kochevnikov na severo-vostochnoy periferii sarmatskogo mira [The Sites of the Early Nomads on the North-East Periphery of the Sarmatian World]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 1, pp. 97-109. DOI: <https://doi.org/10.15688/navjvolsu.2019.1.8>

Tairov A.D., Gavril'yuk A.G., 1988. K voprosu o formirovaniyu rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kul'tury [On the Formation of the Early Sarmatian (Prokhorovka) Culture]. *Problemy arheologii Uralo-Kazahstanskikh stepey* [Problems of Archeology of the Ural-Kazakh Steppes]. Chelyabinsk, BSU, pp. 141-159.

Tairov A.D., Gutsalov S.Yu., 2006. Etnokul'turnye processy na Yuzhnom Urale v VII–II vv. do n.e. [Ethnocultural Processes in the Southern Urals in the 7th – 2nd Centuries BC]. *Arheologiya Yuzhnogo Urala. Step' (problemy kul'turogeneza)* [Archeology of the Southern Urals. Steppe (Problems of Cultural Genesis)]. Chelyabinsk, Rifey Publ., pp. 312–341.

Tairov A.D., Shapiro A.D., 2024. Novye antropomorfnye figurki iz lesostepnogo Zaural'ya [New Anthropomorphic Figurines from the Forest-Steppe Trans-Urals]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], vol. 24, no. 2, pp. 333–347. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.019>

Terekhova L.M., Chemyakin Yu.P., 1983. Novyy mogil'nik rannego zheleznogo veka v Chelyabinskoy oblasti [A New Burial Ground of the Early Iron Age in the Chelyabinsk Region]. *Istoriya i kul'tura sarmatov* [History and Culture of the Sarmatians]. Saratov, SSU, pp. 129–138.

Fedorov V.K., Vasil'ev V.N., 1998. Yakovlevskie kurgany rannego zheleznogo veka v Bashkirskom Zaural'e [Yakovlevka Mounds of the Early Iron Age in the Bashkir Trans-Urals]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 1, pp. 62–96.

Habdulina M.K., Malyutina T.S., 1982. Pogrebal'nyy kompleks V–IV vv. do n.e. iz Chelyabinskoy oblasti [Funeral Complex of the 5th – 4th Centuries BC from the Chelyabinsk Region]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 170, pp. 73–80.

Sharapova S.V., 2022. *Drevnosti rannego zheleznogo veka lesostepnogo Zaural'ya i Zapadnoj Sibiri* [Antiquities of the Early Iron Age of the Forest-Steppe Trans-Urals and Western Siberia]. Yekaterinburg, IHA UB RAS. 208 p.

Shorin A.F., 1996. O roli mezhovskoy kul'tury Srednego Zaural'ya v formirovaniy ural'skih kul'tur rannego zheleznogo veka [On the Role of the Mezhovka Culture of the Middle Urals in the Formation of the Ural Cultures of the Early Iron Age]. *Aktual'nye problemy drevney istorii i arheologii Yuzhnogo Urala* [Current Problems of Ancient History and Archeology of the Southern Urals]. Ufa, Vost. un-t Publ., pp. 20–32.

Yablonskiy L.T., 2016. A.H. Pshenichnyuk o rannih kochevnikah Yuzhnogo Priural'ya [A.H. Pshenichnyk About the Nomadic Tribes of Southern SicUrals]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 16, pp. 96–100. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2016.16.006>

Yagodin V.N., 1990. Kurgannyy mogil'nik Devkesken-4 [Burial Mound Devkesken-4]. *Arheologiya Priaral'ya* [Archeology of the Aral Sea Region], iss. IV. Tashkent, Fan Publ., pp. 8–81.

Daire M.-Y., Koryakova L., Buldashov V., Courtaud P., Epimajov A., Gonzalez E., Kovrigin A., Kosintsev P., Langouet L., Makhonina G., Marguerie D., Pautreau J.-P., Rajev D., Sharapova S., Ugé M.-C., 2002. *Habitats et necropolis de l'Age du Fer au Carrefour de l'Eurasie. Les fouilles de 1993 à 1997. Memoires de la mission archeologique francaise en Asie Centrale. T. XI*. Paris, Diffusion de Brocard. 291 p.

Information About the Author

Nikita S. Savelev, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Archaeological Research, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prospekt Oktyabrya, 71, 450054 Ufa, Russian Federation, sns_1971@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3643-2388>

Информация об авторе

Никита Сергеевич Савельев, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела археологических исследований Института истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, просп. Октября, 71, 450054 г. Уфа, Российская Федерация, sns_1971@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3643-2388>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.3>

UDC 903'1<5/4>
LBC 63.442.14(2)-413

Submitted: 09.07.2025
Accepted: 06.08.2025

HORSE EQUIPMENT OF THE NOMADS OF THE SOUTHERN URALS IN THE SECOND HALF OF THE 6th – 5th CENTURIES BC

Vladimir N. Myshkin

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the characteristics of the complex of horse equipment accessories used by the nomads of the Southern Urals in the second half of the 6th – 5th centuries BC. The Southern Ural region is defined as the flat territories adjacent to the Southern Urals in the west and east. This complex was identified as a result of the study of the co-occurrence of more than 700 harness items found in nomadic burials and on burial platforms beneath kurgans dating to the 7th – 4th centuries BC. To determine the nature of the connections (frequency of co-occurrence), the *TYPE* program was used, designed for the typology of objects of various categories. The article provides a list of elements (bits, cheek-pieces, decorations, and other bridle accessories, saddle set parts, etc.) of the complex and their brief descriptions. The existence of this complex, judging by imported items as well as by analogies from monuments studied in other regions of settlement of Eurasian nomads, falls on the period from the middle of the 6th century BC to the end of the 5th century BC, possibly the turn of the 5th – 4th centuries BC or the very beginning of the 4th century BC. By identifying the strongest mathematically determined correlation coefficients between the types of harness accessories in this complex, it could be divided into at least two groups, which are its structural “cores.” The first group can be dated back to the second half of the 6th to the beginning of the 5th century BC, while the second group belongs to the time within the 5th century BC and, possibly, the turn of the 5th – 4th centuries BC or the very beginning of the 4th century BC. In general, this complex has clearly expressed characteristics that significantly distinguish it from earlier and later horse harness traditions.

Key words: Early Iron Age, Southern Urals, nomads, Sauromatian period, horse equipment, chronology.

Citation. Myshkin V.N., 2025. Konskoe snaryazhenie kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya vo vtoroy polovine VI – V v. do n.e. [Horse Equipment of the Nomads of the Southern Urals in the Second Half of the 6th – 5th Centuries BC]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 4, pp. 48-91. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.3>

УДК 903'1<5/4>

ББК 63.442.14(2)-413

Дата поступления статьи: 09.07.2025

Дата принятия статьи: 06.08.2025

КОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VI – V в. до н.э.

Владимир Николаевич Мышкин

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена характеристике комплекса принадлежностей конского снаряжения, использовавшегося кочевниками Южного Приуралья во второй половине VI – V в. до н.э. Под Южным Приуральем понимаются равнинные территории, прилегающие на западе и востоке к горам Южного Урала. Данный комплекс выделен в результате исследования совстречаемости более 700 предметов сбруи, обнаруженных в кочевнических погребениях и на погребальных площадках под насыпями курганов VII–IV вв. до н.э. Для определения характера связей (частоты совстречаемости) использовалась программа *TYPE*, предназначенная для типологизации объектов различных категорий. В статье приводится перечень элементов (удил, псалиев, украшений и прочих принадлежностей узды, деталей седельного набора) комплекса и их краткие характеристики. Существование этого комплекса, судя по импортным вещам, а также по аналогиям из памятников, исследованных в других регионах расселения евразийских кочевников, приходится на период от середины VI в. до н.э. до конца V в. до н.э., возможно рубежа V–IV вв. до н.э. или самого начала IV в. до н.э.

На основании выделения наиболее сильных математически определенных показателей (коэффициентов) связи между типами принадлежностей сбруи в этом комплексе могут быть выделены как минимум две группы, которые являются его структурными ядрами. Одну группу представляется возможным датировать второй половиной VI – началом V в. до н.э., вторую – временем в пределах V в. до н.э. и, возможно, рубежа V–IV вв. до н.э. или самого начала IV в. до н.э. В целом данный комплекс обладает ярко выраженным характеристиками, существенно отличающими его от конской сбруи предшествующего периода и более позднего времени.

Ключевые слова: ранний железный век, Южное Приуралье, кочевники, савроматское время, снаряжение коня, хронология.

Цитирование. Мышикин В. Н., 2025. Конское снаряжение кочевников Южного Приуралья во второй половине VI – V в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 4. С. 48–91. DOI: <https://doi.org/10.15688/navolsu.2025.4.3>

Введение

Конь являлся одним из важнейших стержневых элементов культуры кочевников Евразии. Значение этого животного неизбежно должно было переноситься на его снаряжение. В результате, помимо утилитарной функции – управления конем при езде верхом и использовании в качестве тяглового животного, конская сбруя получила, очевидно, определенную знаковую нагрузку, демонстрируя социальный и личный статусы владельца коня. Форма и характер украшения внешней части предметов конской амуниции были связаны с эстетическими предпочтениями, обусловленными этнокультурной спецификой владельцев конской сбруи, характером их связей с окружающим населением, а также технологическими возможностями и традициями производственных центров. В связи с этим форма принадлежностей конского снаряжения может рассматриваться как элемент культуры, достаточно четко фиксирующий изменения в культурных традициях кочевников и, соответственно, способный выступать в роли хронологического маркера этапов социокультурных трансформаций скотоводческих обществ.

Подробный анализ предметов конской амуниции кочевников Поволжья и Южного Приуралья¹ первой половины – середины I тыс. до н.э. впервые был представлен в монографии К.Ф. Смирнова «Вооружение савроматов», изданной в 1961 г. [Смирнов, 1961]. В этой работе К.Ф. Смирнов охарактеризовал всю совокупность известных в то время предметов конского снаряжения, как полученных в процессе раскопок курганов в этом регионе, так и случайно найденных: удила, псалии, на-

лобники, обоймы, бляшки, ворврки, детали седельного набора. Для основных категорий амуниции, представленных достаточно большим количеством находок, в частности для удил и псалиев и некоторых других, исследователь разработал типологию и по аналогиям, прежде всего со скифскими древностями и находками на Северном Кавказе, определил хронологические рамки бытования выделенных типов. Все детали сбруи были разделены исследователем на две части, отражающие разные периоды существования культуры кочевников Волго-Уралья в первой половине – середине I тыс. до н.э. Находки, датированные автором VIII–VII вв. до н.э., рассматривались им как снаряжение раннего периода истории савроматов, а предметы, отнесенные к VI–IV вв. до н.э., – как сбруя эпохи расцвета савроматской культуры [Смирнов, 1961, с. 76–98]. Более полная подборка принадлежностей конской сбруи опубликована в своде археологических источников по савроматской культуре, вышедшей несколько позднее, в 1963 г. [Смирнов, Петренко, 1963].

В том же году вышел свод археологических источников, подготовленный М.Г. Мошковой, в котором были охарактеризованы типы некоторых предметов конского снаряжения прохоровской культуры, в частности роговые прямые двудырчатые псалии, двудырчатые псалии из бронзы и железа с окончаниями в виде лошадиных головок, повернутых в одну сторону, а также узечные бляшки и обоймы для перекрестных ремней, украшенные изображениями в зверином стиле, бронзовые ворврки. Эти вещи из могильников у поселков Нежинский (группа «Алебастрова гора») и Матвеевский рассматривались автором в качестве характеризующих савроматскую куль-

туру и попавших в раннепрохоровские погребения в виде исключения. В своде также отмечалось использование создателями прохоровской культуры стержневидных двудырчатых псалиев: С-видных с шишечками на окончаниях и прямых, окончания которых плоско срезаны или закруглены [Мошкова, 1963, с. 36–37].

Статьи и монографии, посвященные савромато-сарматской проблематике, которые издавались одновременно с указанными работами и долгое время после этого, часто содержали описание принадлежностей конской амуниции, однако эти находки в совокупности не становились предметом отдельного специального исследования.

Осуществлявшиеся в конце XX – начале XXI в. масштабные раскопки курганов, в том числе возводившихся над умершими представителями социальной элиты кочевников, привели к существенному увеличению количества предметов конского снаряжения. Возникла необходимость в осмыслении новых материалов, а также в уточнении хронологических построений и схем периодизации, созданных в 60-е гг. XX столетия.

К числу публикаций, в которых с точки зрения исследования хронологии и выделения периодов развития общества анализировались накопленные к рубежу XX и XXI вв. предметы конской сбруи, следует отнести работы А.Д. Таирова, посвященные кочевникам Южного Зауралья [Таиров, 2000; 2004; 2009]. В изменении культуры кочевых племен этого региона первой половины – середины I тыс. до н.э. им были выделены, в том числе и на основе исследования предметов конского снаряжения, три хронологических периода (или стадии): бобровский (стадия А) – VII–VI вв. до н.э.; обручевский (стадия В) – вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.; прохоровский (стадия С – вторая половина V – IV в. до н.э.; стадия D – III – середина II в. до н.э.). Различия в облике предметов конского снаряжения представлены исследователем в обобщающих таблицах [Таиров, 2000, с. 123–199, табл. 31, 41; 2004, рис. 2, 6]. Позднее А.Д. Таиров внес некоторые изменения в эту схему, уточнив хронологические рамки стадий. В соответствии с внесенными изменениями дата стадии А укладывается в рам-

ки второй половины VII – середины VI в. до н.э.; стадии В – второй половины VI – третьей четверти V в. до н.э.; стадии С – последней четверти V – третьей четверти IV в. до н.э.; стадии D – последней четверти IV – середины III в. до н.э. [Таиров, 2009, с. 144].

Среди работ, которые имеют разделы, посвященные обобщающей характеристике и/или типологии предметов конского снаряжения, в том числе из кочевнических курганов Южного Приуралья, следует отметить монографию Н.Е. Берлизова «Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э.» [Берлизов, 2011]. В этом исследовании предложена типология практически всех категорий конского снаряжения, использовавшихся племенами Сарматии, в частности кочевниками Южного Приуралья в скифское время. В развитии культуры кочевников Южного Приуралья Н.Е. Берлизов выделил 3 периода (А–С), которые, в свою очередь, разделил на несколько фаз [Берлизов, 2011, с. 145]. Наиболее ранний период А он датировал серединой – второй половиной VII – VI в. до н.э. [Берлизов, 2011, с. 181]. При этом, судя по данным, приведенным автором в таблице 59, в захоронениях этого периода встречаются двудырчатые бронзовые псалии, стержневидные псалии с головками хищных птиц на окончаниях, двудырчатые железные S-видные псалии с гладкими окончаниями, круглые подпружные пряжки: с фиксатором на внешней стороне и одним-двумя выступами на внутренней, восьмеркообразные пряжки, одна часть которой имеет округлую форму, вторая – прямоугольную или трапециевидную [Берлизов, 2011, с. 102–104]. Фаза В1 периода В для Южного Приуралья датирована следующим образом: ее сложение отнесено к последней четверти VI в. до н.э., а финал – к концу третьей четверти V в. до н.э. Из числа предметов конского снаряжения ее характеризует наличие в погребениях кубаревидных распределителей ремней упряжи и S-видных псалиев с гладкими стержневидными окончаниями [Берлизов, 2011, с. 183–184]. Погребения фазы В2 датированы исследователем последней четвертью V – первой четвертью IV в. до н.э. [Берлизов, 2011, с. 187]. По мнению автора, эти комплексы могут быть датированы указанным временем, в том

числе и по железным S-видным псалиям с уплощенными окончаниями, которые сочетаются с Г-образными псалиями с шишечками на окончаниях [Берлизов, 2011, с. 186]. Фаза С1 в Южном Приуралье в предложененной хронологической схеме начинается на рубеже V–IV вв. до н.э. и завершается в начале III в. до н.э., а фаза С2 отнесена к III в. до н.э., исключая его начало [Берлизов, 2011, с. 192, 196]. Однако в целом в данном исследовании не приведена общая картина изменения состава конского снаряжения, использовавшегося кочевниками Южного Приуралья.

Снаряжению коня, бытовавшему у кочевников Южного Приуралья в скифское время, посвящен один из разделов монографии М.А. Очир-Горяевской. Исследование основано преимущественно на материалах, полученных в результате раскопок курганов, осуществлявшихся в XX в. [Очир-Горяева, 2012]. Автором дана краткая характеристика погребальных комплексов, содержащих захоронения коней или их отдельные части, предметы конского снаряжения, приведено описание найденных принадлежностей сбруи, проанализированы особенности использования коня и сбруи в погребальной обрядности [Очир-Горяева, 2012, с. 229–259, 274–313].

Отдельно следует остановиться на той части рассматриваемой работы, где изложены результаты классификации 42 наборов принадлежностей конского снаряжения по 29 признакам, приведена их группировка, осуществлен анализ эволюции и хронологии. Результатом выполненного исследования стало выделение трех хронологических групп конской сбруи. Наиболее раннюю группу составили четыре набора, характеризующиеся тремя признаками, присущими только ей: бляшки круглые и удлиненные с профилем птицы на краю, лаконичный рельефный звериный стиль. Она характеризуется также семью признаками, общими со второй группой, а через нее – с третьей [Очир-Горяева, 2012, с. 260–261, 272–273, ил. 285]. В среднюю группу были включены 23 набора, отличительной характеристикой которых является наличие обойм-распределителей для перекрестных ремней с вихревой розеткой, в виде цилиндрического столбика без орнамента, когтевидных нахрапников. Характерными для этой группы являются

подвески-имитации клыка с изображением птицы или хищника, чумбурные блоки, псалии с зооморфными окончаниями, прежде всего головами хищных птиц, подпружные застежки [Очир-Горяева, 2012, с. 260–262, 272–273, ил. 285]. Третья, поздняя группа, состоящая из 14 наборов, характеризуется девятью признаками, общими с ранней и поздней группами, и пятью признаками, присущими только ей. В их число автором включены обычай размещать сбрую около частей конской туши, крючковидные наносники, прямые стержневидные псалии с разнообразными окончаниями (округлыми, в виде шляпок или ажурных пластин), а также находка в одном из курганов двух блях с изображением сражающихся верблюдов, которые были интерпретированы как нагрудные фалары. Этую группу отличает также своеобразный звериный стиль на сбруйных принадлежностях – с уплощенными изображениями зверей, акцентом на передачу абриса предметов и ажурность. С более ранними наборами данную группу объединяют девять признаков [Очир-Горяева, 2012, с. 260–262]. Отметив достаточно четкое деление предметов сбруи на три группы, каждая из которых обладает своими диагностическими признаками, М.А. Очир-Горяева констатировала наличие в каждой из них находок, имеющих признаки, общие для всей совокупности анализируемых погребальных комплексов. По мнению автора, это является надежным показателем этнокультурной гомогенности общества кочевников Южного Приуралья, которое традиционно рассматривается как много- или по крайней мере двухкомпонентное образование. Опираясь на традиционные хронологические представления о памятниках Южного Приуралья, М.А. Очир-Горяева предварительно датировала раннюю группу второй половиной VI – началом V в. до н.э., среднюю – V в. до н.э., позднюю – концом V – IV в. до н.э. [Очир-Горяева, 2012, с. 271].

Исследования, посвященные типологии и хронологии предметов конской сбруи, которые осуществлялись в конце XX – начале XXI в. [Таиров, 2000; 2004; Гуцалов, 2004; Берлизов, 2011; Очир-Горяева, 2012], либо охватывали не всю территорию степей Южного Приуралья, либо были выполнены без учета находок из богатейших кочевнических курга-

нов VI–IV вв. до н.э. В числе таких комплексов следует назвать могильники Кырык-Оба II, Лебедевка II, Илекшар I, Филипповка 1–2, Таксай I и ряд других памятников, результаты раскопок которых были опубликованы несколько позже или одновременно с датой подготовки и публикации указанных выше работ.

Следует отметить появление в последнее время серии публикаций, посвященных культурной атрибуции, типологии и хронологии отдельных категорий или наборов конского снаряжения [Сдыков, Луканова, 2013; Луканова, 2014; Мамедов, 2016; Мамедов, Китов, 2015; Сиротин, 2015; 2019; 2020; Федоров, Васильев, 2017; Таиров, 2021; Мамедов и др., 2022; Мамедов, Шульга, 2022; Демиденко, Сиротин, 2024].

Раскопки курганов, прежде всего социальной элиты, осуществлявшиеся на территории Южного Приуралья, привели к значительному увеличению базы данных, характеризующих конское снаряжение кочевников этого региона.

Существенное увеличение числа предметов сбруи и разнообразие их форм сделали необходимым обобщение новых материалов (включая разработку типологии отдельных категорий), а также определение хронологических позиций вновь выделенных типов и уточнение опубликованных к настоящему времени хронологических схем.

Все это делает актуальной проблематику, связанную с изучением конской амуниции, использовавшейся кочевниками Южного Приуралья в первой половине – середине I тыс. до н.э.

Целями настоящей статьи являются выделение комплекса предметов конской сбруи, характерной для культуры кочевников Южного Приуралья в VI–V вв. до н.э. и традиционно называвшейся савроматской, характеристика этого комплекса и определение хронологических рамок его существования.

Методика исследования

Источниковую базу исследования составили в достаточной степени подробно опубликованные к настоящему времени материалы, которые были получены в результате рас-

копок курганов на территории степей Южного Приуралья.

Исследованная выборка составляет более 700 предметов VII–IV вв. до н.э. Для большинства принадлежностей конской амуниции разрабатывалась типология, охватывающая (или по крайней мере стремящаяся к этому) всю совокупность опубликованных материалов. Результаты этой работы нашли отражение в серии публикаций [Мышкин, 2014а; 2014б; 2014в; 2015а; 2015б; 2016; 2018а; 2018б; 2019а; 2019б, 2020; 2023а; 2023б; 2024].

В статье анализируются материалы, которые были получены в результате раскопок 129 погребальных комплексов и сбора случайно найденных вещей на территории Южного Приуралья и в бассейне р. Самара на всем ее протяжении (рис. 1). При формировании выборки учитывалась встречаемость находок в погребениях, жертвенных комплексах, расположенных на погребальных площадках под насыпью, а также в насыпи.

Цели исследования предопределили использование корреляционного анализа как средства их достижения, а многочисленность материалов обусловила необходимость использования статистико-комбинаторных методов для выявления совместимости различных типов предметов конского снаряжения.

Все типы предметов конского снаряжения были представлены в специальной таблице (матрице), где по вертикали располагались погребальные или жертвенные комплексы, а по горизонтали – типы вещей, обнаруженных при их исследовании. Ячейки матрицы заполнялись цифрой «1», если в данном погребальном / жертвенном комплексе достоверно определено наличие вещи соответствующего типа. Для дальнейшего корреляционного анализа из данной выборки были исключены разрушенные или ограбленные погребения, а также комплексы, сведения о которых были признаны недостаточными. В результате число погребений и жертвенных комплексов, используемых для анализа, сократилось до 72 объектов (табл. 1). Следующим этапом являлось исключение типов вещей, которые были представлены в матрице единственной находкой либо встречались в абсолютном большинстве объектов, как, например, удила с петельчатыми окончаниями. В результате количество

типов предметов конского снаряжения сократилось до 65.

Для определения характера связей (частоты совстречаемости) использовалась программа *TYPE*, разработанная инженерами-системотехниками А.Н. Перла и Р.А. Резниковым и предназначеннная для типологизации объектов различных категорий. Программа опубликована Н.А. Лифановым и О.И. Бражник [Лифанов, Бражник, 1999].

Процедура обработки матрицы основана на попарном сравнении между собой ее столбцов. Сравнение производилось по формуле

$$q1 = \frac{AB * \overline{AB} - \overline{A} \overline{B} * \overline{A} \overline{B}}{\sqrt{A * B * \overline{A} * \overline{B}}},$$

где A – количество «1» в первом из двух сравниваемых столбцов; B – количество «1» во втором из двух сравниваемых столбцов; \overline{A} – количество «0» в первом столбце; \overline{B} – количество «0» во втором столбце; AB – количество строк с «1» одновременно в обоих сравниваемых столбцах; $\overline{A} \overline{B}$ – количество строк с «1» в первом столбце и с «0» во втором столбце; \overline{AB} – количество строк с «0» одновременно в обоих сравниваемых столбцах.

Полученные значения $q1$ распределились в диапазоне между 0 и 1, где $q1 = 1$ фиксирует наличие максимально сильной связи между типами предметов конского снаряжения, а $q1 = 0$ демонстрирует отсутствие связи, то есть совстречаемости, между ними.

Для определения характера совстречаемости типов принадлежностей конской сбруи на основании связей между ними был построен график (рис. 2). При его построении использовались коэффициенты, располагающиеся в диапазоне $0,36 \leq q1 \leq 1$ и рассматриваемые как отражающие сильные и средние связи.

Граф, полученный в результате выполненной процедуры, демонстрирует, что предметы сбруи, представленные в матрице, образуют три достаточно обособленные друг от друга группы. Такое распределение свидетельствует, с одной стороны, об изначальной неоднородности, а с другой – об организованности исследуемых материалов.

Типы предметов сбруи в каждой группе демонстрируют сильные и средние связи между собой, свидетельствующие о значительной частоте их совстречаемости. Сильные связи между типами выделенных групп отсутствуют. Зафиксированы лишь единичные случаи средних связей. Необходимо также отметить, что некоторые типы принадлежностей конской амуниции являются общими для разных групп, демонстрируя с ними одинаковые или близкие по своей силе связи. Отдельные типы продемонстрировали лишь слабые связи с типами предметов всех групп. Максимальные значения некоторых коэффициентов связи этих вещей обозначены на графике пунктирными линиями.

Анализ состава типов вещей в выделенных группах позволил разделить их на два комплекса. После определения погребений, содержащих предметы снаряжения выделенных комплексов, в их состав были включены типы вещей, представленные единичными экземплярами, и предметы из разрушенных погребений, исключенные ранее из матрицы при вычислении коэффициентов связи.

В предлагаемой статье в соответствии с поставленными целями охарактеризован только один комплекс предметов конского снаряжения, обозначенный на построенном графике номером 1 (рис. 2). Список погребений, содержащих предметы этого комплекса, представлен в таблице 2.

Характеристика комплекса

Удила. Характерны металлические удила с окончаниями, загнутыми в виде петли (рис. 4,3,6). Единичны экземпляры с кольцевидными окончаниями (рис. 4,5), с кольцевидными окончаниями, которые имеют прямоугольные отверстия со вставленными обоймами для крепления поводьев (рис. 4,4), а также имеющие стремевидные окончания (рис. 4,1,2).

Псалли. Характерны металлические двудырчатые псалли: Г-образные с окончаниями без какого-либо дополнительного оформления (рис. 4,9); в виде стержня, окончания которого в большинстве случаев плавно и слабо изогнуты в противоположные стороны (иногда в разных плоскостях), при этом длина

отогнутых окончаний незначительная, и они имеют то же сечение, что и стержень псалия в центральной части, или слегка уплощены (рис. 4,8); в виде дуговидно изогнутого стержня, на обоих окончаниях которого имеются зооморфные изображения (рис. 4,11); в виде прямых или слегка изогнутых стержней, окончания которых украшены скульптурными изображениями головы волка, расположеными по продольной оси псалия (рис. 4,13,14); в виде прямых или слегка изогнутых стержней, окончания которых оформлены в виде скульптурных изображений голов хищных птиц или грифонов (рис. 4,16). Характерны также прямые псалии с окончаниями в виде скульптурных изображений голов разных животных, а также разных частей двух видов животных, располагающихся по продольной оси стержня или перпендикулярно ей (рис. 4,17–20). Единичны псалии: с дуговидно изогнутыми стержнем на одном окончании которого имеется зооморфное изображение (рис. 4,12); Г-образные с окончаниями, украшенными изображением копыта животного (рис. 4,10); в виде прямых или слегка изогнутых металлических стержней с двумя петлями, приваренными к ним, и округлыми утолщениями – шишечками (рис. 4,7); У-образные псалии, состоящие из основного стержня и параллельного ему коленчатого отростка с перемычкой, петельками на основном стержне и отростке (рис. 4,24); С-видные массивные, практически прямые на всем своем протяжении со слегка загнутыми в одну сторону окончаниями, длина которых незначительна (рис. 4,23); в виде прямых стержней, окончания которых представляют собой скульптурные изображения голов хищной птицы с раскрытым клювом, развернутых в разные стороны (рис. 4,21).

Двоители нащечных ремней. Единичны экземпляры в виде бруска длиной около 5 см с тремя овальными отверстиями (рис. 6,26), двух соединенных между собой колец (рис. 6,28), продолговатой бляшки с петлями на внутренней стороне (рис. 6,27).

Чумбурные блоки. Характерны экземпляры, имеющие прямоугольную или трапециевидную скобу, круглую рамку, у которой противоположная от скобы сторона заострена (рис. 5,1). Единичны блоки с рамкой округ-

лой формы и прямоугольной или трапециевидной скобой (рис. 6,31), рамкой округлой формы, иногда с заостренной частью и круглой или овальной скобой (рис. 5,2); окружной рамкой и прямоугольной / трапециевидной скобой, представляющие собой рельефное изображение голов животных (рис. 5,3).

Налобники. Характерны налобники в виде трапециевидных или прямоугольных пластин, верхняя часть которых украшена изображением головы птицы в профиль, а нижнее окончание округлое либо также оформлено в виде головы хищной птицы в профиль (рис. 5,6,7). Единичны пластинчатые налобники ромбической и круглой формы (рис. 5,4,5).

Для данного комплекса типичны бляшки-подвески, представляющие собой имитацию клыков: без каких-либо изображений на внешней стороне (рис. 5,9,25); в виде головы длинноклювой птицы или грифона, усложненной меньшим по размерам изображением еще одной головы хищной птицы, развернутой клювом в направлении нижней части бляшки и расположенной в ее широкой части поперек продольной оси основного изображения (рис. 5,10); головы грифона с длинным клювом, но без дополнительного изображения второй головы в широкой части (рис. 6,33); синкетического изображения головы существа, сочетающего черты горного козла и длинноклювой птицы (рис. 5,16); головы хищника с удлиненной мордой, в большинстве случаев с оскаленной пастью и прижатым ухом, дополненной рельефным изображением головы другого животного, по всей видимости лошади (рис. 5,14); экземпляры, украшенные в широкой части изображением хищника (волка) с оскаленной пастью и заостренным прижатым ухом (рис. 5,26), грифона (рис. 6,14).

Среди украшений налобного или наносного ремня, отличающих этот комплекс, следует отметить бляшки, центральная часть которых оформлена в виде окружной в плане розетки со «спирально-вихревым» орнаментом, верхний щиток иногда представляет собой изображение профиля головы птицы, а нижний имеет форму распущенного птичьего хвоста с рельефно переданными перьями (рис. 5,22); верхний щиток которых представляет собой изображение головы птицы или грифона в профиль, нижний – стилизованное изоб-

ражение птичьего хвоста (рис. 5,23); плоский щиток которых оформлен в виде головы горного козла в профиль (рис. 5,17); схематичного изображения головы грифона в профиль (рис. 5,18); фигуры бегущего хищного животного (рис. 5,24). Для этой группы характерны также подвески, выполненные в круглой скульптуре и представляющие собой изображение головы хищной птицы или грифона разной степени стилизации (рис. 5,12,13,20,21); головы горного козла (рис. 5,15); фигуры птицы с повернутой назад головой (рис. 5,19).

Особенностью данного комплекса являются обоймы для перекрестных ремней с рельефными изображениями хищных птиц (рис. 5,36); рогатых животных (рис. 5,30); головы барана в профильной проекции (рис. 6,30); стоящего верблюда (рис. 6,23) на внешней уплощенной поверхности; экземпляры с полусферической верхней частью, украшенной «вихревым» орнаментом с боковым щитком и без него (рис. 5,32,33); имеющие полусферическую внешнюю неорнаментированную часть, круглую в поперечном сечении среднюю часть (корпус) и плоское, круглое в плане основание, с боковым щитком и без него (рис. 5,27,28); с когтевидной внешней частью (рис. 5,40,41); в виде скульптурного изображения головы хищной птицы (рис. 5,38,39) или лошади (рис. 5,31,37); с неорнаментированной внешней частью, имеющей полусферическую (рис. 5,34), плоскую круглую (рис. 5,29) или ромбическую (рис. 5,35) форму.

К числу предметов, отличающих этот комплекс, относятся бляшки следующих типов: полусферические, имеющие на внутренней стороне стержень, заканчивающийся петлей (рис. 6,1); круглые уплощенные с отверстием в центральной части (рис. 6,3); круглые с выступом, отходящим от щитка по касательной (рис. 6,4); прямоугольные с одной закругленной стороной (рис. 6,2). В комплекс включены зооморфные бляхи в виде головы горного козла (рис. 6,10) или удвоенной головы горного козла (рис. 6,8); припавшего к земле или стоящего хищника (рис. 6,6,25); стоящего хищника с повернутой назад головой (рис. 6,9); имеющие круглый щиток с изображением головы хищной птицы в профиль у верхнего края (рис. 6,5); в виде птичьей голо-

вы во фронтальной проекции (рис. 6,7); головы хищника (волка) в профиль (рис. 6,15); двух голов сайги (рис. 6,11); реалистично изображенной рыбы (рис. 6,12); солярного знака (рис. 6,24); головы волка, держащего в пасти голову барана (рис. 6,29).

Отличительной особенностью рассматриваемого комплекса предметов снаряжения коня являются наборы подпружных застежек, состоящие, как правило, из трех металлических частей. В набор чаще всего входят правая одночастная и левая двухчастная застежки. Левая двухчастная застежка состоит из пряжки и петли, с помощью которых затягивалась подпружила. Встречаются также седельные наборы из одной или двух металлических частей. Застежки не имели подвижных язычков, ремни крепились с помощью неподвижных выступов-фиксаторов. Последние могли располагаться в зависимости от функции как на внешней, так и на внутренней стороне. Имеются экземпляры застежек без выступов, в таких случаях подпружные ремни просто привязывались (рис. 6,16–22, 7,2–20). Характерны застежки, представляющие собой простые кольца (рис. 6,16–18), иногда украшенные изображениями голов хищных птиц или животных (рис. 7,8,12,16–18). В качестве подпружных застежек использовались также бляхи, щитки которых оформлены в виде схватки двух верблюдов (рис. 70,13–15), фигуры стоящего верблюда (рис. 6,20,21), хищной птицы (рис. 7,3,5,6), хищника, свернувшегося в кольцо (рис. 7,2) или припавшего к земле (рис. 7,10), а также бляхи «тройчатки» с соединяющимися в центре фигурами трех хищников, терзающих животное (рис. 7,9,11). Единичны металлические кольца для крепления нагрудного ремня (рис. 7,19).

Характерными для этого комплекса предметов конского снаряжения являются крупные обоймы или пронизи ремней, имеющие во фронтальной проекции круглую сжатую или цилиндрическую форму (рис. 6,13), и крупные ворврорки усеченно-конической формы (рис. 6,32).

Отличительная черта – так называемые «тройники» (рис. 7,1), которые также обозначают как трубчатые распределители.

Хронология комплекса

Рассматриваемый комплекс имеет структуру, характеризующуюся сильными и средними связями большинства объектов (типов элементов снаряжения коня) друг с другом и отсутствием ярко выраженных линейных композиций. Такая структура позволяет использовать найденные в каком-либо одном или нескольких погребениях вещи, прежде всего импортные, как хроноиндикаторы, которые указывают на время существования всего комплекса. С этой же целью могут быть использованы радиоуглеродные даты.

К числу находок, которые дают возможность определить нижнюю границу периода существования комплекса предметов конского снаряжения, можно отнести следующие находки.

Бронзовые удила со стремевидными окончаниями (рис. 4,1,2). Они найдены в трех памятниках: в кургане у с. Варна; в погребении 1 кургана 3 Гумаровского могильника; в кургане 7 могильника Сапибулак. В первом из указанных памятников в небольшой ямке возле насыпи был обнаружен жертвенный комплекс 1, состоящий из четырех удила, являвшихся, по заключению авторов публикации, вотивными предметами, и двух уздечных бляшек. Еще один жертвенный комплекс (№ 2) располагался юго-восточнее в гумусе, но также вне насыпи. Оба комплекса авторы публикации связали с сожжением умерших на помосте в раннем железном веке и датировали курган второй половиной VI в. до н.э. [Тайров, Боталов, 1988, с. 100–108]. Внешние окончания удила из насыпи кургана 7 могильника Сапибулак частично утрачены, но их стремевидная форма может быть реконструирована по уцелевшим частям [Мамедов, Китов, 2015, с. 43, рис. 13,2]. В погребении 1 кургана 3 Гумаровского могильника найден лишь фрагмент удила – внешнее окончание одного звена [Зуев, Исмагилов, 1999, с. 108, табл. 6,3], что, вероятно, свидетельствует в пользу того, что в момент совершения захоронения этот предмет уже достаточно долго был в употреблении и, вероятно, представлял собой антиквариат. Тем не менее его наличие даже в таком качестве может свидетельство-

вать о начальном периоде формирования рассматриваемого комплекса сбруи в целом.

А.А. Иессен полагал, что памятники со стремевидными удилаами могут быть датированы концом или второй половиной VII – VI в. до н.э., возможно не доходя до рубежа VI–V вв. до н.э. [Иессен, 1953, с. 102, 105]. К.Ф. Смирнов рассматривал удила этого типа как предметы, характерные для юга Восточной Европы в VII – первой половине VI в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 79–80]. В курганах степной Скифии такие элементы конской сбруи использовались в киммерийское время и продолжали употребляться довольно широко в раннескифское время вплоть до середины VI в. до н.э. [Мелюкова, 1989, с. 95–96]. В лесостепной Скифии они могут быть датированы временем с конца VIII до середины VI в. до н.э. либо до конца этого столетия [Могилов, 2008, с. 15–16]. В Центральном Казахстане они найдены в памятниках тасмолинской культуры, которые датированы началом VII – серединой или второй половиной VI в. до н.э. [Маргулан и др., 1966, с. 384–385]. В Приаралье курганы Уйгарарака, содержащие такие удила, отнесены к VII–VI вв. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 100], а погребальные комплексы Южного Тагискена – к VII – середине VI в. до н.э. [Итина, Яблонский, 1997, с. 70].

Полусферические бляшки со стержнем на обратной стороне, заканчивающимися петлей (рис. 6,1), найденные в жертвенном комплексе 1 кургана у с. Варна [Тайров, Боталов, 1988, с. 102, 103, рис. 4,5–6], судя по аналогичным находкам на Алтае, представляли собой застежки подбородных или нагрудных ремней [Шульга, 2008, с. 82, рис. 10, 29,2, 36,2в, 58,8–21,28–36]. Аналогичные детали сбруи известны в памятниках VII–VI вв. до н.э., исследованных на территории Центрального Казахстана [Маргулан и др., 1966, с. 317, 323, 334, 346, рис. 8, 15, 28, 39]. Такие застежки найдены в курганах 22, 25–27, 47, 51 могильника Уйгарарак в Приаралье, из которых только первый из перечисленных датирован V в. до н.э., а остальные – VII–VI вв. до н.э. или VI в. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 100, табл. V,13, VII,3, VIII,3, IX,3, XV,3, XVI,4]. Такие же обоймы обнаружены при исследовании курганов 40, 44–46, 49 могильника Южный Тагискен, из которых четыре первых датированы VII – сере-

диной VI в. до н.э. и один (49) отнесен к периоду от середины VII до начала V в. до н.э. [Итина, Яблонский, 1997, с. 70, рис. 22,4,17, 27,8, 30,9, 31,11, 36,2,3]. На Алтае подобные подбородные и нагрудные застежки использовались в раннескифское время вплоть до V в. до н.э. включительно [Шульга, 2008, с. 82].

«Тройники», или «трехтрубчатые распределители» (рис. 7,1), в количестве трех экземпляров были обнаружены в кургане 15 могильника Кырык-Оба II, датированном концом VI – серединой V в. до н.э. [Гуцалов, 2010, с. 52, 64, рис. 3,3,9,13,16]. По мнению П.И. Шульги, этот курган относится ко времени около второй половины VI в. до н.э. [Шульга, 2008, с. 49]. Еще один «тройник» происходит из кургана 6 могильника Таксай I, время сооружения которого, определенное в том числе по радиоуглеродной дате, по мнению авторов публикаций, приходится на конец VI – начало V в. до н.э. [Сдыков, Луканова, 2013, с. 284, 288; Луканова, 2014, с. 149, 156, рис. 3,1]. По мнению одних исследователей, они крепились к поперечной перекладине ярма, закрепленного на центральном дышле колесницы [Алтынбеков, 2013, с. 36–37], по мнению других, использовались для пропускания вожжей при управлении повозкой, в которую впряжены лошади [Шульга, 2008, с. 48–49; Сеитов, 2015, с. 243–244, рис. 2]. Такой предмет был частью погребального инвентаря в кургане 2 могильника Тасмола V в Центральном Казахстане, отнесенном к периоду в пределах VII–VI вв. до н.э. [Кадырбаев, 1966, рис. 17]. Еще один экземпляр являлся частью клада в пос. Каинды в Северном Казахстане, датированного VIII–VII вв. до н.э. [Сеитов, 2015, с. 242, 245, рис. 2,2]. Аналогичные «тройники» были обнаружены в погребениях YYM18 и YYM2 могильника Юйхуанмяо под Пекином. Эти погребения, по аналогиям из Саяно-Алтая и Казахстана, могут быть датированы VI в. до н.э., предположительно первой половиной этого столетия [Шульга, 2008, с. 48–49].

Железные У-образные псалии, обнаруженные в погребении 3 кургана 1 могильника Жагабулак I (рис. 4,24), имеют форму, которая встречается только в захоронениях культур раннескифского времени VII – начала VI в. до н.э. Все остальные известные У-образные псалии – бронзовые и встречают-

ся в сбруйных наборах вместе с бронзовыми стремевидными удилиами преимущественно в погребениях майэмирской культуры в Горном Алтае и его предгорьях, а также в небольшом районе Тувы [Мамедов, Шульга, 2022, с. 21]. Рассматриваемые удила найдены в сочетании с железными удилиами, имеющими петельчатые окончания, двухчастной левосторонней и одночастной правосторонней застежками, подвеской в виде фигуры птицы с повернутой назад головой, бляшками в виде солярного знака, крупными обоймами или пронизями [Мамедов, Шульга, 2022, рис. 8,7, 10,1–3,8–10,11–12, 11,1–3], то есть с набором вещей, характерным для рассматриваемого комплекса сбруи южноуральских кочевников. Совокупность находок позволила датировать погребение 3 кургана 1 могильника Жагабулак I серединой VI в. до н.э. [Мамедов, Шульга, 2022, с. 22; Мамедов и др., 2022, с. 70–71].

Золотые серьги в виде несомкнутого кольца с припаянным полым конусом, который изготовлен из золотого листа, украшен зернью и несколькими подвесками, прикрепленными к его основанию, найдены в кургане 6 могильника Таксай I [Сдыков, Луканова, 2013, с. 193–201]. Аналогичные серьги, но без подвесок найдены в кургане 3 могильника Бесоба, датированном рубежом VI–V вв. до н.э. [Кадырбаев, Курманкулов, 1978, с. 67–68, 69–70, рис. 3], в погребении 2 кургана 3 могильника Покровка II [Яблонский и др., 1994, рис. 76,18,19], которое датировано второй половиной VI – началом V в. до н.э. [Итина, Яблонский, 1997, с. 69]. Серьга этого типа обнаружена в погребении 23 мавзолея у пос. Комсомольский в Нижнем Поволжье на территории Астраханской области. Дата этого погребения приходится на вторую половину VI – начало, скорее всего первую четверть, V в. до н.э. [Дворниченко и др., 1997, с. 139, рис. 5,6].

Золотые нацивные свастикообразные бляшки в виде четырех голов грифонов или хищных птиц, изображенных в профиль, развернутых в одну сторону и соединяющихся в центральной части, из кургана 6 могильника Таксай I [Сдыков, Луканова, 2013, с. 153; Алтынбеков, 2013, с. 45]. Аналогичные бляшки, но относящиеся к категории предметов конского снаряжения входят в состав погребального инвентаря по-

гребения 3 кургана 1 могильника Жагабулак I, датированного серединой VI в. до н.э. [Мамедов и др., 2022, с. 55, 71, рис. 42, 10–11; Мамедов, Шульга, 2022, с. 21]. Такие же бляхи найдены в заполнении могил и между ними во время раскопок Галайтинского могильника на Северном Кавказе. Они рассматриваются как предметы, близкие ранним скифским и фракийским образцам конца VI – начала V в. до н.э. [Багаев, Козенкова, 1978, рис. 1]. Сходные бляшки были найдены в погребении 1 комплекса у с. Хощеутово на левом берегу р. Ахтуба, в низовьях Волги, отнесенном ко времени в пределах первой половины V в. до н.э., а в более узком диапазоне – второй четверти этого столетия [Дворниченко, Очир-Горяева, 1997, с. 110, 112, рис. 1, 23; Очир-Горяева, 2012, с. 213, ил. 245]. Аналогичные бронзовые бляшки, являющиеся деталями конской амуниции, происходят из кургана 83 могильника Уйгарак в Приаралье, датированного VII–VI вв. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 57, 105, 108, 120, табл. XIX, 5].

Для определения времени бытования у кочевников рассматриваемого комплекса принадлежностей конского снаряжения может быть использована *ахеменидская халицедоновая печать*, найденная в 1911 г. во время раскопок кургана 2 у с. Покровка Оренбургской области [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 25, 2]. Б.Н. Граков, а впоследствии К.Ф. Смирнов относили этот комплекс к началу V в. до н.э. [Смирнов, 1964, с. 47]. М.Ю. Трейстер датировал печать временем не позднее начала V в. до н.э. [Трейстер, 2012а, с. 154]. Покровский курган 2/1911 содержал предметы, свидетельствующие о его относительной одновременности кургану 6 могильника Таксай I. При исследовании этих памятников были найдены идентичные нашивные бляшки с изображением двух противопоставленных друг другу и расположенных «валетом» голов горных козлов, которые при этом вписаны в овал [Смирнов, 1964, рис. 16, 23; Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 149; Алтынбеков, 2013, с. 45]. В составе погребального инвентаря данных курганов имеются клыки-подвески в одинаково оформленной оправе. Оправа представляла собой золотые листы, обжатые вокруг клыков (на экземплярах из Таксая I – у обоих окончаний, из Покровки – у одного) и украшенные напаянной

зернью, которая образует треугольники, расположенные поясами и обращенные вершинами друг к другу [Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 175–177; Смирнов, Петренко, 1963, табл. 25, 5; Трейстер и др., 2012а, с. 55]. На близость хронологических позиций двух погребальных комплексов могут указывать также найденные в них стеклянные сосудики из «финикийского» стекла [Трейстер, 2012б, с. 106, цв. табл. I.23; Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 233–235]. Указанное сходство находок свидетельствует в пользу отнесения кургана 6 могильника Таксай I и, соответственно, всей совокупности найденных в нем предметов сбруи ко времени не позже начала V в. до н.э. Судя по результатам радиоуглеродного датирования по образцам дерева и кости, время сооружения этого кургана приходится на конец VI – начало V в. до н.э. [Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 288].

Еще одна находка, датирующая комплекс 1 предметов конской сбруи, – серебряная чаша, найденная среди плах перекрытия основного погребения 4 в кургане 6 могильника Пятимары I. С этим погребением связано захоронение коня, возле которого обнаружены уздечные принадлежности рассматриваемого в настоящей статье комплекса конской сбруи [Смирнов, 1964, рис. 29, 3г; 1975, с. 27]. Эта чаша может быть датирована V в. до н.э., вероятно его началом [Трейстер, 2012в, с. 85–86; Трейстер и др., 2012б, с. 82–83].

Бронзовое зеркало с литой боковой ручкой в виде женской фигурки, обнаруженное в кургане 8 Альмухаметовского могильника [Пшеничнюк, 1983, рис. 22, табл. XXXIII, 1], по мнению Н.Е. Берлизова, относится к группе античных зеркал на подставках, датируемых временем в пределах VI – первой половине V в. до н.э. Расцвет их производства приходится на 480–470 гг. до н.э. Как считает исследователь, экземпляр из Альмухаметовского могильника в связи с тем, что он имеет следы износа, скорее всего, относится к V в. до н.э. [Берлизов, 2011, с. 186].

Круговой сосуд из кургана 4 могильника Бесоба [Кадырбаев, 1984, рис. 2, 1] имеет аналогии в керамическом комплексе позднеархаического периода Хорезма и может быть датирован серединой или второй половиной V в. до н.э. [Болелов, 2012, с. 210, 216].

Для погребения 1 кургана 1 могильника Акоба II были получены две радиоуглеродные даты (ИГАН 3193, ИГАН 3194). Материал – дерево от деревянной конструкции. Калибранные значения интервала возраста этого погребального комплекса при 1σ составляют 510–435 гг. до н.э. при вероятности 0,76 и 554–414 гг. до н.э. при вероятности 0,59 [Моргуно娃, Краева, 2012, с. 196, табл. 1].

Еще одна дата (NSKA-02352) получена методом ускорительной масс-спектрометрии для погребения 1 кургана 2 могильника Покровка II. Материал – кость человека. Калиброванное значение интервала возраста (рис. 10) этого кургана составляет 750–394 гг. до н.э. (вероятность 68,3 %). Внутри этого интервала наиболее вероятным (45,3 %) является период, приходящийся на 571–394 гг. до н.э. [Пархомчук В.В., Пархомчук Е.В., 2019].

Таким образом, рассматриваемый комплекс I предметов конского снаряжения может быть датирован периодом от середины VI в. до н.э. до рубежа V–IV вв. до н.э. или самого начала IV в. до н.э.

На основании наиболее сильных математически определенных показателей (коэффициентов) связи между типами принадлежностей сбруи $q1 \geq 0,4$ в этом комплексе могут быть выделены как минимум две группы (№ 1.1 и 1.2), являющиеся его структурными ядрами (рис. 3, 8, 9).

Группа 1.1 (рис. 3, 8). В нее включены: удила (№ 1)² со стремевидными окончаниями (рис. 8,1); С-видные двудырчатые псалии (№ 8) с зооморфными изображениями на окончаниях (рис. 8,8); прямые двудырчатые псалии (№ 13) с окончаниями в виде головы волка (рис. 8,9–10); прямые стержневидные двудырчатые псалии (№ 14) с окончаниями в виде головы хищной птицы / грифона (рис. 8,5); трехтрубчатые распределители ремней (№ 24) или «трайники» (рис. 8,3); бляшки (№ 38) на наносный или налобный ремень в виде пластины, украшенной изображением птичьего хвоста (рис. 5,22); обоймы для перекрестных ремней (№ 42, 43) с полусферической верхней частью, украшенной «вихревым» орнаментом с боковым щитком и без него (рис. 8,4,7); бляшки-подвески (№ 38) на налобные или наносные ремни, внешняя поверхность которых украшена изображением длинноклювой пти-

цы или грифона, с дополнительным аналогичным, но меньшим по размерам изображением еще одной головы хищной птицы, расположенным поперек продольной оси основного изображения в широкой его части (рис. 8,6): ворврорки (№ 48) большие усеченно-конические (рис. 8,2).

Группа 1.2 (рис. 3, 9) объединяет следующие предметы конского снаряжения: обоймы для перекрестных ремней (№ 39, 40), имеющие полусферическую внешнюю неорнаментированную часть, округлую в поперечном сечении среднюю часть (корпус) и плоское округлое основание, с боковым щитком и без него (рис. 9,5,9); комплекты (№ 17, 20, 22) из правой двухчастной застежки в виде простого кольца с двумя выступами-фиксаторами на внутренней стороне, а также кольцевидных пряжки с выступами на внутренней и внешней сторонах и петли с выступом на внутренней стороне (рис. 9,2–4); подпружные застежки-бляхи (№ 18, 21, 23) в виде фигур сражающихся верблюдов (рис. 9, 6–8); чумбурные блоки (№ 25) с округлой рамкой блока, имеющей заостренную часть на противоположной от скобы стороне, и прямоугольной или трапециевидной скобой (рис. 9,13); бляшки (№ 30), имитирующие клык кабана и служившие украшением налобного или наносного ремня узды в виде изогнутой пластины (рис. 9,14); бляшки (№ 34), имитирующие клык кабана с внешней поверхностью, украшенной в широкой части изображением головы хищника (волка) с осколенной пастью и заостренным прижатым ухом (рис. 9,12); подвески (№ 35) на наносный ремень узды, представляющие собой пластину, одно из завершений которой имеет когтевидную или клювовидную форму (рис. 9,16); подвески (№ 37) на наносный ремень узды в виде скульптурного изображения птицы с повернутой назад головой (рис. 9,10); обоймы для перекрестных ремней (№ 44, 45) с когтевидной (или клювовидной) верхней частью (рис. 9,18,19); подпружные кольца (№ 16), выполненные из круглого в сечении прута (рис. 9,1); крупные узечные обоймы-пронизи (№ 65), имеющие во фронтальной проекции округлую сжатую или цилиндрическую форму (рис. 9,15); металлические пластинчатые налобники (№ 27), выполненные в виде трапециевидных или вытя-

нутых с округлыми углами пластин, короткая сторона которых (или обе), как правило, оформлены в виде стилизованных изображений голов хищных птиц или грифонов в профиль (рис. 9,11); уздечные бляшки (№ 57) прямоугольные, с одной округлой стороной (рис. 9,17).

Возможность выделения этих групп обусловлена тем, что они фиксируют сочетания предметов, которые использовались кочевниками Южного Приуралья в разное время. Группа 1.1 по ряду ее составляющих предметов (удила со стремевидными окончаниями, трехтрубчатые распределители, обоймы для перекрестных ремней с полусферической внешней частью, украшенной «вихревым» орнаментом) может быть предварительно датирована второй половиной VI – началом V в. до н.э. Группу 1.2 представляется возможным датировать временем в пределах V в. до н.э. Возможно, нижняя граница даты приходится на рубеж VI–V вв. до н.э., а верхняя – на самое начало IV в. до н.э.

Следует особо подчеркнуть, что по отдельности многие предметы, включенные в рассматриваемый комплекс и выделенные в нем группы, могут встречаться на протяжении более длительного времени по сравнению с хронологическими отрезками, предложенными для них в целом.

В рамках данной статьи невозможно подробно охарактеризовать комплекс 2 предметов конского снаряжения, использовавшийся кочевниками Южного Приуралья. Состав принадлежностей сбруи, объединяемых в этот комплекс (см. рис. 2, 3 и условные обозначения к ним), связан с периодом в истории южноуральских номадов, который в отечественной археологической литературе обозначается как раннепрохоровский или филипповский. Этот комплекс конской амуниции предварительно может быть датирован временем с конца V – рубежа V–IV вв. до н.э. по конец IV в. до н.э.

Судя по графу (рис. 2), комплекс 1 сбруи имеет значительное своеобразие и существенно отличается по своему составу от комплекса 2, что нашло отражение в количестве и силе связей между ними.

Следует также отметить, что на графах отсутствуют типы предметов конского снаряжения с конца VII – первой половины VI в. до н.э., так как этот период представлен единичными случайными находками и столь же единичными находками из погребений, чаще всего разрушенных. Однако они также существенно отличаются от комплекса сбруи второй половины VI – V в. до н.э.

Заключение

Выделенный и охарактеризованный в статье комплекс предметов конского снаряжения существовал у кочевников Южного Приуралья в период от середины VI в. до н.э. до конца V в. до н.э., возможно рубежа V–IV вв. до н.э. или самого начала IV в. до н.э. В целом он обладает ярко выраженными характеристиками, существенно отличающими его от сбруи предшествующего периода и более позднего времени. В составе этого комплекса могут быть выделены как минимум две группы, которые являются его структурными ядрами. Первую группу представляется возможным датировать второй половиной VI – началом V в. до н.э., вторую – в пределах V в. до н.э. и, возможно, рубежа V–IV вв. до н.э. или самого начала IV в. до н.э.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Под Южным Приуральем в настоящей статье понимаются равнинные территории, прилегающие на западе и востоке к горам Южного Урала.

² В перечне предметов, которые составляют группы 1.1 и 1.2, в скобках указаны номера, под которыми предметы конского снаряжения фигурируют на графах (рис. 2, 3).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Погребения и жертвенные комплексы VI–IV вв. до н.э., использовавшиеся для определения взаимовстречаемости предметов конского снаряжения

Table 1. Burials and sacrificial complexes of the 6th – 4th centuries BC used to determine the interoccurrence of horse equipment items

№ п/п	Могильник	Курган	Погребение, жертвенный комплекс
1	Аваласовский	3	погр. 2, жертв. комплекс
2	Ак-Булак, хут. Веселый		
3	Ак-Жар II	1	погр. 2, насыпь
4	Акоба II	1	2
5	Аландский III	5	
6	Альмухаметовский	9	2
7	Березки I	1	3
8	Бесоба	4	
9	Бесоба	5	
10	Варна		жертв. комплексы 1, 2
11	Восточно-Курайлинский I	35	2, 5
12	Гумаровский	3	1
13	Елантау	2	
14	Жалгызоба		
15	Жаман-Каргала I	18	2
16	Загребаловский	1	пола
17	Ивановский I	5	
18	Илекшар I	1	конь
19	Илекшар I	5	пола
20	Кызылжар	1	
21	Кызылжар	2	3
22	Кырык-Оба II	1	жертв. комплекс
23	Кырык-Оба II	2	пола, жертв. комплекс
24	Кырык-Оба II	12	пола, жертв. комплекс
25	Кырык-Оба II	15	
26	Кырык-Оба II	16	пола
27	Кырык-Оба II	17	пола
28	Кырык-Оба II	18	пола
29	Кырык-Оба II	19	конь
30	Лебедевка II	9	
31	Лебедевский VII	16	7
32	Маровый Шлях	3	2
33	Мечет-Сай	2	2
34	Мечет-Сай	9	2
35	Ново-Кумакский (К.Ф. Смирнов)	1	3
36	Ново-Кумакский (К.Ф. Смирнов)	5	1
37	Ново-Кумакский (К.Ф. Смирнов)	19	2
38	Ново-Кумакский (М.Г. Мошкова)	13	
39	Ново-Кумакский (М.Г. Мошкова)	19	1
40	Новоорский I	1	пола
41	Переволочан II	3	насыпь
42	Переволочан II	4	насыпь
43	Переволочан I	8	
44	Переволочан I	10	погребальная площадка
45	Переволочан I	10	1
46	Переволочан I	10	2
47	Переволочан I	11	1
48	Покровка II	2	погребенная почва
49	Пятимары I	6	конь

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№ п/п	Могильник	Курган	Погребение, жертвенный комплекс
50	Пятимары I	8	коны 1–5
51	Сара	4	1
52	Сара	7	
53	Сапибулак	1	
54	Сапибулак	6	4
55	Сапибулак	7	насыпь
56	Сибайский II	19	
57	Сынтас I	1	1–3
58	ТаксайI	6	
59	Тара-Бутак	2	3
60	Три Мара	3	конь
61	Утевский IV	1	8
62	Филипповка 1	2	жертв. комплексы 1, 2
63	Филипповка 1	3	пола
64	Филипповка 1	4	жертв. комплекс 1
65	Филипповка 1	6	перекрытие могилы
66	Филипповка 1	9	
67	Филипповка 1	15	1
68	Филипповка 1	16	3
69	Филипповка 1	29	погр. 2, жертв. комплекс
70	Целинный I	59	2
71	Яковлевка II, одиночный курган		1, насыпь
72	Яковлевка VI, одиночный курган		насыпь

Таблица 2. Список погребальных комплексов, содержащих предметы конского снаряжения второй половины VI – V в. до н.э.

Table 2. List of burial complexes containing horse equipment items from the second half of the 6th – 5th centuries BC

№ п/п	Могильник	Курган	Погребение, жертвенный комплекс
1	Акоба II	1	1
2	Аланский III	5	
3	Алебастрова гора	3	2
4	Альмухаметовский	8	
5	Березки I	1	3
6	Бесоба	3	
7	Бесоба	4	
8	Бесоба	5	
9	Варна		жертв. комплексы 1, 2
10	Гумаровский	3	1
11	Елантау	2	
12	Жагабулак I	1	2, 3
13	Жагабулак I	2	1–3
14	Жагабулак I	3	3
15	Жалгызоба		
16	Илекшар I	1	погр. 4, конь
17	Илекшар I	5	пола
18	Кызылжар	1	
19	Кырык-Оба II	2	пола, жертв. комплекс
20	Кырык-Оба II	12	пола, жертв. комплекс
21	Кырык-Оба II	15	
22	Кырык-Оба II	16	пола
23	Кырык-Оба II	17	погребение, пола
24	Кырык-Оба II	18	пола
25	Кырык-Оба II	19	конь
26	Лебедевка II	9	
27	Маровый Шлях	3	2
28	Мечет-Сай	2	2
29	Мечет-Сай	3	2
30	Мечет-Сай	9	2
31	Нагорненский	6	1
32	Ново-Кумакский (К.Ф. Смирнов)	5	1
33	Ново-Кумакский (К.Ф. Смирнов)	19	2
34	Ново-Кумакский (М.Г. Мошкова)	6	2
35	Ново-Кумакский (М.Г. Мошкова)	7	1
36	Ново-Кумакский (М.Г. Мошкова)	19	1
37	Обручевский	2	
38	Переволочан I	8	
39	Покровка II	2	погребенная почва
40	Покровка (1911 г.)	1	
41	Пятимары I	4	3
42	Пятимары I	6	конь
43	Пятимары I	8	кони 1–5
44	Пятимары II	5	
45	Сара	4	1
46	Сара	7	
47	Сапибулак	1	
48	Сапибулак	6	4
49	Сапибулак	7	насыпь
50	Сибайский II	19	
51	Солончанка II	1	

Окончание таблицы 2

End of Table 2

№ п/п	Могильник	Курган	Погребение, жертвенный комплекс
52	Сынтац I	1	1–3
53	Таксай I	6	
54	Тара-Бутак	2	3
55	Три Мара	3	конь
56	Черниговский		

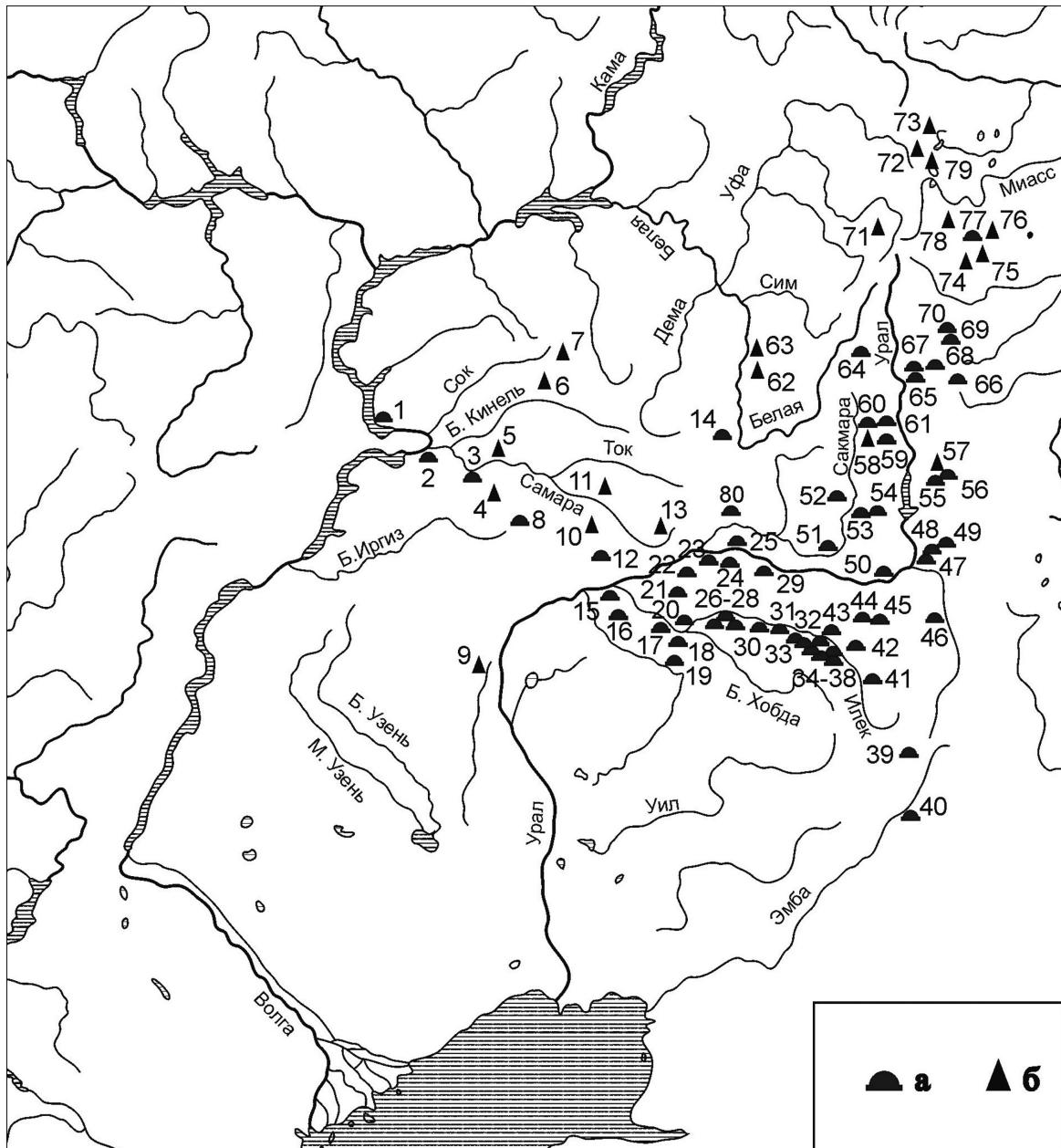

Рис. 1. Памятники, содержащие предметы снаряжения коня, и случайные находки принадлежностей сбруи (VII–IV вв. до н.э.):

а – курганные могильники, одиночные курганы; *б* – случайные находки.

1 – Ягодное; 2 – Березки I; 3 – Утевский IV; 4 – Благодаровка, «Железный мар»; 5 – Марычевка; 6 – Рысайкино; 7 – Иркуль; 8 – Соболевская волость; 9 – Покровско-Уральская ж. д., 336-я верста; 10 – Овсянка; 11 – Пьяновка; 12 – Шумавский; 13 – Абрамовка; 14 – Загребаловский; 15 – Кырык-Оба II; 16 – Таксай I; 17 – Урысай II; 18 – Илекшар I; 19 – Лебедевка II, VII; 20 – Покровка, Покровка II; 21 – Филипповка 1–2; 22 – Высокая Могила – Студеникин Мар; 23 – Чкаловский; 24 – Бис-оба; 25 – Алебастрова гора; 26 – Тара-Бутак; 27 – Мечет-Сай; 28 – Пятимары I, II; 29 – Буранчи I; 30 – Веселый I (Ак-Булак); 31 – Акоба II; 32 – Целинный I; 33 – Танаберген II; 34 – Жалгызоба; 35 – Кызылжар; 36 – Нагорненский; 37 – Сынтас I; 38 – Бесоба; 39 – Уркач I; 40 – Жагабулак I; 41 – Сапибулак; 42 – Жаман-Каргала I; 43 – Восточно-Курайлинский I; 44 – Шпаки I; 45 – Ак-Жар II; 46 – Матвеевский; 47 – Ново-Кумакский; 48 – Три Мара; 49 – Новоорский I; 50 – Сара; 51 – Гумаровский; 52 – Яковлевский о.к. II, VI; 53 – Ивановский I; 54 – Переволочан I–II; 55 – Солончанка II; 56 – Аланский III; 57 – Кара-Бутак; 58 – Баймакский район; 59 – Сибайский I–II; 60 – Тулубай; 61 – Альмухаметовский; 62 – Табынск; 63 – Курмантау; 64 – Аваласовский; 65 – Черниковский; 66 – Система I; 66 – Обручевский; 67 – Маровый Шлях; 68 – Варна; 69 – Елантау; 70 – Клиновский Большой; 71 – Месягутово; 72 – Увильды; 73 – Иртяш; 74 – Троицкий район; 75 – Суналы; 76 – Хомутинино; 77 – Кичигино I; 78 – Подгорное; 79 – Аргаяшский район; 80 – Второе Имангулово

Fig. 1. Monuments containing horse equipment and random finds of harness accessories (7th – 4th centuries BC):

a – kurgan cemeteries, isolated kurgans; *δ* – random finds.

1 – Yagodnoye; 2 – Berezki I; 3 – Utevsky IV; 4 – Blagodarovka, “Zhelezny Mar”; 5 – Marychevka; 6 – Rysaykino; 7 – Irkul; 8 – Sobolevskaya volost; 9 – Pokrovsko-Uralskaya railway, 336th verst; 10 – Ovsyanka; 11 – Pyanovka; 12 – Shumaevsky; 13 – Abramovka; 14 – Zagrebalovsky; 15 – Kyryk-Oba II; 16 – Taksay I; 17 – Urysay II; 18 – Ilekshar I; 19 – Lebedevka II, VII; 20 – Pokrovka, Pokrovka II; 21 – Filippovka 1–2; 22 – Vysokaya Mogila – Studenikin Mar; 23 – Chkalovsky; 24 – Bis-oba; 25 – Alabaster Mountain; 26 – Tara-Butak; 27 – Mechet-Sai; 28 – Pyatimary I, II; 29 – Buranchi I; 30 – Vesely I (Ak-Bulak); 31 – Hakoba II; 32 – Tselinny I; 33 – Tanabergen II; 34 – Zhalgyzoba; 35 – Kyzylzhar; 36 – Nagornensky; 37 – Syntas I; 38 – Besoba; 39 – Urkach I; 40 – Zhagabulak I; 41 – Sapibulak; 42 – Zhaman-Kargala I; 43 – East Kurailinsky I; 44 – Shpaki I; 45 – Ak-Zhar II; 46 – Matveevsky; 47 – Novo-Kumaksky; 48 – Tri Mara; 49 – Novoorsky I; 50 – Sara; 51 – Gumarovsky; 52 – Yakovlevsky isolated kurgan II, VI; 53 – Ivanovsky I; 54 – Perevolochan I–II; 55 – Solonchanka II; 56 – Alandskiy III; 57 – Kara-Butak; 58 – Baimaksky district; 59 – Sibaysky I–II; 60 – Tulubay; 61 – Almukhametovsky; 62 – Tabynsk; 63 – Kurmantau; 64 – Avalasovsky; 65 – Chernigovsky; 66 – Sistema I; 66 – Obruchevsky; 67 – Marovy Shlyakh; 68 – Varna; 69 – Elantau; 70 – Klimovsky Bolshoy; 71 – Mesyagutovo; 72 – Uvildy; 73 – Irtyash; 74 – Troitsky district; 75 – Sunaly; 76 – Khomutinino; 77 – Kichigino I; 78 – Podgornoye; 79 – Argayashsky district; 80 – Second Imangulovo

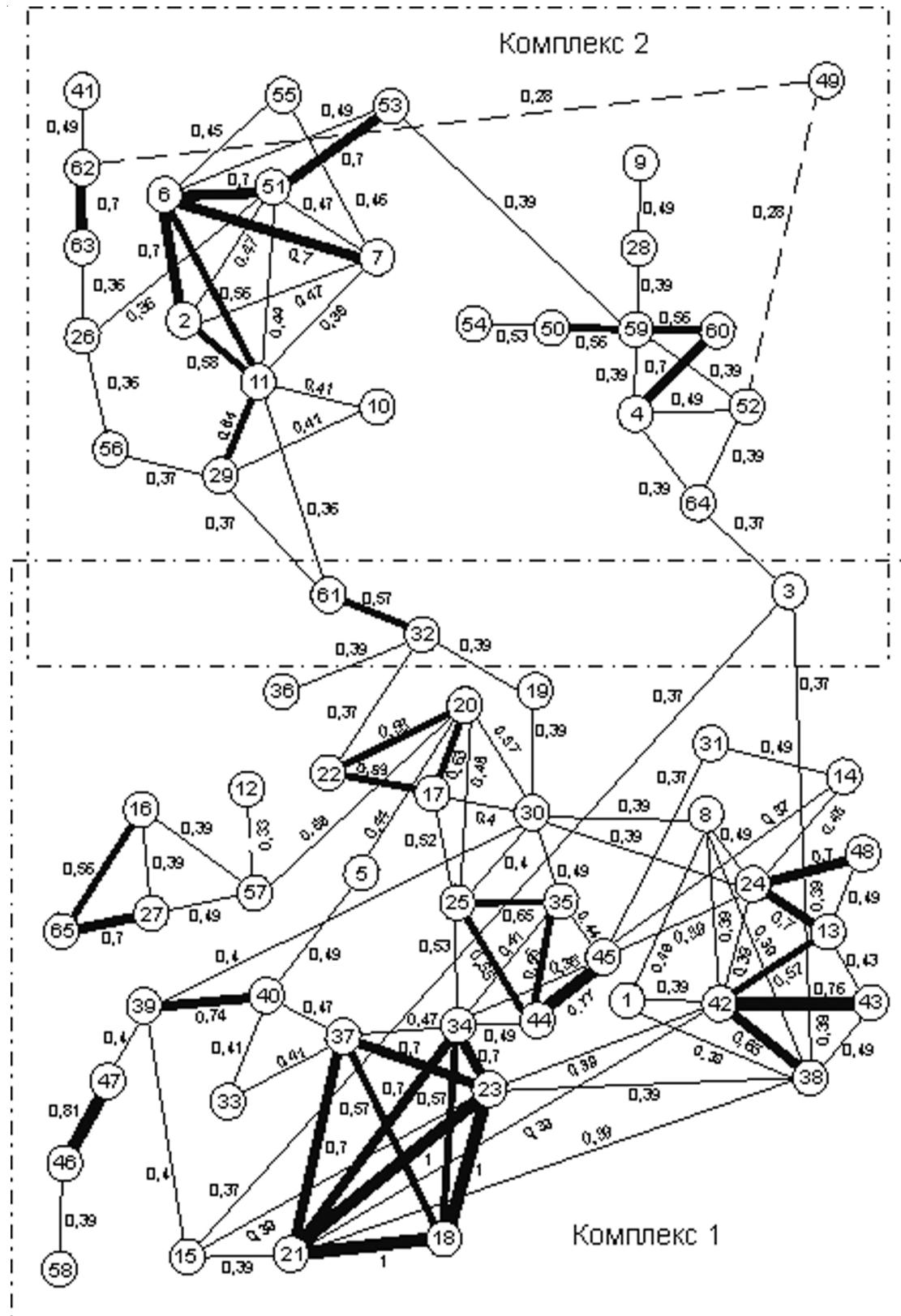

Рис. 2. Граф связей ($q_1 \geq 0,36$) предметов снаряжения коня из курганов Южного Приуралья второй половины VI – IV в. до н.э.:

Условные обозначения к рисункам 2 и 3:

1 – двусоставные удила со стремевидными окончаниями; 2 – Г-образные псалии с округлыми утолщениями –

шишечками на окончаниях; 3 – Г-образные псалии, окончания которых не имеют
какого-либо дополнительного оформления; 4 – Г-образные псалии, загнутое окончание которых
украшено изображением копыта коня; 5 – S-видные двудырчатые псалии, окончания которых в большинстве случаев
плавно и слабо изогнуты в противоположные стороны на незначительную длину; 6 – S-видные двудырчатые псалии,
окончания которых, как правило, резко (в месте изгиба стержень псалия образует угол около 45°) загнуты
в противоположные стороны, длина загнутых окончаний равна или иногда больше длины стержня псалия от места
изгиба до его центральной части, на окончаниях псалиев имеются шаровидные, конические или «вилкообразные»
утолщения; 7 – S-видные металлические двудырчатые псалии, окончания которых резко (в месте изгиба стержень
псалия образует угол около 45°) загнуты в противоположные стороны и украшены изображением конского копыта;
8 – дуговидно изогнутые псалии с зооморфными изображениями на обоих окончаниях;

9 – С-видные псалии с шишечками на окончаниях; 10 – прямые стержневидные двудырчатые псалии,
окончания которых не имеют дополнительного оформления; 11 – двудырчатые псалии в виде прямых стержней
с шишечками на окончаниях; 12 – двудырчатые псалии в виде прямых стержней со скульптурными изображениями
головы коня на окончаниях; 13 – металлические псалии в виде прямых стержней, окончания которых украшены
скульптурными изображениями головы волка, расположенным по продольной оси псалия;

14 – металлические псалии в виде прямых или слегка изогнутых стержней, окончания которых оформлены в виде
скульптурных изображений голов хищных птиц или грифонов; 15 – подпружные застежки в виде
гладких металлических колец без выступов-фиксаторов; 16 – подпружные застежки в виде колец, украшенных
рельефным изображением голов трех птиц или грифонов, обращенных внутрь кольца; 17 – подпружные застежки
в виде металлических колец с выступом-«лапкой» на внутренней стороне рамки; 18 – подпружные застежки,
внешняя сторона которых представляет собой рельефное изображение сцены борьбы двух верблюдов,
с выступом-«лапкой» на внутренней стороне; 19 – подпружные застежки, внешняя сторона которых оформлена
в виде фигуры свернувшегося в кольцо хищника, с петлей или выступом на внутренней стороне; 20 – подпружные
застежки в виде металлического кольца, на внутренней стороне которого в противолежащих точках имеются
2 выступа-«лапки»; 21 – подпружные застежки, внешняя поверхность которых представляет собой рельефное
изображение сцены борьбы двух верблюдов, а на внутренней стороне имеются 2 выступа-«лапки»;

22 – подпружные застежки, имеющие кольцевидную рамку с выступами-«лапками» на внешней и внутренней
сторонах; 23 – подпружные застежки в виде фигуры хищной птицы, терзающей животное; 24 – «гройник» –
трехтрубчатый распределитель; 25 – чумбурные блоки с прямоугольной или трапециевидной скобой, рамкой
округлой формы с заостренной частью на противоположной от скобы стороне; 26 – чумбурные блоки
с прямоугольной или трапециевидной скобой и рамкой окружной формы; 27 – металлические налобники в виде
трапециевидных или подпрямоугольных пластин, короткая сторона которых (или обе) оформлена в виде
изображений голов хищных птиц или грифонов в профиль; 28 – налобники в виде сравнительно
небольших удлиненных пластин, длинные стороны которых прямые или слегка вогнутые в средней части,
короткие – прямые, прямые с трапециевидным выступом или выступающее углом, с петлей на обратной стороне;

29 – налобники, верхняя часть которых представляет собой стержень, согнутый в виде петли и заканчивающийся
шаровидным утолщением, а нижняя раскована в виде удлиненной пластины (лопасти) и стержневидная,
место соединения верхней и нижней частей выполнено в виде кольца; 30 – бляшки-подвески, имитирующие клык кабана,
на внешней стороне которых отсутствуют какие-либо изображения; 31 – бляшки-подвески, внешняя поверхность
которых украшена изображением длинноклювой птицы или грифона, дополненным меньшим по размерам
изображением еще одной головы хищной птицы; 32 – бляшки-подвески, имитирующие клык кабана в виде головы
грифона с длинным клювом без дополнительного изображение второй головы в широкой части;

33 – бляшки-подвески, имитирующие клык кабана, внешняя поверхность которых украшена изображением
хищника с удлиненной мордой с оскаленной пастью и прижатым ухом, дополненным изображением головы
другого животного, вероятно лошади, в широкой части; 34 – бляшки-подвески, имитирующие клык кабана,
внешняя поверхность которых в широкой части украшена изображением хищника (волка) с оскаленной пастью
и заостренным прижатым ухом; 35 – подвески на наносные / налобные ремни,
одно из завершений которых имеет когтевидную или клювовидную форму (изогнуто и заостreno),
а в противоположном широком конце имеется сквозное отверстие; 36 – подвески на наносные / налобные ремни
в виде скульптурного изображения головы птицы с длинным и загнутым вниз клювом и отверстием в районе шеи;

37 – подвески на наносные / налобные ремни в виде фигуры птицы с длинной шеей и повернутой назад головой;

38 – подвески на наносные / налобные ремни, представляющие собой бляшки, имеющие плоский щиток,
центральная часть которого оформлена в виде окружной в плане розетки со «спирально-вихревым» орнаментом,
верхний щиток иногда представляет собой изображение профиля головы птицы, а нижний имеет форму
распущенного птичьего хвоста с рельефно переданными перьями; 39 – обоймы для перекрестных ремней,
имеющие полусферическую внешнюю неорнаментированную часть, окружную в поперечном сечении
среднюю часть (корпус) и плоское окружное основание; 40 – обоймы для перекрестных ремней, имеющие
полусферическую внешнюю неорнаментированную часть, окружную в поперечном сечении
среднюю часть (корпус) и плоское окружное основание и боковой щиток; 41 – обоймы для перекрестных ремней,
имеющие часть в виде неорнаментированного полусферического или конического (вариант 1), плоского
или щитка-бляшки, квадратный в сечении корпус и плоское подквадратное основание; 42 – обоймы для перекрестных
ремней с полусферической внешней частью, украшенной рельефным орнаментом в виде спиралей, начинающихся

в центре бляшки и завершающихся около краев; 43 – обоймы для перекрестных ремней с боковым щитком, полусферической внешней частью, украшенной рельефным орнаментом в виде спиралей, начинающихся в центре бляшки и завершающихся около краев; 44 – обоймы для перекрестных ремней, округлые или подквадратные в поперечном сечении обоймы, внешняя (верхняя) часть которых завершается изогнутым заостренным на конце когтевидным выступом, расположенным перпендикулярно плоскости основания; 45 – обоймы для перекрестных ремней с боковым щитком, округлые и подквадратные в поперечном сечении обоймы, внешняя (верхняя) часть которых завершается изогнутым заостренным на конце когтевидным выступом, расположенным перпендикулярно плоскости основания; 46 – обоймы для перекрестных ремней, округлые или квадратные в поперечном сечении обоймы, верхняя (внешняя) часть которых завершается изображением головы грифона или птицы; 47 – обоймы для перекрестных ремней с боковым щитком, округлые или квадратные в поперечном сечении обоймы, верхняя (внешняя) часть которых завершается изображением головы грифона или птицы; 48 – ворврки усеченно-конические, имеющие большие размеры; 49 – ворврки усечено-конические, имеющие небольшие размеры; 50 – ворврки массивные, усечено-конические с вогнутыми стенками, имеющие большие размеры; 51 – ворврки усечено-конические с вогнутыми стенками, имеющие небольшие размеры; 52 – ворврки усечено-конические с вогнутыми стенками, высокие (свыше 2,6 см) при небольшом диаметре основания; 53 – ворврки полусферической формы, имеющие небольшие размеры; 54 – бляшки небольшие, металлические, правильной полусферической, слегка уплощенной полусферической или приближающейся к конической формы, с петлей на внутренней стороне; 55 – бляшки крупные, металлические, полусферической, иногда близкой к конической формы, с петлей на внутренней стороне; 56 – бляшки металлические, круглые, плоские, с петлей на внутренней стороне; 57 – бляшки металлические в виде прямоугольного плоского гладкого щитка с нижней окружной частью, имеющие петлю на внутренней стороне; 58 – бляшки в виде фигуры припавшего к земле хищника, изображенного в профиль; 59 – бляшки металлические в виде длинномордой головы волка с оскаленной пастью, изображенной в профиль; 60 – бляшки металлические и костяные в виде изображения головы горного козла или барана в профиль; 61 – бляшки металлические в виде двух голов хищных птиц или грифонов, изображенных в профиль, обращенных клювами в противоположные стороны, а нижней частью – друг к другу; 62 – обоймы-пронизи небольшие, металлические, усечено-биконической формы; 63 – бляшки плоские в виде рыбы, гладкие; 64 – подвески-клыки с высовленным у основания отверстием; 65 – обоймы-пронизи крупные, металлические, имеющие во фронтальной проекции окружную сжатую или цилиндрическую форму

Fig. 2. Graph of connections ($q1 \geq 0.36$) between horse equipment items from the kurgans of the Southern Urals of the second half of the 6th – 4th centuries BC

Legend for figures 2 and 3:

1 – two-piece bits with stirrup-shaped ends; 2 – Г-shaped cheek-pieces with rounded thickenings at the ends; 3 – Г-shaped cheek-pieces, the ends of which do not have any additional decoration; 4 – Г-shaped cheek-pieces, the curved end of which is decorated with an image of a horse's hoof; 5 – S-shaped two-hole cheek-pieces, the ends of which, in most cases, are smoothly and slightly curved in opposite directions over an insignificant length; 6 – S-shaped two-hole cheek-pieces, the ends of which, as a rule, are sharply (at the bend, the shaft of the cheek-piece forms an angle of about 45°) bent in opposite directions, the length of the curved ends is equal to or sometimes greater than the length of the shaft of the cheek-piece from the bend to its central part, the ends of the cheek-pieces have spherical, conical or "fork-shaped" thickenings; 7 – S-shaped metal two-hole cheek-pieces, the ends of which are sharply (at the bend the shaft of the cheek-piece forms an angle of about 45°) bent in opposite directions and decorated with an image of a horse's hoof; 8 – arcuate cheek-pieces with zoomorphic images on both ends; 9 – C-shaped cheek-pieces with thickening on the ends; 10 – straight rod-shaped two-hole cheek-pieces, the ends of which have no additional decoration; 11 – two-hole cheek-pieces in the form of straight rods with thickening on the ends; 12 – two-hole cheek-pieces in the form of straight rods with sculptural images of a horse's head on the ends; 13 – metal cheek-pieces in the form of straight rods, the ends of which are decorated with sculptural images of a wolf's head, located along the longitudinal axis of the cheek-piece; 14 – metal cheek-pieces in the form of straight or slightly curved rods, the ends of which are decorated in the form of sculptural images of the heads of birds of prey or griffins; 15 – girth clasps in the form of smooth metal rings without protrusions-locks; 16 – girth clasps in the form of rings, decorated with a relief image of the heads of three birds or griffins, facing inward of the ring; 17 – girth clasps in the form of metal rings with a protrusion-“paw” on the inner side of the frame; 18 – girth clasps, the outer side of which is a relief image of a scene of a fight between two camels with a protrusion-“paw” on the inner side; 19 – girth clasps with an outer side shaped like a coiled predator with a loop or protrusion on the inner side; 20 – girth clasps in the form of a metal ring, on the inner side of which at opposite points there are two projections-“paws”; 21 – girth clasps, the outer surface of which is a relief image of a scene of a fight between two camels, and on the inner side there are two projections-“paws”; 22 – girth clasps with a ring-shaped frame with projections-“paws” on the outer and inner sides; 23 – girth clasps in the form of a figure of a bird of prey tearing an animal; 24 – “tee” – three-tubular distributor; 25 –blocks of rein to tie a horse with a rectangular or trapezoidal bracket, a rounded frame with a pointed part on the side opposite the bracket; 26 – blocks of rein to tie a horse with a rectangular or trapezoidal bracket and a rounded frame; 27 – metal forehead pieces in the form of trapezoid or subrectangular plates, the short side of which (or both) is designed in the form of images of heads of birds of prey or griffins in profile; 28 – forehead pieces in the form of comparatively small elongated plates, the long sides of which are straight or slightly concave in the middle part, the short ones are straight, straight with a trapezoid

protrusion or a protruding angle, with a loop on the reverse side; 29 – forehead pieces, the upper part of which is a rod bent in the form of a loop and ending in a spherical thickening, and the lower part is forged in the form of an elongated plate (blade) and rod-shaped, the junction of the upper and lower parts is made in the form of a ring; 30 – plaques-pendants imitating a boar's tusk, on the outer side of which there are no images; 31 – plaques-pendants, the outer surface of which is decorated with the image of a long-beaked bird or a griffin, supplemented by a smaller image of another head of a bird of prey; 32 – plaques-pendants imitating a boar's tusk in the form of a griffin's head with a long beak without an additional image of a second head in the wide part; 33 – plaques-pendants imitating a boar's tusk, the outer surface of which is decorated with the image of a predator with an elongated muzzle with a bared mouth and a pressed ear, supplemented by the image of the head of another animal, probably a horse, in the wide part; 34 – plaques-pendants imitating a boar's tusk, the outer surface of which in the wide part is decorated with the image of a predator (wolf) with a bared mouth and a pointed pressed ear; 35 – pendants on nose/head straps, one end of which has a claw- or beak-shaped form (curved and pointed), and in the opposite wide end there is a through hole; 36 – pendants on nose/head straps in the form of a sculptural image of a bird's head with a long, downward-curving claw and a hole in a neck area; 37 – pendants for nose/head straps in the form of a bird with a long neck and a back-turned head; 38 – pendants for nose/head straps, which are plaques with a flat shield, the central part of which is designed as a rounded rosette with a "spiral-vortex" ornament, the upper shield sometimes represents an image of a bird's head profile, and the lower one has the shape of a loose bird's tail with feathers rendered in relief; 39 – clips for crossed straps, having a hemispherical outer undecorated part, a middle part (body) rounded in cross-section and a flat rounded base; 40 – clips for crossed straps, having a hemispherical outer undecorated part, a middle part (body) rounded in cross-section and a flat rounded base and a side shield; 41 – clips for crossed belts, having a part in the form of an undecorated hemispherical or conical (variant 1), flat or shield-plate, a body square in section and a flat sub-square base; 42 – clips for crossed belts with a hemispherical outer part, decorated with a relief ornament in the form of spirals starting in the center of the plate and ending near the edges; 43 – clips for crossed belts with a side shield, a hemispherical outer part, decorated with a relief ornament in the form of spirals starting in the center of the plate and ending near the edges; 44 – clips for crossed belts, round or sub-square in cross-section ferrules, the outer (upper) part of which ends in a curved, pointed at the end, claw-shaped protrusion located perpendicular to the plane of the base; 45 – clips for crossed straps with a side shield, round or sub-square in cross-section, the outer (upper) part of which ends in a curved, pointed claw-shaped protrusion at the end, located perpendicular to the plane of the base; 46 – clips for crossed straps, round or square in cross-section, the upper (outer) part of which ends with the image of a griffin's head or a bird; 47 – clips for crossed straps with a side shield, round or square in cross-section, the upper (outer) part of which ends with the image of a griffin's head or a bird; 48 – truncated-conical pendant for rein of large dimensions; 49 – truncated-conical pendant for rein of small dimensions; 50 – massive truncated-conical pendant for rein with concave walls, large in size; 51 – truncated-conical pendant for rein with concave walls, small in size; 52 – truncated-conical pendant for rein with concave walls, high (over 2.6 cm) with a small base diameter; 53 – hemispherical pendant for rein, small in size; 54 – small metal plaques of a regular hemispherical, slightly flattened hemispherical or approaching conical shape with a loop on the inner side; 55 – large metal plaques of a hemispherical, sometimes close to conical shape with a loop on the inner side; 56 – round flat metal plaques with a loop on the inner side; 57 – metal plaques in the form of a rectangular flat smooth shield with a rounded lower part, having a loop on the inner side; 58 – plaques in the form of a figure of a predator crouching to the ground, depicted in profile; 59 – metal plaques in the form of a long-muzzled head of a wolf with a bared mouth, depicted in profile; 60 – metal and bone plaques in the form of an image of the head of a mountain goat or ram in profile; 61 – metal plaques in the form of two heads of birds of prey or griffins, depicted in profile, facing beaks in opposite directions, and the lower part – towards each other; 62 – small metal truncated-biconical ferrules; 63 – flat plaques in the form of a fish, smooth; 64 – pendants-fangs with a hole drilled at the base; 65 – large metal clips-clamps, having a rounded compressed or cylindrical shape in the frontal projection

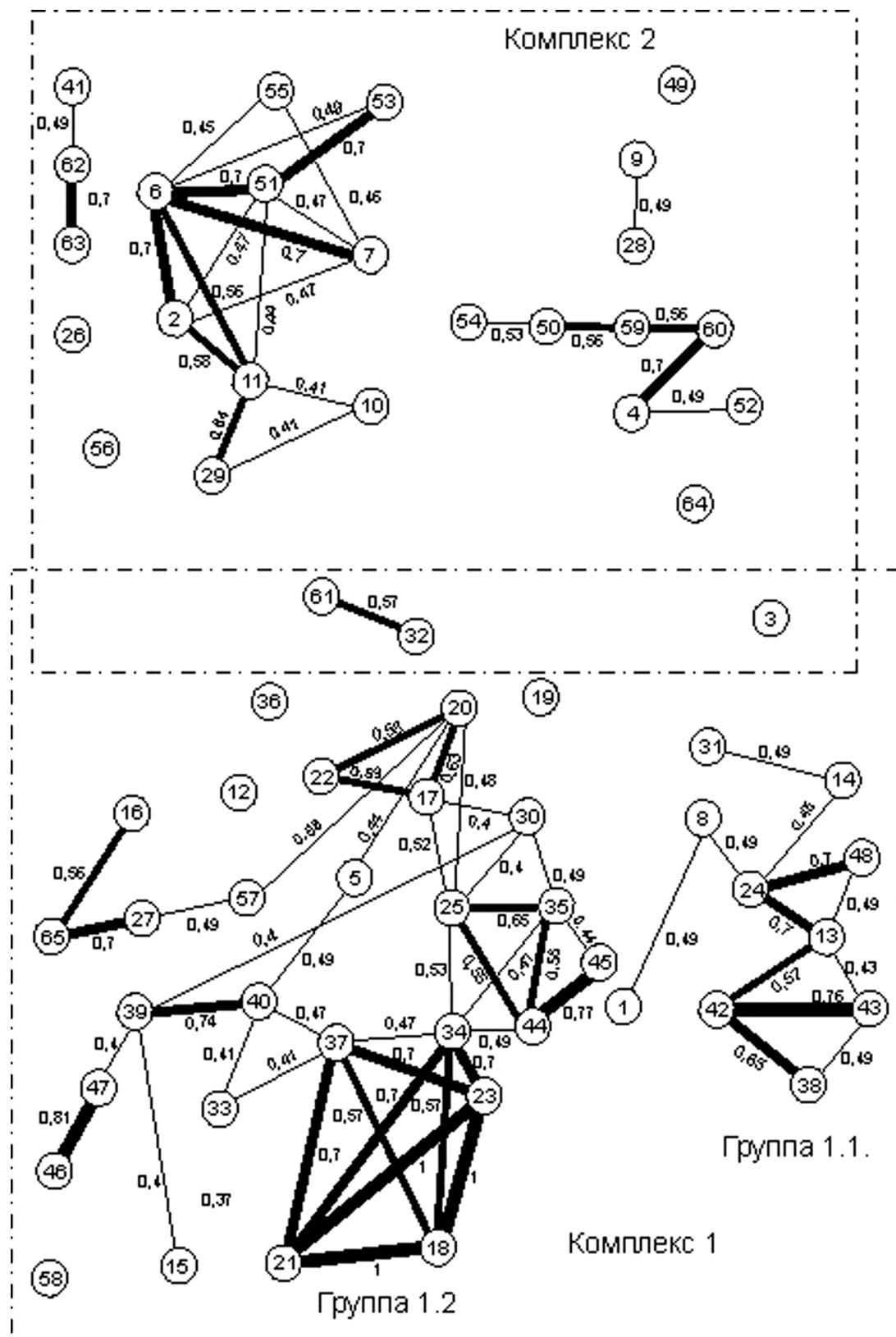

Рис. 3. Граф связей ($q_1 \geq 0,4$) предметов снаряжения коня из курганов Южного Приуралья второй половины VI – IV в. до н.э.

Fig. 3. Graph of connections ($q_1 \geq 0.4$) of horse equipment items from the kurgans of the Southern Urals of the second half of the 6th – 4th centuries BC

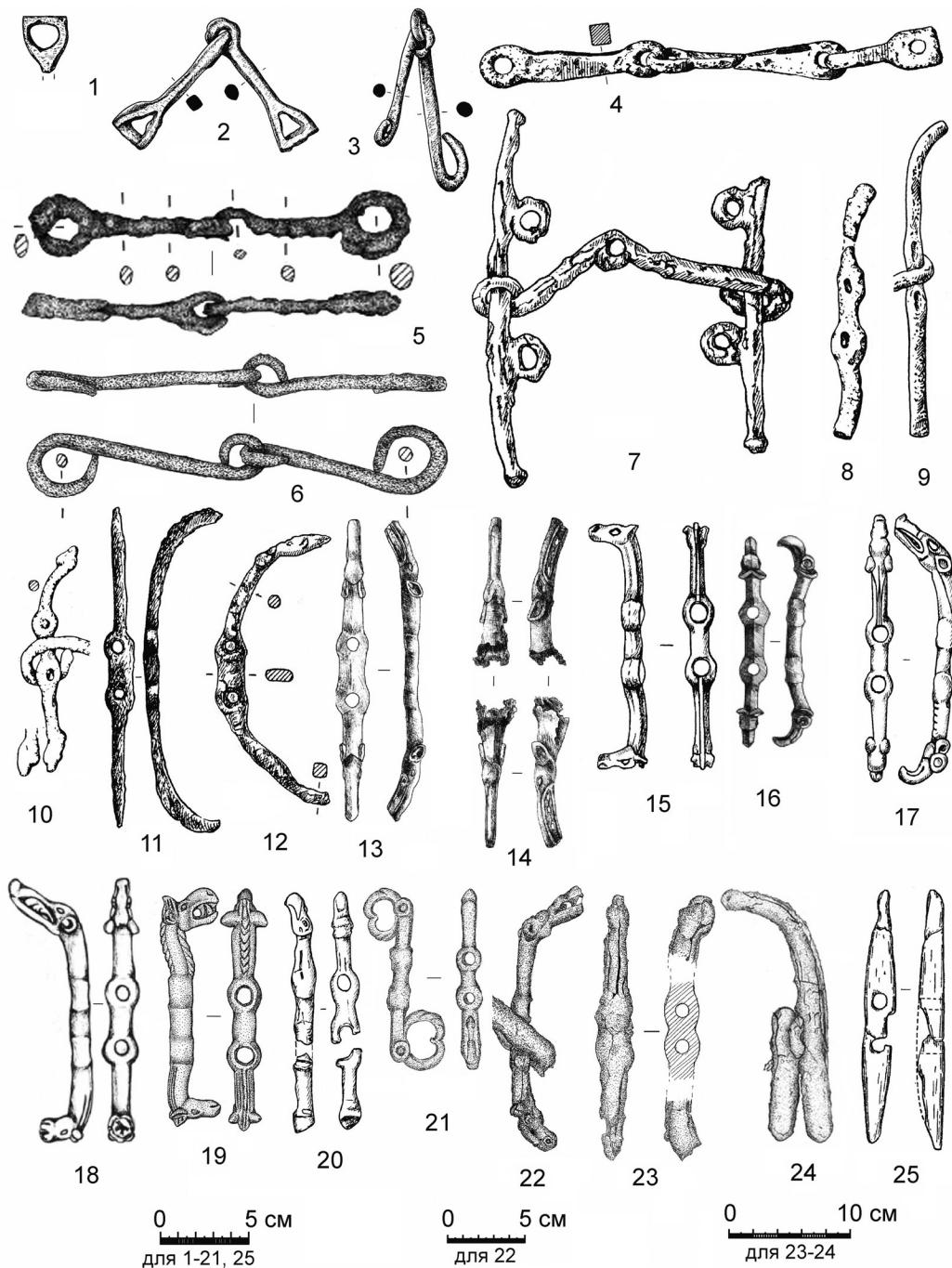

Рис. 4. Предметы снаряжения коня второй половины VI – V в. до н.э.:

1–6 – удила; 7–25 – псалии.

1 – Гумаровский, кург. 3, погр. 1; 2, 3, 12 – кург. у с. Варна; 4 – Сара, кург. 7; 5, 6, 11 – Таксай I, кург. 6; 7 – Сынта I, кург. 1, погр. 3; 8 – Мечет-Сай, кург. 2, погр. 2; 9 – Пятимары I, кург. 8, конь 4;

10 – Мечет-Сай, кург. 2, погр. 2; 13, 14 – Кырык-Оба II, кург. 15; 15 – Кырык-Оба II, кург. 16;

16 – Кырык-Оба II, кург. 17; 17 – Кырык-Оба II, кург. 12; 18 – Илекшар I, кург. 5; 19 – Бесоба, кург. 3; 20 – Солончанка II, кург. 1; 21–23 – Жагабулак I, кург. 1, погр. 2; 24 – Жагабулак I, кург. 1, погр. 3;

25 – Алебастрова гора, кург. 3, погр. 2 (1–3, 13–22 – бронза; 4–12, 23–24 – железо; 25 – кость).

Рисунки по: 1 – [Зуев, Исмагилов, 1999, рис. 6,3]; 2, 3, 12 – [Таиров, Боталов, 1988, рис. 4,3, 5,7,9];

4 – [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 16,14]; 5, 6, 11 – [Лукпанова, 2014, рис. 10,1, 5,1, 6,3];

7 – [Кадырбаев, Курманкулов, 1976, рис. 5,5]; 8, 10, 25 – [Смирнов, 1961, рис. 47,1, 45,5, 48,9];

9 – [Смирнов, 1964, рис. 28,7]; 13, 14 – [Гуцалов, 2010, рис. 3,II,5,6]; 15, 18 – [Гуцалов, 2007, рис. 12,II,1, 16,III,2];

16, 17 – [Гуцалов, 2011, рис. 7,10, 3,2]; 19 – [Мамедов, 2011, рис. 2,5]; 20 – [Таиров, 2006, рис. 8,2];

21–24 – [Мамедов и др., 2022, рис. 30,1, 33,2,3, 47,1]

Fig. 4. Horse equipment items from the second half of the 6th – 5th centuries BC:

1–6 – bits; 7–25 – cheek-pieces.

1 – Gumarovsky, kurgan 3, burial 1; 2, 3, 12 – kurgan near Varna; 4 – Sarah, kurgan 7; 5, 6, 11 – Taksay I, kurgan 6;

7 – Syntas I, kurgan 1, burial 3; 8 – Mechet-Sai, kurgan 2, burial 2; 9 – Pyatimary I, kurgan 8, horse 4;

10 – Mechet-Sai, kurgan 2, burial 2; 13, 14 – Kyryk-Oba II, kurgan 15; 15 – Kyryk-Oba II, kurgan 16;

16 – Kyryk-Oba II, kurgan 17; 17 – Kyryk-Oba II, kurgan 12; 18 – Ilekshar I, kurgan 5; 19 – Besoba, kurgan 3;

20 – Solonchanka II, kurgan 1; 21–23 – Zhagabulak I, kurgan 1, burial 2; 24 – Zhagabulak I, kurgan 1, burial 3;

25 – Alabaster Mountain, kurgan 3, burial 2 (1–3, 13–22 – bronze; 4–12, 23–24 – iron; 25 – bone).

Figures after: 1 – [Zuev, Ismagilov, 1999, fig. 6,3]; 2, 3, 12 – [Tairov, Batalov, 1988, fig. 4,3; 5,7,9];

4 – [Smirnov, Petrenko, 1963, tables 16,14]; 5, 6, 11 – [Lukpanova, 2014, fig. 10,1; 5,1; 6,3];

7 – [Kadyrbaev, Kurmankulov, 1976, fig. 5,5]; 8, 10, 25 – [Smirnov, 1961, fig. 47,1; 45,5; 48,9];

9 – [Smirnov, 1964, fig. 28,7]; 13, 14 – [Gutsalov, 2010, fig. 3,II,5,6]; 15, 18 – [Gutsalov, 2007, fig. 12,II,1; 16,III,2];

16, 17 – [Gutsalov, 2011, fig. 7,10; 3,2]; 19 – [Mamedov, 2011, fig. 2,5]; 20 – [Tairov, 2006, fig. 8,2];

21–24 – [Mamedov et al., 2022, fig. 30,1; 33,2,3; 47,1]

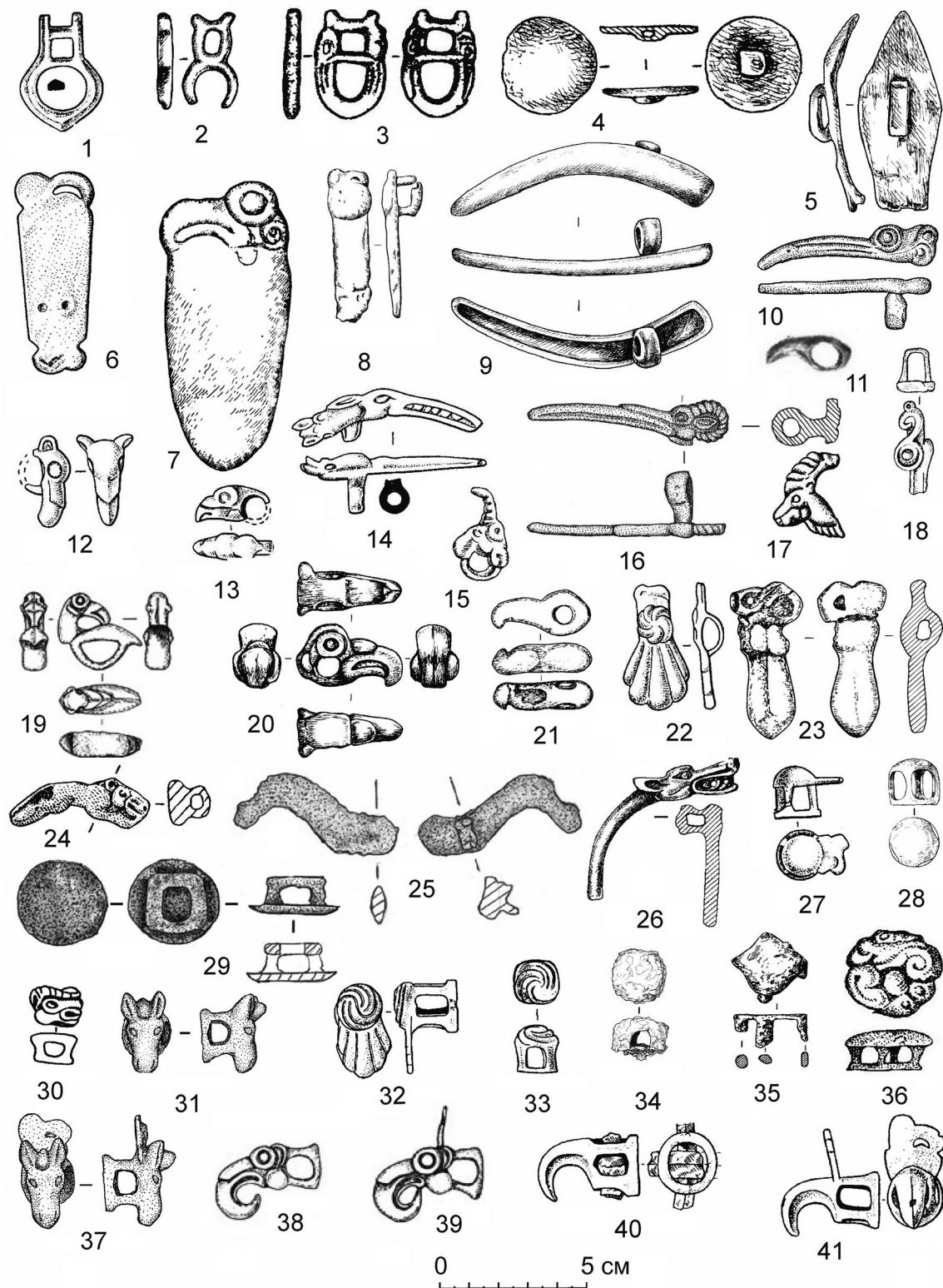

Рис. 5. Предметы снаряжения коня второй половины VI – V в. до н.э.:

1–3 – чумбурные блоки; 4–8 – налобники; 9–26, 29 – подвески на налобные и наносные ремни;
27, 28, 30–42 – обоймы для перекрестных ремней.

1, 40, 41 – Пятимары I, кург. 4, погр. 3; 2, 3, 23, 26 – Сынташ I, кург. 1, погр. 2; 4, 5 – Таксай I, кург. 6; 6 – кург.

у хут. Черниговский; 7, 17 – Покровка, кург. 1 (1911 г.); 8 – Пятимары II, кург. 5; 9 – Кырык-Оба II, кург. 2;

10 – Аланский III, кург. 5; 11 – Пятимары I, кург. 6, погр. 4;

12, 14, 18, 22, 27, 33 – Пятимары I, кург. 8; 13 – Ново-Кумакский, кург. 7, погр. 1; 15 – Альмухаметовский, кург. 8;

16, 31, 34, 37 – Бесоба, кург. 3; 19, 38, 39 – Кырык-Оба II, кург. 12; 20 – Кырык-Оба II, кург. 17;
21 – Илекшар I, кург. 1, погр. 4; 24 – Обручевский, кург. 2; 25, 29 – Таксай I, кург. 6;
28, 35 – Мечет-Сай, кург. 2, погр. 2; 30 – Три Мара, кург. 3, погребение коня;
32 – Ново-Кумакский, кург. 6, погр. 2; 36 – Ново-Кумакский, кург. 19, погр. 2 (1–33, 36–41 – бронза; 34, 35 – железо).
Рисунки по: 1, 6, 12, 14, 18, 22, 27, 32, 33, 40, 41 – [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 17, 66, 3, 57, 51, 58, 44, 46, 60, 62, 63, 50, 53]; 2, 3 – [Кадырбаев, Курманкулов, 1976, рис. 3, 2, 3, 6, 7]; 4, 5, 25, 29 – [Лукпанова, 2014, рис. 5, 5, 8; 6, 5; 7, 6]; 7, 8, 17, 28, 35 – [Смирнов, 1961, рис. 49, 10, 12, 54; 55, 5; 56, 1]; 9 – [Гуталов, 2011, рис. 1, 15];
10 – [Мошкова, 1972, рис. 4, 3]; 11 – [Смирнов, 1964, рис. 29, 46]; 15 – [Пшеничнюк, 1983, табл. XXXIII, 15];
16, 31, 34, 37 – [Мамедов, 2011, рис. 2, 11, 14, 19, 20]; 19, 38, 39, 20 – [Гуталов, 2011, рис. 2, 2–4; 7, 9];
21 – [Гуталов, 2009, рис. 4A, 2]; 24 – [Гаврилюк, Таиров, 1993, рис. 5, 1]; 30 – [Смирнов, 1981, рис. 4, 2];
36 – [Смирнов, 1977, рис. 12, 3]

Fig. 5. Horse equipment items from the second half of the 6th – 5th centuries BC:

1–3 – chumbar blocks; 4–8 – browbands; 9–26, 29 – pendants for forehead and nose straps;
27, 28, 30–42 – clips for cross belts.

1, 40, 41 – Pyatimary I, курган 4, burial 3; 2, 3, 23, 26 – Syntas I, курган 1, burial 2; 4–5 – Taksay I, курган 6;
6 – курган near the farmstead Chernigovsky; 7, 17 – Pokrovka, курган 1 (1911); 8 – Pyatimary II, курган 5;
9 – Kyryk-Oba II, курган 2; 10 – Alandskiy III, курган 5; 11 – Pyatimary I, курган 6, burial 4;
12, 14, 18, 22, 27, 33 – Pyatimary I, курган 8; 13 – Novo-Kumaksky, курган 7, burial 1; 15 – Almukhametovsky, курган 8;
16, 31, 34, 37 – Besoba, курган 3; 19, 38, 39 – Kyryk-Oba II, курган 12; 20 – Kyryk-Oba II, курган 17;
21 – Ilekshar I, курган 1, burial 4; 24 – Obruchevsky, курган 2; 25, 29 – Taksay I, курган 6;
28, 35 – Mechet-Sai, курган 2, burial 2; 30 – Tri Mara, курган 3, burial of a horse;
32 – Novo-Kumaksky, курган 6, burial 2; 36 – Ново-Кумакский, курган 19, burial 2 (1–33, 36–41 – bronze, 34, 35 – iron).
Figures after: 1, 6, 12, 14, 18, 22, 27, 32, 33, 40, 41 – [Smirnov, Petrenko, 1963, table 17, 66, 3, 57, 51, 58, 44, 46, 60, 62, 63, 50, 53]; 2, 3 – [Kadyrbaev, Kurmankulov, 1976, fig. 3, 2, 3, 6, 7]; 4, 5, 25, 29 – [Lukpanova, 2014, fig. 5, 5, 6, 5; 7, 6];
7, 8, 17, 28, 35 – [Smirnov, 1961, fig. 49, 10, 12, 54, 55, 5, 56, 1]; 9 – [Gutsalov, 2011, fig. 1, 15];
10 – [Moshkova, 1972, fig. 4, 3]; 11 – [Smirnov, 1964, fig. 29, 46]; 15 – [Pshenichnyuk, 1983, table XXXIII, 15];
16, 31, 34, 37 – [Mamedov, 2011, fig. 2, 11, 14, 19, 20]; 19, 38, 39, 20 – [Gutsalov, 2011, fig. 2, 2–4, 7, 9];
21 – [Gutsalov, 2009, fig. 4A, 2]; 24 – [Gavriluk, Tairov, 1993, fig. 5, 1]; 30 – [Smirnov, 1981, fig. 4, 2];
36 – [Smirnov, 1977, fig. 12, 3].

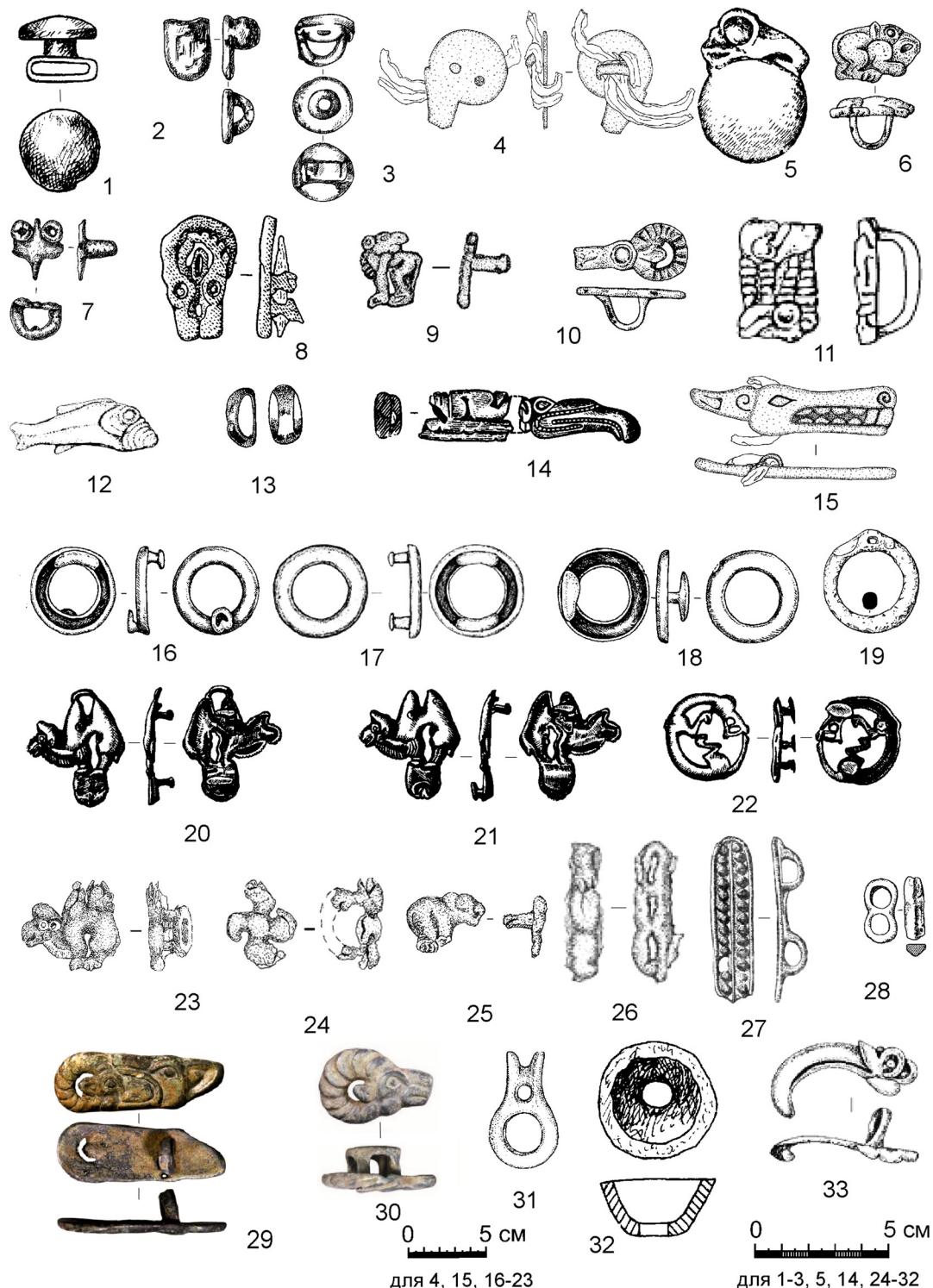

Рис. 6. Предметы снаряжения коня второй половины VI – V в. до н.э.:

1–12, 14, 15, 24, 25, 29, 33 – бляшки и подвески; 13 – пронизь; 16–22 – подпружные застежки; 23, 30 – обоймы для перекрестных ремней; 26–28 – двоители ремней; 31 – чумбурный блок; 32 – ворврока.
 1 – Варна; 2, 14 – Ново-Кумакский, кург. 19, погр. 2; 3 – Сынташ I, кург. 1, погр. 2; 4, 15 – Кырык-Оба II, кург. 18; 5 – Пятимары II, кург. 5; 6, 10, 13, 31 – Аланский III, кург. 5; 7 – Кырык-Оба II, кург. 16; 8 – Обручевский, кург. 2; 9 – Сапибулак, кург. 6, погр. 4; 11 – Бесоба, кург. 5; 12 – Нагорненский, кург. 6, погр. 1; 16–18, 33 – Кырык-Оба II, кург. 2; 19 – Мечет-Сай, кург. 2, погр. 2; 20–22 – Бесоба, кург. 9; 23, 25 – Жагабулак I, кург. 1, погр. 2; 24, 26 – Жагабулак I, кург. 1, погр. 3; 27 – Пятимары II, кург. 5; 28 – Мечет-Сай, кург. 9, погр. 2; 29, 30 – Подгорное; 32 – Таксай I, кург. 6 (1, 3–13, 15–33 – бронза; 2 – железо; 14 – кость).

Рисунки по: 1 – [Тайров, Боталов, 1988, рис. 4,6]; 2, 14 – [Смирнов, 1977, рис. 12,4,5];

3 – [Кадырбаев, Курманкулов, 1976, рис. 3, 10]; 4, 15 – [Гуталов, 2010, рис. 6,8,13]; 5, 19, 28 – [Смирнов, 1961, рис. 49,13; 57,1; 54]; 6, 10, 13, 31 – [Мошкова, 1972, рис. 4,1,2,4; 5,4]; 7, 16–18, 33 – [Гуталов, 2011, рис. 5,3; 1,15–18]; 8 – [Гаврилюк, Тайров, 1993, рис. 5,3]; 9 – [Мамедов, Китов, 2015, рис. 11,2]; 11, 20–22 – [Кузнецова, Курманкулов, 1993, рис. 3,1,6,9,12]; 12 – [Королкова, 2006, табл. 1,3]; 23–26 – [Мамедов и др., 2022, рис. 30,2; 33,18; 42,11; 47,3]; 27 – [Смирнов, 1964, рис. 22,8]; 29, 30 – [Тайров, 2021, рис. 3,2; 4,3]; 32 – [Лукпанова, 2014, рис. 5,7]

Fig. 6. Horse equipment items from the second half of the 6th – 5th centuries BC:

1–12, 14, 15, 24, 25, 29, 33 – plaques and pendants; 13 – bead; 16–22 – girth fasteners;

23, 30 – clips for cross belts; 26–28 – strap doublers; 31 – block of rein to tie a horse; 32 – vorvorka.

1 – Varna; 2, 14 – Novo-Kumaksky, kurgan 19, burial 2; 3 – Syntas I, kurgan 1, burial 2; 4, 15 – Kyryk-Oba II, kurgan 18;

5 – Pyatimary II, kurgan 5; 6, 10, 13, 31 – Alandskiy III, kurgan 5; 7 – Kyryk-Oba II, kurgan 16; 8 – Obruchevsky, kurgan 2;

9 – Sapibulak, kurgan 6, burial 4; 11 – Besoba, kurgan 5; 12 – Nagornensky, kurgan 6, burial 1; 16–18, 33 – Kyryk-Oba II, kurgan 2;

19 – Mechet-Sai, kurgan 2, burial 2; 20–22 – Besoba, kurgan 9; 23, 25 – Zhagabulak I, kurgan 1, burial 2;

24, 26 – Zhagabulak I, kurgan 1, burial 3; 27 – Pyatimary II, kurgan 5; 28 – Mechet-Sai, kurgan 9, burial 2;

29, 30 – Podgornoye; 32 – Taksay I, kurgan 6 (1, 3–13, 15–33 – bronze; 2 – iron; 14 – bone).

Figures after: 1 – [Tairov, Botalov, 1988, fig. 4,6]; 2, 14 – [Smirnov, 1977, fig. 12, 4,5];

3 – [Kadyrbaev, Kurmankulov, 1976, fig. 3,10]; 4, 15 – [Gutsalov, 2010, fig. 6,8,13]; 5, 19, 28 – [Smirnov, 1961, fig. 49,13, 57,1, 54]; 6, 10, 13, 31 – [Moshkova, 1972, fig. 4,1,2,4, 5,4]; 7, 16–18, 33 – [Gutsalov, 2011, fig. 5,3, 1,15–18];

8 – [Gavriluk, Tairov, 1993, fig. 5,3]; 9 – [Mamedov, Kitov, 2015, fig. 11,2]; 11, 20–22 – [Kuznetsova, Kurmankulov, 1993, fig. 3,1,6,9,12]; 12 – [Korolkova, 2006, table 1,3]; 23–26 – [Mamedov et al., 2022, fig. 30,2, 33,18; 42,11, 47,3];

27 – [Smirnov, 1964, fig. 22,8]; 29, 30 – [Tairov, 2021, fig. 3,2, 4,3]; 32 – [Lukpanova, 2014, fig. 5,7]

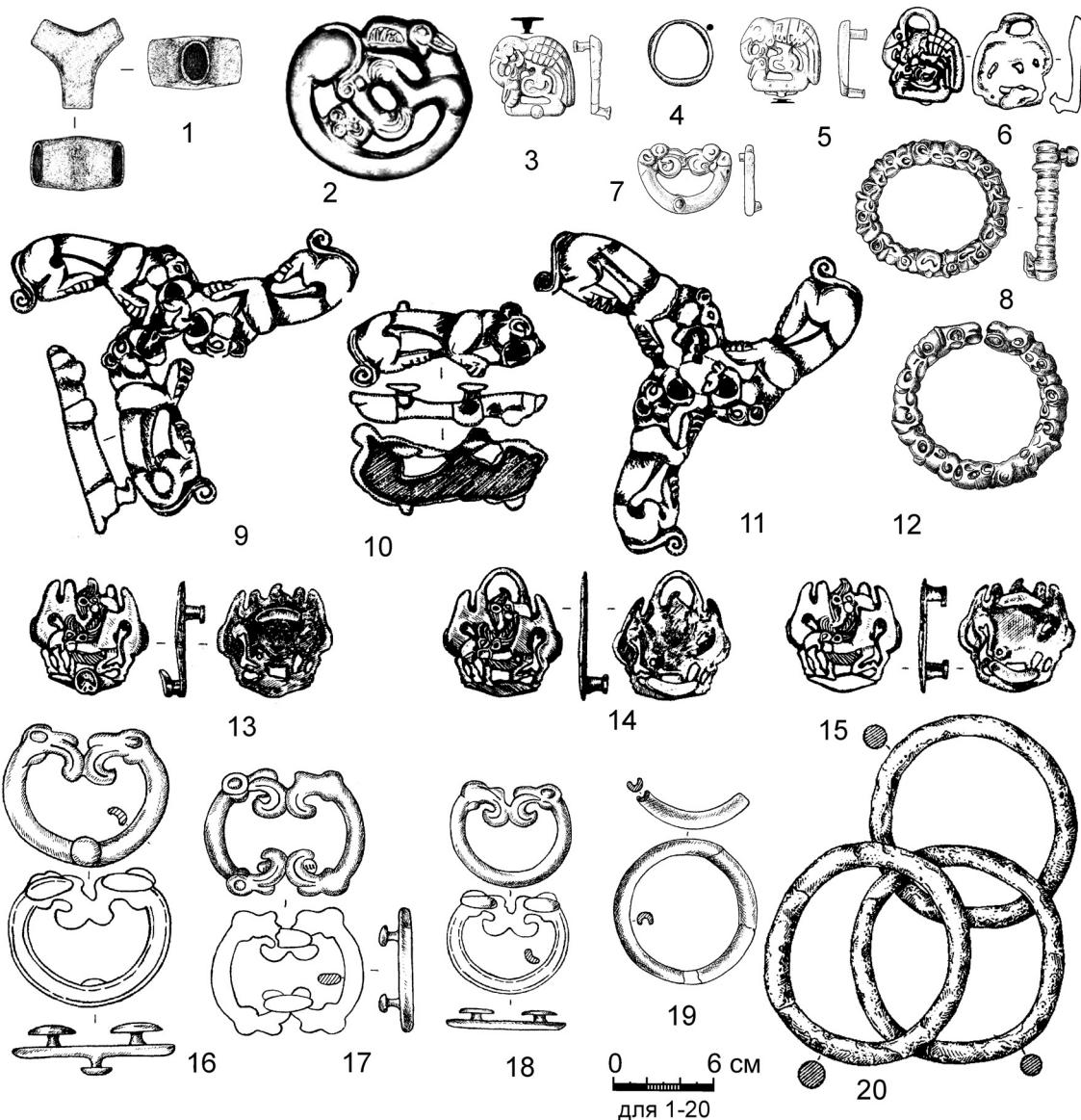

Рис. 7. Предметы снаряжения коня второй половины VI – V в. до н.э.:

1 – распределитель; 2–20 – подпружные застежки.

1 – Кырык-Оба II, кург. 15; 2 – Кырык-Оба II, кург. 2; 3–5 – Ново-Кумакский, кург. 7, погр. 1;

6 – Сынтас I, кург. 1, погр. 2; 7 – Ново-Кумакский, кург. 19, погр. 2; 8, 12 – Покровка II, кург. 2;

9–11 – Илекшар I, кург. 1, погр. 4; 13–15 – Бесоба, кург. 5; 16–19 – Три Мара, кург. 3;

20 – Аланский III, кург. 5 (1–7, 13–19 – бронза; 8–12 – бронза и золото; 20 – железо).

Рисунки по: 1 – [Гуталов, 2010, рис. 3,III,13]; 2 – [Гуталов, 2011, рис. 1,19]; 3–5, 7 – [Мошкова, 1962, рис. 6,8,9г, 14,8];

6 – [Кадырбаев, Курманкулов, 1976, рис. 2,1]; 8, 12 – [Моргунова, Трунаева, 1993, рис. 17,1,2];

9–11 – [Гуталов, 2009, рис. 4,1,3,4]; 13–15 – [Кузнецова, Курманкулов, 1993, рис. 3,8,11,13];

16–19 – [Смирнов, 1981, рис. 4,4–7]; 20 – [Мошкова, 1972, рис. 5,6]

Fig. 7. Horse equipment items of the second half of the 6th – 5th centuries BC:

1 – distributor; 2–20 – girth fasteners.

1 – Kyryk-Oba II, kurgan 15; 2 – Kyryk-Oba II, kurgan 2; 3–5 – Novo-Kumaksky, kurgan 7, burial 1;

6 – Syntas I, kurgan 1, burial 2; 7 – Novo-Kumaksky, kurgan 19, burial 2; 8, 12 – Pokrovka II, kurgan 2;

9–11 – Ilekshar I, kurgan 1, burial 4; 13–15 – Besoba, kurgan 5; 16–19 – Tri Mara, kurgan 3;

20 – Alandskiy III, kurgan 5 (1–7, 13–19 – bronze; 8–12 – bronze and gold; 20 – iron).

Figures after: 1 – [Gutsalov, 2010, fig. 3,III,13]; 2 – [Gutsalov, 2011, fig. 1,19]; 3–5, 7 – [Moshkova, 1962, fig. 6,8,9г, 14,8];

6 – [Kadyrbaev, Kurmankulov, 1976, fig. 2,1]; 8, 12 – [Morgunova, Trunaeva, 1993, fig. 17,1,2];

9–11 – [Gutsalov, 2009, fig. 4,1,3,4]; 13–15 – [Kuznetsova, Kurmankulov, 1993, fig. 3,8,11,13];

16–19 – [Smirnov, 1981, fig. 4,4–7]; 20 – [Moshkova, 1972, fig. 5,6]

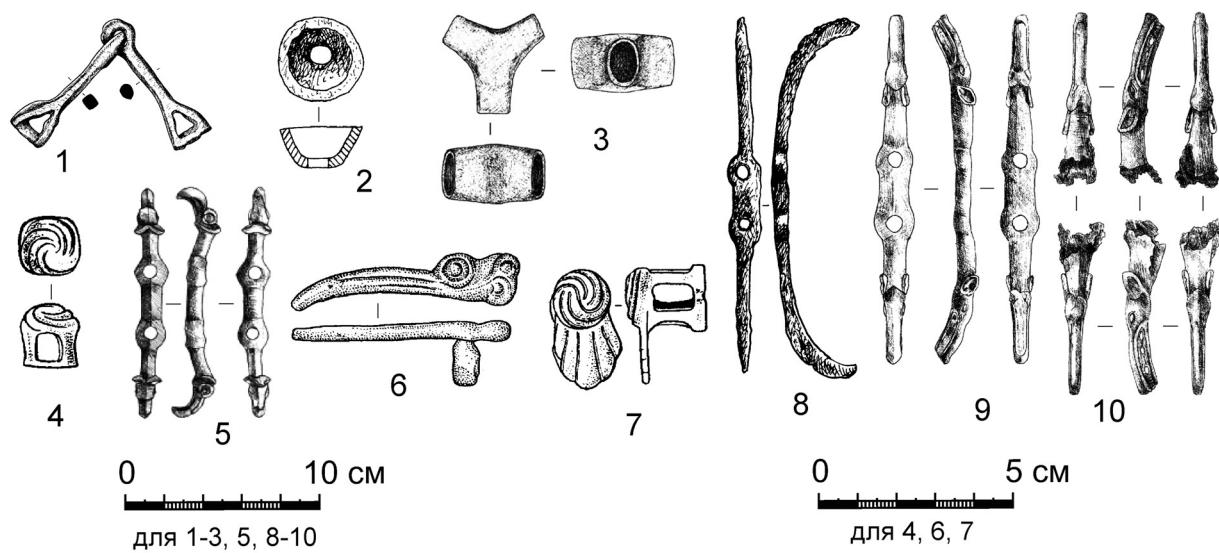

Рис. 8. Группа 1.1 предметов снаряжения коня (вторая половина VI – начало V в. до н.э.):

1 – удила; 2 – ворврока; 3 – распределитель; 4, 7 – обоймы для перекрестных ремней;
5, 8–10 – пасалии; 6 – подвеска на налобный ремень (все – бронза).

1 – кург. у с. Варна; 2, 8 – Таксай I, кург. 6; 3 – Кырык-Оба II, кург. 15; 4 – Пятимары I, кург. 8;
5 – Кырык-Оба II, кург. 17; 6 – Аланский III, кург. 5; 7 – Ново-Кумакский, кург. 6, погр. 2;
9, 10 – Кырык-Оба II, кург. 15.

Рисунки по: 1 – [Тайров, Боталов, 1988, рис. 4,3]; 2, 8 – [Лукпанова, 2014, рис. 5,7; 10,1];
3, 9,10 – [Гутзалов, 2010, рис. 3,II,5–6,III,13]; 4, 7 – [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 17,44,60];
5 – [Гутзалов, 2011, рис. 7,10]; 6 – [Мошкова, 1972, рис. 4,3]

Fig. 8. Horse equipment (group 1.1) from the second half of the 6th to the beginning of the 5th centuries BC:

1 – bits; 2 – vorvorka; 3 – distributor; 4, 7 – clips for cross belt; 5, 8–10 – cheek-pieces;
6 – pendant on a forehead strap (all – bronze).

1 – kurgan near Varna; 2, 8 – Taksay I, kurgan 6; 3 – Kyryk-Oba II, kurgan 15; 4 – Pyatimary I, kurgan 8;
5 – Kyryk-Oba II, kurgan 17; 6 – Alandskiy III, kurgan 5; 7 – Novo-Kumaksky, kurgan 6, burial 2;
9, 10 – Kyryk-Oba II, kurgan 15.

Figures after: 1 – [Tairov, Botalov, 1988, fig. 4,3]; 2, 8 – [Lukpanova, 2014, fig. 5,7, 10,1];

3, 9, 10 – [Gutsalov, 2010, fig. 3,II,5–6,III,13]; 4, 7 – [Smirnov, Petrenko, 1963, table 17,44,60];
5 – [Gutsalov, 2011, fig. 7,10]; 6 – [Moshkova, 1972, fig. 4,3]

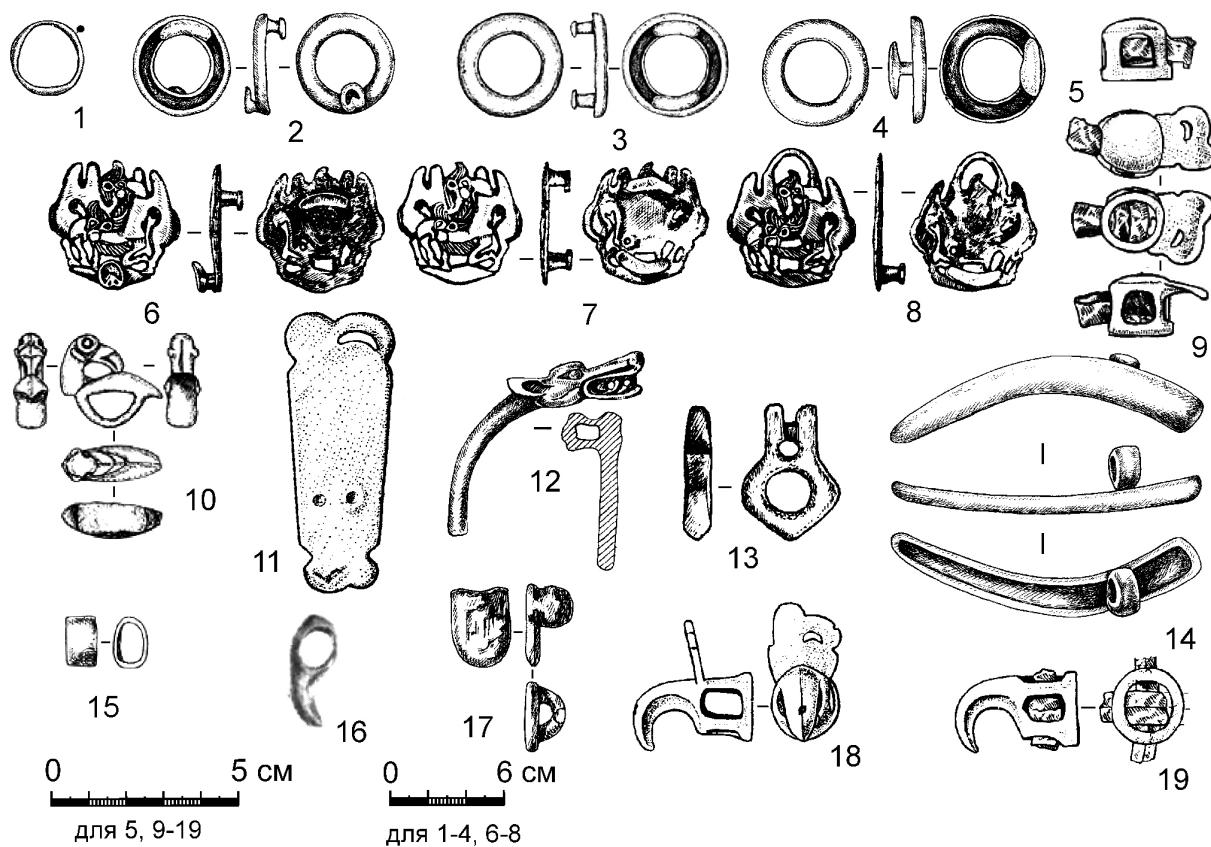

Рис. 9. Группа 1.2 предметов снаряжения коня (рубеж VI–V – V в. до н.э.):

1–4, 6–8 – подпружные застежки; 5, 9, 18, 19 – обоймы для перекрестных ремней;
10, 12, 14, 16 – подвески на наносный или налобный ремень; 11 – налобник; 13 – чумбурный блок;
15 – обойма (пронизь); 17 – бляшка (все – бронза).

1, 15 – Ново-Кумакский, кург. 7, погр. 1; 2–4, 13, 14 – Кырык-Оба II, кург. 2; 5, 9 – Мечет-Сай, кург. 2, погр. 2;
6–8 – Бесоба, кург. 5; 10 – Кырык-Оба II, кург. 12; 11 – кург. у хут. Черниговский; 12 – Сынтас I, кург. 1, погр. 2;
16 – Пятимары I, кург. 6, погр. 4; 17 – Ново-Кумакский, кург. 19, погр. 2; 18, 19 – Пятимары I, кург. 4, погр. 3.

Рисунки по: 1, 15 – [Мошкова, 1972, рис. 6,9б,9г]; 2–4, 10, 13, 14 – [Гутзалов, 2011, рис. 1,14–18, 2,4];
5, 9, 11, 18, 19 – [Смирнов, Петренко, 1963, табл. 17,27,28,3,62,63]; 6–8 – [Кузнецова, Курманкулов, 1993,
рис. 3,8,11,13]; 12 – [Кадырбаев, Курманкулов, 1976, рис. 3,7]; 16 – [Смирнов, 1964, рис. 29,4б];
17 – [Смирнов, 1977, рис. 12,4]

Fig. 9. Horse equipment items (group 1.2) from the turn of the 6th – 5th centuries BC:

1–4, 6–8 – girth fasteners; 5, 9, 18, 19 – clips for cross belts; 10, 12, 14, 16 – pendants for an applied or forehead strap;
11 – browband; 13 – block of rein to tie a horse; 15 – clip (bead); 17 – plaque (all – bronze).
1, 15 – Novo-Kumaksky, kurgan 7, burial 1; 2–4, 13, 14 – Kyryk-Oba II, kurgan 2; 5, 9 – Mechet-Sai, kurgan 2, burial 2;
6–8 – Besoba, kurgan 5; 10 – Kyryk-Oba II, kurgan 12; 11 – kurgan near the farmstead Chernigovsky;
12 – Syntas I, kurgan 1, burial 2; 16 – Pyatimary I, kurgan 6, burial 4; 17 – Novo-Kumaksky, kurgan 19, burial 2;
18, 19 – Pyatimary I, kurgan 4, burial 3.

Figures after: 1, 15 – [Moshkova, 1972, fig. 6,9б,9г]; 2–4, 10, 13, 14 – [Gutsalov, 2011, fig. 1,14–18, 2,4];
5, 9, 11, 18, 19 – [Smirnov, Petrenko, 1963, table 17,27,28,3,62,63]; 6–8 – [Kuznetsova, Kurmankulov, 1993, fig.
3,8,11,13]; 12 – [Kadyrbaev, Kurmankulov, 1976, fig. 3,7]; 16 – [Smirnov, 1964, fig. 29,4б]; 17 – [Smirnov, 1977, fig. 12,4]

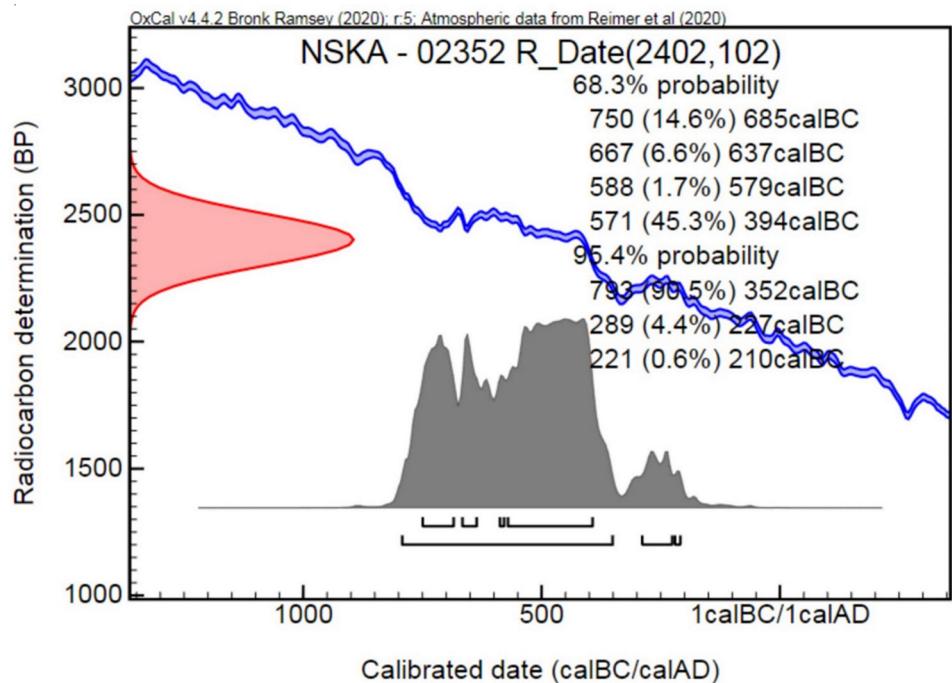

Рис. 10. Калиброванное значение радиоуглеродной даты погребения 1 в кургане 2 могильника Покровка II

Fig. 10. Calibrated value of the radiocarbon date of burial 1 in kurgan 2 of the Pokrovka II burial ground

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алтынбеков К., 2013. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. Алматы : Остров Крым. 64 с.

Багаев М. Х., Козенкова В. И., 1978. Бронзовые бляхи из Галайтинского могильника (Чечено-Ингушетия) // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. : Наука. С. 108–111.

Берлизов Н. Е., 2011. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э.–V в. н.э. Ч. I. Краснодар : КГУКИ : Парабеллум. 320 с.

Болелов С. Б., 2012. Среднеазиатская керамика в памятниках кочевников Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. М. : Таяс. С. 208–219.

Вишневская О. А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. : По материалам Уйгара. М. : Наука. 159 с.

Гаврилюк А. Г., Таиров А. Д., 1993. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург : Наука. С. 53–67.

Гуцалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск : Зап.-Казахст. центр истории и археологии. 136 с.

Гуцалов С. Ю., 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2. С. 75–92.

Гуцалов С. Ю., 2009. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар // Российская археология. № 3. С. 73–78.

Гуцалов С. Ю., 2010. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // Российская археология. № 2. С. 51–66.

Гуцалов С. Ю., 2011. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // Российская археология. № 1. С. 81–96.

Демиденко С. В., Сиротин С. В., 2024. Воинское кочевническое погребение с бронзовым котлом из некрополя Переволочан 1 на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 28–52. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.2>

Дворниченко В. В., Очир-Горяева М. А., 1997. Хошеутовский комплекс узденчных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. Вып. 5. Сарматы и Скифия : сб. науч. докл. III Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Азов : Изд-во Азов. краевед. музея. С. 99–115.

Дворниченко В. В., Плахов В. В., Очир-Горяева М. А., 1997. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // Российская археология. № 3. С. 127–141.

Зуев В. Ю., Исмагилов Р. Б., 1999. Курганы у дер. Гумарово в Южном Приуралье // Археологические памятники Оренбургья. Вып. 3. Оренбург : Димур. С. 105–123.

Иессен А. А., 1953. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // Советская археология. № XVIII. С. 49–110.

Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи : (По материалам могильника Южный Тагисен). М. : Россспэн. 187 с.

Кадырбаев М. К., 1966. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука. С. 303–428.

Кадырбаев М. К., 1984. Курганные некрополи верховьев Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 84–107.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1976. Захоронение воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Наука КазССР. С. 137–156.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1978. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // Краткие сообщения института археологии. Вып. 154. С. 65–70.

Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и интерпретации. СПб. : Петерб. востоковедение. 272 с.

Кузнецова Э. Ф., Курманкулов Ж. К., 1993. Бронзовые изделия из памятников савроматской культуры Западного Казахстана (данные спектрального анализа) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург : Наука. С. 44–52.

Лифанов Н. А., Бражник О. И., 1999. Применение программного пакета ТИП для типологизации археологического материала // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск ; Глазов : УИИЯЛ УрО РАН. С. 247–249.

Лукпанова Я. А., 2014. Комплекты конского снаряжения кургана № 6 комплекса Таксай 1 (предварительный обзор) // Всадники великой степи: традиции и новации. Астана : ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана. С. 149–160.

Мамедов А. М., 2011. Новое погребение со столом-ложем на р. Илек // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии : тез. докл. Круглого стола, посвящ. 20-летию Независимости Республики Казахстан. Караганда : ИА КН МОН РК. С. 199–205.

Мамедов А. М., 2016. Железные подпружные пряжки и блоки ранних кочевников Южного Урала // Саки и савроматы казахских степей: контакт культур : сб. ст., посвящ. памяти археолога Бекена Нурмухамбетова. Алматы : ИА КН МОН РК. С. 121–127.

Мамедов А. М., Китов Е. П., 2015. Погребальный обряд ранних кочевников верхнего Илека по материалам могильника Сапибулак // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. № 6 (304). С. 19–60.

Мамедов А. М., Шульга П. И., 2022. «Савроматское» захоронение с У-образными псалиями в верховьях р. Эмба // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 14. С. 11–40. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.88.49.001

Мамедов А. М., Гуцалов С. Ю., Биссембаев А. А., 2022. Погребальные комплексы древних и средневековых кочевников бассейна реки Жем (по материалам могильников Уркач-І, Жагабулак І, ІІ). Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XIV. Алматы : ИА РК им. А.Х. Маргулана. 190 с.

Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М., 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука. 436 с.

Мелюкова А. И., 1989. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 92–100.

Могилов О. Д., 2008. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ ; Кам'янець-Подільський : ІА НАНУ. 439 с.

Моргунова Н. Л., Трунаева Т. Н., 1993. Раскопки кургана 2 могильника Покровка 2 в 1991 году // Курганы левобережного Илека. М. : ИА РАН. С. 15–17.

Моргунова Н. Л., Краева Л. А., 2012. Курганская группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. Оренбург : Изд-во ОГПУ. С. 156–199.

Мошкова М. Г., 1962. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. МИА. № 115. М. : Изд-во АН СССР. С. 204–241.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. САИ. Вып. Д1-10. М. : АН СССР. 56 с.

Мошкова М. Г., 1972. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. № 153. М. : Наука. С. 49–78.

Мышкин В. Н., 2014а. Уздечные обоймы для перекрестных ремней у кочевников Южного Урала скифского времени // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 14. С. 29–51.

Мышкин В. Н., 2014б. Псалии с окончаниями в виде голов хищных птиц у кочевников Самаро-Уральского региона // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16, № 3, ч. 1. С. 308–313.

Мышкин В. Н., 2014в. К проблеме типологии одной группы уздечных бляшек у кочевников Южного Урала в скифское время // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 16, № 3-2. С. 605–610.

Мышкин В. Н., 2015а. О некоторых категориях украшений наносных и налобных ремней конской узды у кочевников Южного Урала в скифское время // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17, № 3. С. 273–280.

Мышкин В. Н., 2015б. Чумбурные блоки из кочевнических курганов скифского времени на Южном Урале // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17, № 3-2. С. 532–536.

Мышкин В. Н., 2016. О некоторых особенностях использования подпружных застежек кочевниками Южного Приуралья в скифское время // Нижневолжский археологический вестник. Т. 15, № 1. С. 4–21. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2016.1.1>

Мышкин В. Н., 2018а. Подпружные застежки из курганов кочевников Южного Приуралья скифского времени // Археология ранних кочевников Евразии. Самара : Кн. изд-во. С. 41–62.

Мышкин В. Н., 2018б. Конские налобники из кочевнических курганов скифского времени на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. Т. 17, № 2. С. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.2.1>

Мышкин В. Н., 2019а. Уздечные бляшки с зооморфными и антропоморфными изображениями у кочевников Южного Приуралья скифского времени // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 1. С. 57–73. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.5>

Мышкин В. Н., 2019б. Псалии с секировидными окончаниями из кочевнических погребений скифского времени на Южном Урале // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 7. Самара : СГСПУ. С. 175–180.

Мышкин В. Н., 2020. Псалии с зооморфными изображениями у кочевников Самаро-Уральского региона в VI–IV вв. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 2. С. 56–73. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.3>

Мышкин В. Н., 2023а. Псалии Г-образной формы кочевников Южного Приуралья в конце VI – IV вв. до н.э. // Уфимский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 19–30. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.002>

Мышкин В. Н., 2023б. Бляшки конской сбруи простой геометрической формы из кочевнических курганов VI–IV вв. до н.э. на территории Южного Пруралья // Археология ранних кочевников Евразии. Вып. 3. Самара : СГСПУ. С. 18–30.

Мышкин В. Н., 2024. Псалии S-видной формы из кочевнических курганов скифского времени в Южном Приуралье // Уфимский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 362–372. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.021>

Очир-Горяева М. А., 2012. Древние всадники степей Евразии. М. : Тайс. 472 с.

Пархомчук В. В., Пархомчук Е. В., 2019. Отчет о проведении исследования по датированию (с использованием установки «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН») археологических образцов, полученных при исследовании памятников истории и культуры племен, населявших степные и лесостепные районы Южного Приуралья и Среднего Поволжья в I тыс. до н.э. // Архив археологической лаборатории СГСПУ.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 200 с.

Сейтов А. М., 2015. Материалы конского снаряжения раннесакского времени из клада Каинды // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск : ЧГКМ. С. 240–246.

Сдыков М. Н., Лукпанова Я. А., 2013. Ранние кочевники Западного Казахстана (на примере курганного комплекса Таксай I). Уральск : Полиграфсервис. 292 с.

Сиротин С. В., 2015. Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск : ЧГКМ. С. 247–255.

Сиротин С. В., 2019. Об одной группе пластинчатых налобников в уздечных наборах ранних кочевников Южного Урала // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.) : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : Салта ЛТД. С. 224–233.

Сиротин С. В., 2020. Дуговидные предметы (нахрапники) в составе конской сбруи ранних кочевников Южного Урала // Нижневолжский археологический вестник. Т. 19, № 1. С. 102–115. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.5>

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов. МИА. № 101. М. : АН СССР. 163 с.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М. : Наука. 380 с.

Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М. : Наука. 176 с.

Смирнов К. Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа : ИИЯЛ БФ АН СССР. С. 3–51.

Смирнов К. Ф., 1981. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 68–90.

Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ. Вып. Д1-9. М. : АН СССР. 40 с.

Таиров А. Д., 2000. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. Челябинск : ЮУрГУ. С. 4–205.

Таиров А. Д., 2004. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар : Раев и К°. С. 3–21.

Таиров А. Д., 2006. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время : сб. ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка. Уфа : Гилем. С. 76–91.

Таиров А. Д., 2009. О трансформации культуры кочевников Южного Урала в конце V–IV в. до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. № 10. С. 137–148.

Таиров А. Д., 2021. Новые находки уздечных принадлежностей в Южном Зауралье // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук : материалы 73-й науч. конф. Челябинск : ЮУрГУ. С. 115–123.

Таиров А. Д., Боталов С. Г., 1988. Курган у с. Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Изд-во БашГУ. С. 100–125.

Трейстер М. Ю., 2012а. Ахеменидские ювелирные украшения и украшения костюма из драгоценных металлов из Южного Приуралья. Изделия ахеменидского круга и местные подражания. Произведения постахеменидской традиции // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. М. : Тauc. С. 134–167.

Трейстер М. Ю., 2012б. Стеклянные сосуды ахеменидского круга из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. М. : Тauc. С. 106–113.

Трейстер М. Ю., 2012в. Сосуды из драгоценных металлов ахеменидского круга из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. М. : Тauc. С. 50–87.

Трейстер М. Ю., Шемаханская М. С., Яблонский Л. Т., 2012а. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Покровка // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. II. М. : Тauc. С. 54–64.

Трейстер М. Ю., Фирсов К. Б., Яблонский Л. Т., 2012б. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Пятимары-І // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. II. М. : Тauc. С. 77–83.

Федоров В. К., Васильев В. Н., 2017. Уздечный набор с бляхами в виде рыб из кургана № 4 могильника Сара в восточном Оренбуржье // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 17, № 1. С. 54–62. DOI: <http://dx.doi.org/10.14529/ssh170109>

Шульга П. И., 2008. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Раннескифское время. Барнаул : Азбука. 276 с.

Яблонский Л. Т., Трунаева Т. Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В. Л., 1994. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. М. : ИА РАН. С. 4–60.

REFERENCES

Altynbekov K., 2013. *Vozrozhdennaya iz pepla. Rekonstruktsiya po materialam pogrebeniya zhritsy iz kompleksa Taksay I* [Reborn from the Ashes. Reconstruction Based on the Burial of a Priestess from the Taksai I]. Almaty, Ostrov Krym Publ. 64 p.

Bagaev M.H., Kozenkova V.I., 1978. Bronzovye blyahi iz Galaytinskogo mogil'nika (Checheno-Ingushetiya) [Bronze Plaques from the Galaytinsky Burial Ground (Chechen-Ingush Republic)]. *Voprosy drevney i srednevekovoy arheologii Vostochnoy Evropy* [Issues of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe]. Moscow, Nauka Publ., pp. 108–111.

Berlizov N.E., 2011. *Ritmy Sarmatii. Savromato-sarmatskie plemena Yuzhnay Rossii v VII v. do n.e. – V v. n.e.* [Rhythms of Sarmatia. Sauromat-Sarmatian Tribes of Southern Russia in the 7th c. BC – 5th c. AD]. Part I. Krasnodar, KSUCA Publ., Parabellum Publ. 320 p.

Bolelov S.B., 2012. Sredneaziatskaya keramika v pamyatnikah kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [Central Asian Ceramics in the Monuments of Nomads of the Southern Urals]. *Vliyaniya ahemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (5th – 3rd Centuries BC)], vol. I. Moscow, TAUS Publ., pp. 208–219.

Vishnevskaya O.A., 1973. *Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e.: Po materialam Uygaraka* [The Culture of the Saka Tribes of the Lower Reaches of the Syr Darya in the 7th – 5th Centuries BC. Based on Materials from Uygarak]. Moscow, Nauka Publ. 159 p.

Gavrilyuk A.G., Tairov A.D., 1993. Kurgany u s. Obruchevka v Yuzhnom Zaural'e [Kurgans near the Village of Obruchevka in the Southern Trans-Urals]. *Kochevniki uralo-kazahstanskikh stepey* [Nomads of the Ural-Kazakh Steppes]. Yekaterinburg, Nauka Publ., pp. 53-67.

Gutsalov S.Yu., 2004. *Drevnie kochevniki Yuzhnogo Priural'ya VII–I vv. do n.e.* [Ancient Nomads of the Southern Urals in the 7th – 1st Centuries BC]. Uralsk, West Kazakhstan Center for History and Archeology. 136 p.

Gutsalov S.Yu., 2007. Pogrebal'nye pamyatniki kochevoy elity Yuzhnogo Priural'ya serediny I tys. do n.e. [Funeral Monuments of the Nomadic Elite of the Southern Urals in the Middle of the 1st Millennium BC]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], no. 2, pp. 75-92.

Gutsalov S.Yu., 2009. Pogrebenie znatnogo kochevnika skifskogo vremeni v urochishche Ilekshar [Burial of a Noble Nomad at Ilekshar (South Urals). Scythian Time]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 73-78.

Gutsalov S.Yu., 2010. Pogrebenie sooruzheniya mogil'nika Kyryk-Oba II v Zapadnom Kazahstane [Burial Structures of Kyryk-Oba II Cemetery in Western Kazakhstan]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 51-66.

Gutsalov S.Yu., 2011. Etnokul'turnaya specifika mogil'nika Kyryk-Oba II [The Ethnic and Cultural Specifics of Kyryk-Oba II Cemetery]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 81-96.

Demidenko S.V., Sirotin S.V., 2024. Voinskoe kochevническое погребение с бронзовым котлом из некрополя Perevolochan 1 на Южном Урале [The Nomadic Military Burial with a Bronze Cauldron from the Necropolis of Perevolochan 1 in the Southern Urals]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 28-52. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.2>

Dvornichenko V.V., Ochir-Goryaeva M.A., 1997. Hosheutovskiy kompleks uzdechnyh prinadlezhnostey skifskogo vremeni na Nizhney Volge [Khosheut Complex of Bridle Accessories of the Scythian Time on the Lower Volga]. *Donskie drevnosti. Sarmaty i Skifya: sb. nauch. dokl. III Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Don Antiquities. Sarmatians and Scythia. Collection of Scientific Reports of the 3rd International Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”], iss. 5. Azov, Azov Museum of Local Lore, pp. 99-115.

Dvornichenko V.V., Plahov V.V., Ochir-Goryaeva M.A., 1997. Pogrebeniya rannih kochevnikov iz Nizhnego Povolzh'ya [Early Nomads Burials from the Lower Volga Region]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 127-141.

Zuev V.Yu., Ismagilov R.B., 1999. Kurgany u der. Gumarovo v Yuzhnom Priural'e [Kurgans near the Village Gumarovo in the Southern Urals]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of the Orenburg Region], iss. 3. Orenburg, Dimur Publ., pp. 105-123.

Iessen A.A., 1953. K voprosu o pamyatnikah VIII–VII vv. do n.e. na yuge Evropeyskoy chasti SSSR [On the Question of Monuments of the 8th – 7th cc. BC in the South of the European Part of the USSR]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archaeology], no. XVIII, pp. 49-110.

Itina M.A., Yablonskiy L.T., 1997. *Saki Nizhney Syrdar'i (Po materialam mogil'nika Yuzhnyy Tagisken)* [Saki of the Lower Syrdarya (Based on Materials from the South Tagisken Cemetery)]. Moscow, Rossppen Publ. 187 p.

Kadyrbaev M.K., 1966. Pamyatniki tasmolinskoy kul'tury [Monuments of the Tasmola Culture]. *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazahstana* [Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka Publ., pp. 303-428.

Kadyrbaev M.K., 1984. Kurgannye nekropoli verhov'ev Ilek [Burial Necropolises of the Upper Reaches of the Ilek]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 84-107.

Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K., 1976. Zahoronenie voinov savromatskogo vremeni na levoberezh'e r. Ilek [Burial of Warriors of the Sauromat Period on the Left Bank of the Ilek River]. *Proshloe Kazahstana po arheologicheskim istochnikam* [The Past of Kazakhstan According to Archaeological Sources]. Alma-Ata, Nauka KazSSR Publ., pp. 137-156.

Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K. 1978. Pogrebenie zhrity, obnaruzhennoe v Aktubinskoy oblasti [Burial of a Priestess Discovered in the Aktobe Region]. *Kratkie soobshcheniya instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 154, pp. 65-70.

Korol'kova E.F., 2006. *Zveriny stil' Evrazii. Iskusstvo plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya v skifskuyu epohu (VII–IV vv. do n.e.). Problemy stilya i interpretatsii* [Animal Style of Eurasia. Art of the Tribes of the Lower Volga and Southern Urals in the Scythian Era (7th – 4th cc. BC). Problems of Style and Interpretation]. Saint Petersburg, Peterb. vostokovedenie Publ. 272 p.

Kuznetsova E.F., Kurmankulov Zh.K., 1993. Bronzovye izdeliya iz pamyatnikov savromatskoy kul'tury Zapadnogo Kazahstana (dannye spektral'nogo analiza) [Bronze Items from the Monuments of the Sauromat Culture of Western Kazakhstan (Data of Spectral Analysis)]. *Kochevniki uralo-kazahstanskikh stepey* [Nomads of the Ural-Kazakh Steppes]. Yekaterinburg, Nauka Publ., pp. 44-52.

Lifanov N.A., Brazhnik O.I., 1999. Primenenie programmnogo paketa TIP dlya tipologizatsii arheologicheskogo materiala [Application of the TYPE Software Package for Typology of Archaeological Material]. *Novye issledovaniya po srednevekovoy arheologii Povolzh'ya i Priural'ya* [New Studies on Medieval Archaeology of the Volga and Ural regions]. Izhevsk, Glazov, UHLL UB RAS, pp. 247-249.

Lukpanova Ya.A., 2014. Komplekty konskogo snaryazheniya kurgana № 6 kompleksa Taksay 1 (predvaritel'nyy obzor) [Horse Equipment Sets from Kurgan No. 6 of the Taksay 1 Complex (Preliminary Review)]. *Vsadniki velikoy stepi: traditsii i novatsii* [Riders of the Great Steppe: Traditions and Innovations]. Astana, Branch of Institute of Archaeology, named after A. Kh. Margulan in Astana, pp. 149-160.

Mamedov A.M., 2011. Novoe pogrebenie so stolom-lozhem na r. Ilek [New Burial with a Table-Bed on the Ilek River]. *Sakskaya kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya etnosotsiokul'turnykh processov stepnoy Evrazii: tez. dokl. Kruglogo stola, posvyashch. 20-letiyu Nezavisimosti Respubliki Kazahstan* [Saka Culture of Saryarka in the Context of Studying Ethnosociocultural Processes of Steppe Eurasia. Abstracts of Reports of the Round Table Dedicated to the 20th Anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan]. Karagandy, IA CS MSE RK, pp. 199-205.

Mamedov A.M., 2016. Zheleznye podpruzhnye pryazhki i bloki rannih Kochevnikov Yuzhnogo Urala [Iron Girth Buckles and Blocks of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Saki i savromaty kazahskikh stepey: kontakt kul'tur: sb. st., posvyashch. pamiatu arheologa Bekena Nurmukhambetova* [Sakas and Sauromats of the Kazakh Steppes: Contact of Cultures: Collection of Articles Dedicated to the Memory of Archaeologist Beken Nurmukhambetov]. Almaty, IA CS MSE RK, pp. 121-127.

Mamedov A.M., Kitov E.P., 2015. Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov verhnego Ileka po materialam mogil'nika Sapibulak [Funeral Rite of the Early Nomads of the Upper Ilek Based on the Materials of the Sapibulak Burial Ground]. *Izvestiya Natsional'noy Akademii nauk Respubliki Kazahstan* [Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan], no. 6 (304), pp. 19-60.

Mamedov A.M., Shul'ga P.I., 2022. «Savromatskoe» zahoronenie s Y-obraznymi psaliyami v verhov'yah r. Emba [A “Sauromatian” Burial with Y-Shaped Cheek-Pieces Discovered on the Upper Emba River]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Materials on Archeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea Region], no. 14, pp. 11-40. DOI: 10.53737/2713-2021.2022.88.49.001

Mamedov A.M., Gutsalov S.Yu., Bisembaev A.A., 2022. *Pogrebal'nye kompleksy drevnih i srednevekovykh kochevnikov basseyna reki Zhem (po materialam mogil'nikov Urkach-I, Zhagabulak I, II)* [Funeral Complexes of Ancient and Medieval Nomads of the Zhem River Basin (Based on the Materials of the Urkach-I, Zhagabulak I, II Cemeteries)]. Materials and Research on the Archeology of Kazakhstan, vol. XIV. Almaty, IA RK named after A. Kh. Margulan. 190 p.

Margulan A.Kh., Akishev K.A., Kadyrbaev M.K., Orazbaev A.M., 1966. *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazahstana* [Ancient Culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka Publ. 436 p.

Melyukova A.I., 1989. Oruzhie, konskoe snaryazhenie, povozki, navershiya [Weapons, Horse Equipment, Carts, Pommels]. *Arheologiya SSSR. Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Archeology of the USSR. Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 92-100.

Mogilov O.D., 2008. *Sporyadzhennya konya skifskoyi doby u Lisostepu Skhidnoyi Yevropy* [Horse Equipment from the Scythian Period in the Forest-Steppe of Eastern Europe]. Kiev, Kamianets-Podilskyi, IA NASU. 439 p.

Morgunova N.L., Trunaeva T.N., 1993. Raskopki kurgana 2 mogil'nika Pokrovka 2 v 1991 godu [Excavations of Kurgan 2 of the Pokrovka 2 Burial Ground in 1991]. *Kurgany levoberezhnogo Ileka* [Kurgans of the Left-Bank Ilek]. Moscow, IA RAN, pp. 15-17.

Morgunova N.L., Kraeva L.A., 2012. Kurgannaya gruppa Akoba II [Akoba II Kurgan Group]. *Arheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of the Orenburg region], iss. 10. Orenburg, OSPU, pp. 156-199.

Moshkova M.G., 1962. Novo-Kumakskiy kurgannyy mogil'nik bliz g. Orska [Novo-Kumak Kurgan cemetery near the City of Orsk]. *Pamyatniki skifo-sarmatskoy kul'tury* [Monuments of the Scythian-Sarmatian Culture]. Materialy i issledovaniya po arkheologii, no. 115. Moscow, AS USSR, pp. 204-241.

Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prohorovskoy kul'tury* [Monuments of Prokhorovka Culture]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-10. Moscow, AS USSR. 56 p.

Moshkova M.G., 1972. Savromatskie pamyatniki severo-vostochnogo Orenburzh'ya [Sarmatian Monuments of the North-Eastern Orenburg Region]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian period]. Materialy i issledovaniya po arkheologii, no. 153. Moscow, Nauka Publ., pp. 49-78.

Myshkin V.N., 2014a. Uzdechnye oboymy dlya perekrestnyh remney u kochevnikov Yuzhnogo Urала skifskogo vremeni [Bridle Fittings for Crossed Straps Used by Nomads in South Urals in Scythian Time]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 14, pp. 29-51.

Myshkin V.N., 2014b. Psalii s okonchaniyami v vide golov hishchnyh ptits u kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona [Cheek-Pieces with the Tips in the Form of Heads of Bird of Prey Among the Nomads of Samara-Ural Region]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 16, no. 3, part 1, pp. 308-313.

Myshkin V.N., 2014v. K probleme tipologii odnoy gruppy uzdechnykh blyashek u kochevnikov Yuzhnogo Urala v skifskoe vremya [To the Problem of Typology of One Group of Bridle Horse Brass of the Nomads of South Ural in Scythian Time]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 16, no. 3-2, pp. 605-610.

Myshkin V.N., 2015a. O nekotoryh kategoriyah ukrasheniya nanosnyh i nalobnyh remney konskoy uzdy u kochevnikov Yuzhnogo Urala v skifskoe vremya [On Some Kinds of Decorations of Nosebands and Browbands of Horse Bridle of the South Ural Nomads in the Scythian Times]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 17, no. 3, pp. 273-280.

Myshkin V.N., 2015b. Chumburnye bloki iz kochevnicheskikh kurganov skifskogo vremeni na Yuzhnom Urale [A Blocks of Rein to Tie a Horse from Nomadic Kurgan cemeteries of Scythian Times on the Southern Urals]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 17, no. 3-2, pp. 532-536.

Myshkin V.N., 2016. O nekotoryh osobennostyakh ispol'zovaniya podpruzhnyh zastezhek kochevnikami Yuzhnogo Priural'ya v skifskoe vremya [On Some Peculiarities of Using Girth Clasps by the South Ural Area at Scythian Time]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 15, no. 1, pp. 4-21. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2016.1.1>

Myshkin V.N., 2018a. Podpruzhnye zastezhki iz kurganov kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya skifskogo vremeni [Horse Forehead Bands from Nomadic Kurgan cemeteries of the Scythian Period in the Southern Urals]. *Arheologiya rannih kochevnikov Evrazii* [Archaeology of the Early Nomads of Eurasia]. Samara, Kn. izd-vo, pp. 41-62.

Myshkin V.N. 2018b. Konskie nalobniki iz kochevnicheskikh kurganov skifskogo vremeni na Yuzhnom Urale [Horse Forehead Pieces from Nomadic Barrows of the Scythian Time in the Southern Urals]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 17, no. 2, pp. 5-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.2.1>

Myshkin V.N., 2019a. Uzdechnye blyashki s zoomorfnymi i antropomorfnymi izobrazheniyami u kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya skifskogo vremeni [Bridle Plaques with Zoomorphic and Anthropomorphic Images of the Nomads of the Southern Urals in the Scythian Time]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 18, no. 1, pp. 57-73. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.5>

Myshkin V.N., 2019b. Psalii s sekirovidnymi okonchaniyami iz kochevnicheskikh pogrebeniy skifskogo vremeni na Yuzhnom Urale [Cheek-pieces with Axe-Shaped Endings from Nomadic Burials of the Scythian Period in the Southern Urals]. *Voprosy arheologii Povolzh'ya* [Questions of Archeology of the Volga Region], iss. 7. Samara, SSSPU, pp. 175-180.

Myshkin V.N., 2020. Psalii s zoomorfnymi izobrazheniyami u kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI–IV vv. do n.e. [Cheek-Pieces with Zoomorphic Images of the Samara-Ural Region Nomads in the VI–IV Centuries BC]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 2, pp. 56-73. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.3>

Myshkin V.N., 2023a. Psalii Г-obraznoy formy kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v kontse VI – IV vv. do n.e. [Г-shaped Cheek-Pieces of the Nomads of the Southern Urals in the Late 6th – 4th Centuries BC]. *Ufimskiy*

arheologicheskiy vestnik [Ufa Archaeological Herald], vol. 23, no. 1, pp. 19-30. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.002>

Myshkin V.N., 2023b. Blyashki konskoy sbrui prostoy geometricheskoy formy iz kochevnicheskikh kurganov VI – IV vv. do n.e. na territorii Yuzhnogo Prural'ya [Plaques of Horse Harness of Simple Geometric Shape from Nomadic Kurgan cemeteries of the 6th – 4th cc. BC in the Territory of the Southern Ural Region] *Arheologiya rannih kochevnikov Evrazii* [Archaeology of the Early Nomads of Eurasia], iss. 3. Samara, SSSPU, pp. 18-30.

Myshkin V.N., 2024. Psalii S-vidnoy formy iz kochevnicheskikh kurganov skifskogo vremeni v Yuzhnom Priural'e [S-Shaped Checkpieces from Nomadic Kurgan cemeteries of the Scythian Period in the Southern Ural Region]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], vol. 24, no. 2, pp. 362-372. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.021>

Ochir-Goryaeva M.A., 2012. *Drevnie vsadniki stepey Evrazii* [Ancient Riders of the Steppes of Eurasia]. Moscow, Taus Publ. 472 p.

Parhomchuk V.V., Parhomchuk E.V., 2019. Otchet o provedenii issledovaniya po datirovaniyu (s ispol'zovaniem ustanovki «Uskoritel'nyy mass-spektrometr IYAf SO RAN») arheologicheskikh obraztsov, poluchennyh pri issledovanii pamyatnikov istorii i kul'tury plemen, naselyavshih stepnye i lesostepnye rayony Yuzhnogo Priural'ya i Srednego Povolzh'ya v I tys. do n.e. [Report on the Study on Dating (Using the INP SB RAS Accelerator Mass Spectrometer) of Archaeological Samples Obtained during the Study of Historical and Cultural Monuments of the Tribes that Inhabited the Steppe and Forest-Steppe Regions of the Southern Urals and Middle Volga Region in the 1st Millennium BC]. *Arkhiv arkheologicheskoy laboratorii SGSPU*.

Pshenichnyuk A.H., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 200 p.

Seitov A.M., 2015. Materialy konskogo snaryazheniya rannesakskogo vremeni iz klada Kaindy [Materials of Horse Equipment of the Early Saka Period from the Kaindy Hoard]. *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale : materialy VI Vseros. nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals: Proceedings of the VI All-Russian Scientific Conference]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 240-246.

Sdykov M.N., Lukpanova Ya.A., 2013. *Rannie kochevniki Zapadnogo Kazahstana (na primere kurgannogo kompleksa Taksay I)* [Early Nomads of Western Kazakhstan (Based on the Taksay I Kurgan Complex)]. Uralsk, Polygraphservis Publ. 292 p.

Sirotin S.V., 2015. Predmety konskoy sbrui iz nasypey kurganov rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala (po materialam raskopok 2008–2013 godov) [Items of Horse Harness from the Mounds of Kurgans of the Early Nomads of the Southern Urals (Based on excavations in 2008–2013)]. *Etnicheskie vzaimodejstviya na Yuzhnom Urale: materialy VI Vseros. nauch. konf.* [Ethnic Interactions in the Southern Urals: Materials of the VI All-Russian Scientific Conference]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Museum of Local Lore, pp. 247-255.

Sirotin S.V., 2019. Ob odnoy gruppe plastinchatyh nalobnikov v uzdechnyh naborah rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [On One Group of Plate Forehead Pieces in Bridle Sets of Early Nomads of the Southern Urals]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – V v. n.e.): materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [Crimea in the Sarmatian Era (2nd Century BC – 5th Century AD): Proceedings of the X International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Simferopol, Salta LTD Publ., pp. 224-233.

Sirotin S.V., 2020. Dugovidnye predmety (nahrapniki) v sostave konskoy sbrui rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Arched Objects (Noseband) as Part of a Horse Harness of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 19, no. 1, pp. 102-115. DOI: <https://doi.org/10.15688/navjvolsu.2020.1.5>

Smirnov K.F., 1961. *Vooruzhenie savromatov* [Armament of the Sauromats]. Materialy i issledovaniya po arkheologii, no. 101. Moscow, AS USSR. 163 p.

Smirnov K.F., 1964. *Savromaty. Rannaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Sauromats. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 380 p.

Smirnov K.F., 1975. *Sarmaty na Ileke* [Sarmatians on Ilek]. Moscow, Nauka Publ. 176 p.

Smirnov K.F., 1977. Orskie kurgany rannih kochevnikov [Orsk Kurgans of Early Nomads]. *Issledovaniya po arheologii Yuzhnogo Urala* [Research on the Archeology of the Southern Urals]. Ufa, IHLL BBAS USSR, pp. 3-51.

Smirnov K.F., 1981. *Bogatye zahoroneniya i nekotorye voprosy sotsial'noy zhizni kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v skifskoe vremya* [Rich Burials and Some Issues of Social Life of the Nomads of the Southern Urals in the

Scythian Period]. *Materialy po hozyaystvu i obshchestvennomu stroyu plemen Yuzhnogo Urala* [Materials on the Economy and Social Structure of the Tribes of the Southern Urals]. Ufa, BB AS USSR, pp. 68-90.

Smirnov K.F., Petrenko V.G., 1963. *Savromaty Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya* [Sauromats of the Volga and Southern Urals]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. Д1-9. Moscow, AS USSR. 40 p.

Tairov A.D., 2000. Ranniy zheleznyy vek [Early Iron Age]. *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya* [Ancient History of the Southern Trans-Urals], vol. 2. Chelyabinsk, SUSU, pp. 4-205.

Tairov A.D., 2004. Periodizatsiya pamyatnikov rannih kochevnikov Yuzhnogo Zaural'ya 7–2 vv. do n.e. [Periodization of Monuments of Early Nomads of the Southern Trans-Urals 7–2 Centuries BC]. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noy hronologii: dokl. k V Mezhdunar. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports to the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Krasnodar, Raev i K° Publ., pp. 3-21.

Tairov A.D., 2006. Saki Priaral'ya v stepyah Yuzhnogo Zaural'ya (po materialam mogil'nika Marovyy shlyah) [Sakas of the Aral Sea Region in the Steppes of the Southern Trans-Urals (based on the Materials of the Marovy Shlyakh Burial Ground)]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya: sb. st. k 70-letiyu Anatoliya Haritonovicha Pshenichnyuka* [The Southern Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Period: Collection of Articles for the 70th Anniversary of Anatoly Kharitonovich Pshenichnyuk]. Ufa, Gilem Publ., pp. 76-91.

Tairov A.D., 2009. O transformatsii kul'tury kochevnikov Yuzhnogo Urala v kontse V–IV v. do n.e. [About Transformation of Culture of the Southern Urals Nomads in the End V – Beginning IV Centuries BC]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], no. 10, pp. 137-148.

Tairov A.D., 2021. Novye nahodki uzdechnykh prinadlezhnostey v Yuzhnom Zaural'e [New Finds of Bridle Accessories in the Southern Trans-Urals]. *Nauka YuUrGU. Sektsii sotsial'no-gumanitarnykh nauk: materialy 73-yy nauch. konf.* [Science SUSU. Sections of Social Sciences and Humanities. Proceedings of the 73rd Scientific Conference]. Chelyabinsk, SUSU, pp. 115-123.

Tairov A.D., Botalov S.G., 1988. Kurgan u s. Varna [Kurgan near the Village of Varna]. *Problemy arheologii Uralo-Kazahstanskikh stepey* [Problems of Archeology of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Chelyabinsk, BSU, pp. 100-125.

Treister M.Yu., 2012a. Ahemenidskie yuvelirnye ukrasheniya i ukrasheniya kostyuma iz dragotsennyh metallov iz Yuzhnogo Priural'ya. Izdeliya ahemenidskogo kruga i mestnye podrazhaniya. Proizvedeniya postahemenidskoy traditsii [Achaemenid Jewelry and Costume Ornaments Made of Precious Metals from the Southern Urals. Products of the Achaemenid Circle and Local Imitations. Works of the Post-Achaemenid Tradition]. *Vliyaniya ahemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (5th – 3rd Centuries BC)], vol. I. Moscow, Taus Publ., pp. 134-167.

Treister M.Yu., 2012b. Steklyannee sosudy ahmenidskogo kruga iz Yuzhnogo Priural'ya [Glass Vessels of the Achaemenid Circle from the Southern Urals]. *Vliyaniya ahemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (5th – 3rd Centuries BC)], vol. I. Moscow, Taus Publ., pp. 106-113.

Treister M.Yu., 2012v. Sosudy iz dragotsennyh metallov ahmenidskogo kruga iz Yuzhnogo Priural'ya [Vessels Made of Precious Metals of the Achaemenid Circle from the Southern Urals]. *Vliyaniya ahemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (5th – 3rd Centuries BC)], vol. I. Moscow, Taus Publ., pp. 50-87.

Treister M.Yu., Shemahanskaya M.S., Yablonskiy L.T., 2012a. Kompleksy s predmetami ahemenidskogo kruga mogil'nika Pokrovka [Complexes With Objects of the Achaemenid Circle of the Pokrovka Burial Ground]. *Vliyaniya ahemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (5th – 3rd Centuries BC)], vol. II. Moscow, Taus Publ., pp. 54-64.

Treister M.Yu., Firsov K.B., Yablonskiy L.T., 2012. Kompleksy s predmetami ahemenidskogo kruga mogil'nika Pyatimary-I [Complexes with Objects of the Achaemenid Circle of the Burial Ground Pyatimary-I]. *Vliyaniya ahemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (5th – 3rd Centuries BC)], vol. II. Moscow, Taus Publ., pp. 77-83.

Fedorov V.K., Vasil'ev V.N., 2017. Uzdechnyy nabor s blyahami v vide ryb iz kurgana № 4 mogil'nika Sara v vostochnom Orenburzh'e [Bridle Set with Plaques in the Form of Fish from Kurgan cemetery no. 4 of the Sara Burial Ground in Eastern Orenburg]. *Vestnik YuUrGU. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»* [Bulletin of SUSU. Series “Social and Humanitarian Sciences”], vol. 17, no. 1, pp. 54-62. DOI: <https://doi.org/10.14529/ssh170109>

Shul'ga P.I., 2008. *Snaryazhenie verhovoy loshadi i voinskie poyasa na Altai. Ch. I. Ranneskifskoe vremya* [Riding Horse Equipment and Military Belts in Altai. Part I: Early Scythian Time]. Barnaul, Azbuka Publ. 276 p.

Yablonsky L.T., Trunaeva T.N., Vedder J., Davis-Kimball J., Egorov V.L., 1994. Raskopki kurgannyyh mogil'nikov Pokrovka 1 i Pokrovka 2 v 1993 godu [Excavations of the Kurgan Cemeteries Pokrovka 1 and Pokrovka 2 in 1993]. *Kurgany levoberezhnogo Ilek* [Mounds of the Left-Bank Ilek]. Moscow, IA RAS, pp. 4-60.

Information About the Author

Vladimir N. Myshkin, Candidate of Sciences (History), Head of Archaeological Laboratory, Samara State University of Social Sciences and Education, Leninskaya St, 127, 443041 Samara, Russian Federation, vnm59@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3489-6776>

Информация об авторе

Владимир Николаевич Мышкин, кандидат исторических наук, заведующий археологической лабораторией, Самарский государственный социально-педагогический университет, ул. Ленинская, 127, 443041 г. Самара, Российская Федерация, vnm59@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3489-6776>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.4>UDC 902.1
LBC 63.4(2)Submitted: 16.08.2025
Accepted: 01.09.2025

WOODEN STRUCTURES IN THE KURGANS OF NOMADS OF THE SOUTHERN URALS IN THE LATE 6th – 4th CENTURIES BC: TYPOLOGY OF GRAVE STRUCTURES¹

Sergey V. Sirotin

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article analyzes wooden grave structures from the burial complexes of the early nomads of the Southern Urals in the late 6th – 4th centuries BC. Several types of tomb structures, differing in size, layout, construction, and methods of erection, are represented in the kurgans known to date. The article examines the main approaches of Russian researchers in studying the funeral rite in relation to wooden grave structures. Analysis of the literature has shown the absence of specialized works and generally accepted terminology in historiography in relation to the grave structures of the South Ural nomads. The information accumulated to date on kurgan architecture allows us to state the presence of both simple and complex grave structures that differ in their forms and design features. The article presents the currently known wooden structures found in the kurgans of the South Ural nomads of the mid-1st millennium BC. Based on the analysis of available materials, a typology of wooden structures is proposed based on the technology of their construction and the nature of the funeral rite. Attention is paid to clarifying the terminology applicable to such categories as “log cabin structure” (srub), “tent-shaped covering” (shatrovoe perekrytie), etc. In total, six main types of wooden grave structures are identified. These include wooden floor-roofs made of logs (perekrytiya-nakaty), complex rectangular and polygonal buildings, tent structures, lightweight frame-and-post structures, wooden flooring, and platforms. In addition, wooden ceilings of clay mausoleums are considered a special type of grave structure. The wooden grave structures of the nomads of the Southern Urals have parallels in burial complexes in various regions of the steppe belt of Northern Eurasia, which indicates the presence of common ideological ideas among the nomads of the early Iron Age. As information is replenished and new data are obtained, the proposed typology can be further expanded and supplemented.

Key words: Southern Urals, early nomads, funeral rite, wooden grave structures, typology.

Citation. Sirotin S.V., 2025. Derevyannye konstruktsii v kurganah kochevnikov Yuzhnogo Urala v kontse VI – IV v. do n.e.: tipologiya nadmogil'nyh sooruzheniy [Wooden Structures in the Kurgans of Nomads of the Southern Urals in the Late 6th – 4th Centuries BC: Typology of Grave Structures]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 4, pp. 92-128. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.4>

УДК 902.1
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 16.08.2025

Дата принятия статьи: 01.09.2025

ДЕРЕВЯННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КУРГАНАХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА В КОНЦЕ VI – IV в. до н.э.: ТИПОЛОГИЯ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ¹

Сергей Викторович Сиротин

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются деревянные надмогильные конструкции из погребальных комплексов ранних кочевников Южного Урала конца VI – IV в. до н.э. В известных к настоящему времени курганах представлено несколько типов надмогильных сооружений, которые различаются размерами, планировкой, конструкцией и способами возведения. В статье рассматриваются основные подходы отечественных исследователей при изучении погребального обряда применительно к надмогильным деревян-

ным сооружениям. Анализ литературы показал отсутствие специальных работ и общепринятой терминологии в историографии применительно к надмогильным конструкциям южноуральскихnomадов. Накопленные к настоящему времени сведения о курганной архитектуре позволяют констатировать наличие как простых, так и сложных надмогильных сооружений, различающихся по своим формам и конструктивным особенностям. В представленной работе рассмотрены известные к настоящему времени деревянные конструкции, выявленные в курганах южноуральских nomадов середины I тыс. до н.э. На основе анализа имеющихся материалов предложена типология деревянных конструкций, исходя из технологии их строительства и характера погребального обряда. Уделяется внимание уточнению терминологии применительно к таким категориям, как «сруб», «шатровое перекрытие» и др. Всего выделено шесть основных типов деревянных надмогильных сооружений. В их числе – деревянные перекрытия-накаты, сложные постройки прямоугольных и многоугольных форм, шатровые сооружения, легкие каркасно-столбовые конструкции, деревянные настилы и помосты. Кроме того, в качестве особого вида надмогильных сооружений рассматриваются деревянные перекрытия глиняных мавзолеев. Деревянные надмогильные сооружения nomадов Южного Урала имеют параллели в погребальных комплексах в различных регионах степного пояса Северной Евразии, что свидетельствует о наличии общих мировоззренческих идей у кочевников раннего железного века. По мере пополнения сведений и получения новых данных предлагаемая типология может быть в дальнейшем расширена и дополнена.

Ключевые слова: Южный Урал, ранние кочевники, погребальный обряд, надмогильные деревянные конструкции, типология.

Цитирование. Сиротин С. В., 2025. Деревянные конструкции в курганах кочевников Южного Урала в конце VI – IV в. до н.э.: типология надмогильных сооружений // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 4. С. 92–128. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.4>

Введение

В погребальной обрядности ранних кочевников Южного Урала скифского времени важной особенностью является наличие в курганах надмогильных конструкций. Особым разнообразием отличаются деревянные сооружения, выявленные при исследовании курганных насыпей и подкурганных площадок. В общем контексте курганной архитектуры деревянные конструкции существенным образом дополняют комплекс характеристик погребального обряда. Как известно, курганные сооружения, в которых встречены надмогильные деревянные конструкции, характерны как для захоронений в ямах, так для погребений на древнем горизонте. При характеристике погребального обряда исследователями традиционно обращалось внимание на наличие и разнообразие деревянных конструкций в курганах над центральными погребениями. Надмогильные деревянные сооружения широко представлены в погребальных комплексах ранних кочевников степной Евразии. Они характерны для степной и лесостепной Скифии, курганов скифского времени Северного Кавказа, Подонья, Казахстана и др. Значительное количество курганов с деревянными надмогильными конструкциями известно для южноуральских nomадов.

Деревянные надмогильные конструкции южноуральских nomадов

Историографический аспект и конструктивные особенности

В отличие от литературы, посвященной погребальным сооружениям скифов [Ольховский, 1989; 1991], вопросы типологии надмогильных конструкций для южноуральских nomадов затрагивались в общем контексте погребального обряда и не являлись объектом специальных исследований. При этом по мере накопления материала исследователи отмечали наличие нескольких типов деревянных конструкций. К.Ф. Смирнов, рассматривая погребальный обряд савроматов на обширных пространствах от Заволжья на западе и до р. Орь на востоке, в целом констатировал общие приемы при устройстве перекрытий над могилами кочевой знати, однако при этом указывал на разнообразие погребальных конструкций, справедливо отмечая: «...хотя вследствие плохой сохранности дерева или несовершенства методики раскопок они не всегда были хорошо прослежены, зафиксированы и поняты различными исследователями, можно определенно сказать, что они имели различную форму» [Смирнов, 1964, с. 86]. При этом следует от-

метить, что Константин Федорович не связывал различные виды оборудования погребальных помещений и надмогильных конструкций с какой-либо определенной формой могилы [Смирнов, 1964, с. 85]. Более того, погребения в ямах и захоронения на древнем горизонте в контексте анализа деревянных надмогильных конструкций никак не разделялись. Факты сожжений деревянных конструкций также приводятся в рамках простой констатации при описании вариантов надмогильных сооружений.

В качестве первого типа надмогильных сооружений в выборке К.Ф. Смирнова выделялись плоские перекрытия или же накаты над могилой, для сооружения которых иногда использовались деревянные подпорки в виде столбов. Наиболее яркий пример такой конструкции – это центральная могила в Блюменфельдском кургане А12 и центральные погребения в больших курганах у г. Ленинска на р. Ахтуба. На Южном Урале примером такой конструкции являются погребения в кургане 5 у пос. Бердский близ Оренбурга, в кургане 1 могильника у Алебастровой горы, в кургане 7 у с. Сара, в кургане 6 Ново-Кумакского могильника, в кургане у Ак-Булака и др. [Смирнов, 1964, с. 85, 86].

Вторым типом надмогильных сооружений являются постройки, которые исследователь определял как срубы. Плохая сохранность дерева не позволяет достоверно реконструировать эти надмогильные сооружения, однако в основе их всегда фиксировались бревна или плахи, из которых строились стены, формируя, как правило, четырехугольную конструкцию. Сложные постройки в виде срубов были обнаружены в кургане 2 могильника Тара-Бутак (рис. 2,1) и в курганах 4, 6, 8 некрополя Пятимары I (рис. 2,2–4). Кроме того, при анализе кургана 3 могильника Тара-Бутак К.Ф. Смирнов выделял плоский настил над погребением на древнем горизонте, который интерпретировался как «прямоугольная не-прочная постройка, рухнувшая под тяжестью земли» [Смирнов, 1964, с. 88] (рис. 10,2). Еще один тип надмогильного сооружения приводится со ссылкой на Ф.Д. Нефедова из кургана Елга у с. Преображенка, где «...круглую грунтовую могилу обрамлял кольцеобразный бревенчатый накат, диаметр которого равнялся

20 саженям» [Смирнов, 1964, с. 87]. Что представляла собой конструкция, понять довольно сложно, однако не исключено, учитывая окружную форму сооружения, что данное надмогильное сооружение могло быть шатровым. Подводя итог анализу деревянных надмогильных сооружений, К.Ф. Смирнов отмечал, что «все описанные деревянные сооружения, по-видимому, имитировали наземные прямоугольные срубовые жилища и круглые шатры» [Смирнов, 1964, с. 89].

М.К. Кадырбаев, рассматривая погребальный обряд в курганах Бесобы, Сынтаса и Кумиссая в верховьях р. Илек, выявил три типа монументальных деревянных (бревенчатых) конструкций. В качестве первого варианта выделяется шатер или деревянная конструкция в форме цилиндра с опорой на земляной вал или раму-многоугольник (четыре случая). Такие конструкции были выявлены в курганах 3 и 4 могильника Бесоба, кургане 1 могильника Сынтас и кургане Жалгызоба. Вторым типом конструкций М.К. Кадырбаев считал прямоугольное либо квадратное сооружение (два случая). Примером такой постройки является погребальное сооружение в кургане 5 Бесоба, где стены квадратной деревянной гробницы были сложены из бревен и укреплены вертикально втыкаемыми по обе стороны стены столбами. Третий тип представлен восьмигранными постройками (два случая). В кургане 9 могильника Бесоба стены крупного деревянного сооружения были построены из бревен, уложенных в ряд горизонтально по 4–5 штук. Бревна стен удерживались от деформации и разрушения системой вертикально втыкаемых столбов (рис. 4,3). В шести случаях определить характер конструкции не удалось [Кадырбаев, 1984, с. 85–89].

А.Х. Пшеничнюк в рамках общей характеристики погребального обряда южноуральских кочевников VII–IV вв. до н.э. фиксировал наличие разнообразных деревянных сооружений в курганах, исследованных им в Зауральской Башкирии. К их числу относятся плоские перекрытия (накаты), сооружения шатрового типа (Альмухаметово, курган 8) (рис. 8,4) и прямоугольные рамы или срубы, перекрытые сверху плахами, жердями или ветками. Стены срубов складывались из бревен и были укреплены попарно вкопанными с

двух сторон столбами (Сибай II, курган 17) (рис. 3,4). Подобные конструкции наблюдались в кургане 1 Ивановских III курганов (рис. 3,3), кургане 12 могильника Сибай II. В кургане 2 Ивановских III курганов помимо надмогильного прямоугольного сооружения с плоским перекрытием, стены которого были укреплены парными вертикальными столбами, внутри могилы также была возведена деревянная конструкция (рис. 2,6). Она поддерживалась четырьмя столбами, врытыми по углам ямы. В ряде курганов ввиду плохой сохранности характер конструкции не прослеживался, однако, по мнению А.Х. Пшеничнюка, среди них были как сооружения шатрообразной формы, так и в виде низких четырехугольных срубов, перекрытых сверху. Всего, по наблюдениям А.Х. Пшеничнюка, наличие остатков деревянных надмогильных конструкций шатрообразной и четырехугольной формы, а также перекрытий в виде наката составляет около 40 % всех комплексов зауральской группы, известных к началу 80-х гг. XX в. [Пшеничнюк, 1983, с. 90, 91].

С.Ю. Гуцалов, рассматривая погребальный обряд ранних кочевников междууречья Урала и Ори второй половины VI – V в. до н.э., отмечает широкое применение дерева при сооружении погребальных склепов, выделяя при этом три основных типа деревянных конструкций. По его наблюдениям, наиболее широко были представлены конструкции шатрового типа, опирающиеся на глинисто-гравийный вал кольцевой формы (15,5 %), в меньшей степени были распространены сооружения в виде срубов, обложенных деревом (10,5 %). Наименьший процент среди надмогильных деревянных конструкций занимали накаты (6 %). В десяти случаях фиксировались сгоревшие конструкции либо полностью, либо в виде прокалов и больших фрагментов обугленного дерева [Гуцалов, 2004, с. 94]. Для памятников конца V – IV в. до н.э. этого же региона С.Ю. Гуцалов отмечает, что деревянные конструкции выявлены под насыпями 14 курганов. Две из них относились к шатровым (Лебедевка V, курган 9, Лебедевка VII, курган 5), четыре – к срубным. В двух курганах (Алебастрово 1, курган 11 и Новопавловка, курган 7) конструкции выгорели полностью, в связи с чем их характер не прослеживается

[Гуцалов, 2004, с. 102]. При этом необходимо отметить, что в данных выборках не учитывались курганы некрополя Филипповка 1. Не рассматривались также комплексы, выявленные к северу от устья р. Орь и памятники меридионального течения р. Урал, относящиеся к Южному Зауралю. В работе 2011 г., посвященной истокам погребального обряда южноуральских кочевников в конце VI – V в. до н.э., С.Ю. Гуцалов, опираясь на данные 230 погребений, приводит несколько иные цифры, которые, однако, принципиально не меняют общую картину распределения погребальных конструкций: деревянные шатры – 18 %, срубы – 9,5 %, настилы (вероятно, соответствуют накатам в предыдущей выборке) – 9 % [Гуцалов, 2011а, с. 49].

А.Д. Таиров, характеризуя культуру зауральских номадов в рамках четырех последовательных фаз (A, B, C, D) применительно к надмогильным сооружениям фазы B и фазы C (вторая половина VI – IV в. до н.э.) отмечает деревянные конструкции, представленные бревенчатыми настилами на древнем горизонте, каркасными или шатровыми постройками, различного вида срубами, клетями и др., а также каркасно-столбовыми погребальными конструкциями, которые фиксируются в виде одинарного или двойного кольца столбовых ям [Таиров, 2004, с. 4–5].

М.А. Очир-Горяева, рассматривая планиграфию и архитектурную специфику курганов южноуральских номадов VI–IV вв. до н.э., не вдаваясь в конкретизацию особенностей и видов деревянных надмогильных сооружений, отмечает, что «...центральные погребения южноуральских курганов зачастую имели прямоугольное низкое сооружение, либо перекрытие из слоев бревен, либо деревянное сооружение радиальной конструкции, опиравшееся на кольцевой вал из материковой глины. В Южном Приуралье такие курганы составляют 41,2 %» [Очир-Горяева, 2011, с. 180].

Более основательно к вопросу о надмогильных деревянных сооружениях в контексте типологии погребального обряда подошел В.Н. Мышкин. При выделении основных типов погребальных памятников элиты кочевников Самаро-Уральского региона VI–IV вв. до н.э. он показал связи известных надмогильных конструкций с основными видами захоронений

и выявил относительно устойчивые признаки, характерные для различных типов погребального обряда кочевой элиты [Мышкин, 2011; 2013]. В анализируемой В.Н. Мышкиным выборке из 50 комплексов надмогильные деревянные сооружения представлены следующим образом. Простые плоские перекрытия характерны для первого типа памятников, структурное ядро которого составляют индивидуальные захоронения с западной ориентировкой в простых грунтовых ямах (34,7 %). Следующим видом надмогильных сооружений являются сложные полые конструкции «в виде срубов, шатров и настилов из радиально расходящихся плах», представленные в памятниках второго типа с захоронениями в простых грунтовых ямах квадратной или прямоугольной формы с южными ориентировками погребенных (10,2 %). Настилы и сложные надмогильные конструкции в виде четырехугольных или многоугольных срубов характерны также и для погребений на уровне древней поверхности (памятники четвертого типа – 16,3 %), шатровые деревянные надмогильные конструкции входят в структурное ядро памятников пятого типа (26 %) с коллективными захоронениями в дромосных могилах с южной ориентировкой погребенных. В качестве отдельного типа памятников (тип 3 – 12,2 %) выделяются захоронения в сооружениях из сырцовых кирпичей («мавзолеях»), перекрытых деревянными, радиально расходящимися плахами [Мышкин, 2011, с. 169–170; 2013, с. 219–224]. В более поздней специальной работе, посвященной анализу захоронений на древнем горизонте и в сооружениях из сырцовых кирпичей, В.Н. Мышкин конкретизирует свои наблюдения относительно надмогильных конструкций для этих типов памятников и выделяет несколько разновидностей погребальных построек. Первый вариант предусматривал возведение квадратных, прямоугольных или восьмиугольных в плане сооружений, стены которых складывались из бревен и укреплялись столбами, вкопанными с двух сторон попарно. Второй вариант предполагал наличие вертикально врытых в землю столбов, которые «...располагались вокруг погребальной площадки, придавая ей круглую или прямоугольную в плане форму. Они устанавливались в один, иногда в два ряда... стены из бревен отсутство-

вали. Не исключено, что они могли состоять из связок камыша или веток. На столбы опирались перекрытия из бревен... в некоторых курганах по параллельным рядам ямок от столбов удалось проследить наземные входные коридоры, которые вели в погребальные постройки» [Мышкин, 2017, с. 98]. Для некоторых случаев отмечается наличие шатровых перекрытий как для захоронений на древнем горизонте, так и для сооружений из сырцового кирпича. В качестве еще одного варианта деревянных конструкций приводятся захоронения на помостах, возвышавшихся над землей [Мышкин, 2017, с. 98].

Небольшой раздел шатровым конструкциям посвятили в своей работе о памятниках яицкой культуры на Южном Урале Р. Исмагил и Ф.А. Сунгатов. Справедливо отметив ряд терминологических трудностей в определении таких построек и указав на интересные детали ряда шатровых конструкций, авторы обратили внимание на связь данных погребальных сооружений с культом огня, совершенно верно, на мой взгляд, увязав сгоревшие или обугленные деревянные конструкции с ритуальными действиями, а не с ограблениями [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 73–77].

Таким образом, исследователями отмечается значительное разнообразие надмогильных деревянных конструкций в погребальной обрядности южноуральскихnomadov, что прослеживается как в характере сооружений, так и в применяемых строительных приемах. Относительно простой технологией постройки обладают так называемые перекрытия, которые опираются на дневную поверхность и достаточно легко идентифицируются. Что касается более сложных надмогильных построек, то здесь ситуация не так однолинейна и требует дополнительного анализа. Как выступает из историографических примеров, приведенных выше, в качестве определения характера для таких построек исследователи часто применяют термин «сруб». Причем это относится как к захоронениям в могильных ямах, так и к захоронениям на древнем горизонте. Данное понятие используется авторами в большей степени гипотетически, поскольку нигде не указывается собственно характер и способ соединения бревен в углах. Отчасти это связано с плохой сохранностью

дерева, однако при этом во многих случаях исследователи указывают на наличие столбов, вкопанных попарно для укрепления стен. В связи с этим очень показательным является описание погребальной квадратной постройки из кургана 5 некрополя Бесоба М.К. Кадырбаевым: «Ее стены сложены из бревен без каких-либо следов врубки по углам, а устойчивость конструкции обеспечивалась 18 вертикально втытыми по обе стороны стен столбами...» [Кадырбаев, 1984, с. 89].

Вероятнее всего, технология срубов при сооружении погребальных конструкций южноуральскими номадами не использовалась. Во всяком случае для Южного Урала комплексы с деревянными постройками, где были выявлены рубленные соединения в углах, мне неизвестны. Такую конструкцию правильнее называть не срубом, а каркасно-столбовой. Л.В. Половников в специальной работе, посвященной проблемам выделения типов жилищ в отечественной историографии, отмечает, что «...главным критерием выделения каркасно-столбового типа конструкции является наличие несущих элементов стен и кровли в виде столбов. Это могли быть втытые или вбитые столбы, как одиночные, так и парные, которые были опорой кровли и служили каркасом стен» [Половников, 2021, с. 228]. По сути, основная часть выявленных прямоугольных и многоугольных надмогильных сооружений ранних кочевников Южного Урала как над захоронениями на древнем горизонте, так и в ямах относится к каркасно-столбовым постройкам, имеющим плоское перекрытие из продольно или поперечно уложенных бревен или плах, в ряде случаев дополнительно покрытых ветками или корой. Помимо каркасно-столбовых конструкций со стенами из горизонтально уложенных бревен, в памятниках южноуральских номадов с захоронениями на древнем горизонте были выявлены легкие конструкции, основу которых составляли вертикально втытые столбы, фиксирующиеся в виде столбовых ямок, расположенных по кругу или образующие прямоугольник. Для таких комплексов, на мой взгляд, следует согласиться с мнением исследователей, трактующих эти надмогильные сооружения как легкие каркасно-столбовые конструкции, стены которых были сложены из связок камыша или, возмож-

но, веток и имеющие такие же легкие перекрытия [Мышкин, 2017, с. 98]. Для комплексов, где выявлено круговое расположение столбовых ямок, перекрытие, вероятнее всего, было шатровым.

Еще одним видом строительства деревянных надмогильных конструкций является возведение на древнем горизонте прямоугольных настилов для погребений с применением огненных практик [Мошкова, 1972, с. 62–64; Таиров, Боталов, 1988, с. 100; Таиров, 2006, с. 87]. В одном комплексе захоронение на прямоугольном настиле не имело признаков использования огня [Железчиков и др., 2006, с. 26].

Несколько иные принципы строительной технологии были использованы при устройстве шатровых сооружений. К настоящему времени название «шатровое» для надмогильных конструкций носит во многом условный характер. Помимо Южного Урала, сооружения такого типа известны в погребальных комплексах Северного Причерноморья, Лесостепного Поднепровья, Северного Кавказа, Среднего Дона, Приаралья [Ольховский, 1991; Ковпаненко и др., 1989; Березуцкий, 2011; Маслов, 2024]. В каждом из регионов, где представлены такие надмогильные сооружения, имелись свои конструктивные отличия. Вместе с тем объединяющим элементом для них является радиальная система расположения бревен, плах, жердей или камыша.

Истоки шатровых надмогильных конструкций исследователи связывают с подражанием жилищам лесостепного населения [Смирнов, 1964, с. 89]. В.Д. Березуцкий, посвятивший шатровым сооружениям специальную работу, не отрицая в целом эту концепцию, вкладывает в идею их постройки не только утилитарный, но и мировоззренческий смысл. По мнению В.Д. Березуцкого, планировка такого сооружения является миниатюрным воспроизведением структуры Вселенной и сочетается с идеей Мирового дерева, где центр воспринимается «...как Мировая гора или Мировое дерево, сакральное место, где встречаются небо и земля... радиально расходящиеся от центра бревна, жерди – элементы, при помощи которых организовывалось окружающее пространство, или они рассматривались как символы направлений» [Березуц-

кий, 2011, с. 149]. В связи с этим шатровые погребальные сооружения являются олицетворением одной мировоззренческой идеи, вместе с тем они имеют конструктивные различия и могут относиться к близким, но разным типам построек, исходя из особенностей строительных технологий.

А.Х. Пшеничнюк считал, что при устройстве таких конструкций над могильными ямами в курганах некрополя Филипповка 1 бревна, опираясь на валик, устанавливались под острым углом, создавая полуую конструкцию, над которой затем возводилась насыпь из земли, либо дерновых блоков. Затем в данное сооружение через дромос, по мере необходимости, совершались дополнительные подзахоронения [Пшеничнюк, 2012, с. 62–63]. Л.Т. Яблонский полагал, что радиально уложенные бревна являются лишь имитацией или моделью шатра над центральным погребением и возведение насыпи или «закрытие» кургана осуществлялось после того, как могильная яма была заполнена [Яблонский, 2013, с. 43]. Данная точка зрения на современном этапе является более предпочтительной. Бревна надмогильной конструкции не выстраивались в виде островерхого полого шатра, они укладывались на уровне погребенной почвы в радиальном направлении, заполняя также пространство между валиком и камерой центрального захоронения, образуя невысокую конструкцию [Сиротин и др., 2019; Яблонский и др., 2023]. Вероятно, шатровые перекрытия имели определенную опорную систему, хотя следы столбовых ям обнаружить удается достаточно редко, что в свое время констатировали М.К. Кадырбаев и Ж.К. Курманкулов при исследовании шатровой конструкции кургана 3 могильника Бесоба [Кадырбаев, Курманкулов, 1978, с. 66]. Отсутствие опорной конструкции в таких сооружениях, с одной стороны, объясняется плохой сохранностью дерева, с другой стороны, опорные функции могли нести столбы-подпорки, установленные в камере или на древнем горизонте. Кроме того, нельзя исключать наличие лаг, уложенных над ямой в качестве опорного перекрытия, либо устройство наката над ямой, поверх которого радиально выкладывались бревна. В.Е. Маслов, рассматривая шатровые конструкции Северного Кавказа, в качестве их главной особенности

указывает на наличие двухуровневого перекрытия, где шатровая часть снаружи опиралась на вал выброса, а снизу на бревенчатый накат перекрытия могилы, который был уложен на несущие балки и снизу подпирался столбами, закрепленными в ямах на дне могильной ямы [Маслов, 2024, с. 228].

Следы опорных столбов в могильных ямах в известных мне памятниках Южного Урала достоверно выявлены в кургане Темир (рис. 4,1), могильниках Переволочан 1 (курган 11) (рис. 7,6) и «Высокая Могила – Студеникин Мар» (группа «Межевой Мар», курган 4) из нескольких десятков могильных ям с шатровыми сооружениями, известных к настоящему времени. Центральный опорный столб зафиксирован в яме основного погребения в могильнике Уркач I (курган 22) (рис. 7,5). Четыре столба, судя по столбовым ямкам, были установлены в могильной яме кургана 3 могильника Авласовские курганы (рис. 6,4). Причем определенно шатровая конструкция из радиально уложенных бревен зафиксирована в кургане 11 могильника Переволочан 1 [Сиротин, 2010а, рис. 2,1–3] и кургане 22 могильника Уркач I [Мамедов и др., 2022, рис. 13,1]. Конструкция в кургане Темир интерпретируется авторами публикации как особый вид шатрового сооружения [Зданович, Хабдулина, 1987, рис. 3]. Вместе с тем, судя по опубликованным чертежам и реконструкциям, она имеет несколько отличную от традиционных шатров схему и более подходит к определению многоугольной конструкции с плоским перекрытием. В кургане 4 группы 2 «Межевой Мар» некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» деревянное надмогильное сооружение выгорело полностью и судить о его конструкции можно лишь предположительно [Сиротин и др., 2024, с. 158–159]. Гипотетически оно могло быть и классическим шатровым как, например, в кургане 11 могильника Переволочан 1. Вместе с тем надмогильное сооружение в этом комплексе, вероятнее всего, могло иметь более сложный характер, как в кургане Темир. Дромосные погребения, состав инвентаря и близкая хронологическая позиция этих курганов могут свидетельствовать и об их конструктивном сходстве.

Что касается шатровых сооружений над захоронениями на древнем горизонте, то оче-

видно, что они также имели опорную систему и бревна или плахи не укладывались непосредственно на погребенных. Основанием для отнесения таких конструкций к шатровым является радиальное расположение бревен или плах. Опорная конструкция в виде многоугольника из выложенных горизонтально бревен была зафиксирована в кургане 4 могильника Бесоба, в виде круга – кургане Жалгызоба [Кадырбаев, 1984, с. 86]. Опоры для шатровых перекрытий в виде прямоугольных рам из горизонтально уложенных бревен на древней поверхности были выявлены в кургане 8 могильника Альмухаметово [Пшеничнюк, 1983, с. 44, рис. 12] (рис. 8,4), кургане 6 могильника Переволочан 1 [Пшеничнюк, 1995, с. 69, рис. 4,1] (рис. 8,5). Очевидно, что шатровые конструкции были относительно низкие, о чем свидетельствует отсутствие высоких стен опорной конструкции, в отличие от каркасно-столбовых построек. По сути, в этих ситуациях это были именно опорные рамы, над которыми возводилось невысокое уплощенное шатровое перекрытие из радиально уложенных бревен или плах. В ряде случаев под шатровым перекрытием прослеживается определенная система столбовых ямок. Такая ситуация была зафиксирована в кургане 1 могильника Ак-Оба II [Моргунова, Краева, 2012, рис. 6, 7,1,2] (рис. 11,1), а также в кургане 4 могильника Сосновка [Васильев, Федоров, 2021, рис. 61, 62] (рис. 11,4). Отдельные столбовые ямки были найдены по центру подкурганных площадок курганов 1 и 3 могильника Биш-Уба 1 [Агеев и др., 1998, с. 99] (рис. 9,2,3). В тех комплексах, где такие опорные рамы и столбовые ямы отсутствовали, вероятнее всего, конструкция держалась на столбовых опорах, выявить которые не всегда получается, поскольку они, по всей видимости, не вкапывались глубоко. Примером такой относительно хорошо сохранившейся конструкции может служить шатровое сооружение кургана 4 могильника Переволочан 2 [Сиротин, 2010б, рис. 30, 72] (рис. 9,1). Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что бревна лежат в правильном порядке, образуя систему из радиально уложенных бревен. Если бы в этом случае был бы островерхий шатер с соответствующим углом наклона 45 градусов и выше, вряд ли при его разрушении бревна

легли так ровно. Безусловно, полное исключение из погребальной практики южноуральских номадов островерхих шатров в виде чума, когда опорным элементом такой постройки служит вершина его конуса, не вполне доказуемо. Не исключено, что такие постройки могли строиться из легких жердей и коры для погребений на древнем горизонте, но это предположение лишь гипотетическое и не имеет реальных археологических доказательств, поскольку идентифицировать такие постройки практически невозможно ввиду того, что дерево либо выгорело полностью или практически полностью, либо сохранилось в виде сплошного слоя древесной трухи.

Особой сложностью интерпретации и определения конструктивных особенностей надмогильного сооружения отличаются комплексы с мавзолеями из сырцовых кирпичей. Помимо сырца при возведении таких построек использовались деревянные или камышовые конструкции шатрового типа или в виде накатов [Гуцалов, 2007; 2009а; 2009б; 2010; 2011а; Скарбовенко, 2005]. Однако их характер ввиду плохой сохранности и специфики описаний в публикациях установить достаточно непросто. Рассматривая вопросы погребальной обрядности кочевой элиты южноуральских номадов на примере комплексов из некрополей Лебедевка II, Кырык-Оба II, Илекшар I, С.Ю. Гуцалов отмечает, что по погребальному обряду курганы этих некрополей в целом однородны и характеризуются тем, что «...в центре площадки находилась могильная яма, перекрытая мощной деревянной конструкцией, опиравшейся в свою очередь на вал из гравия и белой либо желтой глины, насыпанный на древней поверхности. У края могилы и на вершине глиняного вала возводились стены, выложенные из кирпича-сырца либо самана... большая часть их сваливалась внутрь погребальной конструкции, что наводит на мысль о наличии какого-то перекрытия, возможно, глиняного свода, под тяжестью которого стены обрушились к центру. В частности, подобную форму погребальной конструкции можно предполагать в курганах могильника Лебедевка II. В Кырык-Обе, вероятно, глиняный свод отсутствовал, так как там прослежены остатки деревянных шатров, опиравшихся на столб, установленный в центре ямы» [Гуцалов, 2007, с. 89].

В кургане 6 некрополя Лебедевка II конструкция из сырцовых кирпичей возводилась на деревянном накате (рис. 12,1). С.Ю. Гуцалов интерпретирует ее как земляной склеп, состоявший из двух помещений, стены внешнего помещения возводились по краю погребальной площадки, внутреннее строилось у среза могильной ямы прямо на деревянном помосте, который, судя по тексту описания, перекрывал могильную яму. Размер склепа 22 × 24 м, внутренняя часть – 17 × 17 м [Скифы … , 2007, с. 78; Гуцалов, 2007, с. 77–78; 2009а, с. 313]. Напрямую про перекрытие помещений из сырцовых кирпичей ничего не сказано, отмечается, что «внутренняя часть склепа… была полностью покрыта органическим перекрытием (толщина 2–10 см), которое представляло собой слой хвойной и (или) бересковой коры, накрытый сверху тростником и (или) берестой (возможно, луб)… в центре настила, под корой были расчищены березовые бревна небольшого диаметра… дерево закрывало могильную яму, располагавшуюся в центре кургана» [Скифы … , 2007, с. 78]. Являлось ли это органическое перекрытие крышей мавзолея или же накат из бревен внутри сырцового помещения дополнительно устился корой – не ясно. Вероятно, это остатки легко- го перекрытия мавзолея, но и исключать второй вариант нет никаких веских оснований. Поэтому данное плоское перекрытие сооружения из сырцовых кирпичей в этом кургане следует считать с большой долей условности.

В работе 2011 г. о погребальных конструкциях некрополя Кырык-Оба II С.Ю. Гуцалов пишет: «…над могилами возводились глиняные сооружения квадратно-прямоугольной или многогранной форм размерами 10 × 10 м и более. Стены шириной в 1 м, сохранившиеся на высоту 1,5 м, выкладывались в четыре кирпича. Земляные сооружения дополнялись деревянными конструкциями шатрового или срубного типов, опиравшимися на глиняные валы, возведенные по периметру курганов или на опорные столбы по центру отдельных ям» [Гуцалов, 2011б, с. 93]. Насколько можно понять из описаний этих сложных надмогильных сооружений, в курганах могильника Кырык-Оба II фиксировались перекрытия из радиально уложенных жердей, бревен и плах, которые опирались на вал и в ряде случаев на систему

опорных столбов, перекрывая постройки из сырцовых кирпичей.

Для кургана 2 могильника Лебедевка II на погребенной почве отмечено наличие глиняного вала квадратной в плане формы, внутри которого все пространство было покрыто деревянными плахами, накрытыми сверху корой, причем кора местами была уложена за внешней стороной вала. Основу сложной погребальной конструкции составляла могильная яма, над которой возводилась деревянная конструкция в виде шатра, опиравшаяся на столбы. Наличие самана позволило С.Ю. Гуцалову предположить наличие многогранного в плане сооружения из массивных сырцовых кирпичей, возведенного на периферии погребальной площадки [Гуцалов, 2011б, с. 84]. Исходя из описания кургана, можно гипотетически заключить, что выявленные остатки шатрового сооружения, опиравшись на глиняный вал, перекрывали и сырцовую постройку. В кургане 16 могильника Кырык-Оба II над могилой фиксировался глиняный склеп квадратной формы (11 × 11 м), сильно разрушенный вследствие пожара (рис. 12,3). Пространство внутри склепа было покрыто тростником. Остатки деревянной конструкции описываются следующим образом: «От стенок погребально- го храма в сторону вала были радиально уложены деревянные жерди и ветки, которые опирались на столбы, установленные вокруг могильной ямы. На периферии деревянной конструкции бревна и ветки располагались по периметру вала. Таким образом, это было сооружение шатрового типа» [Скифы … , 2007, с. 80].

Остатки сгоревшего сооружения шатрового типа, которое опиралось на грунтовый вал и перекрывало стены из сырцового кирпича, С.Ю. Гуцаловым отмечается для погребальной конструкции кургана 18 могильника Кырык-Оба II [Гуцалов, 2010, с. 58] (рис. 12,4). Похожая конструкция фиксируется и в кургане 19 этого же некрополя (рис. 12,5), где на погребенной почве просматривался кольцевой вал, в профилях наблюдался развал постройки из глины и сырцовых кирпичей и «от центра сооружения к валу радиально располагались крупные деревянные плахи шириной до 20 см, лежавшие на погребенной почве и опиравшиеся по центру на столбы… плахи были

покрыты жердями и ветками, а те, в свою очередь, слоем камыши и коры... на периферии плахи располагались вдоль периметра вала. Следовательно, и здесь изначально было сложное сооружение шатрового типа» [Гуцалов, 2010, с. 62].

В кургане 12 в этом же могильнике фиксировался квадратной в плане формы вал из материковой глины и постройка из сырцовых кирпичей (рис. 12,6). Погребальная площадка была покрыта деревянными плахами, располагавшимися вокруг могилы в виде квадрата. Доски укладывались параллельно валу и сверху были покрыты корой. Плахи фиксировались до середины глиняного вала. Архитектура сооружения представлена следующим образом: «...зафиксированные наслоения являются остатками сложной погребальной конструкции, основу которой составляла могильная яма, выкопанная по центру кургана. У ее краев было воздвигнуто здание из массивных сырцовых кирпичей. Большая часть его впоследствии рухнула внутрь могильной ямы» [Гуцалов, 2011б, с. 84]. Судя по тому, что деревянные плахи фиксировались на валу, гипотетически можно предположить, что плоское деревянное перекрытие в виде наката накрывало и сырцовое здание, хотя в тексте описаний конкретно об этом не говорится.

Относительно глиняного мавзолея, выявленного в кургане 1 некрополя Илекшар I (рис. 12,2) С.Ю. Гуцаловым сказано следующее: «Могильный склеп имел в плане квадратную форму, размеры примерно 36 × 36 м; на погребенной почве был настил из тонких плах шириной ок. 15 см... основное погр. 4 выявлено в центре кургана. Яма (8,2 × 8,3 м), имевшая вид пятиступенчатой пирамиды, обращенной вершиной вниз, с уступами по углам была ориентирована сторонами по странам света с отклонением в 30°» [Гуцалов, 2007, с. 81]. В специальной работе 2009 г., посвященной данному комплексу, дополнительных сведений, за исключением уточнения ширины стен до 3 м о надмогильной конструкции не приводится [Гуцалов, 2009б, с. 74]. Было ли у мавзолея перекрытие или же на погребенной почве фиксировалось перекрытие в виде наката над погребальной камерой, автором публикации не уточняется. Однако в аналитической части публикации С.Ю. Гуцало-

вым приводится круг аналогий из комплексов южноуральских номадов, в которых надмогильные деревянные конструкции «как правило... опирались на вал, окаймляющий погребальную площадку...» [Гуцалов, 2009б, с. 75]. Можно лишь гипотетически предположить, исходя из приводимых С.Ю. Гуцаловым аналогий, что речь может идти о плоском перекрытии глиняного сооружения в виде наката. Хотя представить такое перекрытие на площади 36 × 36 м без серьезных дополнительных опорных конструкций довольно сложно. На мой взгляд, здесь более реальным выглядит сооружение плоского перекрытия-настила на погребенной почве, перекрывающее центральную камеру.

Сложная погребальная постройка с использованием сырцовых кирпичей была зафиксирована В.А. Скарбовенко в кургане 5 могильника Березки I (рис. 12,7). Описание конструкции в публикации дается очень объемно, подробно описаны все зафиксированные детали. В основании погребального сооружения находилась квадратная могильная яма, выкопанная в чашевидном котловане. В качестве стены объемного надмогильного сооружения вокруг котлована был возведен вал, поверхность которого была укреплена березовыми жердями, уложенными в два слоя. Жерди верхнего слоя укладывались вдоль оси вала перпендикулярно жердям нижнего слоя, выложенным поперек оси вала. Площадь внутри вала (кроме шахты и соединенного с ней дромоса) была выложена сплошным слоем сырцового кирпича. Края этой кладки примазаны к подошве вала и слегка поднимались вверх по его склону. Перекрытие надмогильной конструкции описывается следующим образом: «Наземное погребальное сооружение было перекрыто окружной плоской кровлей, опиравшейся своими краями на вал. Диаметр кровли – 15,2 × 16 м. Основанием кровли служил деревянный настил. На настиле тонким слоем были рассыпаны ценные двусторчатые пресноводные моллюски... Поверх слоя моллюсков были уложены сырцовые кирпичи. Кирпичная кладка имела радиально-кольцевой порядок...» [Скарбовенко, 2005, с. 384–385, 386]. Такая кровля, как отмечает В.А. Скарбовенко, была довольно тяжелой и требовала дополнительной опорной

конструкции, однако «почти все деревянные детали кровли сгорели дотла. Но в... фрагментах минеральной составляющей кровли обнаружены пустоты с отпечатками древесной коры, которые позволяют предполагать наличие в составе кровли древесных стволов диаметром 10–12 см. Расположение отпечатков подчинено радиальной схеме... Вероятно, имелась также центральная опора...» [Скарбовенко, 2005, с. 387]. В целом архитектура надмогильного сооружения кургана характеризуется тем, что «...в нашем случае вал выполняет роль стены, на которую опирается плоская крыша сооружения» [Скарбовенко, 2005, с. 392].

Таким образом, наличие надмогильных деревянных конструкций в памятниках южноуральских номадов скифского времени характерно для всех основных типов погребального обряда. Они известны для захоронений в рамках ингумации, причем и для погребений в ямах, и для погребений на древнем горизонте. Остатки деревянных сооружений фиксируются в курганах с полной или частичной кремацией.

Типология деревянных надмогильных конструкций

Сведения об известных к настоящему времени надмогильных сооружениях позволяют распределить их, исходя из конструктивных особенностей и строительных приемов, по некоторым типам: простые перекрытия, прямоугольные и многоугольные каркасно-столбовые постройки со стенами из горизонтально уложенных бревен и плоскими перекрытиями, шатровые сооружения, легкие прямоугольные и круглые каркасно-столбовые постройки, деревянные настилы, деревянные конструкции сырцовых мавзолеев. Подтипы выделяются по формам и особенностям конструкций. Кроме того, исходя из способа захоронения, выделяются варианты (А – в могильной яме, Б – захоронения на древнем горизонте). Необходимо отметить, что типология деревянных надмогильных сооружений существенным образом осложняется спецификой источника. Уровень сохранности, качество фиксации, степень разрушения при ограблениях в значительной мере ограничива-

ют полноту информации о надмогильных конструкциях. Многие конструктивные детали, в силу объективных причин, не могут быть идентифицированы в принципе и реконструируются только гипотетически. В рамках данной работы предлагается вариант типологии надмогильных деревянных конструкций в курганах южноуральских номадов середины I тыс. до н.э., исходя из имеющегося комплекса источников и их интерпретации различными исследователями.

Тип I. Плоские перекрытия (накаты) грунтовых ям с опорой на древнюю поверхность. Характерны для захоронений в квадратных и прямоугольных ямах (рис. 1,1–6). В представленной выборке рассматривались только центральные погребения. Учтено 47 комплексов, из которых 31 погребение расположено в бассейне среднего течения р. Урал и на р. Илек (Урало-Илекский локальный центр), 7 погребений находятся в Урало-Орском локальном центре, 9 погребений исследовано в бассейнах меридионального течения р. Урал и р. Сакмары в Зауральских районах (Урало-Сакмарский локальный центр). Как правило, перекрытия этого типа имеют очень плохую сохранность, в том числе и в результате ограблений, и во многих случаях их наличие констатируется по небольшим фрагментам дерева в заполнении, либо на древней поверхности около могильной ямы.

Прямоугольные или квадратные перекрытия (накаты) устраивались из жердей, коры, бревен или плах поверх могильной ямы с опорой на дневную поверхность. Фиксируются как однослойные перекрытия, так и конструкции, уложенные в два слоя. В многослойных накатах дерево укладывалось перпендикулярно. Двухслойные перекрытия с перпендикулярным расположением бревен относительно хорошей сохранности зафиксированы в курганах 1 и 2 Яковлевского курганного могильника и Яковлевского I одиночного кургана [Федоров, Васильев, 1998, с. 62–65, рис. 4,1, 6,2]. В погребении 2 кургана 27 могильника Лебедевка V перекрытие дополнительно поддерживалось столбами, установленными в яме [Железчиков и др., 2006, с. 16, рис. 34,3]. Обугленный двойной деревянный накат над основным погребением, уложенный на попечных балках и поддерживаемый опорным

столбом в центральной части могильной ямы был обнаружен в кургане 6 могильника Таксай I [Сдыков, Лукпанова, 2013, с. 125–128, рис. 8–10]. Интересная конструкция была выявлена в кургане 1 могильника Солянка II («Лиманы»). В прямоугольной яме центрального погребения, перекрытой поперечным бревенчатым накатом, вдоль стен находились бревна, уложенные встык, – по два бревна вдоль длинных стенок и по одному бревну вдоль коротких [Кушаев, 1993, с. 71].

Тип II. Деревянные каркасно-столбовые постройки прямоугольных и многоугольных форм со стенами из горизонтально уложенных бревен и плоскими перекрытиями. Такие конструкции, установленные на древней поверхности, фиксировались в курганах с центральными захоронениями в ямах и с погребениями на древнем горизонте.

Тип II.1. Каркасно-столбовые прямоугольные постройки с плоским перекрытием, стенами из горизонтально уложенных бревен и парными вертикальными столбами. По способу захоронения они распределяются по двум вариантам:

Тип II.1. Вариант А. Прямоугольные постройки над погребениями в могильных ямах (рис. 2,1–6, 3,1). Такие конструкции известны над квадратными и широкими прямоугольными ямами в могильниках Урало-Илекского локального центра. Мощные прямоугольные деревянные сооружения со стенами из нескольких рядов горизонтально уложенных бревен и плах с плоскими перекрытиями фиксировались в курганах 4, 6, 8 могильника Пятимары I [Смирнов, 1964, с. 88–89; 1975, с. 20, 26, 29–30]. В кургане 8 деревянная прямоугольная постройка, внутри которой помимо захоронения в яме обнаружены погребения воинов на древнем горизонте [Смирнов, 1964, с. 88]. Обращает на себя внимание конструкция в кургане 2 из Тара-Бутака, где фиксировалась постройка в виде квадратного сооружения, в котором вокруг могилы были уложены бревна в виде двух концентрических кругов [Смирнов, 1964, с. 87; 1975, с. 40]. Вероятнее всего, судя по относительно сохранившимся северо-восточному и северо-западному углу конструкции, здесь изначально была прямоугольная постройка с плоской крышей, а так называемые концентрические круги из

бревен есть результат развода этой постройки. В кургане 1 могильника у с. Покровка (раскопки И.А. Кастанье 1911 г.) было выявлено деревянное сооружение в форме правильного четырехугольника, стены которого были укреплены столбами, врытыми вертикально [Смирнов, 1964, с. 88]. Подквадратная постройка каркасно-столбового типа с парными столбами вдоль стен выявлена в кургане 15 могильника Кырык-Оба II [Гуцалов, 2010, с. 52, рис. 2,1]. В Урало-Сакмарском междууречье такие постройки фиксируются в кургане 2 некрополя Ивановские III курганы [Пшеничнюк, 1983, с. 38, рис. 10, табл. XXVIII,2] и кургане 1 могильника Булатово-1 [Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 69, рис. 41]. Вероятнее всего, к этому же типу относится постройка, выявленная в кургане 8 могильника Сибай I [Васильев, Федоров, 2021, с. 38, рис. 20, 21]. Здесь, так же как и в кургане 8 могильника Пятимары I, фиксируется погребальная конструкция над погребением в прямоугольной яме. Внутри постройки рядом с могилой было совершено захоронение «стражника» на древнем горизонте.

Тип II.1. Вариант Б. Прямоугольные постройки над погребениями на древнем горизонте (рис. 3,2–4). Каркасно-столбовые прямоугольные сооружения выявлены в курганах Урало-Илекского бассейна. В кургане 5 могильника Илекшар I обнаружена прямоугольная погребальная постройка. С.Ю. Гуцалов определяет конструкцию как сруб, перекрытый накатом, указывая при этом, что его основу составляли столбы, располагавшиеся на погребальной площадке, на которой зафиксированы парные круглые ямки. Сама могильная яма прямоугольной формы углублена от уровня погребенной почвы до 0,24 м, что позволяет относить ее к погребениям, фактически осуществленным на древней поверхности [Гуцалов, 2007, с. 86, рис. 16,1]. Помимо этого, деревянная конструкция прямоугольной формы была выявлена в кургане 1 могильника Нагорненский. Ее стены состояли из рядов горизонтально уложенных бревен, а жесткость конструкции обеспечивали попарно вкопанные по углам бревна [Мамедов, Тажибаева, 2013, с. 44, рис. 1,2]. Квадратная постройка с плоским перекрытием над погребением на древнем горизонте выявлена в кургане 5

могильника Бесоба в верховьях р. Илек [Кадырбаев, 1984, с. 89]. Подобная постройка из березовых бревен или горбылей, предположительно, была сооружена над погребением на древнем горизонте в кургане 3 могильника Тара-Бутак [Смирнов, 1964, с. 88]. Возможно, судя по описанию Л.В. Купцовой с соавторами, такой же характер имела прямоугольная сгоревшая конструкция в кургане 1 III Тоцкого могильника [Купцова и др., 2023, с. 210]. В ряде погребальных комплексов они известны в Урало-Сакмарском локальном центре, в таких как курган 1 могильника Ивановские III курганы [Пшеничнюк, 1983, с. 37–38, табл. XXVIII, 1], в курганах 12, 17 могильника Сибай II курганы 12, 17 [Пшеничнюк, 1983, с. 56, 57, рис. 14]. А.Х. Пшеничнюк отмечал наличие парных канавок в погребенной почве, в которые укладывался нижний ряд бревен (венцы) постройки в кургане 1 могильника Ивановские III курганы, так же, как и для аналогичной постройки в кургане 2 над могильной ямой.

В устье реки Орь погребения на древнем горизонте с каркасно-столбовой надмогильной конструкцией к настоящему времени не известны.

Тип II.2. Многоугольные конструкции с плоским перекрытием, стенами из горизонтально уложенных бревен и парными вертикальными столбами. Такие постройки представляют собой сложные сооружения, стены которых выкладывались в виде многоугольника из горизонтально уложенных бревен по каркасно-столбовой технологии. Вероятнее всего, такие постройки имели плоское перекрытие и систему опорных столбов. Они также по способу захоронения известны в двух вариантах:

Тип II.2. Вариант А. Многоугольные конструкции с плоскими перекрытиями, стены которых построены из горизонтально уложенных бревен (рис. 4, 1, 2). Сооружены на древней поверхности над могильными ямами. Они выявлены в кургане Темир [Зданович, Хабдулина, 1987, рис. 3] и одиночном кургане Яковлевка 2 [Сиротин, 2009, рис. 77]. Известны только лишь в Урало-Сакмарском локальном центре.

Тип II.2. Вариант Б. Многоугольные конструкции с плоскими перекрытиями, сте-

ны которых построены из горизонтально уложенных бревен (рис. 4, 3). Сооружены над погребениями на древнем горизонте. М.К. Кадырбаев в известной публикации 1984 г., посвященной курганным некрополям верховьев р. Илек, упоминает два случая таких построек по итогам исследований курганов Бесобы, Кумиссая и Сынтаса [Кадырбаев, 1984, с. 85]. В качестве наиболее показательного комплекса с такой архитектурой приводятся материалы кургана 9 некрополя Бесобы [Кадырбаев, 1984, с. 89–91; Мышкин, 2011, рис. 3, 2; Мамедов, Тажибаева, 2013, рис. 1, 1]. Относительно второго комплекса с подобной постройкой в данной публикации никаких сведений не приводится.

Тип III. Шатровые конструкции, построенные из дерева, иногда с использованием коры, веток и т. д. с фиксируемым радиальным расположением бревен и плах. Они характеризуются отсутствием стен на древнем горизонте вокруг могилы из горизонтально уложенных в несколько венцов бревен. Кроме того, такие конструкции не имеют вертикально врытых вокруг погребения столбов, которые предположительно являются каркасом для стен из камыша. Фактически представляют собой невысокие перекрытия из радиально уложенных бревен или плах над могильными ямами или захоронениями на древнем горизонте.

Тип III. Вариант А. Шатровые конструкции над захоронениями в могильных ямах. Шатровые сооружения этого варианта можно разделить на два подварианта по наличию или отсутствию опорной столбовой системы в могильных ямах. Во многом такое разделение является условным, поскольку плохая сохранность дерева не позволяет во всех случаях определенно утверждать наличие или отсутствие столбов. Не исключено, что в некоторых сооружениях столбы могли и не вкапываться, а устанавливаться. Однако необходимо отметить, что в таком случае прочность постройки вызывает вопросы. В данной ситуации критерием для разделения на подварианты является наличие или отсутствие зафиксированных столбовых ям внутри могильной камеры.

Тип III. Вариант А.1. Шатровые конструкции, в которых опорные столбы в каме-

рах не выявлены или фиксировались только вдоль дромоса (рис. 5,1–6, 6,1–3,5,6, 7,1–4). Во многих курганах на уровне древней поверхности имелись кольцевые валики из материевого суглинка или смешанного грунта вокруг центральных погребений. Наибольшее количество таких конструкций (в 16 курганах) известно в некрополе Филипповка 1 [Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013; Сиротин и др., 2019; Яблонский и др., 2023]. Интересная конструкция была встречена в кургане 6 этого некрополя (рис. 5,2). В данном кургане, помимо собственно бревен, уложенных радиально, фиксируются размещенные поверх них связующие элементы, придающие дополнительную прочность всей конструкции. Не исключено, что такие же элементы могли быть и в других шатровых сооружениях, однако выявить их ввиду плохой сохранности дерева является весьма проблематичным. В этом же Урало-Илекском бассейне шатровое сооружение обнаружено в кургане 3 могильника Бесоба [Кадырбаев, 1984, с. 85]. Обращает на себя внимание конструкция в кургане 1 могильника Сынтас. Здесь под шатровым перекрытием было выявлено погребение в неглубокой яме и рядом с ним еще три на древней поверхности [Кадырбаев, Курманкулов, 1976, с. 141]. Шатровые конструкции известны в кургане 3, 15, 18 могильника Уркач I [Мамедов и др., 2022, рис. 4, 8,1, 12,1], в кургане 2 могильника Булдурта I [Бисембаев, Мамедов, 2018, рис. 2]. Кроме того, в Урало-Сакмарском локальном центре они представлены в курганах могильника Переволочан 1 (курганы 10, 12) [Пшеничнюк, 1995, с. 78 рис. 10,1; Сиротин, 2020, рис. 2,2], возможно, в кургане 3 этого же некрополя [Пшеничнюк, 1983, с. 65, рис. 16], в Большом Клиновском кургане, кургане 2 могильника Обручевский [Таиров, 2000, рис. 42,1, 44,1–3]. В устье р. Орь шатровая конструкция обнаружена в кургане 26 могильника Новый Кумак [Смирнов, 1977, рис. 15].

Тип III. Вариант А.2. Шатровые конструкции, в которых выявлены опорные столбы в камерах (рис. 6,4, 7,5,6). Шатровое сооружение со столбом в центре могильной ямы известно в кургане 22 могильника Уркач I [Мамедов и др., 2022, рис. 13,1]. Четыре столбовые ямки зафиксированы в центральной части дромосного

погребения в кургане 3 могильника Авласовские курганы [Сиротин, 2013, рис 1, 2]. Опорные столбы для шатрового перекрытия были в кургане 11 могильника Переволочан 1 [Сиротин, 2010а, рис. 2,1–3], где в могильной яме центрального погребения на дне отчетливо фиксировались столбовые ямки.

Тип III. Вариант Б. Шатровые конструкции над захоронениями на древнем горизонте.

Тип III. Вариант Б.1. Шатровые конструкции, в которых опорная система в виде рамы или отдельных опорных столбов не выявлена (рис. 8,1,2,3,6, 9,1,3). Такие сооружения отмечены в могильнике Филипповка 1 (курганы 9, 15, 24) [Пшеничнюк, 2012; Яблонский, 2013], могильнике Бесоба (курган 4) и кургане Жалгызыбы [Кадырбаев, 1984, с. 85–86], кургане 1 могильника Покровка 2 [Веддер и др., 1993, с. 25, рис. 20], кургане 7 могильника Переволочан 1 [Пшеничнюк, 1995, с. 71, рис. 6,1] и кургане 4 могильника Переволочан 2 [Сиротин, 2010б, рис. 30, 72], кургане 2 могильника Биш-Уба 1 [Агеев и др., 1998, с. 99, рис. 12,1]. Интересное сооружение было обнаружено в кургане 6 могильника Сара, в котором столбы или рамы не выявлены, однако при этом шатровая конструкция опиралась на каменную кольцевую выкладку [Васильев, Федоров, 1994, с. 127].

Тип III. Вариант Б.2. Шатровые конструкции над захоронениями на древнем горизонте, в которых фиксировалась опорная конструкция в виде рамы или отдельных опорных столбов (рис. 8,4,5, 9,2,4). В верховьях р. Илек в кургане 4 могильника Бесоба под шатровым перекрытием находился многоугольник из бревен, в кургане Жалгызыба бревна под шатром располагались по кругу [Кадырбаев, 1984, с. 86]. Конструкции с опорой на прямоугольные рамы известны в кургане 8 могильника Альмухаметово [Пшеничнюк, 1983, с. 44] и кургане 6 могильника Переволочан 1 [Пшеничнюк, 1995, с. 69]. Отдельные немногочисленные столбовые ямки под остатками шатрового перекрытия были найдены в центральной части курганов 1 и 3 в могильнике Биш-Уба 1 [Агеев и др., 1998, с. 99, рис. 3, 13,1; Исмагил, Сунгатов, 2013, с. 75].

Тип IV. Каркасно-столбовые конструкции прямоугольной и округлой формы, основу

которых составляют врытые вертикально столбы. Стены и перекрытия в таких постройках не фиксировались. Исследователями предполагается наличие стен из камыша и легких перекрытий [Мышкин, 2017, с. 98]. Предположительно для прямоугольных построек перекрытие могло быть простым плоским, для круглых – радиально выложенным (шатровым). Данный тип надмогильных сооружений, с одной стороны, типологически близок к постройкам типа II.1.Б. и типа III.Б.2, с другой – отличия в строительной технологии, особенности этих конструкций, а также идентичность погребального обряда (захоронения на древнем горизонте), на мой взгляд, позволяют выделить их в отдельный тип.

Тип IV.1. Прямоугольные в плане каркасно-столбовые конструкции с системой вертикальных опорных столбов над погребениями на древнем горизонте (рис. 10,1). Такая конструкция, сгоревшая в ходе погребальной церемонии выявлена в кургане 2 могильника Сибай I [Васильев, Федоров, 2021, с. 28, рис. 12]. По всей видимости, аналогичное сооружение было в кургане 2 могильника Переволочан 2 [Сиротин, 2011, с. 383]². Оба комплекса расположены в Зауральской Башкирии. Вероятнее всего, к таким же постройкам относится конструкция из кургана 3 могильника Тара-Бутак левобережного Илека [Смирнов, 1964, рис. 17,1]. Однако в отличие от комплексов из Зауралья, где конструкция полностью сгорела и фиксируется фактически только лишь по столбовым ямам, К.Ф. Смирнов констатировал здесь наличие остатков бревен или горбылей в продольном и попечном направлении, но ничего не писал о столбах или столбовых ямах. Интерпретируя конструкцию, К.Ф. Смирнов отмечал, что «...сооружение... имело прямоугольную форму и было ориентировано с северо-востока на юго-запад. Длина этого сооружения 9 м, ширина 6,8 м... сооружение выглядит как плоский настил над погребением, совершенным на древнем горизонте без грунтовой ямы» [Смирнов, 1975, с. 43]. Отличительным признаком конструкции в этом погребальном комплексе является отсутствие огненного ритуала (рис. 10,2).

Тип IV.2. Круглые в плане каркасно-столбовые постройки с системой вертикаль-

ных опорных столбов над погребениями на древнем горизонте (рис. 11,1–4). Такие конструкции, выгоревшие полностью, выявлены в кургане 2 могильника Маровый шлях и кургане 1 могильника Солончанка II [Таиров, 2006, рис. 3,1, 8,1]. Судя по конфигурации опорных столбов, зафиксированных на подкурганной площадке, в таких конструкциях можно предполагать наличие легкого шатрового перекрытия. В кургане Акоба II обнаружена круглая каркасно-столбовая конструкция с относительно хорошей сохранностью шатрового перекрытия из радиально уложенных бревен [Моргунова, Краева, 2012, рис. 6, 7,1,2]. Возможно, к похожим конструкциям, но более основательной постройки, судя по описанию В.Н. Васильева и В.К. Федорова, относится надмогильное сооружение кургана 4 могильника Сосновка в Зауральской Башкирии [Васильев, Федоров, 2021, рис. 61, 62] (рис. 11,4). Исследователи отмечают, что основу деревянного сооружения в этом кургане «...представляла круговая столбовая конструкция диаметром 9 м... не исключено, что с южной стороны находился вход в сооружение, впрочем, возможно часть ямок здесь уничтожена грабительским вкопом... сооружение имело стены, сделанные из... березовых бревен, поставленных наклонно, так, что оно представляло собой шатер с плоской крышей», из уложенных в несколько слоев березовых бревен [Васильев, Федоров, 2021, с. 95, рис. 61, 62].

Тип V. Постройки в виде прямоугольных настилов (на подпорках или столбах), на которых совершалось погребение (рис. 10,2–4). Этот тип конструкций зафиксирован в кургане 6 могильника Аландское III, в кургане у с. Варна, где был осуществлен обряд кремации погребенных на настилах [Мошкова, 1972, с. 62–64; Таиров, Боталов, 1988, с. 100]. К этому же типу построек, по мнению А.Д. Таирова, относится конструкция в кургане 3 могильника Маровый Шлях, среди керамического комплекса которого имеются прямые аналогии материалам кургана 6 могильника Аландское III [Таиров, 2006, с. 87, рис. 5,1]. Однако вследствие плохой сохранности конструкции однозначно интерпретировать ее как настил для погребенного достаточно сложно и не исключены аналогии с конструкциями типа IV.1. В кургане 26 мо-

гильника Лебедевка VI было выявлено похоронение на деревянном настиле без применения огня в обряде [Железчиков и др., 2006, с. 26, рис. 56,2] (рис. 10,5).

Тип VI. Деревянные конструкции (плоские накаты и радиальные перекрытия) мавзолеев из сырцовых кирпичей. Возвведение мавзолеев из сырцовых кирпичей с использованием деревянных конструкций фиксируется для захоронений в ямах, в одном случае известны погребения на древнем горизонте внутри постройки. Исходя из описаний этих комплексов, приведенных выше, в двух курганах (курган 6 могильника Лебедевка II и курган 12 могильника Кырык-Оба II) характер деревянного перекрытия не вполне понятен и его определение весьма проблематично. В шести курганах с высокой степенью вероятности установлены перекрытия двух видов.

Тип VI.1. Деревянные плоские перекрытия (накаты), накрывающие сооружение из глиняных сырцовых кирпичей (рис. 12,2,6,7). Погребения внутри построек были в могильных ямах. Определенно зафиксировано в кургане 5 могильника Березки I [Скарбовенко, 2005, рис. 2, 3]. С большой долей условности похожее перекрытие можно предполагать для мавзолея в кургане 1 могильника Илекшар I, хотя характер конструкции из описаний вызывает вопросы [Гуцалов, 2009б, с. 72, 75, рис. 2]. Возможно плоское перекрытие могла иметь постройка в кургане 12 могильника Кырык-Оба II [Гуцалов, 2011а, рис. 2, 1] (рис. 12,6).

Тип VI.2. Вариант А. Перекрытия из радиально уложенных бревен или плах, накрывающие сооружения из глиняных сырцовых кирпичей (рис. 12,3,5). Выявлены в курганах 16 [Гуцалов, 2007, рис. 10; 2011б, рис. 4,1], 19 [Гуцалов, 2010, рис. 8] могильника Кырык-Оба II. Возможно, шатровую конструкцию имело перекрытие сырцового сооружения в кургане 2 могильника Лебедевка II [Гуцалов, 2011а, с. 84]. Захоронения в этих комплексах осуществлялись в могильных ямах.

Тип VI.2. Вариант Б. В кургане 18 радиальное перекрытие накрывало стены из сырцового кирпича, внутри которого находились захоронения на древнем горизонте [Гуцалов, 2010, с. 58, рис. 5,1] (рис. 12,4).

В кургане 6 могильника Лебедевка II стены сырцового мавзолея возводились на

плоском деревянном накате над могильной ямой. Что касается вопроса о характере перекрытия самого мавзолея, из текста описаний, как это было показано выше, ответить на него определенно не представляется возможным (рис. 12,3).

При анализе погребальных комплексов южноуральской кочевой знати обращают на себя внимание курганы с обширными центральными ямами дромосного типа и полностью сгоревшими деревянными конструкциями. Гипотетически наличие шатровых конструкций можно предполагать в курганах некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар»: группа 2 «Межевой Мар» (курганы 1, 3), группа 3 «Студеникин Мар» (курган 1), группа 4 «Богатырские Могилки» (курганы 2, 5), в которых общая архитектура курганов, планиграфия подкурганных площадок, сходные признаки погребального обряда, наличие дромосных могил, сходство погребального инвентаря имеют близкие параллели курганам Филипповки 1 с шатровыми надмогильными конструкциями [Сиротин и др., 2018; 2020] и Переволочана 1 [Пшеничнюк, 1995; Сиротин, 2020]. Кроме того, подобная ситуация с полностью сгоревшими деревянными конструкциями фиксировалась в курганах 2 и 5 некрополя Ивановские I курганы [Пшеничнюк, 1983, с. 35; Сиротин, 2022, с. 28]. Очевидно, что такая ситуация не является случайностью и не может быть объяснена так называемыми «благоприятными погодными условиями» горения (ветер, отсутствие дождя и т. д.). Эти погребальные постройки изначально строились по особой технологии, которая предполагала интенсивное и тотальное сгорание конструкции с обеспечением хорошего притока кислорода. Вероятнее всего, курганы с такими надмогильными сооружениями следует выделить в отдельный тип деревянных конструкций, идентификация которых пока возможна лишь гипотетически. В любом случае изучение курганов с такой архитектурой требует особого внимания, в том числе и с привлечением методов естественно-научных дисциплин.

Заключение

Строительство надмогильных деревянных сооружений связано с идеей камерных

погребений, в рамках обустройства сакрально-го пространства для захоронений. Наиболее простые конструкции представлены перекрытиями-накатами над могильными ямами (тип I). Сложными сооружениями являются постройки типа II.1, представляющие собой каркасно-столбовые постройки со стенами из горизонтально уложенных в несколько венцов бревен, укрепленными вертикально вкопанными столбами и плоским перекрытием-накатом. Как показал анализ источников, термин «сруб» для таких построек не вполне корректен, поскольку собственно техника сруба здесь не использовалась. Особой сложностью отличаются многоугольные постройки типа II.2. Более простой версией прямоугольных конструкций с точки зрения строительной технологии являются каркасно-столбовые постройки восточноприаральского облика (тип IV.1). Наибольшим разнообразием в рамках применения строительных приемов отличаются шатровые сооружения. С точки зрения общей концепции создания гробницы юртового облика им соответствуют постройки типа III. Близкой, но более упрощенной версией таких конструкций является тип IV.2. Однако при наличии общей семантической линии, технически сооружения этих типов построены по-разному. Причем для конструкций, основу которых составляют вертикально врытые столбы и предположительно стены из камыша (тип IV.2) отчетливо прослеживаются восточноприаральские параллели. Вероятнее всего, в рамках мировоззренческой идеи шатров могли сооружаться постройки типа II.2, имеющие многоугольную юртовую планировку. Однако, если исходить из описаний их конструкций, в этих сооружениях отсутствует такой важный отличительный элемент шатровых построек, как перекрытие из радиально уложенных бревен, плах или жердей. Концепция радиального перекрытия фиксируется в сырцовых мавзолеях (тип VI.2), принадлежащих к особой категории сооружений. Отдельными видами относительно простых конструкций являются постройки в виде настилов (тип V).

Таким образом, в курганах южноуральских nomadов конца VI – IV в. до н.э. выявлены разнообразные по своей конструкции де-

ревянные надмогильные сооружения, что говорит о сложности и многокомпонентности погребального обряда, с одной стороны, а с другой – свидетельствует об очень пестром этнокультурном составе племен, населявших степи Южного Урала в середине I тыс. до н.э. В конце VI – V в. до н.э. отмечается большее разнообразие в технике обустройства надмогильных деревянных сооружений. В этот период наряду с простыми плоскими перекрытиями фиксируются каркасно-столбовые постройки разных типов и вариантов, встречаются шатровые сооружения, настилы и захоронения в сырцовых глиняных мавзолеях. Существенный процент при этом составляют захоронения на древнем горизонте. В IV в. до н.э. такое разнообразие погребальных конструкций унифицируется, что было связано с этноэволюционными процессами в южноуральской степи в ходе оформления памятников филипповского круга. Больше не строятся сырцовые мавзолеи, в меньшей степени практикуется обряд захоронений на дневной поверхности. Среди сложных деревянных надмогильных сооружений значительный процент составляют шатровые конструкции [Сиротин, 2021]. Погребальные сооружения южноуральских nomadов имеют параллели среди погребальных комплексов степной Северной Евразии в скифском и сакском мире [Ольховский, 1991; Гуцалов, 2011б; Мышкин, 2014; Березуцкий, 2011; Маслов, 2024], что свидетельствует о наличии общих концептуальных категорий в мировоззрении и культово-ритуальных системах кочевого населения степного пояса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено по госзаданию ИА РАН, № НИОКТР 122011200269-4.

The research was carried out according to the state assignment from the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, No. NIOKTR 122011200269-4.

² В публикации 2011 г. конструкция названа конусовидной, однако расположение столбовых ям в виде прямоугольника размерами 5 × 5,7 м предполагает прямоугольную основу погребального сооружения.

ПРИЛОЖЕНИЯ

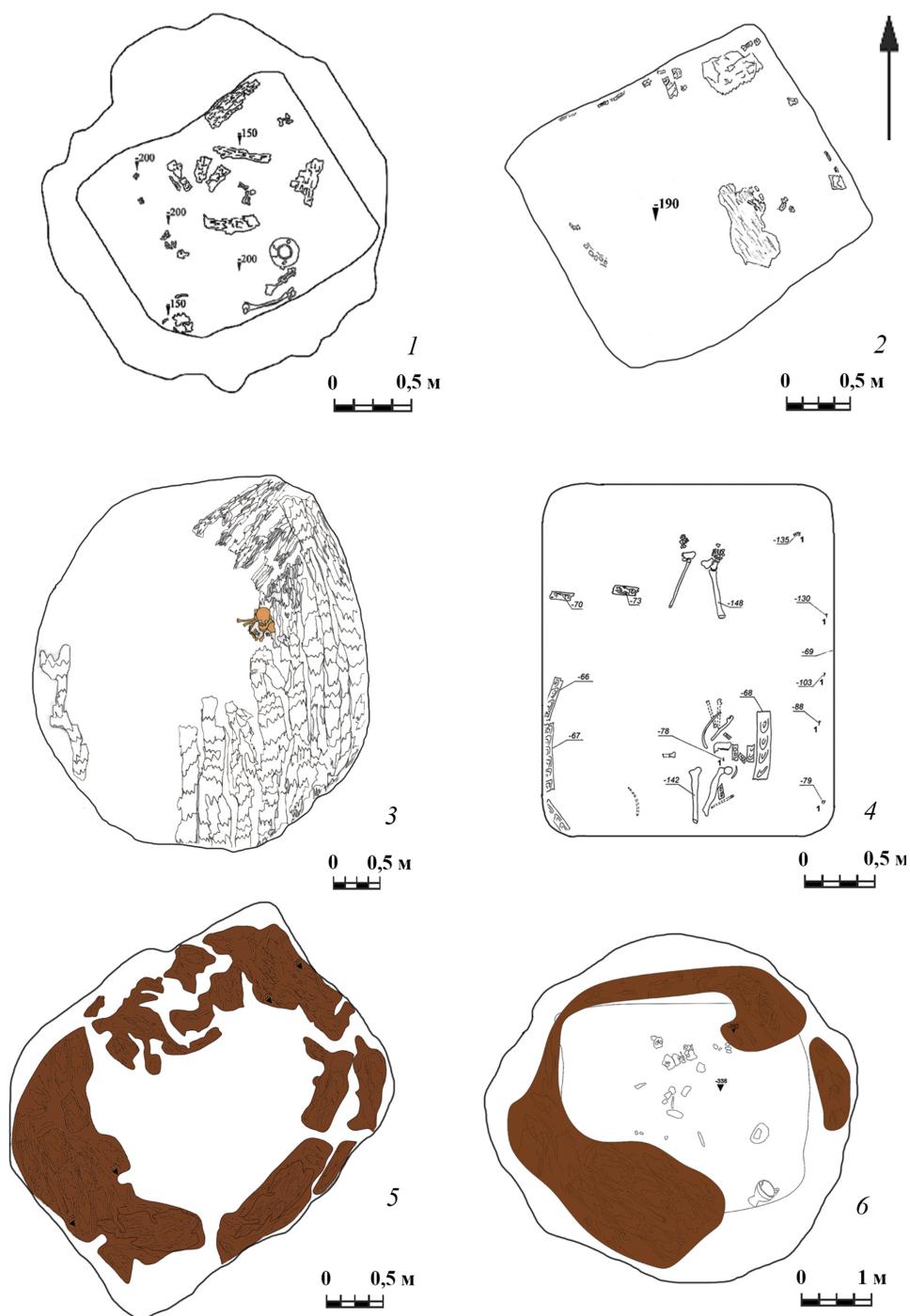

Рис. 1. Погребения с деревянными перекрытиями могильных ям:

1 – Лебедевка II, кург. 4; 2 – Лебедевка II, кург. 8, погр. 1; 3 – Урысай-2, кург. 13, погр. 1; 4 – Сибай I, кург. 1, погр. 1; 5 – Жагабулак I, кург. 1, погр. 3; 6 – Жагабулак I, кург. 3, погр. 3.

1, 2 – (по: [Гутцалов, 2009а, рис. 4, 5, 6, 3]); 3 – (по: [Лукпанова, 2022, рис. 6, 1]);

4 – (по: [Васильев, Федоров, 2021, рис. 4]); 5, 6 – (по: [Мамедов и др., 2022, рис. 40, 1, 67, 1])

Fig. 1. Burials with wooden roofing of burial pits:

1 – Lebedevka II, kurgan 4; 2 – Lebedevka II, kurgan 8, burial 1; 3 – Urysay-2, kurgan 13, burial 1; 4 – Sibay I, kurgan 1, burial 1; 5 – Zhagabulak I, kurgan 1, burial 3; 6 – Zhagabulak I, kurgan 3, burial 3.

1, 2 – (after: [Gutsalov, 2009, fig. 4, 5, 6, 3]); 3 – (after: [Lukpanova, 2022, fig. 6, 1]);

4 – (after: [Vasilev, Fedorov, 2021, fig. 4]); 5, 6 – (after: [Mamedov et al., 2022, fig. 40, 1, 67, 1])

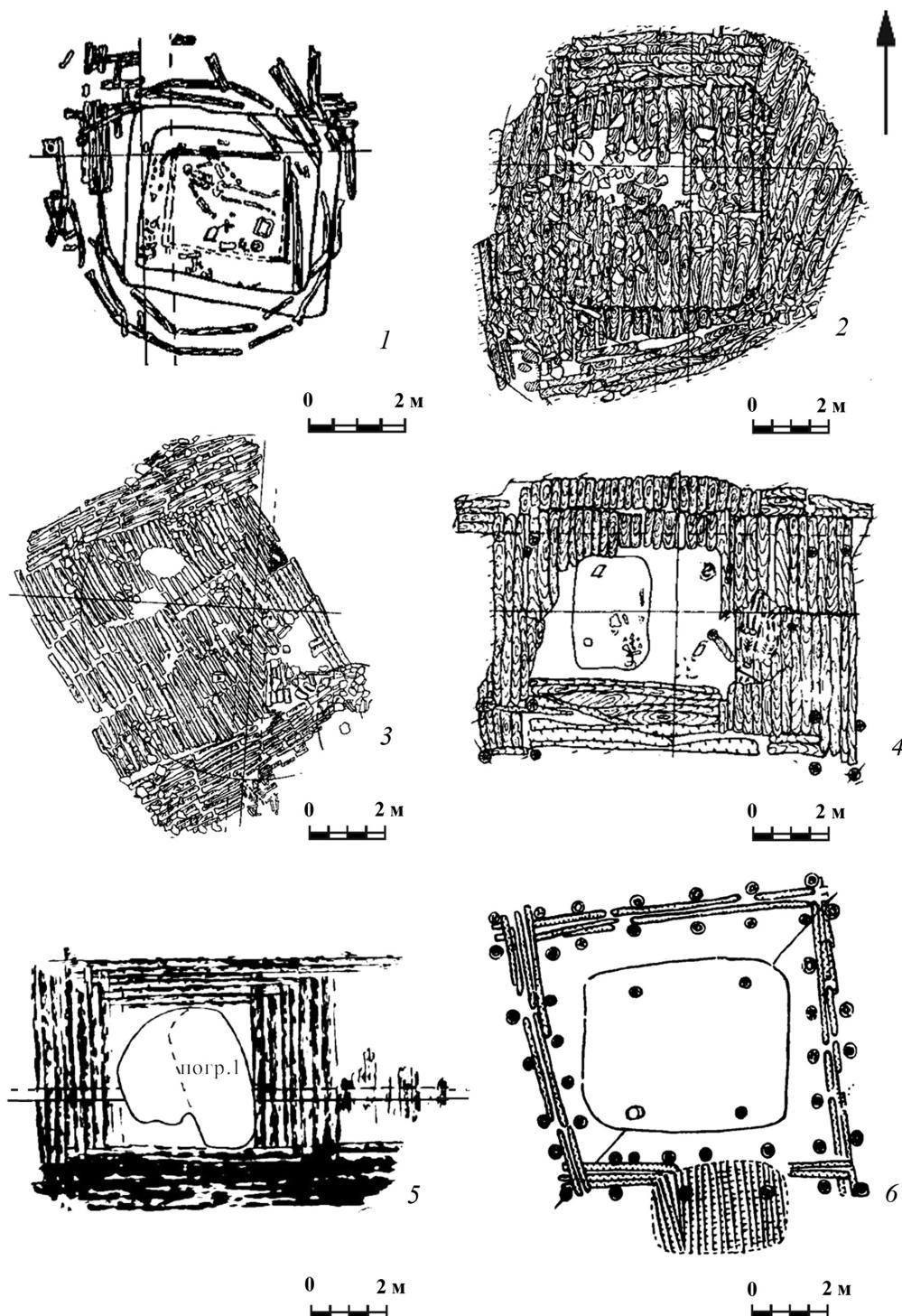

Рис. 2. Прямоугольные каркасно-столбовые конструкции над могильными ямами:
 1 – Тара-Бутак, кург. 2; 2 – Пятимары I, кург. 4; 3 – Пятимары I, кург. 6; 4 – Пятимары I, кург. 8, погр. 1;
 5 – Булатово-1, погр. 1; 6 – Ивановка III, кург. 2, погр. 1.
 1–4 – (по: [Смирнов, 1964, рис. 18, 1, 31, 29, 1, 25]); 5 – (по: [Исмагил, Сунгатов, 2013, рис. 41]);
 6 – (по: [Пшеничнюк, 1983, табл. XXVIII, 2])

Fig. 2. Rectangular frame-and-pillar structures over the grave pits:

1 – Tara-Butak, kurgan 2; 2 – Pyatimary I, kurgan 4; 3 – Pyatimary I, kurgan 6; 4 – Pyatimary I, kurgan 8, burial 1;
 5 – Bulatovo-1, burial 1; 6 – Ivanovka III, kurgan 2, burial 1.
 1–4 – (after: [Smirnov, 1964, fig. 18, 1, 31, 29, 1, 25]); 5 – (after: [Ismagil, Sungatov, 2013, fig. 41]);
 6 – (after: [Pshenichnyuk, 1983, table XXVIII, 2])

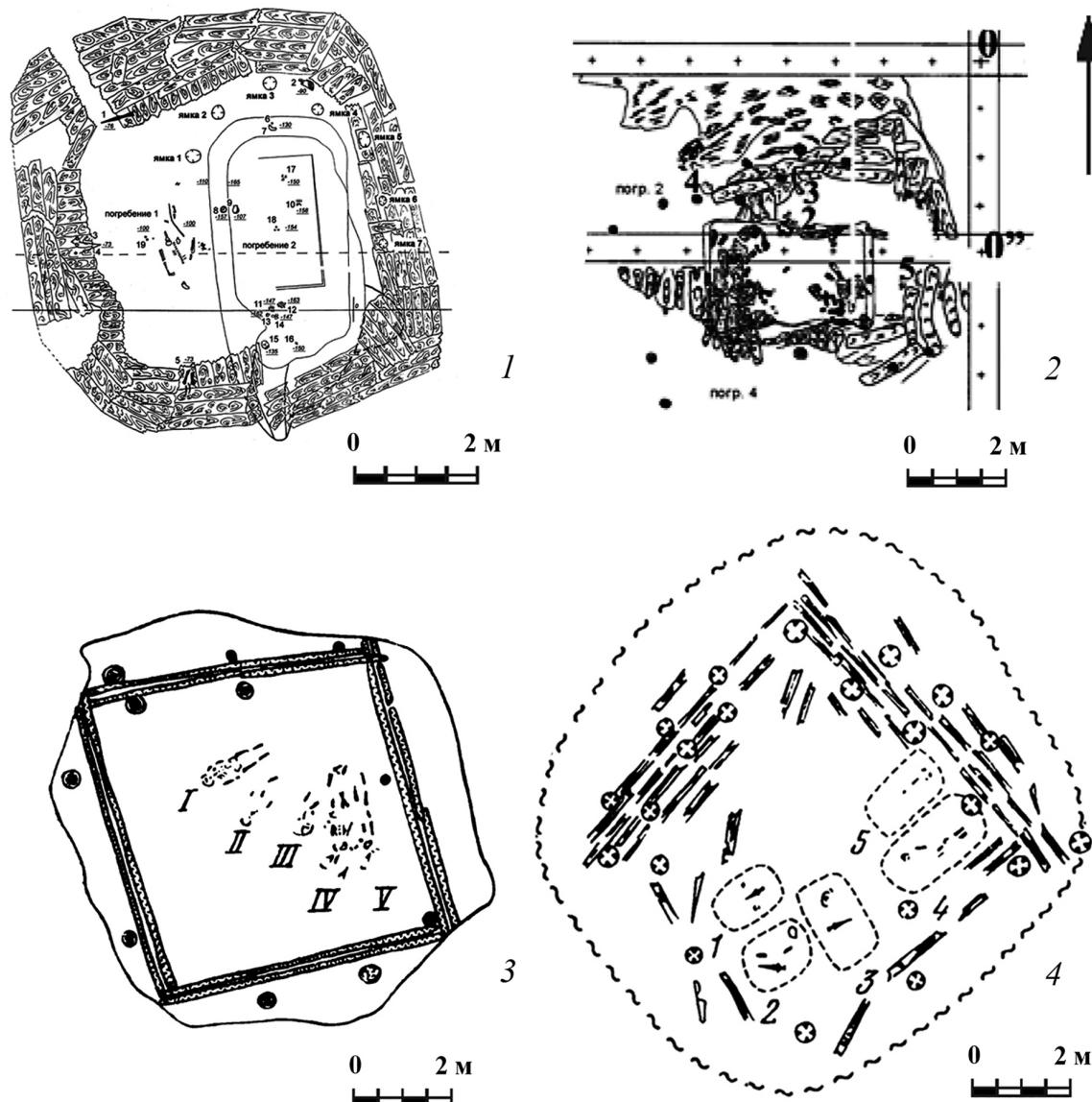

Рис. 3. Прямоугольные каркасно-столбовые конструкции над захоронениями на уровне дневной поверхности:

1 – Сибай I, кург. 8; 2 – Илекшар I, кург. 5; 3 – Ивановка III, кург. 1; 4 – Сибай II, кург. 17.

1 – (по: [Васильев, Федоров, 2021, рис. 20, 21]); 2 – (по: [Гуталов, 2007, рис. 16, I]);

3 – (по: [Пшеничнюк, 1983, табл. XXVIII, I]); 4 – (по: [Пшеничнюк, 1983, рис. 14])

Fig. 3. Rectangular frame-and-pillar structures above burials on the ground surface:

1 – Sibay I, kurgan 8; 2 – Ilekshar I, kurgan 5; 3 – Ivanovka III, kurgan 1; 4 – Sibay II, kurgan 17.

1 – (after: [Vasiliev, Fedorov, 2021, figs. 20, 21]); 2 – (after: [Gutsalov, 2007, fig. 16, I]);

3 – (after: [Pshenichnyuk, 1983, table XXVIII, I]); 4 – (after: [Pshenichnyuk, 1983, fig. 14])

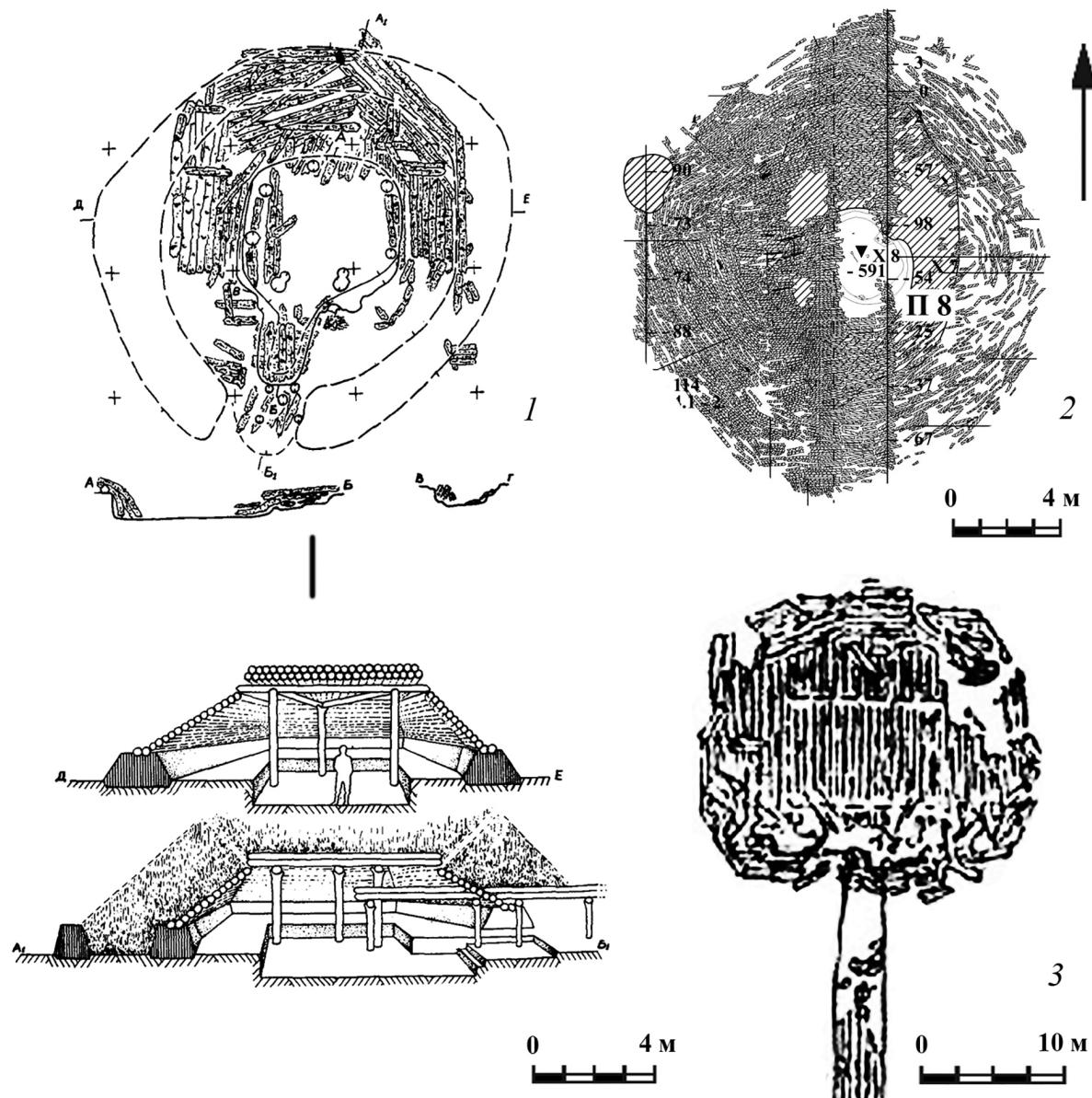

Рис. 4. Многоугольные деревянные конструкции:

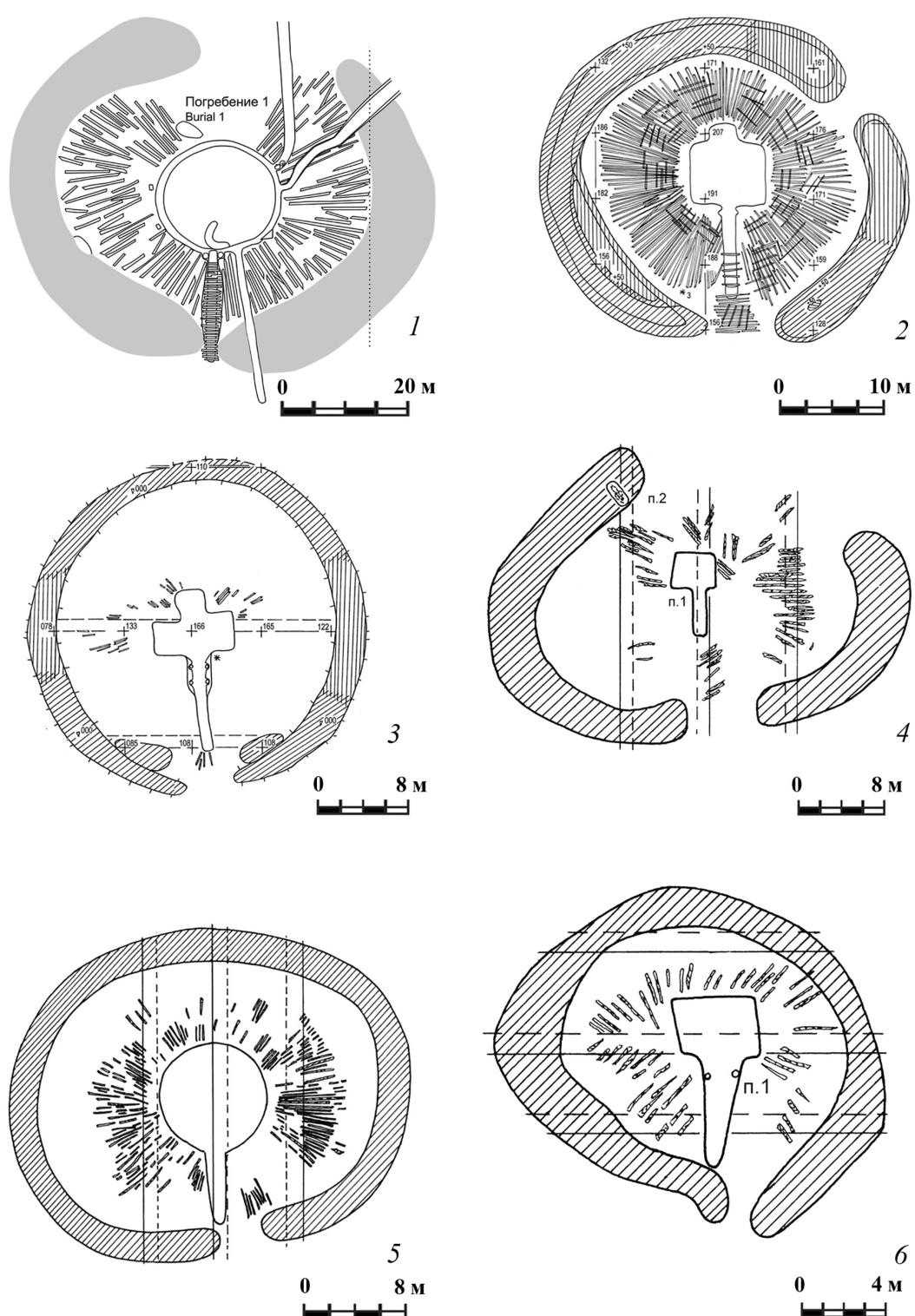
1 – кург. Темир; 2 – кург. Яковлевка 2; 3 – Бесоба, кург. 9.

1 – (по: [Зданович, Хабдулина, 1987, рис. 3]); 2 – (по: [Сиротин, 2009, рис. 77]); 3 – (по: [Мышкин, 2011, рис. 3,2])

Fig. 4. Polygonal wooden structures:

1 – Temir kurgan; 2 – Yakovlevka kurgan 2; 3 – Besoba, kurgan 9.

1 – (after: [Zdanovich, Khabdulina, 1987, fig. 3]); 2 – (after: [Sirotin, 2009, fig. 77]); 3 – (after: [Myshkin, 2011, fig. 3,2])

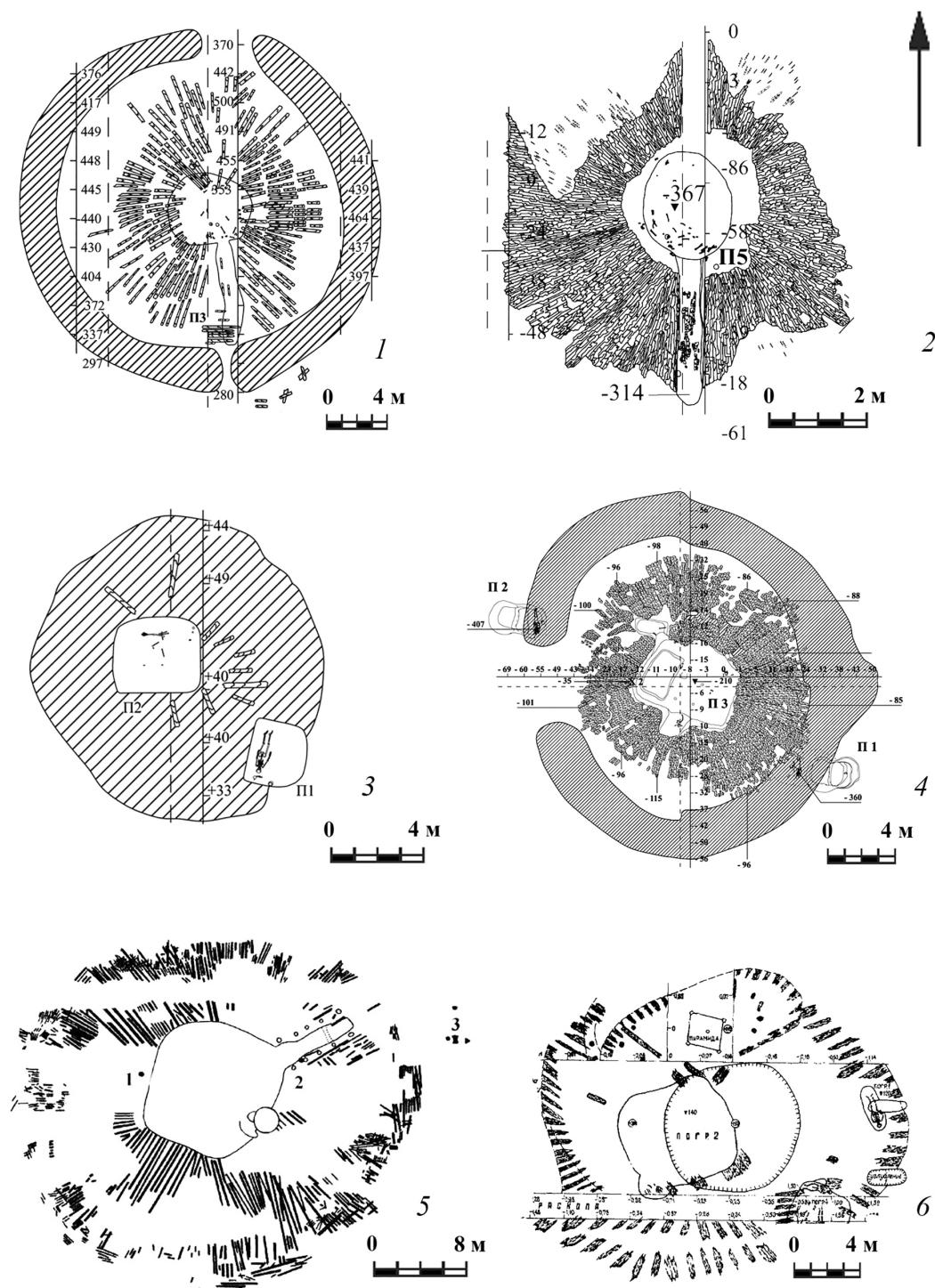

Рис. 6. Шатровые конструкции над погребениями в могильных ямах из южноуральских некрополей:

1 – Переволочан 1, кург. 10; 2 – Переволочан 1, кург. 12; 3 – Переволочан 1, кург. 5;
 4 – Авласовские курганы, кург. 3; 5 – Большой Климовский курган; 6 – Новый Кумак, кург. 26.
 1, 3 – (по: [Пшеничнюк, 1995, рис. 10, 1, 3, 1]); 2 – (по: [Сиротин, 2020, рис. 2, 2]); 4 – (по: [Сиротин, 2013, рис. 1, 2]);
 5 – (по: [Тайров, 2000, рис. 42, 1]); 6 – (по: [Смирнов, 1977, рис. 15])

Fig. 6. Tent-shaped structures over burials in burial pits from the South Ural necropolises:

1 – Perevolochan 1, kurgan 10; 2 – Perevolochan 1, kurgan 12; 3 – Perevolochan 1, kurgan 5; 4 – Avlasov kurgans, kurgan 3;
 5 – Bolshoy Klimovsky kurgan; 6 – Novy Kumak, kurgan 26.
 1, 3 – (after: [Pshenichnyuk, 1995, fig. 10, 1, 3, 1]); 2 – (after: [Sirotin, 2020, fig. 2, 2]); 4 – (after: [Sirotin, 2013, fig. 1, 2]);
 5 – (after: [Tairov, 2000, fig. 42, 1]); 6 – (after: [Smirnov, 1977, fig. 15])

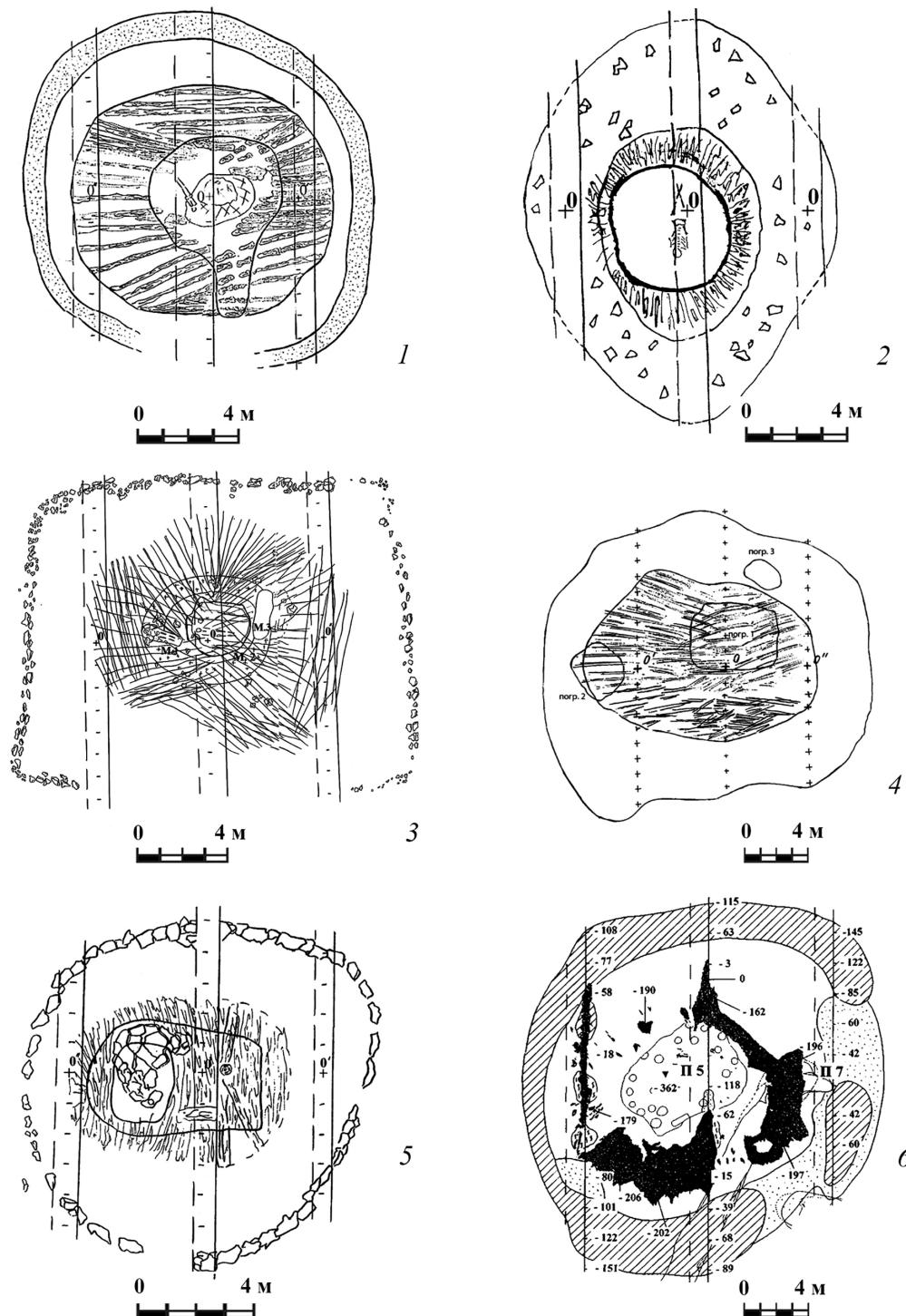

Рис. 7. Шатровые конструкции над погребениями в могильных ямах из южноуральских некрополей:

1 – Уркач I, кург. 3; 2 – Уркач I, кург. 18; 3 – Уркач I, кург. 15; 4 – Булдурта I, кург. 2;

5 – Уркач I, кург. 22; 6 – Переволочан 1, кург. 11.

1–3, 5 – (по: [Мамедов и др., 2022, рис. 4, 1, 12, 1, 8, 1, 13, 1]); 4 – (по: [Бисембаев, Мамедов, 2018, рис. 2]);

6 – (по: [Сиротин, 2010а, рис. 2, 1–3])

Fig. 7. Tent-shaped structures over burials in burial pits from the South Ural necropolises:

1 – Urkach I, kurgan 3; 2 – Urkach I, kurgan 18; 3 – Urkach I, kurgan 15; 4 – Buldurta I, kurgan 2;

5 – Urkach I, kurgan 22; 6 – Perevolochan 1, kurgan 11.

1–3, 5 – (after: [Mamedov et al., 2022, fig. 4, 1, 12, 1, 8, 1, 13, 1]); 4 – (after: [Bisembayev, Mamedov, 2018, fig. 2]);

6 – (after: [Sirotin, 2010a, fig. 2, 1–3])

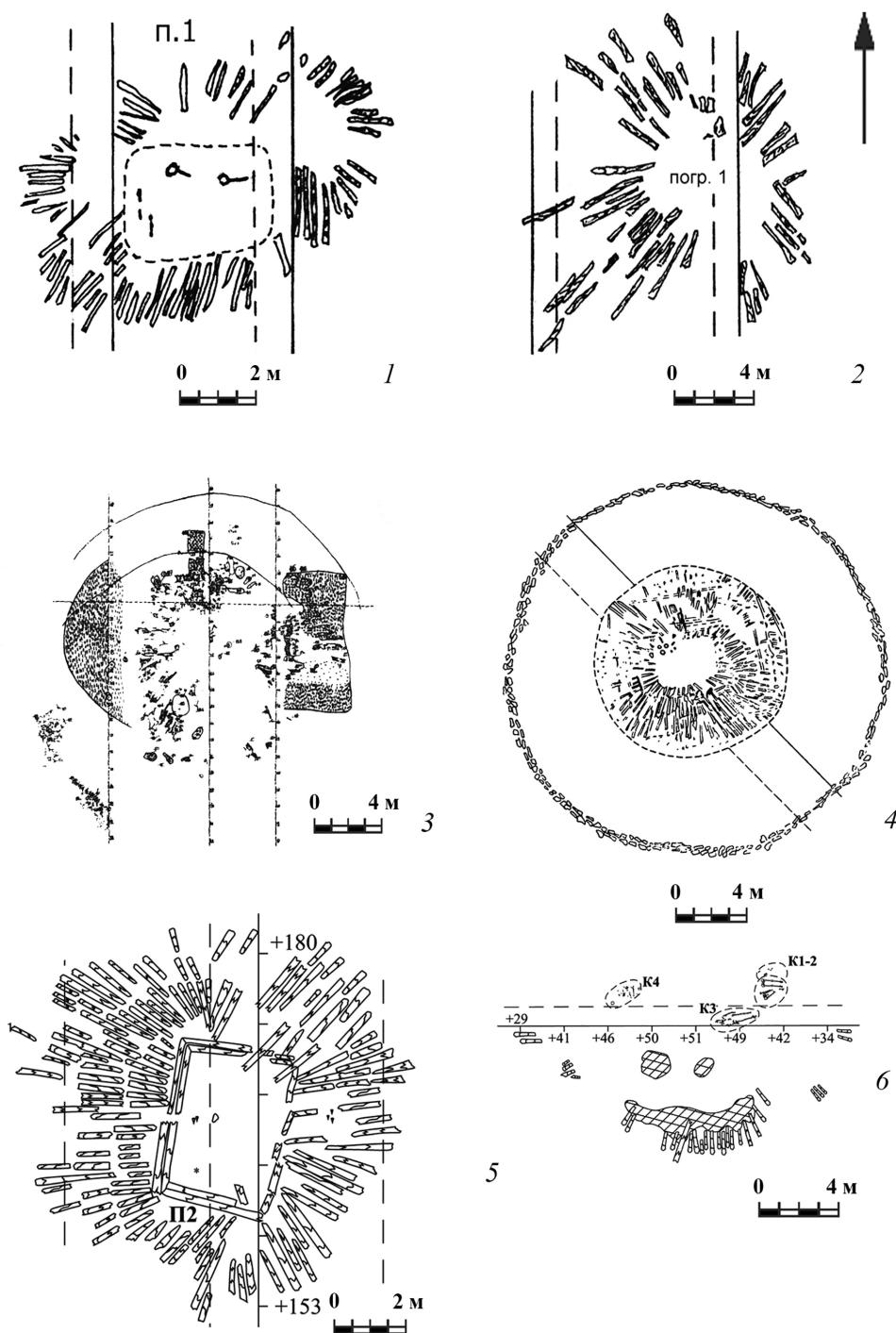
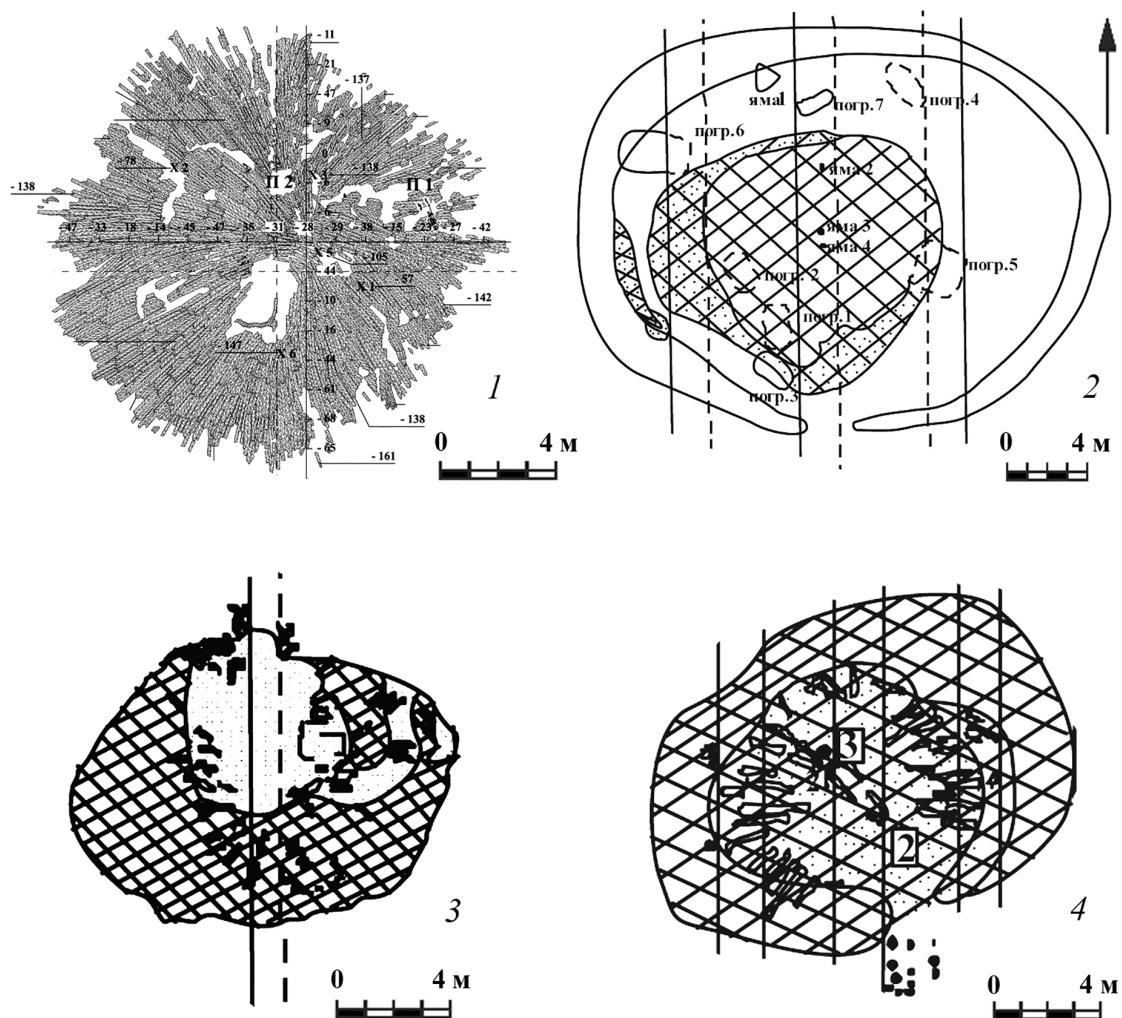

Рис. 8. Шатровые конструкции над захоронениями на уровне дневной поверхности из южноуральских некрополей:

1 – Филипповка 1, кург. 9; 2 – Филипповка 1, кург. 24; 3 – Покровка 2, кург. 1;
 4 – Альмукаметово, кург. 8; 5 – Переволочан 1, кург. 6; 6 – Переволочан 1, кург. 7.
 1, 2 – (по: [Пшеничнюк, 2012, рис. 101, 147]); 3 – (по: [Веддер и др., 1993, рис. 20]);
 4 – (по: [Пшеничнюк, 1983, рис. 12]); 5, 6 – (по: [Пшеничнюк, 1995, рис. 4, 1, 6, 1])

Fig. 8. Tent-shaped structures over burials on the ground surface from the South Ural necropolises:

1 – Filippovka 1, kurgan 9; 2 – Filippovka 1, kurgan 24; 3 – Pokrovka 2, kurgan 1;
 4 – Almukhametovo, kurgan 8; 5 – Perevolochan 1, kurgan 6; 6 – Perevolochan 1, kurgan 7.
 1, 2 – (after: [Pshenichnyuk, 2012, fig. 101, 147]); 3 – (after: [Vedder et al., 1993, fig. 20]);
 4 – (after: [Pshenichnyuk, 1983, fig. 12]); 5, 6 – (after: [Pshenichnyuk, 1995, fig. 4, 1, 6, 1])

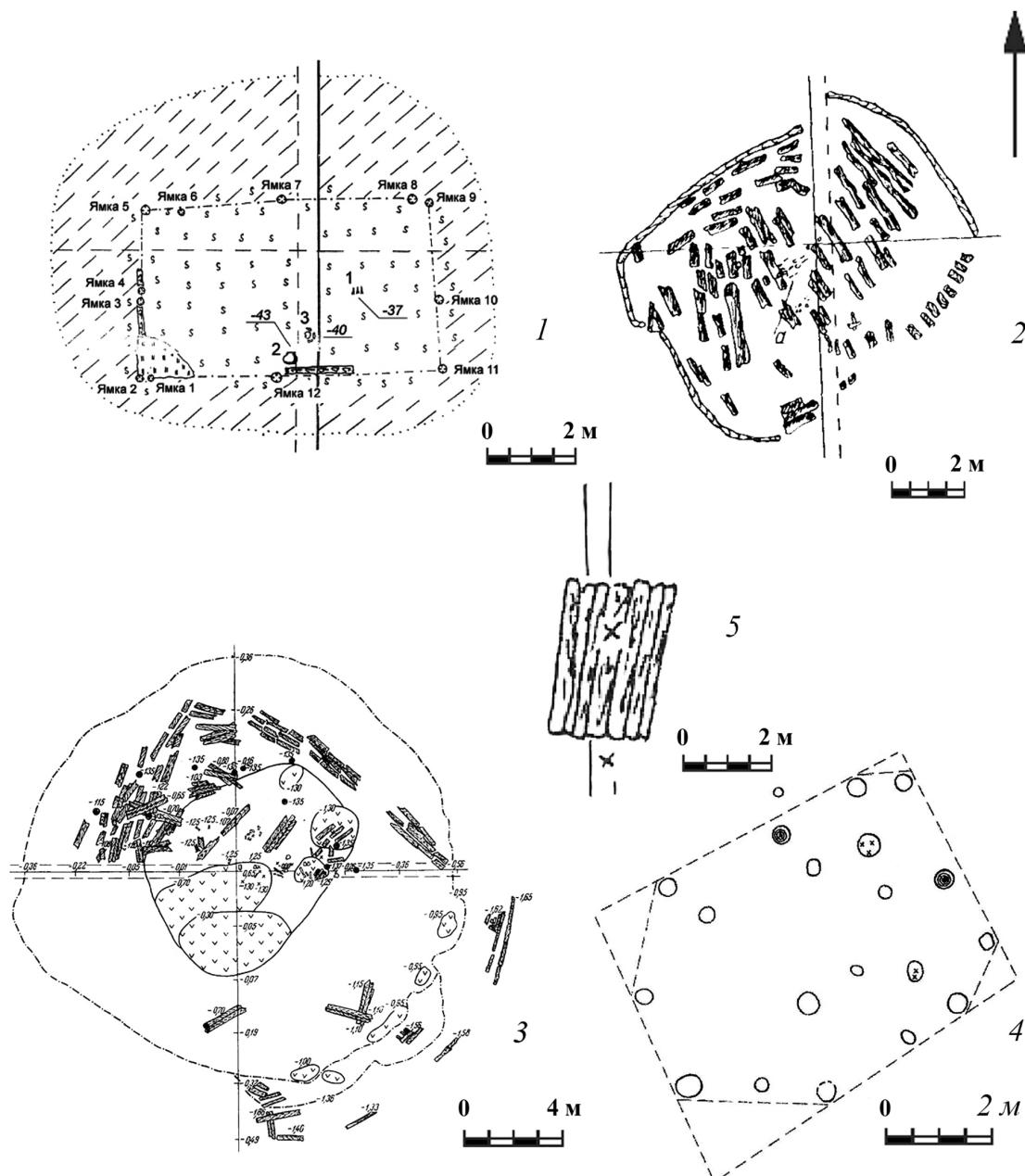

Рис. 10. Прямоугольные каркасно-столбовые конструкции и настилы:

1 – Сибай I, кург. 2; 2 – Тара-Бутак, кург. 3; 3 – Аландский III, кург. 6;

4 – Маровый шлях, кург. 3; 5 – Лебедевка VI, кург. 26.

1 – Маровый шлях, кург. 3, 2 – Лебедевка VI, кург. 26.

3 – (по: [Мошкова, 1972, рис. 6, II]); 4 – (по: [Гайров, 2006, рис. 5, II]); 5 – (по: [Железников и др., 2006, рис. 56, II]).

Fig. 10. Rectangular frame-post structures and flooring.

Fig. 16. Rectangular frame post structures and flooring.

4 – Merov' Shlyakh, kurgan 3; 5 – Lebedovka VI, kurgan 26.

⁴ – Marovy Shlyakh, kurgan 3; ⁵ – Lebedevka VI, kurgan 26.

4 – (after: [Teiray, 2006, fig. 5.1]); 5 – (after: [Zhalezibekov et al., 2006, fig. 56.2]).

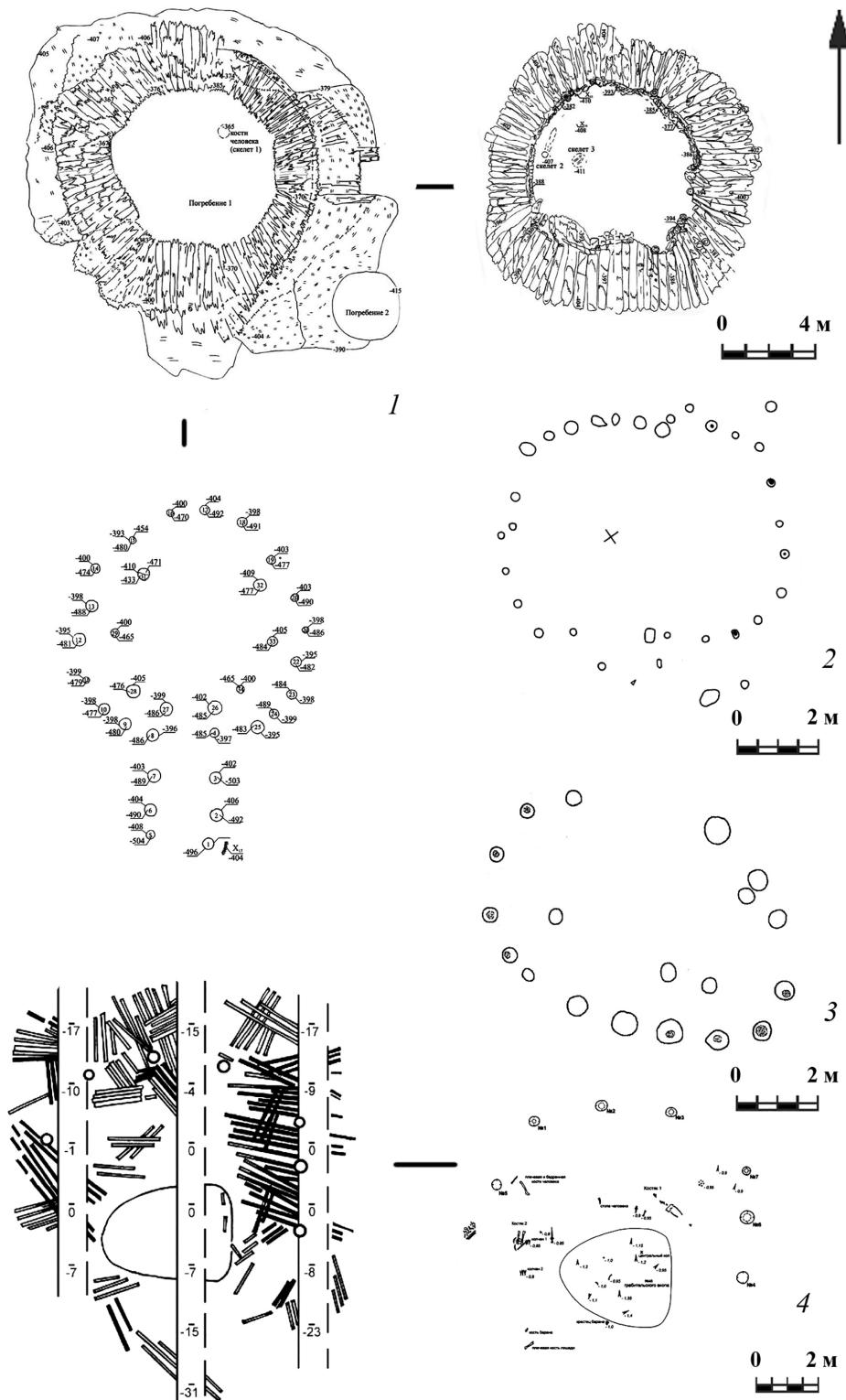

Рис. 11. Круглые каркасно-столбовые конструкции:

1 – Акоба II, кург. 1; 2 – Маровый шлях, кург. 2; 3 – Солончанка II; 4 – Сосновка, кург. 4.

1 – (по: [Моргунова, Краева, 2012, рис. 6, 7, 1, 2]); 2 – (по: [Тайров, 2006, рис. 3, 1]);

3 – (по: [Тайров, 2006, рис. 8, 1]); 4 – (по: [Васильев, Федоров, 2021, рис. 61, 62])

Fig. 11. Round frame-post structures:

1 – Akoba II, kurgan 1; 2 – Marovy Shlyakh, kurgan 2; 3 – Solonchanka II; 4 – Sosnovka, kurgan 4.

1 – (after: [Morgunova, Kraeva, 2012, fig. 6, 7, 1, 2]); 2 – (after: [Tairov, 2006, fig. 3, 1]);

3 – (after: [Tairov, 2006, fig. 8, 1]); 4 – (after: [Vasiliyev, Fedorov, 2021, fig. 61, 62])

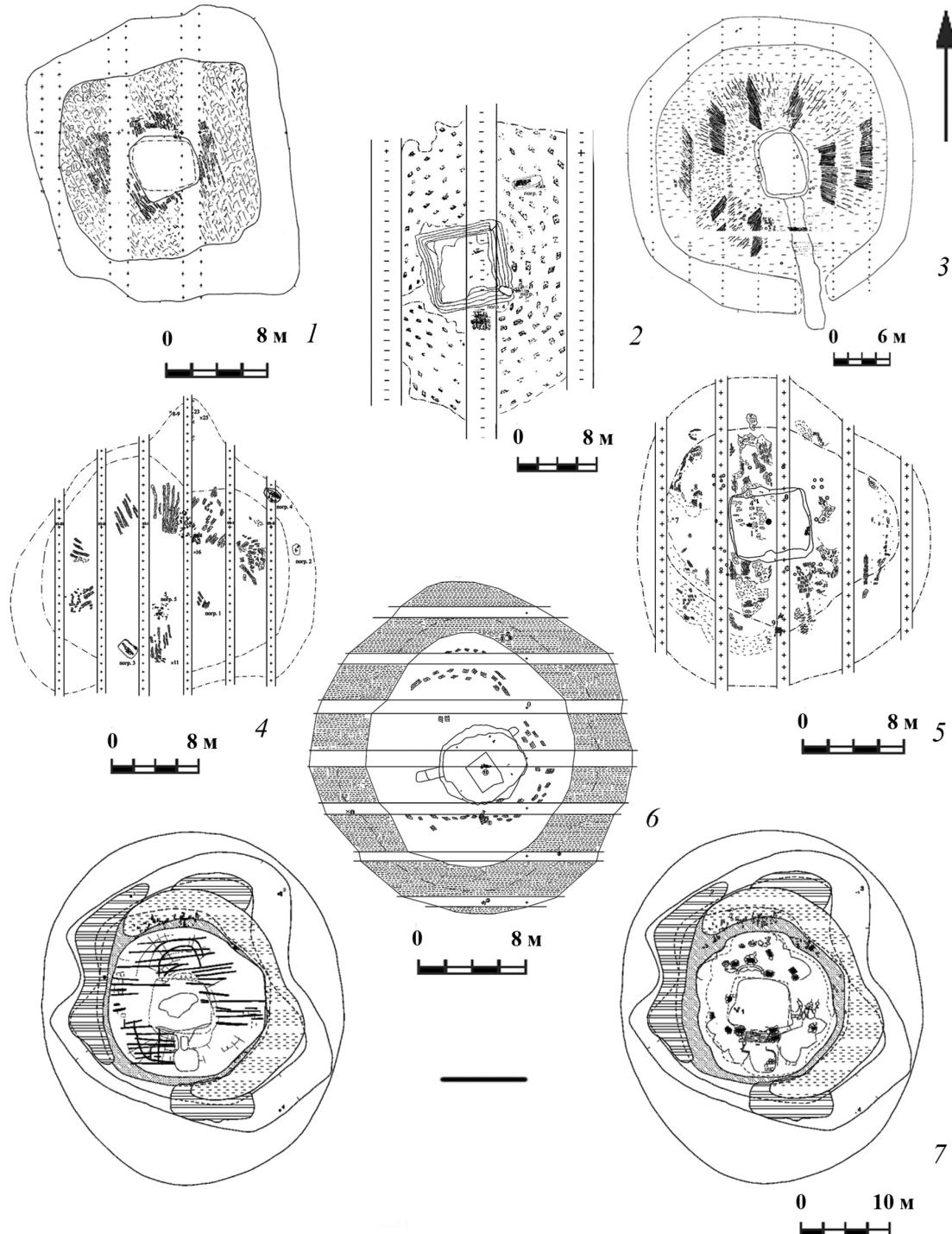

Рис. 12. Деревянные перекрытия в глиняных мавзолеях:

1 – Лебедевка II, кург. 6; 2 – Илекшар I, кург. 1; 3 – Кырык-Оба II, кург. 16; 4 – Кырык-Оба II, кург. 18;

5 – Кырык-Оба II, кург. 19; 6 – Кырык-Оба II, кург. 12; 7 – Березки I, кург. 5.

1, 3 – (по: [Гуталов, 2007, рис. 6, 10]); 2 – (по: [Гуталов, 2009а, рис. 2]); 4, 5 – (по: [Гуталов, 2010, рис. 5, 1, 8]);
6 – (по: [Гуталов, 2011б, рис. 2, 1]); 7 – (по: [Скарбовенко, 2005, рис. 2, 3])

Fig. 12. Wooden structures in clay mausoleums:

1 – Lebedevka II, kurgan 6; 2 – Illekshar I, kurgan 1; 3 – Kyryk-Oba II, kurgan 16; 4 – Kyryk-Oba II, kurgan 18;

5 – Kyryk-Oba II, kurgan 19; 6 – Kyryk-Oba II, kurgan 12; 7 – Berezki I, kurgan 5.

1, 3 – (after: [Gutsalov, 2007, fig. 6, 10]); 2 – (after: [Gutsalov, 2009a, fig. 2]); 4, 5 – (after: [Gutsalov, 2010, fig. 5, 1, 8]);
6 – (after: [Gutsalov, 2011b, fig. 2, 1]); 7 – (after: [Skarbovenco, 2005, fig. 2, 3])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агеев Б. Б., Сунгатов Ф. А., Вильданов А. А., 1998. Могильник Биш-Уба I // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 97–115.

Березуцкий В. Д., 2011. Шатровые сооружения в курганах скифского времени Среднего Дона: возможности семиотического подхода // Восточноевропейские древности скифской эпохи. Воронеж : Науч. кн. С. 147–155.

Биссембаев А. А., Мамедов А. М., 2018. Погребальные комплексы ранних кочевников могильника Булдурта I // Археология ранних кочевников Евразии. Самара : Кн. изд-во. С. 69–84.

Васильев В. Н., Федоров В. К., 1994. Раскопки курганов у пос. Сара // Археологические открытия 1993. М. : Наука. С. 125–127.

Васильев В. Н., Федоров В. К., 2021. Курганы Южного Зауралья. Книга II. Уфа : Диалог. 132 с.

Веддер Дж., Егоров В., Девис-Кимболл Дж., Моргунова Л., Трунаева Т., Яблонский Л., 1993. Раскопки могильников Покровка 2 и Покровка 8 в 1992 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 1. М. : ИА РАН. С. 18–54.

Гуцалов С. Ю., 2004. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск : Восточно-Казахстанский центр истории и археологии. 136 с.

Гуцалов С. Ю., 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (30). С. 75–92.

Гуцалов С. Ю., 2009а. Погребения скифской эпохи могильников Лебедевка II–III // Нижневолжский археологический вестник. № 10. С. 306–324.

Гуцалов С. Ю., 2009б. Погребение знатного кочевника скифского времени в урочище Илекшар // Российская археология. № 3. С. 72–78.

Гуцалов С. Ю., 2010. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // Российская археология. № 2. С. 51–66.

Гуцалов С. Ю., 2011а. Погребальный обряд кочевников Южного Приуралья в конце VI – V вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (11–15 мая 2011 г., г. Ростов-на-Дону, Кагальник). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 49–56.

Гуцалов С. Ю., 2011б. Этнокультурная специфика могильника Кырык-Оба II // Российская археология. № 1. С. 81–96.

Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В., 2006. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М. : Вост. лит. 159 с.

Зданович Г. Б., Хабдулина М. К., 1987. Курган Темир // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск : ЧелГУ. С. 45–65.

Исмагил Р., Сунгатов Ф. А., 2013. Памятники яицкой культуры последней четверти V – IV вв. до н.э. на Южном Урале. Уфа : Белая река. 223 с.

Кадырбаев М. К., 1984. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 84–93.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1976. Захоронение воинов сарматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата : Наука КазССР. С. 137–156.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1978. Погребение жрицы, обнаруженное в Актюбинской области // Краткие сообщения Института археологии. № 154. С. 65–70.

Ковпаниенко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного и Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев : Наукова думка. 336 с.

Купцова Л. В., Клещенко Е. А., Купцов Е. А., Свиркина Н. Г., Добровольская М. В., Крюкова Е. А., Куприянов Д. А., 2023. Коллективное захоронение ранних кочевников Южного Урала со следами сожжения : культурно-хронологическая интерпретация и новые подходы к изучению погребального обряда // Краткие сообщения Института археологии. № 272. С. 208–236.

Кушаев Г. А., 1993. Этюды древней истории Южного Приуралья. Уральск : Диалог. 170 с.

Лукпанова Я. А., 2022. Исследования курганных комплексов Урысай-2 // Археология Казахстана. № 2 (16). С. 74–93.

Мамедов А. М. Тажибаева С. М., 2013. Погребения со «столами-ложами» ранних кочевников Южного Приуралья // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Т. II. Астана : Изд. группа филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. С. 43–54.

Мамедов А. М., Гуцалов С. Ю., Бисембаев А. А., 2022. Погребальные комплексы древних и средневековых кочевников бассейна реки Жем (по материалам могильников Уркач-И, Жагабулак I, II). Алматы : Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана. 192 с.

Маслов В. Е., 2024. К вопросу о происхождении раннескифских шатровых погребальных конструкций на Северном Кавказе // Краткие сообщения Института археологии. № 275. С. 222–241.

Моргунова Н. Л., Краева Л. А., 2012. Курганская группа Акоба II // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. С. 156–199.

Мошкова М. Г., 1972. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. МИА. № 153. М. : Наука. С. 49–78.

Мышкин В. Н., 2011. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (11–15 мая 2011 г., г. Ростов-на-Дону, Кагальник). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 168–178.

Мышкин В. Н., 2013. Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 15, № 1. С. 219–225.

Мышкин В. Н., 2014. Восточное Приаралье и Самаро-Уральский регион: к проблеме происхождения традиций захоронения на дневной поверхности и в глиняных мавзолеях у южноуральских кочевых племен скифского времени // Уфимский археологический вестник. Вып. 14. С. 146–156.

Мышкин В. Н., 2017. Курганы скифского времени с погребениями на древней поверхности в степях Южного Урала : обрядовые характеристики // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 45, № 3. С. 96–105.

Ольховский В. С., 1989. Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным // Советская археология. № 4. С. 83–97.

Ольховский В. С., 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М. : Наука. 256 с.

Очир-Горяева М. А., 2011. О планиграфии курганов Южного Приуралья позднескифской эпохи // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии : материалы VII Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» (11–15 мая 2011 г., г. Ростов-на-Дону, Кагальник). Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН. С. 179–192.

Половников Л. В., 2021. Критерии выделения жилищ каркасно-столбового типа в отечественной археологии // Самарский научный вестник. Т. 10, № 1. С. 226–229.

Пшеничнюк А. Х., 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М. : Наука. 199 с.

Пшеничнюк А. Х., 1995. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа : Гилем. С. 62–96.

Пшеничнюк А. Х., 2012. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 280 с.

Сдыков М. Н., Лукпанова Я. А., 2013. Ранние кочевники Западного Казахстана. Уральск : Полиграфсервис. 292 с.

Скарбовенко В. А., 2005. Погребальный комплекс эпохи раннего железа в кургане 5 могильника Березки I // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М. : ИА РАН. С. 382–393.

Скифы Западного Казахстана. 2007. Алматы : Исламнур. 208 с.

Сиротин С. В., 2009. Отчет об археологических исследованиях в Хайбуллинском районе Республики Башкортостан в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 38018-38019. 341 с.

Сиротин С. В., 2010а. Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. : Таус. С. 323–338.

Сиротин С. В., 2010б. Отчет об археологических исследованиях в Хайбулинском районе Республики Башкортостан в 2010 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 39145. 151 с.

Сиротин С. В., 2011. Исследования на курганном могильнике Переволочан II в юго-восточной Башкирии // Археологические открытия 2008 года. М.: ИА РАН. С. 383–384.

Сиротин С. В., 2013. Катаюмбные погребальные комплексы IV в. до н.э. могильника «Авласовские курганы» из Южного Зауралья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 11. С. 163–169.

Сиротин С. В., 2020. Дромосное погребение IV в. до н.э. из кургана 12 некрополя Переволочан I на Южном Урале // Краткие сообщения Института археологии. № 258. С. 181–200.

Сиротин С. В., 2021. Дромосные погребения ранних кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 160–168.

Сиротин С. В., 2022. Курган 5 некрополя «Ивановские I курганы» на Южном Урале: хронология комплексов // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 1. С. 21–51. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.2>

Сиротин С. В., Богачук Д. С., Окороков К. С., 2018. Курганская группа «Богатырские могилки» № 4 (Оренбургская область, Оренбургский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. М. : ИА РАН. Т. 25. С. 334–339.

Сиротин С. В., Богачук Д. С., Гильмитдинова А. Х., Окороков К. С., 2019. Особенности погребальных конструкций и планиграфическая организация некрополя Филипповка 1 // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). V : материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : Салта ЛТД. С. 234–243.

Сиротин С. В., Богачук Д. С., Окороков К. С., 2020. Филипповские параллели в погребальном обряде больших курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья : материалы Круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения». М. : МАКС Пресс. С. 203–217.

Сиротин С. В., Окороков К. С., Богачук Д. С., 2024. Воинский комплекс из некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» : новые находки защитного вооружения ранних кочевников на Южном Урале // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 4. С. 156–188. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.7>

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М. : Наука. 376 с.

Смирнов К. Ф., 1975. Сарматы на Илеке. М. : Наука. 175 с.

Смирнов К. Ф., 1977. Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа : БФАН СССР. С. 3–51.

Тайров А. Д., 2000. Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ. Т. 2. С. 3–305.

Тайров А. Д., 2004. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии : доклады к 5-й Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар : Раев и К. С. 3–21.

Тайров А. Д., 2006. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый Шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Уфа : Гилем. С. 76–91.

Тайров А. Д., Боталов А. Г., 1988. Курган у с. Варна // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Изд. Башкир. ун-та. С. 100–125.

Федоров В. К., Васильев В. Н., 1998. Яковлевские курганы раннего железного века в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 62–96.

Яблонский Л. Т., 2013. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) : кат. колл. Кн. 1. М. : ИА РАН. 232 с.

Яблонский Л. Т., Богачук Д. С., Володин С. А., Маслов В. Е., Сиротин С. В., 2023. Золото сарматских вождей. Некрополи Филипповка 1 и Филипповка 2. По материалам раскопок Приуральской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Л. Т. Яблонского 2009–2014 гг. : кат. колл. Кн. II. М. : ИА РАН. 356 с.

REFERENCES

Ageev B.B., Sungatov F.A., Vil'danov A.A., 1998. Mogil'nik Bish-Uba I [Bish-Uba I Burial Ground]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 1, pp. 97-115.

Berezutskiy V.D., 2011. Shatroye sooruzheniya v kurganah skifskogo vremeni Srednego Dona: vozmozhnosti semioticheskogo podhoda [Tent-Roofed Structures in the Burial Mounds of the Scythian Period of the Middle Don: Possibilities of the Semiotic Approach]. *Vostochnoevropeyskie drevnosti skifskoy epohi* [East European Antiquities of the Scythian Era]. Voronezh, Nauch. kn. Publ., pp. 147-155.

Bisembayev A.A., Mamedov A.M., 2018. Pogrebal'nye kompleksy rannih kochevnikov mogil'nika Buldurta I [Burial Complexes of Early Nomads of the Burial Mound Buldurta I]. *Arheologiya rannih kochevnikov Evrazii* [Archaeology of Early Nomads of Eurasia]. Samara, Kn. izd-vo, pp. 69-84.

Vasil'ev V.N., Fedorov V.K., 1994. Raskopki kurganov u pos. Sara [Excavation of Mounds near the Village Sarah]. *Arheologicheskie otkrytiya 1993* [Archaeological Discoveries 1993]. Moscow, Nauka Publ., pp. 125-127.

Vasilyev V.N., Fedorov V.K., 2021. *Kurgany Yuzhnogo Zaural'ya* [Kurgans of the Southern Trans-Urals]. Book II. Ufa, Dialog Publ. 132 p.

Vedder J., Egorov V., Davis-Kimball J., Mogrunova L., Trunaeva T., Yablonsky L., 1993. Raskopki mogil'nikov Pokrovka 2 i Pokrovka 8 v 1992 godu [Excavations of the Pokrovka 2 and Pokrovka 8 Burial Grounds in 1992]. *Kurgany levoberezhnogo Ileka* [Kurgans of the Left Bank Ilek], iss. 1. Moscow, IA RAS, pp. 18-54.

Gutsalov S. Yu., 2004. *Drevnie kochevniки Yuzhnogo Priuralya VII–I vv. do n.e.* [Ancient Nomads of the Southern Urals from 7th – 1st Centuries BC]. Uralsk, West-Kazakhstan Center of History and Archaeology. 136 p.

Gutsalov S. Yu., 2007. Pogrebal'nye pamiatniki kochevoy elity Yuzhnogo Priural'ya serediny I tys. do n.e. [Funeral Monuments of the Nomadic Elite of the Southern Urals in the Middle of the 1st Millennium BC]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], no. 2 (30), pp. 75-92.

Gutsalov S. Yu., 2009a. Pogrebeniya skifskoy epohi mogil'nikov Lebedevka II–III [Tombs of Scythian Period of Burial Ground Lebedevka II]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], no. 10, pp. 306-324.

Gutsalov S. Yu., 2009b. Pogrebenie znatnogo kochevnika skifskogo vremeni v urochishche Ilekshar [Burial of a noble nomad at Ileshkar (South Urals), Scythian Time]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 3, pp. 72-78.

Gutsalov S. Yu., 2010. Pogrebal'nyye sooruzheniya mogil'nika Kyryk-Oba II v Zapadnom Kazakhstane [Burial structures of Kyryk-Oba II cemetery in Western Kazakhstan]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 2, pp. 51-66.

Gutsalov S. Yu., 2011a. Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya v kontse VI – V vv. do n.e. [Funeral Rite of the Nomads of the Southern Urals at the End of the 6th – 5th Centuries BC]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii» (11–15 maya 2011 g., g. Rostov-na-Donu, Kagal'nik)* [Funeral Ceremonies of the First Eurasian Nomads. Materials of the 7th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” (11–15 May 2011, Rostov-on-Don, Kagalnik)]. Rostov on Don, SSC RAS, pp. 49-56.

Gutsalov S. Yu., 2011b. Etnokul'turnaya spetsifika mogil'nika Kyryk-Oba II [The Ethnic and Cultural Specifics of Kyryk-Oba II Cemetery]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], no. 1, pp. 81-96.

Zhelezchikov B.F., Klepykov V.M., Sergatskov I.V., 2006. *Drevnosti Lebedevki (VI–II vv. do n.e.)* [Antiquities of Lebedevka (6th – 2nd Centuries BC)]. Moscow, Vost. lit. Publ. 159 p.

Zdanovich G.B., Khabdulina M.K., 1987. Kurgan Temir [Kurgan Temir]. *Ranniy zheleznyy vek i srednevekov'e Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Early Iron Age and Middle Ages of the Ural-Irtysh Interfluve]. Chelyabinsk, ChelSU, pp. 45-65.

Ismagil R., Sungatov F.A., 2013. *Pamyatniki yaitskoy kul'tury posledney chetverti V – IV vv. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Monuments of the Yaik Culture of the Last Quarter of the 5th – 4th Centuries BC in the Southern Urals]. Ufa, Belya Reka Publ. 223 p.

Kadyrbaev M. K., 1984. Kurgannye nekropoli verhov'ev r. Ilek [Kurgan Necropolises of the Upper Reaches of the River Ilek]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremya* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 84-93.

Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K., 1976. Zahoronenie voynov savromatskogo vremeni na levoberezh'e r. Ilek [Burial of Warriors of the Savromatian Period on the Left Bank of the Ilek River]. *Proshloe Kazahstana po arheologicheskim istochnikam* [The Past of Kazakhstan According to Archaeological Sources]. Alma-Ata, Nauka KazSSR, pp. 137-156.

Kadyrbaev M.K., Kurmankulov Zh.K., 1978. Pogrebenie zhritsy, obnaruzhennoe v Aktyubinskoy oblasti [Burial of a Priestess Discovered in the Aktobe Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 154, pp. 65-70.

Kovpanenko G.T., Bessonova S.S., Skoryy S.A., 1989. *Pamyatniki skifskoy epohi Dneprovskogo Lesostepnogo Pravoberezh'ya (Kievo-Cherkasskiy region)* [Monuments of the Scythian Era of the Dnieper Forest-Steppe Right Bank (Kyiv-Cherkasy Region)]. Kyiv, Naukova dumka Publ. 336 p.

Kuptsova L.V., Kleshchenko E.A., Kuptsov E.A., Svirkina N.G., Dobrovolskaya M.V., Kryukova E.A., Kupriyanov D.A., 2023. Kollektivnoe zahoronenie rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala so sledami sozhzeniya: kul'turno-hronologicheskaya interpretatsiya i novye podhody k izucheniyu pogrebal'nogo obryada [The Multiple Grave of the Early Nomads from the Southern Urals with Cremation Traces: Cultural and Chronological Interpretation and New Approaches to the Study of the Burial Rite]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 272, pp. 208-236.

Kushaev G.A., 1993. *Etyudy drevney istorii Yuzhnogo Priural'ya* [Essays in the Ancient History of the Southern Urals]. Uralsk, Dialog Publ. 170 p.

Lukpanova Ya.A., 2022. Issledovaniya kurgannogo kompleksa Urysay-2 [Research of the Urysay-2 Burial Mound Complex]. *Arheologiya Kazahstana* [Archaeology of Kazakhstan], no. 2 (16), pp. 74-93.

Mamedov A.M. Tazhibaeva S.M., 2013. Pogrebeniya so «stolami-lozhami» rannih kochevnikov Yuzhnogo Priural'ya [Burials with “Tables-Boxes” of the Early Nomads of the Southern Urals]. *Trudy filiala Instituta arheologii im. A.H. Margulana v g. Astana* [Proceedings of the Branch of the Institute of Archeology named A.Kh. Margulan in Astana], vol. II. Astana, Publishing Group of the Branch of the Institute of Archeology named A.Kh. Margulan in Astana, pp. 43-54.

Mamedov A.M., Gutsalov S.Yu., Bisembayev A.A., 2022. *Pogrebal'nye kompleksy drevnih i srednevekovykh kochevnikov bassejna reki Zhem (po materialam mogil'nikov Urkach-I, Zhagabulak I, II)* [Funeral Complexes of Ancient and Medieval Nomads of the Zhem River Basin (Based on the Materials of the Urkach-I, Zhagabulak I, II Burial Grounds)]. Almaty, A.Kh. Margulan Institute of Archeology. 192 p.

Maslov V.E., 2024. K voprosu o proiskhozhdenii ranneskifskikh shatrovyyh pogrebal'nyh konstruktsiy na Severnom Kavkaze [Revisiting of the Origin of Early Scythian Tent-Roofed Funerary Constructions in the North Caucasus]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], no. 275, pp. 222-241.

Morgunova N.L., Kraeva L.A., 2012. Kurgannaya gruppa Akoba II [The Akoba II Burial Mound Group]. *Arheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of the Orenburg Region], iss. 10, pp. 156-199.

Moshkova M.G., 1972. Sarmatskie pogrebeniya Novo-Kumakskogo mogil'nika bliz g. Orska [Sarmatian Burials of the Novo-Kumak Burial Ground near the City of Orsk]. *Pamyatniki Yuzhnogo Priural'ya i Zapadnoy Sibiri sarmatskogo vremeni* [Monuments of the Southern Urals and Western Siberia of the Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 49-78.

Myshkin V.N., 2011. Pogrebal'naya obryadnost' sotsial'noy elity kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI–V vv. do n.e. (k probleme formirovaniya prohorovskoy kul'tury) [Funeral Rites of the Social Elite of Nomads of the Samara-Ural Region in the 6th – 5th Centuries BC (to the Problem of the Formation of the Prokhorov Culture)]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii» (11–15 maya 2011 g., g. Rostov-na-Donu, Kagal'nik)* [Funeral Ceremonies of the First Eurasian nomads. Materials of the 7th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” (11–15 May 2011, Rostov-on-Don, Kagalnik)]. Rostov on Don, SSC RAS, pp. 168-178.

Myshkin V.N., 2013. Tipy pogrebal'nogo obryada sotsial'noy elity kochevnikov Samaro-Ural'skogo regiona v VI–V vv. do n.e. [Types of Funeral Rites of the Social Elite of Nomads of the Samara-Ural Region in the 6th – 5th Centuries BC]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], vol. 15, no. 1, pp. 219-225.

Myshkin V.N., 2014. Vostochnoe Priaral'e i Samaro-Ural'skiy region: k probleme proiskhozhdeniya traditsiy zahoroniya na dnevnaya poverhnosti i v glinyanyh mavzoleyah u yuzhnoural'skih kochevyh plemen skifskogo vremeni [Eastern Aral Area and Samara-Ural Region: On the Problem of the Origin of Burial Traditions on the Surface and in Clay Mausoleums Practiced by Southern Ural Nomadic Tribes of Scythian Period]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 14, pp. 146-156.

Myshkin V.N., 2017. Kurgany skifskogo vremeni s pogrebeniyami na drevney poverhnosti v stepyah Yuzhnogo Urala: obryadovye harakteristiki [Scythian Age Barrows with Burials on the Ground Surface in the Southern Urals Steppes: Features of the Funerary Rite]. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia], vol. 45, no. 3, pp. 96-105.

Ol'govskiy V.S., 1989. Ranneskifskie pogrebal'nye sooruzheniya po Gerodotu i arheologicheskim dannym [Early Scythian Burial Structures According to Herodotus and Archaeological Data]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], no. 4, pp. 83-97.

Ol'govskiy V.S., 1991. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII-III vv. do n.e.)* [Funeral and Memorial Rites of the Population of Steppe Scythia (7th – 3rd Centuries BC)]. Moscow, Nauka Publ. 256 p.

Ochir-Goryaeva M.A., 2011. O planigrafii kurganov Yuzhnogo Priural'ya pozdneskifskoy erohi [On the Planigraphy of the Burial Mounds of the Southern Urals of the Late Scythian Era]. *Pogrebal'nyy obryad rannih kochevnikov Evrazii: materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii» (11-15 maya 2011 g., g. Rostov-na-Donu, Kagal'nik)* [Funeral Ceremonies of the first Eurasian Nomads. Materials of the 7th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History” (11-15 May 2011, Rostov-on-Don, Kagalnik)]. Rostov on Don, SSC RAS, pp. 179-192.

Polovnikov L.V., 2021. Kriterii vydeleniya zhilishch karkasno-stolbovogo tipa v otechestvennoy arheologii [Criteria for Frame-and-Pillar Dwellings Selection in Russian Archeology]. *Samarskiy nauchnyy vestnik* [Samara Journal of Science], vol. 10, no. 1, pp. 226-229.

Pshenichnyuk A.Kh., 1983. *Kul'tura rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Culture of the Early Nomads of the Southern Urals]. Moscow, Nauka Publ. 199 p.

Pshenichnyuk A.Kh., 1995. Perevolochanskiy mogil'nik [Perevolochansky Cemetery]. *Kurgany kochevnikov Yuzhnogo Urala* [Kurgans of the Southern Urals Nomads]. Ufa, Gilem Publ., pp. 62-96.

Pshenichnyuk A.Kh., 2012. *Filippovka. Nekropol' kochevoy znati IV v. do n.e. na Yuzhnom Urale* [Filippovka. Nekropolis of the Nomad Nobility (4th BC in the South Urals)]. Ufa, IHLL USC RAS. 280 p.

Sdykov M.N., Lukpanova Ya.A., 2013. *Rannie kochevniyi Zapadnogo Kazahstana* [Early Nomads of Western Kazakhstan]. Uralsk, Polygraphservis Publ. 292 p.

Skarbovenko V.A., 2005. Pogrebal'nyy kompleks epohi rannego zheleza v kurgane 5 mogil'nika Berezki I [Burial Complex of the Early Iron Age in Mound 5 of the Berezki I Burial Ground]. *Drevnosti Evrazii ot ranneye bronzy do rannego srednevekov'ya. Pamyati Valeriya Sergeevicha Ol'govskogo* [Antiquities of Eurasia from the Early Bronze Age to the Early Middle Ages. In Memory of Valery Sergeevich Olkhovsky]. Moscow, IA RAS, pp. 382-393.

Skify Zapadnogo Kazahstana, 2007 [Scythians of Western Kazakhstan]. Almaty, Islammur Publ. 208 p.

Sirotin S.V., 2009. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v Khaybullinskem rayone Respubliki Bashkortostan v 2009 g. [Report on Archaeological Research in the Khaibullinsky District of the Republic of Bashkortostan in 2009]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 38018-38019. 341 p.

Sirotin S.V., 2010a. Kurgan № 11 kurgannogo mogil'nika Perevolochan v Zaural'skoy Bashkirii [Kurgan no. 11 of the Burial Mound of Perevolochan in the Trans-Ural Bashkiria]. *Arkeologiya i paleoantropologiya Evraziiskikh stepey i sopredel'nykh territoriy* [Archeology and Paleoanthropology of the Eurasian Steppes and Adjacent Territories]. Moscow, Taus Publ., pp. 323-338.

Sirotin S.V., 2010b. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v Khaybullinskem rayone Respubliki Bashkortostan v 2010 g. [Report on Archaeological Research in the Khaibullinsky District of the Republic of Bashkortostan in 2010]. *Arkhiv IA RAN*, R-1, no. 39145. 151 p.

Sirotin S.V., 2011. Issledovaniya na kurgannom mogil'nike Perevolochan II v yugo-vostochnoy Bashkirii [Research at the Perevolochan II Burial Mound in Southeastern Bashkiria]. *Arheologicheskie otkrytiya 2008 goda* [Archaeological Discoveries of 2008]. Moscow, Nauka Publ., pp. 383-384.

Sirotin S.V., 2013. Katakombnye pogrebal'nye kompleksy IV v. do n.e. mogil'nika «Avlasovskie kurgany» iz Yuzhnogo Zaural'ya [Catacomb Burial Complexes of the 4th Century BC of the Burial Ground «Avlasov kurgans» from the Southern Trans-Urals]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i*

iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues], no. 11, pp. 163-169.

Sirotin S.V., 2020. Dromosnoe pogrebenie IV v. do n.e. iz kurgana 12 nekropolya Perevolochan I na Yuzhnom Urale [The Dromos Burial of the Fourth Century BC from Kurgan 12 at the Perevolochan I Cemetery in the South Urals Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archeology], no. 258, pp. 181-200.

Sirotin S.V., 2021. Dromosnye pogrebeniya rannih kochevnikov Yuzhnogo Urala [Dromos Burials of the Early Nomads of the South Urals: the Problems of Chronology]. *Ufimskiy arheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], vol. 21, no. 1, pp. 160-168.

Sirotin S.V., 2022. Kurgan 5 nekropolya «Ivanovskie I kurgany» na Yuzhnom Urale: hronologiya kompleksov [Kurgan 5 of the Necropolis “Ivanovskie I Kurgany” in the Southern Urals: Chronology of Complexes]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 21, no. 1, pp. 21-51. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.2>

Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2018. Kurgannaya gruppa «Bogatyrskiye mogilki» № 4 (Orenburgskaya oblast, Orenburgskiy rayon) [Kurgan Group «Bogatyrsky Mogilki» no. 4 (Orenburg Region, Orenburg District)] *Goroda. Selishcha. Mogilniki. Raskopki 2017. Materialy spasatelnykh arkheologicheskikh issledovaniy* [Cities, Villages, Cemeteries. Excavations 2017. Materials of Rescue Archaeological Research], vol. 25. Moscow, IA RAS, pp. 334-339.

Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Gilmitdinova A.H., Okorokov K.S., 2019. Osobennosti pogrebal'nyh konstrukciy i planigraficheskaya organizaciya nekropolya Filippovka 1 [The Particulars of Burial Structures and Planigraphic Organization of the Cemetery Filippovka 1]. *Krym v sarmatskuyu epohu (II v. do n.e. – V v. n.e.). V.: materialy X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). V. Proceedings of the 10th International Research Conference «The Aspects of Sarmatian Archaeology and History»]. Simferopol, Salta LTD Publ., pp. 234-243.

Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K.S., 2020. Filippovskie paralleli v pogrebal'nom obryade bol'shih kurganov nekropolya «Vysokaya Mogila – Studenikin Mar» [Filippovka's Parallels in the Funeral Rite of the Large Burial Mounds of the Necropolis “Vysokaya Mogila – Studenikin Mar”]. *Rannie kochevniyi Yuzhnogo Urala i Nizhnego Povolzh'ya. Materialy Kruglogo stola «Arheologiya rannih kochevnikov evraziyskoy stepi: aktual'nye problemy i perspektivy ik resheniya»* [Early Nomads of the Southern Urals and the Lower Volga Region. Materials of the Round table “Archeology of the Early Nomads of the Eurasian Steppe: Actual Problems and Prospects for Their Solution”]. Moscow, MAKS Press, pp. 203-217.

Sirotin S.V., Okorokov K.S., Bogachuk D.S., 2024. Voinskiy kompleks iz nekropolya «Vysokaya Mogila – Studenikin Mar»: novye nahodki zashehitnogo vooruzheniya rannih kochevnikov na Yuzhnom Urale [Warrior Burial from “Vysokaya Mogila – Studenikin Mar” Necropolis: New Finds of Defensive Armor of the Southern Urals Early Nomads]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 4, pp. 156-188. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.7>

Smirnov K.F., 1964. *Savromaty (rannaya istoriya i kul'tura sarmatov)* [Sauromats (Early History and Culture of the Sarmatians)]. Moscow, Nauka Publ. 380 p.

Smirnov K.F., 1975. *Sarmaty na Ileke* [Sarmatians on Ilek]. Moscow, Nauka Publ. 175 p.

Smirnov K.F., 1977. Orskie kurgany rannih kochevnikov [Orsk Burial Mounds of Early Nomads]. *Issledovaniya po arheologii Yuzhnogo Urala* [Research in the Archeology of the Southern Urals]. Ufa, BFAN USSR, pp. 3-51.

Tairov A.D., 2000. Ranniy zheleznyy vek [Early Iron Age]. *Drevnyaya istoriya Yuzhnogo Zaural'ya* [Ancient History of the Southern Trans-Urals], vol. 2. Chelyabinsk, SUSU, pp. 3-305.

Tairov A.D., 2004. Periodizatsiya pamyatnikov rannih kochevnikov Yuzhnogo Zauralya 7–2 vv. do n.e. [Periodization of Monuments of the Early Nomads from the Southern Urals of the 7th – 2nd Centuries BC]. *Sarmatskiye kultury Evrazii: problemy regionalnoy hronologii: doklady k 5-iy Mezhunar. konf. «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Reports to the 5th International Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Krasnodar, Raev and Co, pp. 205-220.

Tairov A.D., 2006. Saki Priaral'ya v stepyah Yuzhnogo Zaural'ya (po materialam mogil'nika Marovyy Shlyah) [Sakas of the Aral Sea Region in the Steppes of the Southern Trans-Urals (Based on the Materials of the Marovy Shlyakh Burial Ground)]. *Yuzhnyy Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremya* [The Southern Urals and Adjacent Territories in the Scythian-Sarmatian Period]. Ufa, Gilem Publ., pp. 76-91.

Tairov A.D., Botalov A.G., 1988. Kurgan u sela Varna [Mound near the Village of Varna]. *Problemy arheologii Uralo-Kazahstanskikh stepey* [Problems of Archeology of the Ural-Kazakhstan Steppes]. Chelyabinsk, Bashkir University, pp. 100-125.

Fedorov V.K., Vasil'ev V.N., 1998. Yakovlevskie kurgany rannego zheleznogo veka v Bashkirskom Zaural'e [Yakovlevsky Mounds of the Early Iron Age in the Bashkir Trans-Urals]. *Ufimskiy arkheologicheskiy vestnik* [Ufa Archaeological Herald], iss. 1, pp. 62-96.

Yablonsky L.T., 2013. *Zoloto sarmatskikh vozhdей. Elitnyy nekropol' Filippovka 1 (po materialam raskopok 2004–2009 gg.): kat. koll.* [Gold of Sarmatian Chiefs. Elite Necropolis Filippovka I (According to the Excavations of 2004–2009). Catalog of Collection], book 1. Moscow, IA RAS. 232 p.

Yablonsky L.T., Bogachuk D.S., Volodin S.A., Maslov V.E., Sirotin S.V., 2023. *Zoloto sarmatskikh vozhdей. Nekropoli Filippovka 1 i Filippovka 2. Po materialam raskopok Priural'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii IA RAN pod rukovodstvom L.T. Yablonkogo: kat. koll.* [Gold of Sarmatian Nobility. Burial Grounds Fillipovka 1 and Fillipovka 2. The Materials of the Excavations of the Pre-Ural Expedition of the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Directed by L.T. Yablonsky. Campaigns 2009–2014. The Catalogue.], book II. Moscow, IA RAS. 356 p.

Information About the Author

Sergey V. Sirotin, Candidate of Sciences (History), Researcher, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117036 Moscow, Russian Federation, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

Информация об авторе

Сергей Викторович Сиротин, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036 г. Москва, Российская Федерация, sirotinsv70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9394-0779>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolgsu.2025.4.5>

UDC 904
LBC 63.4

Submitted: 29.08.2025
Accepted: 30.09.2025

ON THE ELITE BURIALS OF THE NOMADS OF THE EARLY SARMATIAN PERIOD (2nd – 1st CENTURIES BC)¹

Vyacheslav P. Glebov

Archaeological Research Bureau, Rostov-on-Don, Russian Federation

Anton V. Dedyulkin

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article discusses the funeral complexes of the elites of the nomads from various regions of Sarmatia of the 2nd – 1st centuries BC. The main criterion for identifying burials of the nobility is a high concentration of status items – symbols of power: ceremonial weapons and horse harness, jewelry and luxury items of gold and silver, sets of imported metal and glass dishes, etc. Among the elitist complexes, burials of undoubtedly royal rank were identified: Novozavedennoe V kurgan 1, burials 7 and 30; Dyadkovsky-34 kurgan 1, burial 19; Ipatovo-3 kurgan 2, burial 14; Volzhsky burials 2, 3, and 4; Mayorovsky kurgan 4, burial 3-B; Prokhorovka kurgan 1, burial 1; and Nogaychinsky burial 18. These stand out for their luxury and the number of inventory, quite comparable to the burial complexes of the highest nobility of the Middle Sarmatian and Late Sarmatian periods. A number of burials slightly inferior in wealth, which may belong to both kings and the highest aristocracy (sceptuchi), are adjacent to this group. In addition, a large number of burials were probably left by lower-ranking aristocracy, also containing ceremonial weapons, imported dishes, prestigious and expensive jewelry, etc., but usually in small quantities, one or two items. In addition, obviously not ordinary burials of a pronounced military appearance were found, but without insight of power, objects of luxury and jewelry. The analysis shows that the society of the early Sarmatians was most likely at the stage of transition from a ranked to a stratified society. The structure of the elite part of society was clearly complex and did not come down to a two-level vertical power structure described by Strabo. A special section discusses the titles of Sarmatian rulers known from narrative sources, as well as from numismatics and epigraphic data, and provides possible parallels with the social and military structure of the Parthian society.

Key words: Northern Black Sea region, Sarmatians, Hellenism, Parthia, elites, kings, social structure.

Citation. Glebov V.P., Dedyulkin A.V., 2025. Ob elitarnykh pogrebeniyah nomadov rannesarmatskogo vremeni (II–I vv. do n.e.) [On the Elite Burials of the Nomads of the Early Sarmatian Period (2nd – 1st Centuries BC)]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 4, pp. 129–150. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolgsu.2025.4.5>

УДК 904
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 29.08.2025
Дата принятия статьи: 30.09.2025

ОБ ЭЛИТАРНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ НОМАДОВ РАННЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ (II–I ВВ. ДО Н.Э.)¹

Вячеслав Петрович Глебов

Археологическое научно-исследовательское бюро, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Антон Владимирович Дедюлькин

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

золота и серебра, наборы импортной металлической и стеклянной посуды и пр. Среди элитарных комплексов были выявлены погребения, несомненно, царского ранга: Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7, 30; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Волжский, погр. 2, 3, 4; Майеровский, кург. 4, погр. 3-Б; Прохоровка, кург. 1, погр. 1; Ногайчинский, погр. 18, выделяющиеся роскошью и количеством инвентаря, вполне сравнимые с погребальными комплексами высшей знати среднесарматского и позднесарматского времени. К этой группе примыкает ряд захоронений, несколько уступающих им в богатстве, которые могут принадлежать как царям, так и высшей аристократии (скептухам). Кроме того, большое количество погребений оставлены, вероятно, аристократией более низкого ранга. Эти погребальные комплексы также содержат парадное оружие, импортную посуду, престижные и дорогие украшения и пр., но обычно немного, по одному-два предмета. Помимо этого, встречены явно не рядовые захоронения выраженного воинского облика, но без инсигний власти, предметов роскоши и украшений. Анализ показывает, что общество номадов II–I вв. до н.э. находилось, скорее всего, на стадии перехода от ранжированного к стратифицированному социуму. Структура элитной части сарматского общества этого времени явно была сложной и не сводилась к двухуровневой вертикали власти, описанной Страбоном. В специальном разделе рассмотрены титулы сарматских правителей, известные из нарративных источников, а также по данным нумизматики и эпиграфики, приведены возможные параллели с социальной и военной структурой общества парфян.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, сарматы, эллинизм, Парфия, элиты, цари, социальная структура.

Цитирование. Глебов В. П., Дедюлькин А. В., 2025. Об элитарных погребениях номадов раннесарматского времени (II–I вв. до н.э.) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 4. С. 129–150. DOI: <https://doi.org/10.15688/navjvolsu.2025.4.5>

Социальная структура обществ номадов сарматской эпохи всегда вызывала большой интерес. Тем не менее вследствие отрывочности сообщений античных авторов и неоднозначности интерпретации археологического материала эту тему нельзя назвать полностью исследованной.

Задачей статьи является рассмотрение и анализ погребений элиты сарматов II–I вв. до н.э. Античные авторы в связи с различными событиями этого периода неоднократно упоминают сарматских царей: Гатал, Тасий², Абека, Спадин, Медосакк. Позже, в I в. н.э. известны цари аорсов – очевидно, потомков сарматов II–I вв. до н.э.: Эвнон – царь аорсов, участник войны 49 г. н.э., Умабий – один из «великих царей Аорсии», Фарзой и Инисмей, чеканившие золотые и серебряные монеты в Ольвии. Тацит упоминает помимо царей и знать более низкого ранга – скептухов (скипетроносцев). Страбон кратко характеризует вертикаль власти у ахейцев, зигов и генихов: «Управляют ими так называемые скептухи, а эти последние сами подвластны тиранам и царям» (Strabo. XI. 2. 13, пер. Г.А. Стратановского). Обычно этот пассаж о двухуровневой вертикали власти процитируется исследователями и на сарматов.

Тем не менее в науке довольно долго бытовало мнение о невыраженности социаль-

ной структуры у сарматов II–I вв. до н.э. и об отсутствии у них погребений царского ранга [Сергацков, 2000, с. 220; Глебов, Гордин, 2016, с. 290; Вдовченков, 2015, с. 48]. Основанием для этого являлось то обстоятельство, что захоронения знати сарматов II–I вв. до н.э. выглядели очень скромно как на фоне грандиозных царских курганов могильника Филипповка I раннего этапа раннесарматской культуры, так и в сравнении с элитарными погребальными комплексами среднесарматской и позднесарматской культуры (Хохлач, Садовый, Дачи, Высочино VII, Кобяковский, Валовый I, Чугуно-Крепинка и др.), не говоря уже о скифских царских курганах. Однако открытие и введение в научный оборот новых захоронений верхушки сарматского общества II–I вв. до н.э. позволяют без сожаления отказаться от этой точки зрения.

В этой работе мы проанализируем погребения элиты разного уровня у сарматов II–I вв. до н.э., рассмотрим иерархию элитарных погребений, проведем анализ эпиграфических памятников и нарративных источников.

География исследования охватывает несколько регионов: 1. Южное Приуралье, Нижнее Поволжье, Нижнее Подонье; 2. Предкавказье; 3. Северное Причерноморье и Крым. Памятники номадов II–I вв. до н.э. этих трех регионов близки, но не идентичны, имеют су-

щественные отличия в погребальной обрядности и инвентаре, и, по-видимому, должны рассматриваться как отдельные близкородственные культуры. Тем не менее все они могут быть охарактеризованы как сарматские, хотя бы потому, что античные авторы называют носителей этих культур сарматами. Ввиду близости всех трех культур, мы сочли возможным рассмотреть погребения их элит совместно, в одном исследовании, разумеется, с учетом региональной специфики.

Критерии выделения погребений элиты в сарматских культурах у большинства исследователей совпадают или очень близки: многочисленный инвентарь, включающий престижные статусные вещи – символы власти: парадное оружие, украшения и предметы роскоши из золота и серебра, импортная металлическая и стеклянная посуда и пр., в некоторых случаях большие трудозатраты при совершении захоронения [Яценко, 2002, с. 95; Клепиков, 2015, с. 47; Вдовченков, 2011, с. 49; Скрипкин, 2017, с. 11–13].

По этим формальным признакам для раннесарматских культур II–I вв. до н.э. может быть выделен целый пласт погребальных комплексов знати разного уровня³.

В Предкавказье⁴: Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7, 30 [Канторович, Маслов, 2023; Археологи из Ставропольской экспедиции ..., 2022]; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19 [Беспалый, 2024]; Дядьковский-45, кург. 2, погр. 11 [Глебов, Гордин, 2016, с. 282–287]; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14 [Зуев, 2016, с. 270–274]; Динская-29, кург. 1, погр. 41 [Шереметьев, Мордвинцева, 2022, с. 356–357]; Карстовый, кург. 1, погр. 2 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 342]; Комарово, кург. 1, погр. 24 [Гиджрати, Наглер, 1985, с. 131–132]; Журовская [Левин и др., 2014]; Водный, кург. 1, погр. 1 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 353–354]; Рассвет, кург. 1, погр. 19 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 344–345]; Тоннельный-3, кург. 1, погр. 3 [Зуев, 2016, с. 274]; Культурный мост ..., 2018, с. 59, 60–65; Древние сокровища ..., 2012], разрушенные погребения из Элитного [Анфимов И., 1986, с. 190–196] и Новоджерелиевской [Анфимов Н., 1986]; Бойко-Понура, кург. 1, погр. 3 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 343]⁵; Овальный, погр. 15 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 342–343]; Северный, кург. 1, погр. 3, 9 [Marčenko,

Limberis, 2008, S. 342]; Раздольная, кург. 1, погр. 2 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 340]; Раздольная, кург. 7, погр. 13 [Марченко, 1996, с. 197, рис. 63, 6–16], Новокорсунская, кург. 2, погр. 6 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 341]; Новокубанск, кург. 5, погр. 5 [Marčenko, Limberis, 2008, S. 338] и др.

В Нижнем Подонье, Поволжье, Приуралье: Алитуб, кург. 3, погр. 20 («Крестовый») [Захаров, 2000, с. 27–29]; Арбузовский, кург. 7, погр. 8, кург. 8, погр. 3 [Ильюков, Власкин, 1992, с. 144–147]; Донской, кург. 1, погр. 21 [Ильюков, 2001, с. 200]; Волжский, одиночный курган № 20, погр. 2, 3, 4 [Шинкарь и др., 2025а, с. 248–252; 2025б, с. 127–130]; Майеровский III, кург. 4, погр. 3АБ [Скворцов, Скрипкин, 2008, с. 98–103]; Косика, погр. 2 [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 11–12; Раев, Дворниченко, 2014, с. 170], погр. 45 [Дворниченко, 1989, с. 14–32; Демиденко С., Демиденко Ю., 2012, с. 84]; Жутово, кург. 27, погр. 4 [Скрипкин, Шинкарь, 2010, с. 128–132]; Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 12 [Федоров-Давыдов и др., 1974; Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 5–6; Дворниченко и др., 2008, с. 239]; Кривая Лука IX, кург. 1, погр. 17 [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1981, с. 100–101]; Питерка, кург. 1, погр. 9 [Ляхов, Мордвинцева, 2000, с. 102–105]; Белокаменка, кург. 7, погр. 3 [Мордвинцева, Шинкарь, 1999, с. 138]; Барановка, кург. 10, погр. 9 [Сергацков, 2000, с. 30–32]; Писаревка II, кург. 6, погр. 2; Прохоровка, кург. 1, погр. 1, кург. Б, погр. 3 [Яблонский, 2010, с. 20–25, 35–36, 233]; Бердянка, кург. 4, погр. 4, кург. 5, погр. 6 [Моргунова, Мещеряков, 1999, с. 125–127; Мамонтов, 2002, с. 251–253] и др.

В Крыму: Ногайчинский курган, погр. 18 [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 62–85]. В других районах Северного Причерноморья элитарные погребения II–I вв. до н.э. отсутствуют, но для I в. н.э. в центральной и западной частях региона известны очень богатые сарматские захоронения: Пороги, кург. 1, погр. 1; Весняное, кург. 1, погр. 1; Соколова Могила, погр. 3⁶ и др., видимо, принадлежащие к той же культуре номадов раннесарматского времени, в этих районах существовавшей до середины II в. н.э. [Кропотов, 2019, с. 155–156].

В сравнении с массой рядовых сарматских захоронений, в большинстве малоинвен-

тарных, вышеупомянутые погребения действительно выглядят элитарными. Вместе с тем сводка включает весьма разные по уровню элитарности и богатства погребальные комплексы – от очень богатых до содержащих одну-две престижные вещи. Очевидно, что наша выборка объединяет несколько страт внутри субкультуры сарматской знати.

Для построения четкой стратификации обществ номадов раннесарматского времени на археологическом материале пока не хватает данных. Между погребениями царей и высшей аристократии (скептухов), например, не всегда возможно провести грань. Тем не менее ряд погребений можно уверенно отнести к рангу царских. Критериями выделения царских захоронений являются высокая концентрация парадного оружия и конской упряжи, импортной посуды, дорогих украшений и прочих статусных вещей, являющихся, видимо, инсигниями власти или знаками высокого положения в обществе, в некоторых случаях – обоснование некрополей элиты или отдельных погребений, возведение над захоронением собственной насыпи больших размеров. Прежде всего на царский статус претендуют: Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7, 30; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Волжский, погр. 2, 3, 4; Майеровский III, кург. 4, погр. 3-Б, Прохоровка, кург. 1, погр. 1; Ногайчинский, погр. 18. Эти погребальные комплексы выделяются богатством и пышностью инвентаря даже на фоне других элитарных погребений, не говоря уже о рядовых сарматских захоронениях. Особо отметим присутствие в некоторых из царских погребений «предметов престижа, которые по качеству изготовления и использованным материалам можно отнести к образцам высшего «мирового» уровня», что, по мнению В.И. Мордвинцевой, также является одним из критериев выделения погребальных комплексов знати высшего ранга [Мордвинцева, 2020, с. 261].

К этим погребениям примыкает группа комплексов, уступающих им в богатстве и роскоши, но тоже достаточно богатых и содержащих престижные дорогие вещи: Дядьковский-45, кург. 2, погр. 11; Водный, кург. 1, погр. 1; Рассвет, кург. 1, погр. 19; Динская-29, кург. 1, погр. 41; Карстовый, кург. 1, погр. 2; Комарово, кург. 1, погр. 24; Журовский; Элит-

ный; Новоджерелиевская; Алитуб, кург. 3, погр. 20; Косика, погр. 45; Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 12; Жутово, кург. 27, погр. 4; Питерка, кург. 1, погр. 9; Прохоровка, кург. Б, погр. 3 и еще ряд погребений. Концентрация статусных и дорогих вещей в этих захоронениях несколько меньше, и сами вещи в большинстве скромнее и проще. Тем не менее, с учетом интуитивности данных критериев, наиболее яркие из рассматриваемых погребальных комплексов с высокой долей вероятности также могут принадлежать царям или скептухам.

Инвентарь погребений царей и скептухов богат и разнообразен, включает большое количество статусных вещей и предметов роскоши из золота и серебра, иногда с вставками из полудрагоценных камней и стекла, являющихся, видимо, символами власти или знаками высокого положения, а не просто украшениями. Инвентарь в большинстве случаев четко распределается по половому признаку: оружие и конская упряжь тяготеют к мужским погребениям, ювелирные украшения – к женским. В женских захоронениях иногда встречаются предметы вооружения, но на фоне массовых находок оружия в мужских погребениях это выглядит исключением, подчеркивающим общее правило.

Парадное оружие⁷. Все мужские погребения сопровождались оружием – меч или два меча (длинный и короткий) и гориты или колчаны со стрелами (Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7 – два набора), иногда этот обязательный комплект дополнялся копьями (Волжский, погр. 3) или защитным вооружением (Новозаведенное V, кург. 1, погр. 30 – пластинчатый доспех; Косика, погр. 45 – пластинчатый доспех и шлем (?); Прохоровка, кург. 1, погр. 1 – кираса; Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7 – шлем; Волжский, погр. 3 – шлем). Ножны и рукояти мечей, а также гориты в большинстве случаев украшены накладками из золотой фольги, зачастую с орнаментом или зооморфными изображениями. На общем фоне такого стандартно украшенного оружия выделяется роскошный короткий меч из погр. 19 кург. 1 мог. Дядьковский-34: покрытая серебром рукоять оформлена в виде двух спирально перевитых морских драконов (*кетосов*), ножны украшены золотой накладкой с пышным растительным орнаментом в

виде вышегося плюща, со вставками из стекла и янтаря [Беспалый, 2024, с. 42–48, ил. 82–93]. Из не совсем обычных находок следует отметить золотую накладку на гастагну (?) из погр. 9 кург. 1 мог. Питерка, с зооморфным изображением (голова сайгака) и утраченной вставкой из стекла или камня [Ляхов, Мордвинцева, 2000, с. 104–105, рис. 2,3].

В женских элитарных погребениях оружие встречается лишь изредка: Ипатово-3, кург. 2, погр. 14 – короткий меч в ножнах с золотой накладкой; Алитуб, кург. 3, погр. 20 – берестяной колчан со стрелами; Прохоровка, кург. Б, погр. 3 – колчан со стрелами и колчанный крюк, а также наконечник копья, найденный, правда, не при погребенной, а во входном колодце подбоя.

Парадная конская упряжь. Обнаружена в ряде погребений – Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7, 30; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19; Косика, погр. 45; Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 12; Прохоровка, кург. 1, погр. 1 – в последнем случае в качестве наплечных фаларов конской упряжи использовались две серебряные фиалы. В Новозаведенном V и Дядьковском-34 были найдены богато украшенные комплекты конской упряжи: Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7 – два комплекта: плакированные золотом удила, псалии, золотые перстневидные уздечные бляхи и комплект серебряных фаларов с растительным орнаментом и зооморфными изображениями; Новозаведенное V, кург. 1, погр. 30 – один или два комплекта: удила и псалии с фаларами; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19 – два комплекта: удила, псалии, серебряные позолоченные налобники и фалары с растительным орнаментом и мифологическими персонажами и сценами.

Парадные пояса. В нескольких захоронениях встречены пояса с серебряными, золотыми (или плакированными золотой фольгой) пряжками, иногда по несколько штук. Особо отметим пряжки, выполненные в зверином стиле: Волжский, погр. 3; Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 12; парные золотые пряжки из погр. 7 кург. 1 мог. Новозаведенное V со сценами терзания козла тигром, инкрустированные цветными стеклянными (?) вставками. Некоторые пояса снабжены золотыми наконечниками ремней: Косика, погр. 45; Кри-

вая Лука VIII, кург. 5, погр. 12, последние – с сюжетными сценами в технике тиснения, на одной из них воин убивает копьем фантастического зверя, на другой – держит коня за повод [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1989, с. 6, рис. 1].

Гривны и браслеты (ручные и ножные), перстни (часто со вставками), серьги, височные кольца, подвески. Гривны и браслеты в большинстве случаев массивные, многовитковые, часто с зооморфными окончаниями – Волжский, погр. 3, 4; Новозаведенное V, кург. 1, погр. 30; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19; Дядьковский-45, кург. 2, погр. 11; Ногайчинский, погр. 18; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Майеровский III, кург. 4, погр. 3-Б; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Комарово, кург. 1, погр. 24; Элитный. Почти во всех женских погребениях встречены перстни, серьги, височные кольца, подвески, во многих случаях – большими наборами (Майеровский III, кург. 4, погр. 3-Б; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Комарово, кург. 1, погр. 24; и др.).

Особняком среди элитарных женских захоронений стоит погребение в Ногайчинском кургане, содержащее богатый набор высокохудожественных эллинистических ювелирных украшений: роскошные золотые браслеты со вставками и фигурными изображениями Эрота и Психеи, колье из золотых цепочек с подвесками и гранатовыми вставками, золотые серьги с подвесками и вставками из агата, сердолика и стекла, фибула в виде дельфина из хрустали и золота, брошь с золотым каплевидным щитком и вставки из граната и зеленого стекла, золотые перстни с геммами, золотой медальон с гагатовой вставкой, фланкон из агата с золотыми крышками и многое другое. М.Ю. Трейстер с полным основанием относит многие из этих изделий к шедеврам позднеэллинистического ювелирного искусства [Трейстер, 2000, с. 183]. Примечательно, что наряду с ними в наборе украшений присутствуют ювелирные изделия в сарматском зверином стиле, прежде всего, золотая гривна с изображениями фантастических животных со стеклянными и коралловыми (?) вставками.

Расшивка одежды золотыми бляшками. Зафиксирована во всех погребениях, как мужских, так и женских. Бляшками расшива-

лась одежда, головные уборы, обувь, покрывала или саваны. В нескольких захоронениях найдены остатки ткани с золотым шитьем: Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Комарово, кург. 1, погр. 24; Майеровский III, кург. 4, погр. 3-Б.

Импортная посуда: металлическая, стеклянная, а также керамическая редких у сарматов форм – мегарские чаши, канфары, унгвентарии и пр. Импортная посуда встречена почти во всех элитарных погребениях, обычно наборами: Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7 – бронзовая ситула с железной дужкой в бронзовых петлях, бронзовые сковорода «Айлесфорд» и кувшинчик типа «Галларате», а также серебряный с позолотой кубок и керамический унгвентарий; Волжский, кург. 22, погр. 3 – золотые ритоны, серебряные канфары со сценами из греческой мифологии, серебряные тарелки, серебряные туалетные сосудики; Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19 – серебряный с позолотой кубок с рельефным растительным орнаментом, стеклянный скифос; Дядьковский-45, кург. 2, погр. 11 – бронзовые блюдо и кружка «Идрия», стеклянный скифос, керамический унгвентарий; Ногайчинский, погр. 18 – серебряный килик, круглодонная серебряная чаша, круглодонный серебряный с позолотой кубок, стеклянная чаша в стиле «миллефиори», керамический унгвентарий; Ипатово-3, кург. 2, погр. 14 – чернолаковый сосуд, херсонесская столовая амфора; Водный, кург. 1, погр. 1 – бронзовые кувшин и черпак-киаф, два серебряных канфара; Элитный – бронзовые кружка «Идрия» и сковорода «Айлесфорд», мегарская чаша, стеклянный скифос; Новоджерелиевская – бронзовая сковорода «Айлесфорд», мегарская чаша, серебряные килики, стеклянный скифос; Рассвет, кург. 1, погр. 19 – бронзовая ситула с орнаментом и фигурными атташами; Журовская – бронзовые патера и кувшин, стеклянный скифос; Карстовый, кург. 1, погр. 2 – серебряная чаша, керамический унгвентарий; Алитуб, кург. 3, погр. 20 – бронзовая сковорода «Айлесфорд», керамический унгвентарий; Жутово, кург. 27, погр. 4 – сосуд из полихромного стекла, керамический унгвентарий. Отдельного упоминания заслуживают импортные серебряные фиалы с весовой и владельческой надписями из Прохоровки во

вторичном использовании (как фалары конской упряжи).

Из прочих статусных вещей заслуживают упоминания **деревянные чаши с золотыми обкладками** (Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Прохоровка, кург. 6, погр. 3), **жезлы и треножники** с навершиями в виде протом оленей или чашки-жаровни (Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7; Дядьковский-45, кург. 2, погр. 11; Рассвет, кург. 1, погр. 19; Новоджерелиевская), котлы – встречены в большинстве погребений, как мужских, так и женских.

В завершение экскурса об инвентаре захоронений сарматской элиты подчеркнем, что наряду с массовыми маркерами погребений знати (мечи и гориты с накладками из золотой фольги, наборы из обычных для Сарматии импортных сосудов – бронзовых ситул, сковородок, кружек, стеклянных канфаров или скифосов и пр.) в погребальных комплексах верхушки общества встречены редкие и дорогие вещи иного, более высокого уровня: золотые ритоны и серебряные канфары со сценами из греческой мифологии (Волжский, погр. 3), меч с плакированной серебром зооморфной рукоятью и выложенными золотом ножнами со вставками из стекла и янтаря, серебряные позолоченные фалары с орнаментом, зооморфными изображениями, мифологическими сценами, позолоченный серебряный кубок с пышным рельефным орнаментом (Дядьковский-34, кург. 1, погр. 19), парадный пояс с золотыми зооморфными пряжками со вставками (Новозаведенное V, кург. 1, погр. 7), богатейший набор изысканных эллинистических ювелирных украшений (Ногайчинский, погр. 18).

Курганы. В большинстве случаев элитарные погребения впускные в насыпи уже существовавших курганов, обычно очень крупных – от 5 до 8 м, в Косике – в бэрсовский бугор (обычно такие бугры имеют высоту от 6 до 22 м, иногда и больше). В Ногайчинском кургане зафиксированы манипуляции с насыпью большого (около 7 м) кургана эпохи бронзы: нивелировка верхней части насыпи, создание погребальной площадки, следы огненного ритуала, досыпка кургана [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 62–64]. Однако А.В. Симоненко, ссылаясь на данные отчета А.А. Щепинского о раскопках этого кургана, ставит под сомнение связь этих дей-

ствий с сарматским погребением 18 [Симоненко, 2012, с. 331–333].

Однако некоторые из элитарных захоронений – Волжский; Прохоровка, кург. 1; Майеровский III, кург. 4; Кривая Лука VIII, кург. 5 совершены под собственными насыпями достаточно крупных размеров – до 2,5 м. В кург. 1 могильника Питерка была зафиксирована досыпка, связанная с группой раннесарматских погребений. Для раннесарматской культуры II–I вв. до н.э. собственные насыпи и досыпки не свойственны – в ней абсолютно преобладают впускные погребения. Заметим, что индивидуальными эти насыпи не являлись – во всех случаях в курганах присутствуют и другие сарматские погребения (от 2 до 16). Примечательно, что все эти комплексы находятся в волго-уральском регионе, в других районах традиция собственных царских курганов отсутствует.

Погребальные сооружения. В захоронениях царей и скептухов в большинстве случаев зафиксированы те же погребальные конструкции, что и в рядовых сарматских погребениях. В Предкавказье преобладают катакомбы, реже встречаются прямоугольные ямы, иногда с заплечиками (Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Рассвет, кург. 1, погр. 19; Динская-29, кург. 1, погр. 41), в других регионах – подбои (Волжский, погр. 3, 4; Косика, погр. 2, 45; Прохоровка, кург. Б, погр. 3; Жутово, кург. 27, погр. 4,), ямы с заплечиками (Кривая Лука VIII, кург. 5, погр. 12; Питерка, кург. 1, погр. 9), двухкамерная катакомба (Майеровский III, кург. 4, погр. 3-АБ), прямоугольные ямы (Прохоровка, кург. 1, погр. 1; Ногайчинский – погребальное сооружение погр. 18 не прослежено, но, вероятнее всего, представляло собой яму прямоугольной формы). Несколько необычным для II–I вв. до н.э. является лишь сложное могильное сооружение, напоминающее дромосные могилы предшествующего периода, зафиксированное в ограбленном погр. 2 в Волжском – большая могила прямоугольной формы со столбовой конструкцией и тростниковым перекрытием, имеющая вход-ступеньку с северной стороны.

Размеры ям и камер несколько больше, чем обычно – очевидно, чтобы вместить более многочисленный инвентарь. В нескольких случаях отмечены деревянные конструк-

ции – гробы (в большинстве случаев решетчатые, реже колоды), настилы, носилки, в погр. 45 в Косике зафиксированы два прямоугольных деревянных каркаса из досок, располагавшихся один в другом, в погр. 18 Ногайчинского кургана – деревянный расписной саркофаг.

Сопутствующие жертвенные комплексы и погребения. В нескольких случаях элитные погребения сопровождались жертвенными комплексами. В Волжском в насыпи кургана были найдены кости мелкого рогатого скота и лошади. В Прохоровке в кург. 1 были исследованы яма с конскими и человеческими черепами и безынвентарные погребения женщин в необычных позах: ничком, с перекрещенными (связанными?) ногами и руками – возможно, это захоронения сопровождающих зависимых лиц или человеческие жертвоприношения. В Ногайчинском кургане рядом с погребением находилась яма с захоронением конских голов на дне. Помимо этого, как жертвенные комплексы могут трактоваться находки предметов конской упряжи в насыпи – набор фаларов в Жутовском, кург. 27, удила, псалий и налобник в Ногайчинском кургане⁸, а также в межкурганном пространстве в могильнике Прохоровка [Дедюлькин, Мещеряков, 2022].

Прочие элитарные погребения из нашей выборки оставлены, вероятно, аристократией более низкого ранга. Инвентарь их также содержит парадное оружие, импортную посуду, престижные и дорогие украшения и пр., но обычно эти вещи в погребениях немногочисленны, не более одной-двух. Гориты, ножны и рукояти мечей часто украшены золотыми накладками (Арбузовский, кург. 8, погр. 3; Барановка, кург. 10, погр. 9; Белокаменка, кург. 7, погр. 1; Писаревка II, кург. 6, погр. 2; Донской, кург. 1, погр. 21; Раздольная, кург. 7, погр. 13; и др.). Конская упряжь встречается редко: Воронцовский – железные удила без украшений, Кривая Лука IX, кург. 1, погр. 17 – два серебряных фалара (согнутых и свернутых в трубки) с изображениями всадника. Парадные пояса не известны, лишь в погр. 3 кург. 8 мог. Арбузовский встречены железные пряжки, обложенные с лицевой стороны золотой фольгой. Найдки золотых украшений нередки, однако в отличие от роскошных и массивных ювелирных изделий из погребений ца-

рэй и скептухов здесь преобладают гораздо более простые в оформлении гривны и браслеты в 1–2 оборота, обычные гладкие серьги и височные кольца, случаи зооморфного оформления концов единичны (гривна из Новокубанска, кург. 5, погр. 5), орнамент или вставки редки (браслеты из Воронцовской, кург. 3, погр. 1 и Бердянки, кург. 5, погр. 6). Почти во всех захоронениях была зафиксирована расшивка одежды золотыми бляшками, встречались и остатки ткани с золотным шитьем. Большие наборы импортной посуды отсутствуют, обычно в погребениях находились один или два сосуда. Чаще всего это различные стеклянные сосуды: Новокубанск, кург. 5, погр. 5; Раздольная, кург. 1, погр. 2; Северный, кург. 1, погр. 3; «Овальный», погр. 15; Воронцовская, кург. 3, погр. 1; Новокорсунская, кург. 2, погр. 6, реже – бронзовая посуда: сковороды «Айлесфорд» – Косика, погр. 2; «Овальный», погр. 15, ситулы – Северный, кург. 1, погр. 9; Арбузовский, кург. 7, погр. 8 (впрочем, судя по находке внутри ситулы костей животных, этот сосуд использовался сарматами просто в качестве котелка), бронзовая чашечка – Воронцовская, кург. 3, погр. 1.

Проблема дружинного сословия.

В сводку элитарных погребений включены захоронения с небольшим количеством статусных вещей, но подчеркнуто воинского облика, которые следует рассмотреть более подробно.

Тоннельный-3, кург. 1, погр. 3: пластинчатый доспех, эллинистический шлем, бронзовый котел, два меча – короткий и длинный, горит и др. Ножны обоих мечей и горит были украшены орнаментированными накладками из золотой фольги.

Бердянка, кург. 4, погр. 4: кираса, длинный меч, копье, горит или колчан со стрелами, колчанный крюк, обтянутый золотой фольгой, деревянный сосуд с серебряными накладками, пряжка, бронзовое зеркало, крупный кружальный сосуд и др.

Майеровский III, кург. 4, погр. 3-А: два меча – короткий и длинный, копье, горит или колчан со стрелами, железные пряжки, колчанный крюк, бронзовый котел, оселок, бронзовое зеркало и др.

Эти, безусловно, нерядовые погребения, тем не менее, вряд ли можно отнести к захо-

ронениям царей и скептухов, так как инсигнии власти, предметы роскоши и украшения в них присутствуют лишь эпизодически и в небольшом количестве.

В.М. Клепиков на основании серии подобных погребений с расширенным набором вооружения (длинный и короткий мечи, колчан, иногда топоры, наконечники копий, чешуйки железных панцирей) выделяет в раннесарматском обществе страту «дружинников» [Клепиков, 2015, с. 49]. Наличие у сарматов постоянных дружин профессиональных воинов предполагают и другие исследователи [Хазанов, 1971, с. 80–81; Нефедкин, 2011, с. 83].

Однако если рассматривать дружинное сословие как социальную страту – группы людей, занимающихся военным делом профессионально, оторванных от обычного скотоводческого хозяйства, то на раннесарматском материале II–I вв. до н.э. этого не наблюдается. Показательно, что «военизированные» погребения, как правило, встречаются в составе семейно-родовых кладбищ и никогда не составляют «дружинных» некрополей. Вряд ли они являются свидетельством наличия дружинной страты в обществе, более вероятно, что это погребения заслуженных воинов или военных вождей из родовой аристократии. Большой набор вооружения и относительно богатый погребальный инвентарь являются показателем личных заслуг конкретного человека в рамках рода. В литературе уже отмечалось, что военная организация сарматов представляла собой, скорее всего, народ-войско, убедительные свидетельства формирования военного сословия в виде профессиональных дружин над- или вне родоплеменного уровня в настоящее время отсутствуют [Вдовченков, 2011, с. 51].

Хронология. Большинство комплексов датируются в рамках II–I вв. до н.э., лишь для некоторых не исключена поздняя часть III в. до н.э. Однако датировки вещей из этих погребений, традиционно относимых к III в. до н.э., на наш взгляд, излишне заужены.

Деревянные сосуды с накладками из золотой и серебряной фольги, обнаруженные в нескольких погребениях (Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Бердянка, кург. 4, погр. 4; Прохоровка, кург. 6, погр. 3), действительно восходят к формам IV–III вв. до н.э., но грубыстость исполн-

нения и различия в стиле декора указывают, что это не антиквариат, как считает, например, А.В. Симоненко [Симоненко, 2015, с. 144], а предметы, синхронные прочим материалам II в. или II–I вв. до н.э. из этих комплексов.

Чернолаковые сосуды с росписью в технике *West Slope*, подобные найденному в Ипаторском погребении, появляются в середине – третьей четверти III в. до н.э. [Дедюлькин и др., 2019, с. 74–76, рис. 17]. Что же касается верхней границы бытования таких сосудов, то есть основания полагать, что они доживаются, по крайней мере, до рубежа III–II вв. до н.э. Примечателен пример инвентаря погребения 1в могильника Старокорсунского городища № 2, где канфар *West Slope* 275–260 гг. до н.э. был найден с родосской амфорой с клеймом эпонима Аристонида, 209–205 гг. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2019, с. 319–320]. Учитывая хорошую сохранность канфара, маловероятно, что он запаздывает на 60 лет. Следует признать, что некоторые варианты орнаментальных композиций и форм керамики *West Slope* производились дольше, чем это принято считать. Ипаторское погребение, по нашему мнению, датируется не ранее рубежа III–II вв. до н.э. или начала II в. до н.э. – времени появления сарматов в Центральном Предкавказье [Шевченко, 2020, с. 287].

Киасы из Прохоровки, кург. 1, погр. 1 и Бердянки, кург. 4, погр. 4 демонстрируют преемственность традиций между оружейными мастерскими Греции и Македонии и государствами эллинистического Востока. Они датируются в пределах второй половины III – первой половины II в. до н.э., как-то уточнить хронологию самих доспехов не представляется возможным [Дедюлькин и др., 2019]. Датировка надписей на фиалах из Прохоровки является предметом дискуссии. По мнению В.А. Лившица, надпись на одной из фиал – парфянская, не старше II–I вв. до н.э. [Лившиц, 2001, с. 169]. Нижняя граница этого интервала⁹ приблизительная, обусловлена отсутствием нормальной выборки парфянских надписей старше середины II в. до н.э. Сам В.А. Лившиц отмечал, что парфянская письменность возникла еще в конце III в. до н.э. [Лившиц, 2001, с. 164]. Таким образом, если надписи парфянские, то они датируются в ди-

апазоне позднего III – I в. до н.э. А.С. Балахванцев возразил, что владельческая надпись не обязательно является парфянской, а весовая не может датироваться позднее середины III в. до н.э. [Балахванцев, 2012, с. 227]. Следует, впрочем, отметить возможное хронологическое запаздывание фиала в сарматском погребении мог. Прохоровка (подробнее о дискуссии по поводу надписей на фиалах из Прохоровки см.: [Дедюлькин и др., 2019, с. 73]).

Подчеркнем, что мы не отрицаем возможности датировки вышеупомянутых комплексов второй половиной или концом III в. до н.э., но лишь обращаем внимание, что предметы из этих погребений, якобы подтверждающие такую хронологию, в действительности датируются широко и не могут служить бесспорными индикаторами III в. до н.э.

Относительно хронологии погребения 18 из Ногайчинского кургана – не вдаваясь в дискуссию [Зайцев, Мордвинцева, 2003, с. 85–97; 2007; Симоненко, 2012, с. 328; и др.], заметим, что хроноиндикаторы позднеэллинистического времени (унгвентарий типа 1 по В. Андерсон-Стоянович, кувшин предкавказского производства с вертикально-полосчатым орнаментом, целый ряд ювелирных изделий позднеэллинистического времени) делают наиболее убедительной версию о датировке комплекса в рамках первой половины – середины I в. до н.э., подкрепленную результатами радиоуглеродного датирования [Зайцев и др., 2013, с. 49–51].

Пользуясь случаем, отметим синкретизм погребения 18 из Ногайчинского кургана (Червоное, кург. 5). С одной стороны, общее соответствие погребальному обряду сарматов этого региона и локализация в северо-восточном степном Крыму среди сарматских памятников при отсутствии здесь в это время захоронений каких-либо других этнокультурных групп, позволяют согласиться с мнением о сарматской принадлежности этого комплекса [Кропотов, 2016, с. 23, рис. 1; Зайцев, 2023, с. 199–200]. С другой стороны, погребение в Ногайчинском кургане является для степных номадов уникальным по своему инвентарю и особенностям обряда. Наличие расписного деревянного саркофага нельзя объяснить случайностью, это значимый элемент погребального обряда, указывающий на принадлеж-

ность умершей к эллинистическому культурному пространству. Об этом же говорит набор роскошных ювелирных украшений, их художественный стиль, репертуар образов и качество исполнения, указывающие на лучшие мастерские эллинистического мира [Трейстер, 2000; Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 294–295]. На наш взгляд, остроумное предположение Ю.П. Зайцева и В.И. Мордвинцевой о принадлежности погребения дочери Митридата Евпатора, выданной замуж за варварского вождя [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 295–297] (исходя из локализации памятника – не скифского, а сарматского), не противоречит археологическому контексту и датировке комплекса.

Важным показателем степени расслоения общества является расположение элитарных погребений – вместе с рядовыми захоронениями (в одном кургане или могильнике) или отдельно от них, что может указывать на обособление элиты от общества [Мордвинцева, 2020, с. 261].

В большинстве случаев богатым захоронениям сопутствуют погребения рядового облика с обычным инвентарем, расположенные в том же кургане (иногда даже в той же могиле – Жутово, кург. 27, погр. 4; Барановка, кург. 10, погр. 9; Писаревка II, кург. 6, погр. 2; Белокаменка, кург. 7, погр. 3). Очевидно, что это общие семейно-родовые кладбища, где захоранивались и рядовые номады, и знать.

Вместе с тем у сарматов II–I вв. до н.э. наблюдаются признаки иерархизации, говорящие о том, что их общество находилось, скорее всего, на стадии перехода от ранжированного к стратифицированному социуму [Медведев, 2002, с. 105–107; Вдовченков, 2011, с. 49]. Прежде всего, это наличие небольших могильников, состоящих только из погребений царского ранга: Волжский – 3 погребения под собственной насыпью – первая насыпь над погребением 2 (ограбленным, но, очевидно, тоже царского уровня), вторая насыпь (досыпка) над погребениями 3 и 4, впущенные через короткий промежуток времени, вероятно, в пределах одного года, Новозаведенное V – 3 погребения, впущенные в большой курган эпохи бронзы. Очевидно, что перед нами отдельные некрополи элиты общества – царских родов, что свидетельствует об обособлении высшей знати от рядовых сородичей.

Показательно, что в выборке погребений высшей элиты присутствует погребение ребенка – Волжский, погребение 3. Это погребение парное – взрослый мужчина и ребенок 6,5–7 лет, оба в расшитой золотыми бляшками одежде, с мечами с золотыми накладками. При этом инсигнии власти – золотые гривна и браслет, парадный пояс с золотой пряжкой с зооморфным изображением сопровождают ребенка, а не взрослого. Разумеется, дети такого возраста еще не могли иметь заслуг, дающих им право на столь пышное погребение и богатый инвентарь. Очевидно, что ребенок имел на это право по рождению – в силу принадлежности к элитному сословию. Еще один подобный случай зафиксирован в погребении 6 кургана 5 мог. Бердянка, где исследована катакомба с захоронениями детей около 8 лет, у одного из которых были золотые двусторчатые браслеты со стилизованными фигурками хищников в полихромном зверином стиле, у второго – золотые украшения: подвески и пронизи. Погребения детей с инсигниями власти, парадным оружием и предметами роскоши, безусловно, указывают на стратифицированное общество, где высокий статус распространялся на всех членов семьи независимо от возраста.

Интересный случай зафиксирован в кургане 4 мог. Майеровский III – в погребении 3 в разных камерах одной катакомбы (А и Б) были совершены два элитарных погребения, но разного ранга: 3-Б – богатое захоронение женщины (18–20 лет) в одежде, расшитой золотыми бляшками, с золотой гривной и браслетами, серебряной чашей и набором ювелирных украшений и аксессуаров, 3-А – тоже не рядовое воинское погребение мужчины (50–55 лет) с котлом, двумя мечами, колчанным набором, копьем.

Примечательно, что хотя среди элитарных погребений преобладают мужские, женские захоронения присутствуют во всех элитных стратах, в том числе и в ряду царских захоронений: Ипатово-3, кург. 2, погр. 14; Майеровский III, кург. 4, погр. 3-Б; Ногайчинский, погр. 18. Между тем, судя по письменным источникам, власть в сарматском обществе принадлежала мужчинам – античные авторы сообщают исключительно о царях, а не о царицах. Единственное исключение – Амага, но

она, согласно Полиэну, правила вместо мужа – царя Медосакка, который «погряз в роскоши и пьянстве» (Polyaen. 8. 56, пер. А.Б. Егорова). Характерно, что Полиэн называет ее не царицей, а женой царя (*γυνὴ Μῆδοσάκκου βασιλέως*). В.М. Клепиков по итогам исследования женских погребений в раннесарматской культуре делает совершенно правильный, с нашей точки зрения, вывод о том, что, несмотря на высокий статус женщины, раннесарматское общество было патриархальным [Клепиков, 2015, с. 49]. В качестве версии высажем предположение о принадлежности женских элитарных погребений женам царей и скептухов.

Нarrативные источники, памятники нумизматики и эпиграфики. Нарративные источники, памятники нумизматики и эпиграфики применительно к сарматам не дают подробностей социальной структуры общества. В большинстве случаев для обозначения правителей используются слова *βασιλέως* и *τεχ*.

Титулы сарматских правителей в нарративных источниках, по данным нумизматики и эпиграфики. Полибий называет Гатала, Артаксия и Акусилоха правителями, *ἄρχοντ*, *δυνάστης*¹⁰ (Plb. 25. 2. 12–13). Автор старался не перегружать текст титулами, называя правителей просто по именам, но монархов Понта, Пергама, Вифинии и Каппадокии именует царями, *βασιλεῖς* (Plb. 25.2.9). Нельзя сказать, что историк из Мегалополя не

брежен с титулатурой, Митридата он называет сатрапом Армении, *σάτραπης* (Plb. 25.2.11). Само по себе это ничего не говорит о характере власти Гатала, поскольку вряд ли Полибий хорошо себе представлял социальную структуру общества сарматов. Можно лишь констатировать, что Гатал не был от кого-то зависим и правил какой-то частью сарматов. Безусловно, и древнегреческий, и латынь позволяют охарактеризовать правителя уничижительно и пренебрежительно, поставив под сомнение его могущество и субъектность. Например, Тит Ливий называет мятежного правителя илергетов Индибилиса «царьком», *regulus* (Liv. 22. 21.3). В большинстве известных нам случаев античные авторы называют сарматских правителей царями, *βασιλέως*. При этом масштабы царств могли быть очень скромными – например, для сравнительно небольшой области генохов Страбон упоминает наличие сразу четырех царей (Strabo. XI.2.13). Как уже отмечалась, Амага не называется царицей, она – жена царя (Polyaen. 8. 56), которая правит в силу обстоятельств. Обидчик херсонеситов, царь скифов – тоже *βασιλέως*, с ним упоминаются «родственники и друзья»¹¹ – *συγγενεῖς καὶ φίλοι*, что является вполне стандартной формулой для описания эллинистического царского двора. Сложно сказать, кем был упоминаемый Страбоном Тасий, «предводитель», *ηγεμόνας*, роксоланов, воевавший в союзе со скифами против Дио-

Персоналии / события	Правитель	Аристократия, скептухи
Гатал (Plb. 25. 2. 12–13)	<i>ἄρχοντ</i> , <i>δυνάστης</i>	–
Медосакк (Polyaen. 8. 56)	<i>βασιλέως</i>	<i>συγγενεῖς καὶ φίλοι</i> (про двор царя скифов)
Тасий (Strabo. VII.3.17)	<i>ηγεμόνας</i>	–
Абек (Strabo. XI.5.8)	<i>βασιλέως</i>	–
Спадин (Strabo. XI.5.8)	<i>βασιλέως</i>	–
Зорсин (Tac. Ann. 12.15)	<i>τεχ</i>	–
Эвнон (Tac. Ann. 12.15)	<i>Rex *</i>	
Умабий (декрет из-под Мангупа [Виноградов, 1994])	<i>βασιλέως</i>	–
Фарзой (монетная легенда)	<i>βασιλέως</i>	–
Инисмей (монетная легенда)	<i>βασιλέως</i>	–
События 35 г. н.э. (Tac. Ann. VI. 33. 2)	–	<i>sceptuchi</i>
События 69 г. н.э. (Tac. Hist. 1, 79)	–	<i>principes et nobilissimi</i>

Примечание. * – титул понятен по контексту: «...Zorsines Siracorum rex...», «...Eunonen qui Aorsorum genti praesidebat...» (Tac. Ann. 12.15), и дальше «...ad hoc reges ferocis, vagos populos...» – «...цари в тех краях воинственные, народы – кочевые...» (Tac. Ann. 12.20).

фанта, полководца Митридата Евпатора (Strabo. VII.3.17). Вполне может быть, что это некий военный вождь, а не царь.

Почти полное отсутствие в нарративных источниках сведений по структуре элит сарматского общества можно отчасти компенсировать информацией о парфянах. В.П. Никоноров отметил, что структура военной организации парфян восходит к их степной родине [Никоноров, 2000, с. 31]. М. Ольбрыхт, рассмотрев ряд аналогий из греческой и иранской практики, пришел к выводу, что автократор / *kāran* – это независимый правитель, чьи притязания основаны на военном успехе [Olbrycht, 2013, p. 70–71]. А.С. Балахванцев указал на важные аспекты наделения этим титулом. В ахеменидское время, как следует из указания Ксенофона по поводу назначения Кира Младшего, титул *каран* жаловался царским указом (Xen. Hell. I. 4. 3). Исследователь отметил, что понятие **kāra-* относится еще к эпохе родового строя и охватывает всех свободных членов общества [Дандамаев, 1985, с. 83–84], следовательно, первоначально у иранцев в целом и у парнов в частности *караном* человека наряжало все племя [Балахванцев, 2017, с. 83]. А.С. Балахванцев пришел к выводу, что неограниченную власть в военных делах Аршаку вручило народное собрание парнов, затем благодаря достигнутым успехам он сумел сделать полученную от племени власть не только пожизненной, но и наследственной (Iust. XLI. 5. 7). Вполне возможно, что сходным образом происходило становление власти упоминаемых античными авторами сарматских царей.

Тацит упоминает сарматских *principes et nobilissimi*, «вождей и знать» (Tac. Hist. 1, 79), и скипетроносцев¹², *sceptuchi* (Tac. Ann. VI. 33. 2). В последнем случае это явный гречизм, другими латинскими авторами этот термин не используется.

Относительно уровня развития обществ номадов сарматской эпохи у специалистов нет единства мнений. Некоторые ученые видят у сарматов процессы классообразования и считают, что сарматские общества достигли уровня раннего государства [Хазанов, 1971, с. 82; Мошкова, 1989, с. 208–209; Медведев, 2010, с. 140, 145; Симоненко, 2015, с. 313]. С.А. Яценко характеризует Аланию I–II вв. н.э.

с центром на Нижнем Дону как кочевую империю [Яценко, 2009].

Согласно разработкам других исследователей, специфика развития обществ номадов приводит к альтернативному пути политогенеза, не доходящему до государственного уровня. Социальная структура кочевых обществ всегда базировалась на родоплеменной основе [Мошкова, 1989, с. 208; Хазанов, 1975, с. 129], и их внутренняя жизнь регламентировалась нормами обычного права, даже когда они входили в состав «кочевых государств». «Кочевые империи» со стороны могли восприниматься как государственные образования, но на деле являлись конфедерациями племен номадов, объединявшихся, как правило, с целью попыток подчинения соседних земледельческих обществ или установления даннических отношений [Бондаренко и др., 2006, с. 13–14]. В качестве примеров можно назвать государство подобные образования сюнну, скифов. Для подобных объединений номадов исследователями предлагается термин «суперсложные вождества» [Бондаренко и др., 2006, с. 14].

Следует, однако, согласиться с мнением А.С. Скрипкина, что сарматские общества не достигли уровня «суперсложных вождеств» = «кочевых империй». Основываясь на данных письменных источников, А.С. Скрипкин характеризует объединения сарматов последних веков до н.э. – первых веков н.э. не как единую «империю», а как ряд самостоятельных этнополитических группировок – сложные вождества, включающие несколько простых вождеств. По мнению А.С. Скрипкина, «скептухи» античных авторов – это предводители вождеств, а «цари» – предводители сложных вождеств [Скрипкин, 2017, с. 245–252]. В отношении сарматских скептухов А.С. Скрипкин приводит весьма уместную, на наш взгляд, аналогию с *тайши* – главами улусов в Калмыцком ханстве XVII–XVIII вв., которые обладали большой властью, самостоятельно устанавливали связи с соседями, вели внешние и междуусобные войны.

Выводы. 1. Тезис о невыраженности социальной структуры у сарматов II–I вв. до н.э. следует признать несостоительным. По богатству и пышности элитные погребения этого периода вполне сравнимы с захоронениями

высшей знати среднесарматского и позднесарматского времени, которые исследователи вполне правомерно интерпретируют как «княжеские» или «царские». Вместе с тем масштаб их несопоставим с царскими курганами сарматов (Филипповка 1) и скифов IV в. до н.э. Однако А.С. Скрипкиным в дискуссии на одной из научных конференций была подмечена общая тенденция к уменьшению масштабности погребальных комплексов варварских элит в последних веках до н.э. – первых веках н.э. Точка зрения А.С. Скрипкина подтверждается захоронениями царей этого времени, известных по нарративным источникам: погребение царя Скилура в Неаполе Скифском [Зайцев, 2001], предполагаемое погребение царя Иниисмея в погр. 1 кург. 1 мог. Пороги [Симоненко, Лобай, 1991, с. 62–75]. Рассмотренные нами погребальные комплексы высшей элиты сарматов II–I вв. до н.э. по масштабу и составу инвентаря вполне сопоставимы с захоронениями этих царей.

2. Анализ элитарных погребений сарматов II–I вв. до н.э. выявляет комплексы нескольких уровней, различающиеся по пышности и богатству. Помимо предполагаемых царей и скептухов, выделяется пласт погребений аристократии более низкого ранга. Очевидно, что иерархия элитной части общества была более многоступенчатой, чем это зачастую представляется исследователям, исходя из сообщения Страбона о двухуровневой вертикали власти (цари и скептухи).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Часть исследования, подготовленная А.В. Дедюлькиным, выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

The study (part of A.V. Dedyulkina) was supported by the South Federal University Strategic Academic Leadership Programme (Priority 2030).

² Если быть точным, Тасия Страбон называет предводителем (τργεμόνας), а не царем.

³ В этот список не включены еще несколько элитарных погребальных комплексов, известных нам по кратким упоминаниям в литературе (Ново-зведенное V, кург. 1, погр. 15; Журавка, кург. 7, погр. 21; и др.), по которым мы не имеем достаточной информации.

⁴ За рамками исследования оставлен ряд ярких и богатых комплексов так называемого зубовско-воздвиженского типа (Воздвиженская; Зубовский, кург. 1; Песчаный, кург. 1, погр. 10; и др.), датировка которых не исключает I в. до н.э. По мнению сарматологов, памятники Зубовско-Воздвиженской группы более близки среднесарматской культуре [Раев, Яценко, 1993, с. 112; Сергацков, 1999, с. 145–146; Глухов, 2005, с. 116–117].

⁵ В Новоджерелиевской и Бойко-Понуре к инвентарю погребений были ошибочно отнесены вещи из ритуальных кладов, находившихся в насыпи курганов [Шевченко, 2005, с. 131; Глебов, 2016, с. 147]. Но даже за вычетом этих предметов, инвентарь обоих погребений выглядит достаточно представительным.

⁶ Культурная принадлежность богатого сарматского погребения из Соколовой Могилы не очевидна. Наша версия о его атрибуции основывается на том, что захоронение находится на территории, занятой в I в. н.э. потомками северопричерноморских nomадов раннесарматского времени, в значительном удалении от ареала среднесарматской культуры, его обряд – впускное, с широтной ориентировкой – не соответствует среднесарматской погребальной традиции. Пользуясь случаем, выражаем благодарность В.В. Кропотову за консультацию по поводу погребения из Соколовой Могилы.

⁷ Отметим условность термина «парадный» для оружия, упряжи, поясов и пр. Как отмечает О.А. Шинкарь, богато украшенные мечи из Волжского, судя по сильной степени затертости золотых накладок на рукоятях, перекрестиях и ножнах, не являлись церемониальным оружием, а носились постоянно [Шинкарь и др., 2025а, с. 251]. А.В. Симоненко и В.Ю. Зуев называют парадное оружие церемониальным, поскольку сарматы не проводили парадов [Зуев, 2016, с. 267]. Большая часть оружия из погребений элиты богато украшена, однако это не предполагает непременного предназначения его только для неких церемоний. Термин «парадное» давно обозначает богато украшенное (и зачастую вполне функциональное) вооружение, и широко употребляется применительно к оружию разных эпох и культур, безотносительно парадов. В англоязычной литературе употребляется эпитет *parade* (с тем же смыслом), в немецкоязычной – *prunkwaffen* («роскошное оружие»). В русскоязычной традиции термин «роскошное оружие» не используется, а «парадное оружие» – общеупотребителен. Например, применительно к находкам из Храма Окса упоминаются детали «...парадных боевых и... вотивных ножен...» [Пичикян, 1986, с. 272], поскольку все они богато украшены, но часть – от функционального оружия, часть – от миниатюрных моделей-вотивов.

⁸ Эти предметы конской упряжи из насыпей курганов принято считать самостоятельными комплексами – ритуальными кладами [Симоненко, 2012, с. 334–335; Глебов, 2016, с. 148], но нельзя полностью исключить и вероятности их связи с сарматскими погребениями в этих курганах.

⁹ Отметим, здесь не вполне корректный прием В.Ю. Зуева: вначале он сообщил В.А. Лившицу свою датировку погребения с фиалами – I в. до н.э. [Лившиц, 2001, с. 169], а потом сам привлекал результаты эпиграфического исследования как важный аргумент в дискуссии о хронологии погребения.

¹⁰ Справедливый в целом тезис Ю.Г. Виноградова: «...ни один античный автор, как и ни один эпиграфический документ не именует предводителей сарматов династами: наиболее легализованными потестарными терминами у них были либо “цари” (βασιλεῖς) либо “скептухи” (σκηπτοῦχοι)» [Виноградов, 1997, с. 119], представляется излишне категоричным. Полибий не называет Гатала βασιλέως:

«...τὴν Ἀσίαν δυναστῶν Ἀρταξίας ὁ τῆς πλείστης Ἀρμενίας ἄρχων καὶ Ἀκουσίλοχος, τῶν δὲ κατὰ τὴν Εὐρώπην Γάταλος ὁ Σαρμάτης...», перевод Ф.Г. Мищенко вполне точен: «...из владык азиатских Артаксия, правитель большей части Армении, и Акусилох, а из владык Европы сармат Гатал...». Очевидно, что здесь по смыслу: «...τὴν Ἀσίαν δυναστῶν... τὴν Εὐρώπην [δυναστῶν]...».

¹¹ По эпиграфическим памятникам известны примеры употребления συγγενῆς как почетного титула в царствах Селевкидов и Птолемеев. «Родственником царя Птолемея» назван в надписи с Делоса Хрисерм, сын Гераклита из Александрии, экзегет, глава лекарей, и эпистлат Музея (OGIS 104.2). Царским друзьям посвящены многочисленные публикации (см. библиографию [Paschidis, 2006, р. 252, note 9]).

¹² О проблеме содержания этого термина применительно к варварским обществам Северного Причерноморья и Кавказа см.: [Вдовченков, Воскресенский, 2022].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов И. Н., 1986. Погребальный комплекс сарматского времени II в. до н.э. у х. Элитный (Краснодарский край) // Новое в археологии Северного Кавказа. М. : Наука. С. 190–197.

Анфимов Н. В., 1986. Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили // Новое в археологии Северного Кавказа. М. : Наука. С. 183–189.

Археологи из Ставропольской экспедиции обнаружили захоронение сарматского воина-аристократа, 2022. URL: https://www.hist.msu.ru/about/gen_news/83904/

Балахванцев А. С., 2012. Эпиграфические памятники ахеменидской эпохи на Южном Урале // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. М. : Тauc. С. 220–227.

Балахванцев А. С., 2017. Политическая история ранней Парфии. М. : ИВ РАН. 2017. 192 с.

Беспалый Г. Е., 2024. Погребение второй половины II в. до н. э. близ станицы Дядьковской. Ростов н/Д : Ком. по охране объектов культурного наследия Ростовской области, ГАУК РО «Донское наследие». 134 с.

Бондаренко Д. М., Коротаев А. В., Крадин Н. Н., 2006. Введение : Социальная эволюция, альтернативы иnomadism // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М. : Ин-т Африки РАН. С. 6–25.

Вдовченков Е. В., 2011. Историография социальных исследований сарматов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. № 5 (165). С. 47–52.

Вдовченков Е. В., 2015. Уровень сложности сарматских обществ Подонья // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 239. С. 43–53.

Вдовченков Е. В., Воскресенский А. П., 2022. Скептухи на Кавказе и в Северном Причерноморье в античную эпоху // Кавказология. № 2. С. 12–21. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2022-2-12-21>

Виноградов Ю. Г., 1997. Херсонесский декрет о «нессении Диониса» IOSPE II. 343 и вторжение сарматов в Скифию // Вестник древней истории. № 3. С. 104–124.

Гиджрати Н. И., Наглер А. О., 1985. Сарматское погребение у села Комарово Моздокского района СО АССР (предварительное сообщение) // Античность и варварский мир. Орджоникидзе : Северо-Осетинский ГУ. С. 131–137.

Глебов В. П., 2016. О вариантах обряда захоронения «ритуальных кладов» III–I вв. до н.э. // Stratum plus. № 3. С. 145–161.

Глебов В. П., Гордин И. А., 2016. Богатое сарматское погребение из могильника Дядьковский 45 в Краснодарском крае // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. СПб. : ПАЛАЦЦО. С. 282–292.

Глухов А. А., 2005. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н.э. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 238 с.

Дандамаев М. А., 1985. Политическая история Ахеменидской державы. М. : Наука. 319 с.

Дворниченко В. В., 1989. Отчет о раскопках могильника у с. Косика Енотаевского района Астраханской области в 1987–1988 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14801.

Дворниченко В. В., Демиденко С. В., Демиденко Ю. В., 2008. Набор пряжек из погребения знатного сарматского воина в могильнике Кривая Лука VIII // Проблемы современной археологии. М. : Тавс. С. 239–242.

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1981. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 168. С. 100–105.

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А., 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М. : Наука. С. 5–13.

Дедюлькин А. В., Каюмов И. Ф., Мещеряков Д. В., 2019. Эллинистические железные кирасы из Южного Приуралья // Stratum plus. № 3. С. 51–88.

Дедюлькин А. В., Мещеряков Д. В., 2022. Парадная сбруя и конский доспех из межкурганного пространства могильника Прохоровка // Призвание – археология. Уфа : Диалог. С. 349–365.

Демиденко С. В., Демиденко Ю. В., 2012. К вопросу о связях Заволжья, Северного Прикаспия и Средней Азии в последние века до н.э. // Евразия в скифо-сарматское время. Труды ГИМ. Вып. 191. М. : ГИМ. С. 79–88.

Древние сокровища нашли прокладчики газопровода в Ставропольском крае, 2012. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-11-02/78572-drevnie_sokrovischa_nashli_prokladchiki_gazoprovoda_v_stavropolском_krae_2_novembra_2012/

Зайцев Ю. П., 2001. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы Крыма: III в. до н.э. – III в. н.э. Труды ГИМ. Вып. 118. С. 13–58.

Зайцев Ю. П., 2023. Крымский Барбарикум (III в. до н.э. – IV в.) в контексте новейших археологических исследований // Боспорский феномен. СПб. : Чистый лист. С. 199–205.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2003. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // Вестник древней истории. № 3. С. 61–99.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2004. «Царица» из Ногайчинского кургана: возможности исторических реконструкций // Боспорский феномен. Т. 2. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 290–297.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., Хеллстрем К., 2013. Радиоуглеродное датирование женского элитного погребения Ногайчинского кургана (Крым) в культурно-историческом контексте // Крым в сарматскую эпоху. I. Симферополь ; Бахчисарай : Доля. С. 44–59.

Захаров А. В., 2000. Сарматское погребение в кургане «Крестовый» // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : Терра. С. 27–45.

Зуев В. Ю., 2016. К проблеме выделения погребений раннесарматской элиты по археологическим материалам // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. СПб. : ПАЛАЦЦО. С. 259–276.

Ильюков Л. С., 2001. Курган с погребениями раннесарматского времени // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 198–207.

Ильюков Л. С., Власкин М. В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов н/Д : РГУ. 228 с.

Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2023. Восточные импорты в богатых сарматских погребениях кургана 1 могильника Новозаведенное-V // Международная научная конференция «Восточный эллинизм – новые данные» : тез. докл. М. : ИА РАН. С. 32–35.

Клепиков В. М., 2015. К вопросу о возможностях социальной интерпретации раннесарматского общества Нижнего Поволжья // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. № 5 (35). С. 46–52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.5>

Кропотов В. В., 2016. Сарматские погребальные памятники Степного Крыма // Нижневолжский археологический вестник. Т. 15, № 1. С. 22–39. DOI: <http://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2016.1.2>

Кропотов В. В., 2019. К проблеме выделения раннесарматских памятников Северного Причерноморья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). В. Симферополь : Салта ЛТД. С. 154–160.

Культурный мост: из прошлого в настоящее. Каталог интерактивной выставки археологических находок, 2018. М. : Гос. музей архитектуры им. Щусева. 224 с.

Левин Е. С., Короткий Д. В., Лунев М. Ю., 2014. Новое сарматское погребение с римскими импортами из Прикубанья // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения : материалы конф. М. : ИА РАН. С. 256–258.

Лившиц В. А., 2001. О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана 1 у деревни Прохоровка // Боспорский феномен. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства : материалы Междунар. науч. конф. Т. 2. СПб. : ГЭ. С. 160–170.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2019. Погребения с родосскими амфорами из меотских могильников Краснодарской группы // Античный мир и археология. Вып. 19. Саратов : Техно-Декор. С. 318–341.

Ляхов С. В., Мордвинцева В. И., 2000. Раннесарматское погребение у поселка Питерка Саратовской области // Российская археология. № 3. С. 102–110.

Мамонтов В. И., 2002. Сарматские погребения из курганных могильника Писаревка II // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. С. 251–259.

Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани. Краснодар : КубГУ. 336 с.

Медведев А. П., 2002. Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы (опыт диахронного историко-археологического анализа) // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М. : Ин-т Африки РАН. С. 98–111.

Медведев А. П., 2010. О формах зависимости в сарматских обществах первых веков нашей эры // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. С. 140–146.

Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В., 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // Археологические памятники Оренбургья. Вып. III. Оренбург : Димур. С. 124–146.

Мордвинцева В. И., 2020. «Варварские» элиты Нижнего Поволжья и Подонья в III в. до н.э. – сер. III в. н.э.: опыт выявления уровней социальной иерархии // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 259–286.

Мордвинцева В. И., Шинкарь О. В., 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. С. 138–149.

Мошкова М. Г., 1989. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука. С. 202–214.

Нефедкин А. К., 2011. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб. : СПбГУ : Нестор-История. 304 с.

Никоноров В. П., 2000. Кочевнический пласт в культурном наследии Парфянской державы // Культурное наследие Туркменистана: глубинные источники и современные перспективы. Ашгабад ; СПб. : Европейский дом. С. 31–35.

Пичикян И. Р., 1986. Парадные ножны греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. М. : Наука. С. 264–272.

Раев Б. А., Дворниченко В. В., 2014. Азиатские элементы обряда захоронения у с. Косика (Косика-2) // Кадыр-баевские чтения-2014 : материалы IV Междунар. науч. конф. Актобе ; Астана : Мега принт. С. 170–174.

Раев Б. А., Яценко С. А., 1993. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе : (тезисы) // Скифия и Боспор : материалы конф. Новочеркасск : Музей истории донского казачества. С. 111–125.

Сергацков И. В., 1999. Проблема формирования среднесарматской культуры // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 137–155.

Сергацков И. В., 2000. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 270 с.

Симоненко А. В., 2012. Сарматское погребение в Ногайчинском кургане: окончание диалога // Stratum plus. № 4. С. 327–338.

Симоненко А. В., 2015. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Киев : Издатель Олег Филюк. 466 с.

Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев : Наукова думка. 112 с.

Скворцов Н. Б., Скрипкин А. С., 2008. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 9. С. 98–116.

Скрипкин А. С., 2017. Сарматы. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 293 с.

Скрипкин А. С., Шинкарь О. А., 2010. Жутовский курган № 27 сарматского времени в Волго-Донском междуруечье // Российская археология. № 1. С. 125–137.

Трейстер М. Ю., 2000. О ювелирных изделиях из Ногайчинского кургана // Вестник древней истории. № 1. С. 182–202.

Федоров-Давыдов Г. А., Дворниченко В. В., Малиновская Н. В., 1974. Отчет о раскопках курганов в урочище «Кривая Лука» в Черноярском районе Астраханской области в 1974 году // Архив ИАРАН. Р-1. № 5315.

Хазанов А. М., 1971. Очерки военного дела сарматов. М. : Наука. 171 с.

Хазанов А. М., 1975. Социальная история скифов. М. : Наука. 343 с.

Шевченко Н. Ф., 2005. Новые данные о сарматском погребальном комплексе из ст-цы Новоджерелиевской // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5. С. 126–138.

Шевченко Н. Ф., 2020. Сарматы Центрального и Западного Кавказа в раннесарматское время // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Махачкала : Мавраевъ. С. 287–289.

Шереметьев А. Г., Мордвинцева В. И., 2022. Сакральное и материальное в погребении воинской элиты у станицы Динская (Краснодарский край) // XXIII Боспорские чтения : материалы конф. Симферополь ; Керчь. С. 356–362.

Шинкарь О. А., Чугаев А. В., Сапрыкина И. А., Зубавичус Е. Я., 2025а. Эллинистическая торевтика из сарматского кургана у города Волжский. Ч. I // Восток (Oriens). № 3. С. 247–261. DOI: <https://doi.org/10.31696/S086919080035100-7>

Шинкарь О. А., Балабанова М. А., Переярова Е. В., 2025б. Раннесарматская элита по результатам археолого-антропологического исследования погребений одиночного кургана у г. Волжский // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 2. С. 125–148. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.7>

Яблонский Л. Т., 2010. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М. : ТАУС. 216 с.

Яценко С. А., 2002. Особенности общественного развития сармато-аланов и их восприятие в других культурах // Кочевая альтернатива социальной эволюции. М. : Ин-т Африки РАН. С. 91–97.

Яценко С. А., 2009. Алания I–II вв. н.э. как кочевая империя // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 3. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН. С. 281–310.

Marčenko I. I., Limberis N. Ju., 2008. Romische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes. Archäologie in Eurasien // Simonenko A. V., Marčenko I. I., Limberis N. Ju. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuba. Bd. 25. Mainz. S. 265–400.

Olbrycht M. J., 2013. The titulature of Arsaces I, king of Parthia // Parthica. T. 15. P. 63–74.

Paschidis P., 2006. The interpenetration of civic elites and court elite in Macedonia // Rois, cités, nécropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine (Actes des colloques de Nanterre [décembre 2002] et d'Athènes [janvier 2004]). Мелетήματα, 45. Athens. P. 251–268.

REFERENCES

Anfimov I.N., 1986. Pogrebal'nyy kompleks sarmatskogo vremeni II v. do n.eh. u kh. Ehlitnyy (Krasnodarskiy kray) [Burial Complex of the Sarmatian Period of the 2nd Century BC near the Village of Elitny (Krasnodar Territory)]. *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza* [New in the Archaeology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 190–197.

Anfimov N.V., 1986. Kurgannyy kompleks sarmatskogo vremeni iz basseyyna r. Kirpili [Kurgan Complex of the Sarmatian Period from the Kirpili River Basin]. *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza* [New in the Archaeology of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., pp. 183–189.

Arheologi iz Stavropol'skoy ehkspeditsii obnaruzhili zakhoronenie sarmatskogo voyna-aristokrata [Archaeologists from the Stavropol Expedition Discovered the Burial of a Sarmatian Warrior-Aristocrat], 2022. URL: https://www.hist.msu.ru/about/gen_news/83904/

Balakhvantsev A.S., 2012. Ehpigraficheskie pamyatniki akhemenidskoy epokhi na Yuzhnom Urale [Epigraphic Monuments of the Achaemenid Era in the Southern Urals]. *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.eh.)*. [Influences of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (5th–3rd Centuries BC)], vol. I. Moscow, Taus Publ., pp. 220–227.

Balakhvantsev A.S., 2017. *Politicheskaya istoriya ranney Parfii* [Political History of Early Parthia]. Moscow, Institute of Oriental Studies RAS. 192 p.

Bespally G.E., 2024. *Pogrebenie vtoroy poloviny II v. do n.eh. bliz stanitsy Dyad'kovskoy* [Burial of the Second Half of the 2nd Century BC near the Village of Dyadkovskaya]. Rostov-on-Don, Committee for the Protection of Cultural Heritage Sites of the Rostov Region, State Autonomous Institution of Culture of the Rostov Region “Donskoye Nasledie”. 134 p.

Bondarenko D.M., Korotaev A.V., Kradin N.N., 2006. Vvedenie: Sotsial'naya ehvolyutsiya, al'ternativy i nomadizm [Introduction: Social Evolution, Alternatives, and Nomadism]. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy ehvolyutsii* [Nomadic Alternative to Social Evolution]. Moscow, Institute for African Studies, RAS, pp. 6-25.

Vdovchenkov E.V., 2011. Istorografiya sotsial'nykh issledovaniy sarmatov [Historiography of Social Studies of the Sarmatians]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki* [News of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences], no. 5 (165), pp. 47-52.

Vdovchenkov E.V., 2015. Uroven' slozhnosti sarmatskikh obshchestv Podon'ya [The Level of Complexity of Sarmatian Societies in the Don Region]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology, iss. 239, pp. 43-53.

Vdovchenkov E.V., Voskresenskiy A.P., 2022. Skeptukhi na Kavkaze i v Severnom Prichernomor'e v antichnuyu epohu [Skeptouchoi in the Caucasus and the Northern Black Sea Region in the Ancient Era]. *Caucasology*, no. 2, pp. 12-21. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2022-2-12-21>

Vinogradov Yu.G., 1997. Khersonesskiy dekret o «nesenii Dionisa» IOSPE II. 343 i vtorzhenie sarmatov v Skifiyu [The Chersonesos Decree on the “Carrying of Dionysus” IOSPE II. 343 and the Sarmatian Invasion of Scythia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 104-124.

Gjirati N.I., Nagler A.O., 1985. Sarmatskoe pogrebenie u sela Komarovo Mozdokskogo rayona SO ASSR (predvaritel'noe soobshchenie) [Sarmatian Burial near the Village of Komarovo, Mozdok District, S.O. ASSR (Preliminary Report)]. *Antichnost' i varvarskiy mir* [Antiquity and the Barbarian World]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University, pp. 131-137.

Glebov V.P., 2016. O variantakh obryada zakhoroneniya «ritual'nykh kladov» III-I vv. do n.eh. [About Variants of the Funeral Practice of “Ritual Hoards” of 3rd – 1st Centuries BC]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 145-161.

Glebov V.P., Gordin I.A., 2016. Bogatoe sarmatskoe pogrebenie iz mogil'nika Dyad'kovskiy 45 v Krasnodarskom krae [Rich Sarmatian Burial from the Dyadkovsky 45 Cemetery in Krasnodar Krai]. *Ehlita Bospora i Bosporskaya ehlitarnaya kul'tura* [The Bosporan Elite and the Bosporan Elite Culture]. Saint Petersburg, PALAZZO Publ., pp. 282-292.

Glukhov A.A., 2005. *Sarmaty mezhdu rech'ya Volgi i Dona v I – pervoy polovine II v. n.eh.* [Sarmatians Between the Volga and Don Rivers in the 1st – First Half of the 2nd Century AD]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo Publ. 238 p.

Dandamaev M.A., 1985. *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy* [Political History of the Achaemenid Empire]. Moscow, Nauka Publ. 319 p.

Dvornichenko V.V., 1989. Otechyot o raskopkakh mogil'nika u s. Kosika Enotaevskogo rayona Astrakhanskoy oblasti v 1987–1988 gg. [Report on the Excavations of a Burial Ground near the Village of Kosika, Yenotaevsky District, Astrakhan Region, in 1987–1988]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 14801.

Dvornichenko V.V., Demidenko S.V., Demidenko Yu.V., 2008. Nabor pryazhek iz pogrebeniya znatnogo sarmatskogo voyna v mogil'nike Krivaya Luka VIII [A Set of Buckles from the Burial of a Noble Sarmatian Warrior in the Krivaya Luka VIII Burial Ground]. *Problemy sovremennoy arkheologii* [Problems of Contemporary Archaeology]. Moscow, Taus Publ., pp. 239-242.

Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., 1981. Serebryanye falary iz sarmatskogo pogrebeniya mogil'nika Krivaya Luka IX v Astrakhanskoy oblasti [Silver Phalerae from the Sarmatian Burial of the Krivaya Luka IX Burial Ground in the Astrakhan Region]. *Kratkiye soobscheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 168, pp. 100-105.

Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A., 1989. Pamyatniki sarmatskoy aristokratii v Nizhnem Povolzh'e [Monuments of the Sarmatian Aristocracy in the Lower Volga Region]. *Sokrovishcha sarmatskikh vozkhdey i drevnie goroda Povolzh'ya* [Treasures of the Sarmatian Leaders and Ancient Cities of the Volga Region]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5-13.

Dedyulkina A.V., Kayumov I.F., Meshcheryakov D.V., 2019. Ehlinisticheskie zheleznye kirasy iz Yuzhnogo Priural'ya [Hellenistic Iron Cuirasses from the South Ural Region]. *Stratum plus*, no. 3, pp. 51-88.

Dedyulkin A.V., Meshcheryakov D.V., 2022. Paradnaya sbruya i konkiy dospekh iz mezhkurgannogo prostranstva mogil'nika Prokhorovka [Ceremonial Harness and Horse Armor from the Inter-Barrow Space of the Prokhorovka Burial Ground]. *Prizvanie – arkheologiya* [Vocation – Archeology]. Ufa, Dialog Publ., pp. 349-365.

Demidenko S.V., Demidenko Yu.V., 2012. K voprosu o svyazyakh Zavolzh'ya, Severnogo Prikaspiya i Sredney Azii v poslednie veka do n.eh. [On the Issue of the Connections Between the Trans-Volga Region, the Northern Caspian Region and Central Asia in the Last Centuries BC]. *Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya* [Eurasia in the Scythian-Sarmatian Time]. Proceedings of the State Historical Museum, iss. 191. Moscow, SHM, pp. 79-88.

Drevnie sokrovishcha nashli prokladchiki gazoprovoda v Stavropol'skom krae [Ancient Treasures Found by Gas Pipeline Workers in Stavropol Krai], 2012. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-11-02/78572-drevnie_sokrovischa_nashli_prokladchiki_gazoprovoda_v_stavropolskom_krae November 2, 2012/

Zaitsev Yu.P., 2001. Mavzoley tsarya Skilura: fakty i kommentarii [The Mausoleum of King Skilurus: Facts and Comments]. *Pozdnie skify Kryma: III v. do n.e. – III v. n.e.* [Late Scythians of Crimea: 3rd Century BC – 3rd Century AD]. Trudy GIM, iss. 118, pp. 13-58.

Zaitsev Yu.P., 2023. Krymskiy Barbarikum (III v. do n.eh. – IV v.) v kontekste noveyshikh arkheologicheskikh issledovaniy [Crimean Barbaricum (3rd Century BC – 4th Century) in the Context of the Latest Archaeological Research]. *Bosporskiy fenomen* [Bosporan Phenomenon]. Saint Petersburg, Chisty List Publ., pp. 199-205.

Zaitsev Yu.P., Mordvintseva V. I., 2003. «Nogaychinskiy» kurgan v stepnom Krymu [“Nogaichinsky” Burial Mound in the Steppe Crimea]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 3, pp. 61-99.

Zaitsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2004. «Tsaritsa» iz Nogaychinskogo kurgana: vozmozhnosti istoricheskikh rekonstruktsiy [“Queen” from the Nogaichinsky Burial Mound: Possibilities of Historical Reconstructions]. *Bosporskiy fenomen* [Bosporan Phenomenon], vol. 2. Saint Petersburg, State Hermitage, pp. 290-297.

Zaitsev Yu.P., Mordvintseva V.I., Hellström K., 2013. Radiougleodnoe datirovanie zhenskogo ehlitnogo pogrebeniya Nogajchinckogo kurgana (Krym) v kul'turno-istoricheskem kontekste [Radiocarbon Dating of the Female Elite Burial of the Nogaichinsky Kurgan (Crimea) in the Cultural and Historical Context]. *Krym v sarmatskuyu ehpokhu* [Crimea in the Sarmatian Era], vol. I. Simferopol, Bakhchisarai, Dolya Publ., pp. 44-59.

Zakharov A.V., 2000. Sarmatskoe pogrebenie v kurgane «Krestovy» [Sarmatian Burial in the “Krestovy” Kurgan]. *Sarmaty i ikh sosedni na Donu* [Sarmatians and their Neighbors on the Don]. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 27-45.

Zuev V.Yu., 2016. K probleme vydeleniya pogrebeniy rannesarmatskoy ehility po arkheologicheskim materialam [On the Problem of Identifying Burials of the Early Sarmatian Elite Based on Archaeological Materials]. *Ehlita Bospora i Bosporskaya ehlitarnaya kul'tura* [The Bosporan Elite and the Bosporan Elite Culture]. Saint Petersburg, PALAZZO Publ., pp. 259-276.

Ilyukov L.S., 2001. Kurgan s pogrebeniyami rannesarmatskogo vremeni [Kurgan with Burials of the Early Sarmatian Period]. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on the Archeology of the Volga-Don Steppes], iss. 1. Volgograd, VolSU, pp. 198-207.

Ilyukov L.S., Vlaskin M.V., 1992. *Sarmaty mezhdu rech'ya Sala i Manycha* [Sarmatians from the Sal and Manych Interflue]. Rostov-on-Don, Rostov State University. 228 p.

Kantorovich A.R., Maslov V.E., 2023. Vostochnye importy v bogatykh sarmatskikh pogrebeniyakh kurgana 1 mogil'nika Novozavedennoe-V [Eastern Imports in Rich Sarmatian Burials of Kurgan 1 of the Novozavedennoye-V Cemetery]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Vostochnyy ehlinizm – novye dannye»: tez. dokl.* [International Scientific Conference “Eastern Hellenism – New Data”. Abstracts of Reports]. Moscow, IA RAS, pp. 32-35.

Klepikov V.M., 2015. K voprosu o vozmozhnostyakh sotsial'noy interpretatsii rannesarmatskogo obshchestva Nizhnego Povolzh'ya [On the Possibilities of Social Interpretation of the Early Sarmatian Society of the Lower Volga Region]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], no. 5 (35), pp. 46-52. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.5>

Kropotov V.V., 2016. Sarmatskie pogrebal'nye pamyatniki Stepnogo Kryma [Sarmatian Funeral Monuments of the Steppe Crimea]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 15, no. 1, pp. 22-39. DOI: <http://doi.org/10.15688/navjvolsu.2016.1.2>

Kropotov V.V., 2019. K probleme vydeleniya rannesarmatskikh pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [On the Problem of Identifying Early Sarmatian Monuments of the Northern Black Sea Region]. *Krym v sarmatskuyu*

epokhu (II v. do n.e. – V v. n.e.) [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400)]. V. Simferopol', Salta LTD Publ., pp. 154-160.

Kul'turnyy most: iz proshloga v nastoyashchee. Katalog interaktivnoy vystavki arkheologicheskikh nakhodok [Cultural Bridge: From the Past to the Present. Catalog of the Interactive Exhibition of Archaeological Finds], 2018. Moscow, Shchusev Museum of Architecture. 224 p.

Levin E.S., Korotkiy D.V., Lunev M. Yu., 2014. Novoe sarmatskoe pogrebenie s rimskimi importami iz Prikuban'ya [New Sarmatian Burial with Roman Imports from the Kuban Region]. *E.I. Krupnov i razvitiye arkheologii Severnogo Kavkaza. XXVIII Krupnovskie chteniya: materialy konf.* [E.I. Krupnov and the Development of Archeology of the North Caucasus. XXVIII Krupnov Readings. Conference Materials]. Moscow, IA RAS, pp. 256-258.

Livshits V.A., 2001. O datirovke nadpisey na serebryanykh sosudakh iz kurgana 1 u derevni Prokhorovka [On the Dating of Inscriptions on Silver Vessels from Burial Mound 1 near the Village of Prokhorovka]. *Bosporskiy fenomen. Kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Bosporan Phenomenon. Colonization of the Region. Formation of Policies. Formation of the State. Proceedings of the International Scientific Conference], vol. 2. Saint Petersburg, State Hermitage, pp. 160-170.

Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2019. Pogrebeniya s rodosskimi amforami iz meotskikh mogil'nikov Krasnodarskoy gruppy [Burials with Rhodian Amphoras from the Meotian Cemeteries of the Krasnodar Group]. *Antichnyy mir i arkheologiya* [The Ancient World and Archeology], iss. 19. Saratov, Tehno-Decor Publ., pp. 318-341.

Lyakhov S.V., Mordvintseva V.I., 2000. Rannesarmatskoe pogrebenie u poselka Piterka Saratovskoy oblasti [Early Sarmatian Burial near the Village of Piterka, Saratov Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 3, pp. 102-110.

Mamontov V.I., 2002. Sarmatskie pogrebeniya iz kurgannogo mogil'nika Pisarevka II [Sarmatian Burials from the Burial Mound Pisarevka II]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 5, pp. 251-259.

Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani* [Siraks of Kuban]. Krasnodar, KubSU. 336 p.

Medvedev A.P., 2002. Razvitiye ierarkhicheskikh struktur v obshchestvakh ehpokhi bronzy i rannego zheleznogo veka yuga Vostochnoy Evropy (opyt diakhronnogo istoriko-arkheologicheskogo analiza) [Development of Hierarchical structures in the Societies of the Bronze Age and Early Iron Age in the South of Eastern Europe (An Attempt at Diachronic Historical and Archaeological Analysis)]. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy evolyutsii* [Nomadic Alternative to Social Evolution]. Moscow, Institute for African Studies, RAS, pp. 98-111.

Medvedev A.P., 2010. O formakh zavisimosti v sarmatskikh obshchestvakh pervykh vekov nashey ehry [On the Forms of Dependence in Sarmatian Societies of the First Centuries AD]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 11, pp. 140-146.

Morgunova N.L., Meshcheryakov D.V., 1999. «Prokhorovskie» pogrebeniya V Berdyanskogo mogil'nika [“Prokhorovsky” Burials of the V Berdyansk Burial Ground]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological Monuments of Orenburg], vol. III. Orenburg, Dimur Publ., pp. 124-146.

Mordvintseva V.I., 2020. «Varvarskie» ehility Nizhnego Povolzh'ya i Podon'ya v III v. do n.eh. – ser. III v. n.eh.: opyt vyyavleniya urovney sotsial'noy ierarkhii [“Barbarian” Elites of the Lower Volga and Don Region in the 3rd c. BC – mid. III c. AD: Experience in Identifying Levels of Social Hierarchy]. *Arkheologicheskoe nasledie* [Archaeological Heritage], no. 1 (3), pp. 259-286.

Mordvintseva V.I., Shinkar O.V., 1999. Sarmatskie paradnye mechi iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [The Sarmatian Parade Daggers Keeping in Volgograd Museum of Local Lore]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 2, pp. 138-149.

Moshkova M.G., 1989. Khozyaystvo, obshchestvennye otnosheniya, svyazi sarmatov s okruzhayushchim mirom [Economy, Social Relations, Connections of the Sarmatians with the Surrounding World]. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppes of the European Part of the USSR in Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, Nauka Publ., pp. 202-214.

Nefedkin A.K., 2011. *Voyennoye delo sarmatov i alanov (po dannym antichnym istochnikov)* [Military Affairs of the Sarmatians and Alans (According to Ancient Sources)]. Saint Petersburg, SPBU, Nestor-Istoriya Publ. 304 p.

Nikonorov V.P., 2000. Kochevnicheskiy plast v kul'turnom nasledii Parfyanskoy derzhavy [Nomadic Layer in the Cultural Heritage of the Parthian Empire]. *Kul'turnoe nasledie Turkmenistana: glubinnyye istoki i sovremenennye*

perspektivy [Cultural Heritage of Turkmenistan: Deep Sources and Modern Prospects]. Ashgabat, Saint Petersburg, Evropeyskiy dom Publ., pp. 31-35.

Pichikyan I.R., 1986. *Paradnye nozhny greko-baktriyiskikh mechey* [Ceremonial Scabbards of Greco-Bactrian Swords]. *Problemy antichnoy kul'tury* [Problems of Ancient Culture]. Moscow, Nauka Publ., pp. 264-272.

Raev B.A., Dvornichenko V.V., 2014. *Aziatskie ehlementy obryada zakhoroneniya u s. Kosika (Kosika-2)* [Asian Elements of the Burial Rite near the Village of Kosika (Kosika-2)]. *Kadyrbaevskie chteniya – 2014: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf.* [Proceedings of the IV International Scientific Conference “Kadyrbaev Readings – 2014”]. Aktobe, Astana, Mega print Publ., pp. 170-174.

Raev B.A., Yatsenko S.A., 1993. *O vremeni pervogo poyavleniya alanov v Yugo-Vostochnoy Evrope: (tezisy)* [On the Time of the First Appearance of the Alans in South-Eastern Europe: (Theses)]. *Skifiya i Bospor: materialy konf.* [Scythia and Bosphorus. Conference Materials]. Novocherkassk, Museum of the History of the Don Cossacks, pp. 111-125.

Sergatskov I.V., 1999. *Problema formirovaniya srednesarmatskoy kul'tury* [The Problem of Formation of the Middle Sarmatian Culture]. *Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya* [Archaeology of the Volga-Ural Region in the Early Iron Age and the Middle Ages]. Volgograd, VolSU, pp. 137-155.

Sergatskov I.V., 2000. *Sarmatskie kurgany na Ilovle* [Sarmatian Kurgans on Ilovlya]. Volgograd, VolSU. 270 p.

Simonenko A.V., 2012. *Sarmatskoe pogrebenie v Nogaychinskem kurgane: okonchanie dialoga* [Sarmatian Burial in the Nogaichinsky Kurgan: End of the Dialogue]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 327-338.

Simonenko A.V., 2015. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Horsemen of the Northern Black Sea Region]. Kyiv, Oleg Filyuk Publ. 466 p.

Simonenko A.V., Lobai B.I., 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomoria v I v. n.e.* [The Sarmatians and the North Pontic Area in the 1st Century AD]. Kiev, Naukova dumka Publ. 112 p.

Skvortsov N.B., Skripkin A.S., 2008. *Pogrebenie sarmatskoy znati iz Volgogradskogo Zavolzh'ya* [Burial of the Sarmatian Nobility from the Volgograd Trans-Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 9, pp. 98-116.

Skripkin A.S., 2017. *Sarmaty* [Sarmatians]. Volgograd, VolSU. 293 p.

Skripkin A.S., Shinkar O.A., 2010. *Zhutovskiy kurgan № 27 sarmatskogo vremeni v Volgo-Donskom mezhdurech'e* [Sarmatian-Time Kurgan Zhutovsky № 27 in the Volga-Don Interstream Region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 125-137.

Treister M.Yu., 2000. *O yuvelirnykh izdeliyakh iz Nogaychinskogo kurgana* [On Jewelry from the Nogaichinsky Kurgan]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], no. 1, pp. 182-202.

Fedorov-Davydov G.A., Dvornichenko V.V., Malinovskaya N.V., 1974. *Otchyt o raskopkakh kurganov v urochishche «Krivaya Luka» v Chernoyarskom rayone Astrakhanskoy oblasti v 1974 godu* [Report on the Excavations of Kurgans in the Krivaya Luka Site in the Chernoyarsk District of the Astrakhan Region in 1974]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no 5315.

Khazanov A.M., 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov* [Essays on the Military Affairs of the Sarmatians]. Moscow, Nauka Publ. 171 p.

Khazanov A.M., 1975. *Sotsialnaya istoriya skifov* [Social History of the Scythians]. Moscow, Nauka Publ. 343 p.

Shevchenko N.F., 2005. *Novye dannye o sarmatskom pogrebal'nom komplekse iz st-tsy Novodzherelievskoy* [New Data on the Sarmatian Burial Complex from the Village of Novodzherelievskaya]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and Research on the Archeology of the North Caucasus], iss. 5, pp. 126-138.

Shevchenko N.F., 2020. *Sarmaty Tsentral'nogo i Zapadnogo Kavkaza v rannesarmatskoe vremya* [Sarmatians of the Central and Western Caucasus in the Early Sarmatian Period]. *Arkheologicheskoe nasledie Kavkaza: aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya. XXXI Krupnovskie chteniya* [Archaeological Heritage of the Caucasus: Current Problems of Study and Preservation. XXXI Krupnov Readings]. Makhachkala, Mavraev Publ., pp. 287-289.

Sheremetev A.G., Mordvintseva V.I., 2022. *Sakral'noe i material'noe v pogrebenii voinskoy ehlity u stanitsy Dinskaya* [The Sacred and the Material in the Burial of the Military Elite at the Village of Dinskaya (Krasnodar Region)]. *XXIII Bosporskie chteniya: materialy konf.* [XXIII Bosphorus Readings. Conference Proceedings]. Simferopol, Kerch, pp. 356-362.

Shinkar O.A., Chugaev A.V., Saprykina I.A., Zubavichus E.Ya., 2025a. Ehlinisticheskaya torevtika iz sarmatskogo kurgana u goroda Volzhskiy. Ch. I [Hellenistic Toreutics from a Sarmatian Burial Mound near the City of Volzhsky. Part I]. *Vostok [Oriens]*, no. 3, pp. 247-261. DOI: <https://doi.org/10.31696/S086919080035100-7>

Shinkar O.A., Balabanova M.A., Pererva E.V., 2025b. Rannesarmatskaya elita po rezul'tatam arheologo-antropologicheskogo issledovaniya pogrebeniy odinochnogo kurgana u g. Volzhskiy [The Early Sarmatian Elite Based on the Results of Archaeological and Anthropological Study of the Burials from a Kurgan near the City of Volzhsky]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 2, pp. 125-148. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.2.7>

Yablonsky L.T., 2010. *Prokhorovka: u istokov sarmatskoy arkheologii* [Prokhorovka: At the Origins of Sarmatian Archeology]. Moscow, Taus Publ. 216 p.

Yatsenko S. A., 2002. Osobennosti obshchestvennogo razvitiya sarmato-alanov i ikh vospriyatiye v drugikh kul'turakh [Features of the Social Development of the Sarmatian-Alans and Their Perception in Other Cultures]. *Kochevaya al'ternativa sotsial'noy ehvolyutsii* [Nomadic Alternative to Social Evolution]. Moscow, Institute for African Studies, RAS, pp. 91-97.

Yatsenko S.A., 2009. Alaniya I-II vv. n.eh. kak kochevaya imperiya [Alania in the 1st – 2nd Centuries AD as a Nomadic Empire]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* [The Mongol Empire and the Nomadic World], book 3. Ulan-Ude, BSC SB RAS, pp. 281-310.

Marčenko I.I., Limberis N.Ju., 2008. Romische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmäler des Kubangebietes. Archaologie in Eurasien. Simonenko A.V., Marčenko I.I., Limberis N.Ju. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban*. Bd. 25. Mainz, pp. 265-400.

Olbrycht M.J., 2013. The Titulature of Arsaces I, King of Parthia. *Parthica*, vol. 15, pp. 63-74.

Paschidis P., 2006. The Interpenetration of Civic Elites and Court Elite in Macedonia. *Rois, cités, nécropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine (Actes des colloques de Nanterre [décembre 2002] et d'Athènes [janvier 2004])*. Μελετήματα, 45. Athens, pp. 251-268.

Information About the Authors

Vyacheslav P. Glebov, Candidate of Sciences (History), Researcher, Archaeological Research Bureau, Ulyanovskaya St, 50, 344002 Rostov-on-Don, Russian Federation, glebov-63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9692-4616>

Anton V. Dedyulkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Archaeology and History of the Ancient World, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St, 33/43, 344082 Rostov-on-Don, Russian Federation, donrumata@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0100-8007>

Информация об авторах

Вячеслав Петрович Глебов, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Археологическое научно-исследовательское бюро, ул. Ульяновская, 50, 344002 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, glebov-63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9692-4616>

Антон Владимирович Дедюлькин, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 33/43, 344082 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, donrumata@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0100-8007>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.6>

UDC 902/904
LBC 63.4

Submitted: 12.08.2025
Accepted: 01.09.2025

**A GLASS SKYPHOS WITH A GOLD FRAME OF THE 2nd – 1st CENTURIES BC
FROM THE WESTERN CAUCASUS,
THE COLLECTION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM¹**

Larisa A. Golofast

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Demidenko

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Anna A. Kadieva

State Historical Museum, Moscow, Russian Federation

Olga S. Rumyantseva

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the publication of a glass skyphos in a gold frame, originating from looting excavations on the territory of the Western Caucasus. It was received by the State Historical Museum with the assistance of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The article describes the manufacturing technology of such vessels and expands their distribution area, already outlined by researchers. The almost complete absence of such vessels in the ancient centers of the Northern Black Sea region, contrasted with their significant presence in nomadic burials from the Kuban basin dating to the 2nd – 1st centuries BC and from the Volga-Don interfluvia during the first half of the 1st century AD, indicates that these vessels influxed into the region due to direct contacts between the Sarmatians and Asia Minor territories. The published skyphos, which according to the typology of Zasetskaya/Marchenko belongs to body shape type IIb and handle configuration variant 1, is dated to the end of the 2nd – first half of the 1st century BC. It apparently came to the region as a war trophy or a diplomatic gift from Mithridates to one of the local leaders for participating in the war against Rome. The skyphos is made of natron glass of Eastern Mediterranean origin (possibly the Syro-Palestinian region or the island of Rhodes). The frame of the skyphos is made mainly of native gold but much later than the glass vessel itself, possibly in the first centuries AD. However, the high probability of a high-quality modern fake using parts of actual ancient jewelry cannot be ruled out.

Key words: Western Caucasus, glass skyphos, gold frame, dating, range, manufacturing technology, metal composition, glass composition.

Citation. Golofast L.A., Demidenko S.V., Kadieva A.A., Rumyantseva O.S., 2025. Steklyanny skifos v zolotoy oprave II–I vv. do n.e. s territorii Zapadnogo Kavkaza iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [A Glass Skyphos with a Gold Frame of the 2nd – 1st Centuries BC from the Western Caucasus, the Collection of the State Historical Museum]. *Nizhnevолжский Археологический Вестник* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 4, pp. 151–173. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.6>

УДК 902/904
ББК 63.4

Дата поступления статьи: 12.08.2025
Дата принятия статьи: 01.09.2025

**СТЕКЛЯННЫЙ СКИФОС В ЗОЛОТОЙ ОПРАВЕ II–I ВВ. ДО Н.Э.
С ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ¹**

Лариса Алексеевна Голофаст

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Сергей Викторович Демиденко

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Анна Анатольевна Кадиева

Государственный исторический музей, г. Москва, Российская Федерация

Ольга Сергеевна Румянцева

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию стеклянного скифоса в золотой оправе, происходящего из грабительских раскопок на территории Западного Кавказа. Он поступил в Государственный исторический музей при содействии МВД РФ. В статье описана технология изготовления таких сосудов, дополнен их ареал, уже очерченный исследователями. Практически полное отсутствие находок таких сосудов в античных центрах Северного Причерноморья, с одной стороны, и значительное их количество в кочевнических погребениях II–I вв. до н.э. из бассейна Кубани и первой половины I в. н.э. из Волго-Донского междуречья – с другой, свидетельствуют об их поступлении в регион в результате прямых контактов сарматов с малоазийскими территориями. Публикуемый скифос, относящийся по типологии Засецкой / Марченко по форме туловка к типу IIb, а по конфигурации ручек – варианту 1, датируется концом II – первой половиной I в. до н.э. По-видимому, попал в регион в качестве военного трофея или дипломатического дара Митридата одному из местных вождей за участие в войне против Рима. Стекло скифоса изготовлено на основе природной соды и имеет восточносредиземноморское происхождение (возможно, сиро-палестинский регион или о. Родос). Его золотая оправа изготовлена в основном из самородного золота, но гораздо позже самого стеклянного сосуда, возможно, в первые века нашей эры. Однако нельзя исключить и высокую вероятность высококачественной современной подделки с использованием деталей собственно древних украшений.

Ключевые слова: Западный Кавказ, стеклянный скифос, золотая оправа, датировка, распространение, технология изготовления, состав металла, состав стекла.

Цитирование. Голофаст Л. А., Демиденко С. В., Кадиева А. А., Румянцева О. С., 2025. Стеклянный скифос в золотой оправе II–I вв. до н.э. с территории Западного Кавказа из собрания Государственного исторического музея // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 4. С. 151–173. DOI: <https://doi.org/10.15688/navjvolsu.2025.4.6>

В 2023 г. в фонды Отдела археологических памятников ГИМ при содействии МВД РФ поступил стеклянный канфар (скифос) в золотой оправе, происходящий из грабительских раскопок на территории Западного Кавказа² (рис. 1, 2).

Скифос имеет низкое полусферическое тулоно с резким переходом к придонной части. Венчик прямой³.

На тулове сосуда диаметрально противоположно располагаются две ручки с округлыми отверстиями. Верхняя часть ручки (верхний «палец») представляет собой горизонтальную плоскую пластину со слабо вогнутыми длинными сторонами и небольшим дуговидным вырезом на «свободном» конце. Основание нижней части ручки (нижний «палец») располагается в середине туловища, его «свободный» конец загнут вниз. Верхнее и нижнее основания («палцы») соединены изогнутой перемычкой.

Поддон – невысокий, кольцевой, расширяющийся книзу. В месте перехода туловища в поддон проходит глубокая горизонтальная врезная линия. На одной из сторон туловища располагается крупная косая трещина. Стекло прозрачное, почти бесцветное, с естественным зеленоватым оттенком, с редкими мелкими сферическими и эллипсоидными вертикальными пузырьками.

Диаметр венчика – 10 см; диаметр отверстия ручек между «палыцами» – 2 см; длина верхних пластин ручек («палыцев») – 3,8 см, ширина у венчика – 2 см, в средней части – 1,6 см, ширина внешнего края – 2,2 см; диаметр верхнего основания поддона – 5,5 см, диаметр нижнего основания поддона – 6,6 см. Толщина стенок – 0,25 см (у венчика) и 0,3 см (у дна). Высота общая – 6,7 см, высота поддона – 0,5 см.

К венчику сосуда прикреплена оправа из золотой фольги, к которой подвешены укра-

шения, состоящие из золотых цепочек с подвесками в виде лунниц и дисковидных медальонов. Кроме этого, золотые горизонтальные накладки располагаются и на верхних пластинах («пальцах») ручек сосуда.

Стеклянные скифосы и канфары имитировали более дорогие сосуды из золота, серебра и бронзы [Смирнов, 1953, с. 19–20; Трейстер, 2019, с. 278]. Практически бесцветное стекло, использовавшееся для изготовления таких сосудов, выбирали намеренно для имитации горного хрусталия.

Технология изготовления. Технология изготовления таких сосудов реконструирована И.П. Засецкой, И.И. Марченко, Н.Ю. Лимберис. Их производили в технике литья в двусоставной форме, под давлением. Ручки и поддон или ножка, как правило, отливались вместе с туловом. Отверстие в ручках получали при помощи вкладыша (пуансона). Окончательное оформление ручки производилось вхолодную, при помощи резца и шлифовальных инструментов. Сосуды после отливки подвергались вторичной обработке на шлифовальном станке [Гущина, Засецкая, 1994, с. 85; Засецкая, Марченко, 1995, с. 90; Лимберис, Марченко, 2003, с. 106–107]. А. Оливер отмечал, что ручки и поддон одного из скифосов, хранящихся в музее Метрополитен, сформованы отдельно от туловища и затем прикреплены к литому туловищу, но это самый большой из известных на сегодняшний день скифосов [Oliver, 1967, р. 32, fig. 24].

Украшали такие скифосы горизонтальными желобками на внутренней стороне под краем, такие же желобки встречаются на поддоне и дне; иногда встречаются вертикальные желобки, вырезанные на обеих сторонах ручек [Lightfoot, 1990, р. 88].

Место производства. Предполагается их изготовление в мастерских Малой Азии [Марченко, 1996, с. 126; Лимберис, Марченко, 2003, с. 116], Сирии, Палестины, Египта, а также в Центральной и Северной Италии [Смирнов, 1953, с. 19; von Saltern, 2004, S. 147; Трейстер, 2019, с. 273].

Ареал. Сводки известных авторам к моменту публикации скифосов приведены К.Ф. Смирновым, которым были учтены 25 сосудов с территории Прикубанья и Северного Кавказа [Смирнов, 1953, с. 17–18], и А.Оли-

вером, который привел 21 экземпляр скифосов (тип А по его классификации) [Oliver, 1967, р. 31, nos. 22–24, 27–29]. Значительно расширили список И.П. Засецкая и И.И. Марченко, которые учли 45 сосудов из Малой Азии, Западной и Восточной Европы, в том числе 28 из Прикубанья [Засецкая, Марченко, 1995, с. 103–104]. Позднее список находок литых скифосов был дополнен М.Ю. Трейстером, добавившим значительное количество подобных сосудов из Греции, Восточного Средиземноморья, что значительно увеличило долю происходящих оттуда находок, и Волго-Донского междуречья [Трейстер, 2019, рис. 1–3; Treister, 2024, р. 16, fig. 2,2, 3]. К списку можно добавить находки в Аквилее [Mandruzzato, Marcante, 2005, р. 151, kat. 334]. Фрагмент скифоса из зеленоватого стекла найден в ходе раскопок в Пергаме [Schwarzer, Rehren, 2015, S. 108, Abb. 4, Taf. 2,15; Schwarzer, Rehren, 2021, р. 166, pl. 3,18]. Еще один найден в погребении в Искендеруне на юге Турции и ныне хранится в Музее Хатай в Антакье [Lightfoot, 1990, р. 88]. В погребении 1 южного некрополя Книда был обнаружен скифос, хранящийся ныне в Измире [Lightfoot, 1990, р. 87, fig. 3]. Следует отметить три фрагмента литых скифосов из Ауэрберга к северу от Альп, где они встречаются довольно редко [Rottloff, 2015, S. 276, Abb. 16, G 122–124].

Нам не известны находки литых канфаров в Южном Причерноморье, что, по-видимому, можно объяснить малой изученностью южнопонтийских памятников. Во всяком случае публикации материалов из их раскопок встречаются довольно редко. Пока слабо известно стекло из раскопок юго-восточного Причерноморья.

Ряд скифосов хранится в музеях коллекциях и уже перечислены в соответствующих работах других авторов. К ним можно добавить скифосы из музея Садберк Ханым в Стамбуле [Lightfoot, 1990, р. 88], в музее изящных искусств в Бостоне [von Saltern, 1966, р. 7, fig. 4], в частной коллекции древнего стекла Nico F. Bijnsdorp [Ancient Glass Blog ..., 2018] и др.

Что касается Северного Причерноморья, то находки таких сосудов в городах этого региона практически не встречаются. Нам известен лишь один канфар, поступивший в ГИМ

из коллекции И.Е. Забелина, который, предположительно, происходит из Ольвии или Пантикея. Фрагменты четырех скифосов найдены в святилище II в. до н.э. – II в. н.э. на перевале Гурзуфское Седло в Крыму. Все были найдены в слое, основной период формирования которого приходится на II в. до н.э. – рубеж эр [Новишенко, 2002, с. 109, 135–137, 140, рис. 51, 1, 52, 2; 2015, с. 97–98, рис. 197, 1, 198, 2].

На сегодняшний день наибольшее количество стеклянных скифосов и канфаров происходит из погребений, открытых в бассейне Кубани (из учтенных И.П. Засецкой и И.И. Марченко 45 сосудов 28 происходят из Прикубанья [Засецкая, Марченко, 1995, с. 103–104]). Вторую по количеству группу находок составляют сосуды из погребений первой половины I в. н.э. Волго-Донского междуречья [Трейстер, 2019, с. 277]. Отдельные экземпляры встречаются в бассейне Терека в Дагестане [Смирнов, 1953, с. 20].

Типология. Разработано несколько типологий сосудов рассматриваемой группы. Сводку всех известных к 1953 г. находок стеклянных канфаров, происходящих с территории Прикубанья и Северного Кавказа, дал К.Ф. Смирнов. Всего им было учтено 25 сосудов, которые он разделил на два основных типа: на кольцевом поддоне, скифосы, и на высокой ножке – канфары. Среди скифосов он выделил два варианта: с округлыми боками и более поздний, так называемый зубовско-воздвиженский вариант, отличающийся прямыми стенками и резким изломом в нижней части туловы [Смирнов, 1953, с. 17, 20].

А. Оливер на базе изучения коллекции канфаров из музея Метрополитен и с учетом сосудов, опубликованных К.Ф. Смирновым, а также хранящихся в других музеях мира, выделил два типа канфаров: тип А, который идентичен скифосам Смирнова (тип 1), и тип В, соответствующий канфарам по Смирнову (тип 2) [Oliver, 1967].

Более строгую и сложную типологическую схему, разработанную на основе суммы признаков, предложили И.П. Засецкая и И.И. Марченко. Они также разделили канфары на две категории: канфары-скифосы на кольцевом поддоне и канфары-кубки на ножке. Среди скифосов по форме туловы они выделили 5 типов, а по конфигурации ручек 4 ва-

рианта и определили хронологические рамки их бытования [Засецкая, Марченко, 1995].

Согласно типологиям К.Ф. Смирнова и А. Оливера, публикуемый сосуд относится, соответственно, к типу 1 и А. По типологии И.П. Засецкой / И.И. Марченко, рассматриваемый скифос, обладающий следующими выделенными ими типологическими признаками (далее – ТП): кольцевидный поддон (ТП 1); верхний «пальец» ручки со слегка вогнутыми сторонами (ТП 4) и прямым срезом на свободном конце (ТП 6); дуговидная перемычка, соединяющая верхний и нижний «пальцы» (ТП 8); сегментовидные выемки, расположенные по обеим сторонам основания верхнего «пальца» при переходе его в край канфара (ТП 10); концентрическая бороздка выше поддона (ТП 14); тулоно полусферическое с резким изломом при переходе в придонную часть (ТП 17), относится к типу IIб, а по сочетанию морфологических признаков ручек (4, 6, 8) – к варианту 1. Скифосы типа IIб варианта 1 по комплексам, в которых такие сосуды были найдены, датируются в пределах конца II в. до н.э. – 1-й половины I в. до н.э. [Засецкая, Марченко, 1995, с. 96]. Аналогичные скифосы происходят из комплекса I в. до н.э. у станицы Титоровской и погребения 3 кургана 3 близ аула Тауйхабль у оз. Чегук в Адыгее, которое датируется концом II – первой половиной I в. до н.э. [Засецкая, Марченко, 1995, с. 96].

Поскольку важнейшим датирующим признаком являются варианты ручек, здесь можно отметить находки близких по форме скифосов типа IIа с ручками варианта 1, также датирующихся концом II – первой половиной I в. до н.э. [Засецкая, Марченко, 1995, с. 96]. Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко зафиксировали находки шести экземпляров сосудов этого типа в Прикубанье: в новокорсунском комплексе № 20 второй четверти I до н.э.; скифос, найденный в разрушенном впускном погребении кургана около хутора Элитный; в погребении 6 кургана 2 в станице Новокорсунская; погребении 4 кургана 3 курганного могильника Олений; в погребении 1 кургана 3 в станице Воронцовской; в погребении 79 грунтового могильника на городище № 2 у хутора им. Ленина и находка неизвестного происхождения из Краснодарского края [Лимберис, Марченко, 2003, с. 120–121, 129, 131, кат. № 12, 13, 1, 15, 17, 66, рис. 4, 12, 15, 66, 5, 13, 1, 17]. Ана-

логичный скифос рубежа II–I вв. до н.э. найден в Кимах (недалеко от Пергама).

Литые сосуды, скифосы и канфары, а также изготавливавшиеся в несколько другой технике полусферические чаши не зафиксированы в городах Боспора и других античных центрах Северного Причерноморья [Смирнов, 1953, с. 19; Засецкая, Марченко, 1995, с. 103, кат. № 19, 21, 24; Трейстер, 2019, с. 277]⁴. Нам известен лишь один уже упоминавшийся канфар, поступивший в ГИМ из коллекции И.Е. Забелина, который, предположительно, происходит из Ольвии или Пантикопея, и полусферическая чаша, также предположительно найденная в Ольвии [Колесниченко, 2014]. Подавляющее большинство известных на сегодняшний день литых сосудов происходят из могильников сарматского времени Прикубанья, Северного Кавказа и Волго-Донского междуречья, что свидетельствует об их поступлении в эти регионы не через Боспор, а в результате прямых контактов с малоазийскими территориями, вероятнее всего, через Закавказье.

По датам погребений, из которых происходят рассматриваемые сосуды, выделяют несколько волн их поступления в Прикубанье и Волго-Донское междуречье.

К первой волне относятся сосуды из погребений середины II в. до н.э. или, возможно, несколько более раннего времени. Их поступление явилось результатом участия сарматов в войне царя Понта Фарнака I с соседними государствами Вифинией, Каппадокией и Пергамом в войне 183–179 гг. до н.э. Скифосы наряду с другими ценными предметами были, скорее, военными трофеями, которые сарматы захватывали в ходе военных действий [Марченко, 1996, с. 126].

Вторая волна представлена сосудами из погребений конца II – первой половины I в. до н.э. Ее связывают с деятельностью Митридата VI Евпатора на Боспоре с момента передачи ему Боспорского царства в 107 году до н.э. до окончания Третьей Митридатовой войны в 63 г. до н.э. [Смирнов, 1953, с. 20; Засецкая, Марченко, 1995, с. 100]. Стеклянные сосуды наряду с другими ценными предметами могли быть той добычей, которая досталась сарматам во время войн Митридата VI, в которых они принимали участие, и подарками вождям мест-

ных племен. Примером такого дара могут служить богато украшенные северские скифосы [Смирнов, 1953, с. 9–11, 22, 40–41, табл. I–V; Марченко, 1996, с. 127].

Третью волну поступления канфаров относят ко второй половине I в. до н.э., когда сираки Кубани оказались втянутыми в войну с Римом, которую вел в Малой Азии сын Митридата Фарнак, пытаясь восстановить царство отца [Марченко, 1996, с. 129].

Наконец, литые сосуды последней, четвертой волны могли попасть на Северный Кавказ и Волго-Донское междуречье в качестве даров (платы за службу) за активное участие сармат в конфликте 35 года между Парфией и Иберией [Засецкая, Марченко, 1995, с. 101; Марченко, 1996, с. 130; Лимберис, Марченко, 2003, с. 117; Трейстер, 2019, с. 278; Treister, 2024, р. 16].

Публикуемый скифос, который, по типологии Засецкой / Марченко относится по форме тулова к типу IIb, а по конфигурации ручек к варианту 1 и датируется концом II – первой половиной I в. до н.э., скорее всего, попал в регион со второй волной поступления литых сосудов в качестве военного трофея или дипломатического дара Митридата одному из местных вождей за участие в войне против Рима.

Химический состав стекла, из которого изготовлен скифос, изучался на сканирующем электронном микроскопе CX-200Р (Сохем, Южная Корея) с энергодисперсионным анализатором UltimMax 65 (Oxford instruments, Великобритания) в Центре коллективного пользования ИА РАН⁵, аналитик – Е.Я. Зубавичус⁶. Воспроизводимость и погрешность результатов контролировалась при помощи эталона Corning Museum of Glass B (табл. 1). Стекло сосуда (табл. 2) – натриево-кальциево-кремнеземное, с низким содержанием оксидов магния (0,54 % MgO) и калия (0,61 % K₂O), свидетельствующим о том, что при его изготовлении в качестве сырья использовалась так называемая природная сода [Sayte, Smith, 1961; Brill, 1970; Галибин, 2001]. Подобное стекло, производившееся преимущественно в центрах Восточного Средиземноморья, типично для исследуемого хронологического периода. Стекло скифоса отличается также низкой концентрацией алюминия (2,05 % Al₂O₃), кальция (5,99 % CaO), титана

(<0,10 % TiO₂) при относительно высокой – натрия (18,02 % Na₂O). В качестве обесцвечивателя использован марганец (1,23 % MnO).

Интерпретация результатов анализа осложняется отсутствием на данный момент сведений о содержании в стекле скифоса микроэлементов – с одной стороны, и недостаточной изученностью стекла эпохи эллинизма при его неоднородности – с другой. Производство стекла в эпоху эллинизма было менее масштабным, чем в римское время, при этом стекловаренных центров было, очевидно, несколько. Среди материалов эллинистического – начала римского времени выделяется до трех-четырех групп стекла, различающегося по составу [Connolly et al., 2012; Henderson, 2013, p. 236–245; Cosyns et al., 2018]. Как в Восточном Средиземноморье, так и на Западе преобладает стекло очевидно сиро-палестинского происхождения. В частности, стекло сосудов с территории Галлии очень близко по составу найденному в Бейруте, в том числе относящемуся к раскопанной здесь стекловаренной мастерской финала эпохи эллинизма [Thirion-Merle, 2005; Henderson, 2013, p. 240–247]. Стекло предположительно левантийского производства происходит с территории современных Богемии и Моравии [Venclová et al., 2015], Греции [Connolly et al., 2012; Oikonomou et al., 2020], Кипра [Cosyns et al., 2018], а также встречено среди литых сосудов рубежа эр из Бубастиса в Египте [Rosenow, Rehren, 2014]. В целом для него характерны более высокие концентрации оксидов алюминия (как правило, более 2,2 %) и кальция (7 % и более), чем в стекле публикуемого скифоса. Однако единичные образцы, идентичные ему по составу, зафиксированы на территории Греции [Connolly et al., 2012; Oikonomou et al., 2020], и статистически они не отделимы от группы стекла, которое считается сиро-палестинским, занимая в ней пограничное положение. В то же время не исключено, что, по меньшей мере, часть найденного на территории Греции стекла может быть продукцией мастерских Родоса, в которых, как предполагает ряд исследователей, его могли варить, а не только делать готовые изделия из привозных полуфабрикатов [Rehren et al., 2005; Connolly et al., 2012]. Действительно, среди материалов Родоса – стекла-сырца предпо-

ложительно местного происхождения – есть образцы с низким, около 2 % оксидом алюминия; содержание кальция выше (9–10 %), однако исследованная выборка очень невелика [Rehren et al., 2005]. При этом гипотезу о наличии стекловаренных мастерских на Родосе поддерживают не все исследователи. Один из наиболее весомых контраргументов – местный песок не подходит для изготовления стекла близкого состава (см.: [Oikonomou et al., 2020], там же ссылки на литературу).

Обсуждая состав стекла скифоса, нельзя не упомянуть стекло так называемой группы 4 египетского происхождения, широко распространенного в Средиземноморье и за его пределами в римское время. По основному составу, характеризующему песок стеклоделов, оно практически идентично стеклу скифоса, отличаясь лишь более низкими концентрациями железа [Foy et al., 2004; Rosenow, Rehren, 2014; Barfod et al., 2020], а также другим типом обесцвечивателя – при его производстве использовался не марганец, а сурьма. Кроме того, начало распространения стекла группы 4, судя по имеющимся на сегодня данным, приходится на I в. н.э. как на Западе, так и на Востоке – ранее оно неизвестно (сводку и ссылки на литературу см.: [Rosenow, Rehren, 2014])⁷. Стекло же предположительно египетского происхождения, выделенное на основе как основного, так и микроэлементного состава, среди эллинистических материалов Западной Греции, отличается существенно более низкими значениями оксида кальция (около 4 %) и более высокими – железа, марганца и титана [Oikonomou et al., 2020].

Подчеркнем, что в эпоху эллинизма, как и в римское время, стекло было предметом торговли на дальние расстояния в виде полуфабрикатов – сырца. Поэтому его состав не позволяет говорить о возможном месте производства самого сосуда. Учитывая археологические данные о возможном происхождении скифоса, было бы интересно сравнить его стекло с материалами из Малой Азии, однако эти сведения, к сожалению, очень ограничены. Среди материалов Пергама [Rehren et al., 2015] образцы эллинистического времени единичны – лишь два экземпляра II – начала I в. до н.э. принадлежат литым сосудам. Один из них (Per-055)

близок (хотя и не идентичен) по основному составу стеклу скифоса и группе 4, отличаясь при этом отсутствием обесцвечивателя. Второй (Per-083), в целом очень близкий по составу, включая низкую концентрацию алюминия и использование марганца в качестве обесцвечивателя, отличается более высоким содержанием оксида кальция (8,6 %). В целом, вписываясь в общую картину данных о составе литьих сосудов этого времени, пергамские образцы наиболее близки греческим находкам. Эти данные не противоречат выводу о вероятном попадании скифоса на Кавказ из Малой Азии.

Оправа скифоса конструктивно состоит из 4 основных элементов: две прямоугольные орнаментированные полоски золотой фольги с системой крепления подвесных украшений, располагающиеся на венчике сосуда между ручками и две накладки из прямоугольных листов золотой фольги на верхних основаниях («пальцах») ручек (рис. 2).

Обе полоски золотой фольги охватывают венчик сосуда с двух сторон, при этом концы одной части перекрывают концы другой части «внахлест». Их края располагаются в 0,8–1 см книзу от края венчика (рис. 2,4A,5A). Поверхность фольги украшена равнобедренными треугольниками, внутреннее пространство которых заполнено косыми линиями. Линии представляют собой бороздки, прочерченные по внешней поверхности частей оправы.

Накладки располагаются на верхних пластинах («пальцах») ручек сосуда и представляют собой прямоугольные листы фольги, которые одной стороной заходят внутрь венчика сосуда, а с трех сторон охватывают «пальц» ручки. На листы нанесен орнамент в виде одной прямой линии, разделяющей поверхность на две части, от которой с двух сторон под одним углом расходятся короткие линии. Линии также представляют собой прочерченные бороздки, аналогичные бороздкам на оправе венчика. Однако накладки расположены таким образом, что бороздки находятся с их внутренней стороны (рис. 2,4A,5A).

Кроме того, с обеих сторон от ручек под венчиком сосуда с внешней стороны на расстоянии 0,5 см от края располагаются две золотые проволоки, повторяющие его изгибы. Через равномерные промежутки (около 1,5 см) путем простого перекручивания основы обра-

зованы петельки для крепления подвесных украшений – по 9 петелек на каждой проволоке (рис. 2,1A,2A).

Таким образом, процесс изготовления основных элементов оправы представляется следующим. Первоначально к сосуду были присоединены накладки на верхние плоскости «пальцев» ручек. После этого к венчику скифоса, сначала – с одной стороны, была прикреплена золотая проволока с петельками. Затем к венчику с помощью сгибания и двустороннего обжатия была присоединена первая часть орнаментированной фольги. Ее концы перекрыли основания золотых накладок на «пальцы» ручек в районе их присоединения к венчику. При обжатии с внешней стороны оправы петельки проволоки продавили отверстия, и таким образом могли быть использованы для прикрепления подвесок.

Аналогичным способом была присоединена и вторая часть оправы, концы которой перекрыли «внахлест» концы первой части.

В результате обжатия и сгибания частей оправы с внутренней стороны венчика на них образовались складки.

К проволочным петелькам оправы подвешены золотые украшения двух типов: 1 – цепочки с дисковидными медальонами на обоих концах и лунницей посередине (рис. 2,3A); 2 – цепочки с дисковидными медальонами на нижнем конце (рис. 2,3B,3B).

Тип 1 – украшение состоит из двух частей, разделенных подвеской-лунницей. Верхняя часть украшения состоит из цепочки, сплетенной из одинарных звеньев способом «петля-в-петлю» (single loop-in-loop chain) [Засецкая и др., 2007, с. 30]. Верхнее звено верхней части цепочки припаяно к тыльной стороне круглого медальона. Этим же звеном цепочка и медальон крепятся к проволочной петельке оправы.

Медальон представляет собой плоский раскованный золотой диск, с внешней стороны которого по краю припаяна рубчатая проволока.

К нижнему звену цепочки присоединено золотое колечко для крепления лунницы.

Лунница представляет собой тонкую золотую пластину в виде изогнутого полумесяца с колечком для подвешивания в вогнутой части изделия. Основа лунницы вместе с колечком вырезана из одного золотого листа.

По краям пластины с внешней стороны припаяны две рубчатые проволоки. Еще одна рубчатая проволока припаяна по краю колечка для крепления нижней части цепочки. В верхней части изгиба лунницы с тыльной стороны пробито сквозное отверстие, через которое она крепится к верхней части украшения.

Нижняя часть украшения состоит из цепочки, также сплетенной из одинарных звеньев способом «петля-в-петлю», верхнее звено которой крепится к колечку лунницы, а сквозь нижнее звено продето колечко, к которому присоединен медальон в виде раскованного диска с петелькой для подвешивания. Петелька округлая в сечении, ее концы раскованы и припаяны к тыльной стороне диска и, по всей вероятности, еще раз прокованы вместе с диском.

Длина верхней цепочки – 1,5 см, диаметр верхнего диска – 0,5 см, размеры лунницы – 1 × 0,4 см, диаметр колечка лунницы для подвешивания – 0,3 см, длина нижней цепочки – 1,2 см, диаметр нижнего диска – 0,7 см. Общая длина украшения – 5 см.

Данные украшения в количестве 6 штук прикреплены по три с каждой стороны оправы. Две подвески располагаются по краям каждой из частей оправы у ручек сосуда. И по одной подвеске – в центре каждой части оправы, диаметрально противоположно друг другу.

Тип 2 – украшение состоит из цепочки, сплетенной из двойных звеньев способом «петля-в-петлю» (double loop-in-loop chain) [Засецкая и др., 2007, с. 30]. Верхние звенья цепочки прикреплены к проволочной петельке оправы. В нижние звенья продето колечко, к которому присоединялся дисковидный медальон с петелькой для подвешивания. Концы петельки были прокованы и припаяны с внешней и с тыльной стороны диска, а затем, вероятно, еще раз прокованы вместе с диском.

Длина цепочки – 2 см, диаметр диска – 1,5 см, общая длина украшения – 3,5 см.

Данные украшения в количестве 12 штук прикреплены по 6 с каждой стороны оправы и располагаются по три экземпляра в промежутках между украшениями типа 1.

Исследование элементного состава деталей оправы⁸ показало, что все они изготовлены из золота, содержащего серебро и медь.

Однако соотношение этих элементов в деталях украшения оправы сосуда различное⁹ (табл. 3–7, рис. 3).

Содержание золота в дисковидных медальонах с петелькой для подвешивания составляет от 82,72 до 89,51 % (анализы 1.1 – 18.1) (табл. 3), что по существующей классификации¹⁰ соответствует умеренно высокопробному золоту (золото средней пробы).

Содержание золота в целом в цепочках составляет от 69,9 до 87,6 % (табл. 4); (табл. 6). Однако если содержание золота во всех верхних цепочках украшений Типа 1 составляет от 80,3 до 85,4 % (табл. 6), то содержание золота в цепочках украшений типа 2 и нижних цепочках украшений типа 1 колеблется от 69,9 до 87,6 % (табл. 4). Какой-либо взаимосвязи состава металла цепочек со способом их плетения, на наш взгляд, не наблюдается. Отдельно следует отметить состав металла цепочки украшения типа 2 (анализ 16.2) (табл. 4). Украшение изготовлено из сплава серебра – 84,8 % и меди – 13,8 %.

Содержание золота в лунницах составляет от 83 до 89 % (табл. 5), что соответствует низкопробному золоту.

Содержание золота в накладках на «пальцы» ручек составляет от 75 до 77 % (анализы 19, 20) (табл. 7), что соответствует относительно низкопробному золоту.

Содержание золота в оправе венчика составляет от 64 до 69 % (анализы 21–40) (табл. 7), что соответствует низкопробному золоту.

Внутренняя сторона оправы скифоса была дополнительно изучена методом сканирующей электронной микроскопии. Результаты соотносятся с данными, полученными методом РФА. Элементный анализ показал содержание около 70 % золота, 28 % серебра и около 2 % меди¹¹.

Содержание серебра в металле деталей украшений достаточно стабильно и составляет от 6,8 до 14 % (табл. 3–6).

Содержание серебра в накладках на «пальцы» ручек составляет 21,3 и 22,1 % (анализы 19, 20) (табл. 7).

Содержание серебра в двух частях обкладки венчика также достаточно стабильно – от 29,4 до 31,9 % (анализы 21–40) (табл. 7).

Содержание меди в дисковидных медальонах с петелькой для подвешивания составляет от 0,3 до 3,6 % (табл. 3).

Содержание меди в нижних цепочках украшений типа 1 и в цепочках украшения типа 2 – от 1,2 до 3,2 % (анализы 1.2–14.2, 17.2, 18.2). Несколько выделяется одна цепочка украшения типа 2, в которой медь отсутствует (анализ 15.2) (табл. 4).

Содержание меди в лунницах – от 1,2 до 3,2 % (табл. 5). Несколько выделяется одна из лунниц (анализ 14.3), в которой количество меди составляет около 4 % (табл. 5).

Содержание меди в верхних цепочках украшений типа 1 – от 1,7 до 2,3 % (табл. 6).

Содержание меди в двух частях обкладки венчика достаточно стабильно – от 1,6 до 2,6 % (анализы 21–40) (табл. 7).

Содержание меди в накладках на «пальцы» ручек достаточно мало и составляет от 0,6 до 0,7 % (анализы 19, 20) (табл. 7).

Кроме того, на некоторых декоративных элементах – дисковидном медальоне (анализ 9.1), луннице (анализ 9.3, 18.3), а также на ручке (анализ 19) (рис. 3) и дне сосуда было проведено исследование красного пигмента. В результате было установлено, что в исследуемом веществе присутствуют глинистые минералы, в том числе в значительном количестве каолинит, а также примесь кварца (кристаллический оксид кремния). Рыжая окраска обусловлена присутствием оксидов железа. Возможно, использовался железосодержащий глинистый пигмент (охра). Кроме того, отмечены карбонат кальция (кальцит, мел) **без** заметных количеств органических соединений.

М.С. Шемаханская, проводившая химико-технологическое исследование ювелирных изделий из кургана Куль-Оба (Таврическая губерния, Крым), отмечала, что присутствие в золотом сплаве меди в количестве 1–3 % говорит о его природном происхождении, а содержание меди выше 3 % может свидетельствовать об искусственно составленном сплаве [Журавлев и др., 2014, с. 171]. Этой же градации придерживаются А.Д. Таиров и В.В. Зайков, исследовавшие золотые изделия ранних кочевников из Южного Зауралья [Таиров, Зайков, 2013, с. 64], а также группа исследователей, изучавших золотые изделия эпохи бронзы

и раннего железного века с территории Казахстана [Таиров и др., 2015, с. 326]. В то же время при исследованиях золотых украшений Фанагории и из погребений ранних кочевников Южного Приуралья порог искусственной добавки определен в 2 % [Зайков и др., 2012, с. 230; Зайков и др., 2015, с. 273].

Исходя из анализа состава металла деталей украшений оправы публикуемого сосуда, возможную искусственную добавку меди к сплаву можно признать только в одном случае – это подвеска-лунница (анализ 14.3) (табл. 5), где содержание меди составляет 4 % (совпадают значения проб с внешней и тыльной сторон поверхности 4,2 и 4,1 % соответственно). Остальные детали, вероятно, изготовлены из самородного золота, даже если содержание меди в десятых долях и превышает 3 %. Особенно если учитывать тот факт, что делался анализ поверхности изделий и в некоторых случаях разброс между анализами внешней и тыльной сторон значительно различался. Укажем, например, на анализы внешней и внутренней сторон дисковидного медальона (анализ 5.1) (табл. 3), где содержание меди на лицевой стороне – 2,06 %, а на тыльной – 3,86 %.

Наличие в составе металла собственно оправы и накладок на «пальцы» серебра в количестве 21–31 % (табл. 7) позволяет утверждать, что они изготовлены из сплава золота и серебра.

Наличие золотой оправы сближает публикуемый скифос с сосудами из Северского кургана, оправы которых К.Ф. Смирнов включал в группу ювелирных изделий, распространенных на Таманском полуострове и в Прикубанье во II–I вв. до н.э. и отвечающих художественным вкусам синдо-меотского и сарматского населения региона. По мнению исследователя, большинство этих изделий, вероятно, изготавливалось недалеко от района их распространения, может быть, ювелирами Боспорского царства, жившими в азиатской части Боспора и работавшими на заказчиков из синдо-меотской и сарматской аристократии [Смирнов, 1953, с. 23].

Однако оправа исследуемого нами скифоса значительно отличается от оправ сосудов из Северского кургана. Прежде всего, необходимо отметить более богатое декора-

тивное убранство северских сосудов. У большого стеклянного «кубка» [Смирнов, 1953, табл. I] (ГИМ 9889. Оп. Б 224/5. ЗВ 388) и малого стеклянного «кубка» [Смирнов, 1953, табл. II] (ГИМ 9890. Оп. Б 224/4. ЗВ 389) кроме венчика и ручек в листовое золото оправлены также и поддоны. Оба сосуда украшены гранатами (и стеклянными вставками), к нижней части оправы венчиков присоединены золотые цепочки, снабженные яйцевидными бусами из светло-розового сердолика. К бусинам прикреплены полые золотые шарики с петельками для подвешивания. Гнезда вставок сверху и снизу ограничены припаянными золотыми проволочками (двумя прямыми по краям и одной плетеной – в середине). Орнамент оправ между гнездами вставок выполнен припаянными короткими проволочками, концы которых загнуты в разные стороны. Ручки сосудов полностью оправлены в золото и перехвачены сканными шнурками. К.Ф. Смирнов отмечает, что оправа венчика малого «кубка» выполнена изящнее и наложена аккуратнее, чем оправа большого «кубка» [Смирнов, 1953, с. 11].

У публикуемого скифоса с территории Западного Кавказа орнамент на оправу венчика и накладок на ручки нанесен простым прочерчиванием бороздок. На ручках сосуда золотыми листами украшены только верхние пластины («пальцы»).

Особенно следует обратить внимание на **способ крепления** цепочек. У большого и малого «кубков», так же как и еще у двух отдельных оправ (стеклянные сосуды не сохранились) из Северского кургана [Смирнов, 1953, табл. Va] (ГИМ 553/2. Оп. Б 224/9/2. ЗВ 4054; ГИМ 552/2. Оп. Б 224/10/2. ЗВ 4055), петельки для крепления цепочек **припаяны** к внешней стороне оправ, в то время как у исследуемого нами экземпляра цепочки крепятся к проволоке, укрепленной под венчиком, петельки которой образованы простым **перекручиванием основы** на 90°.

Не имеют прямых аналогий и подвески-лунницы, и дисковидные медальоны, украшенные по краям рубчатой проволокой.

Дисковидные медальоны с петлей для подвешивания в качестве украшений окончаний цепочек встречаются также довольно редко. Нам известны только три изделия с

территории Северо-Западного Кавказа. Первое – золотая дисковидная фибула-брошь с овальной вставкой из белого стекла. К диску прикреплены 6 петелек, к которым крепятся цепочки с круглыми дисками с петельками для подвешивания из погребения 177 Тенгинского грунтового могильника, которое исследователи датируют второй половиной II – первой четвертью I в. до н.э. [Беглова, Эрлих, 2018, с. 83, 176, рис. 110,4]. Еще одна брошь с четырьмя дисковидными медальонами происходит из объекта 10 кургана 1 в г. Курганинске, дата – вторая половина II в. до н.э. И еще одна брошь происходит с территории Ново-Вочепшского могильника. Датируется в целом по времени существования самого могильника III–I вв. до н.э. [Беглова, Эрлих, 2018, с. 171].

Ювелирные изделия, украшенные подвесными цепочками с дисковидными медальонами на концах, имеющими петельки для крепления, встречаются и на территории Западного и Южного Кавказа: в разрушенном погребении некрополя Лоо, в составе кладов из Гонио, Капандиби, где они, по мнению М.Ю. Трейстера, по всей вероятности, вряд ли выходят за рамки I в. н.э. [Трейстер, 2023, с. 355]. Однако петельки медальонов из данных комплексов отличаются большим изяществом и имеют округлую форму, что отличает их от петелек медальонов исследуемого сосуда.

Детальный анализ состава металла оправ скифосов из Северского кургана не производился. Другие сосуды с подобными оправами нам не известны. Поэтому говорить о сходстве или различии состава металла оправы исследуемого экземпляра и оправ известных сосудов, на наш взгляд, пока преждевременно.

В то же время характер нанесения орнаментации, форма украшений, технология присоединения цепочек и частей оправы позволяет предположить, что золотая оправа скифоса, найденного на территории Западного Кавказа, изготовлена гораздо позже самого стеклянного сосуда. Кроме того, нельзя исключить и возможность высококачественной современной подделки с использованием самородного золота и деталей собственно древних украшений.

Заключение. Публикуемый скифос относится к довольно многочисленной группе литых

стеклянных сосудов, происходящих из погребений кочевников II–I вв. до н.э., открытых в бассейне Кубани, и первой половины I в. н.э. из Волго-Донского междуречья. Практически полное отсутствие таких сосудов в античных центрах Северного Причерноморья, с одной стороны, и значительное их количество в сарматских могильниках – с другой, свидетельствует об их поступлении в регион не через Боспор, а в результате прямых контактов сарматов с малоазийскими территориями. Согласно хронологии Засецкой / Марченко, публикуемый сосуд датируется концом II – первой половиной I в. до н.э., и, скорее всего, попал в регион в качестве военного трофея. Стекло скифоса было изготовлено в одном из восточносредиземноморских центров, однако по составу оно не вполне типично для стекла левантийского происхождения, наиболее распространенного в эпоху эллинизма. Не исключено, что оно было изготовлено на Родосе. Изделия из стекла, наиболее близкого ему по составу, известны на территории Греции. В то же время данные о составе не противоречат гипотезе о том, что сосуд попал на Кавказ с территории Малой Азии. Судя по технологии изготовления, золотая оправа скифоса сделана в основном из самородного золота, но гораздо позже самого стеклянного сосуда. Однако нельзя исключить и высокую вероятность высококачественной современной подделки с использованием деталей собственно древних украшений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00510, <https://rscf.ru/project/24-18-00510>.

The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00510, <https://rscf.ru/project/24-18-00510>.

² ГИМ ВХ ЭФЗК 4477.

³ Фото скифоса выполнены С.Г. Новоселовым, компьютерная обработка – Ю.В. Демиденко, за что авторы приносят искреннюю благодарность.

⁴ Точное происхождение ряда сосудов, хранящихся ныне в музейных коллекциях и поступивших туда преимущественно из частных коллекций, неизвестна, хотя некоторые из них были приобретены в Керчи.

⁵ Исследование стекла скифоса выполнялось с использованием приборной базы Центра коллективного пользования при ИА РАН (г. Москва).

⁶ Выражаем благодарность Е.Я. Зубавичусу за проведение исследования.

⁷ Обесцвеченное сурьмой стекло в эпоху эллинизма известно, но его основной состав – иной [Foy et al., 2004].

⁸ Определение состава элементов в образцах методом рентгенофлуоресцентной (РФА) спектроскопии на приборе ПРФА МетЭксперт (Анализатор рентгенофлуоресцентный портативный). Авторы искренне благодарят А.В. Шулинина, Н.А. Мамонова, Л.Д. Исхакову, О.Б. Ландратову и Е.В. Нестеркову за проведенные исследования.

⁹ Технико-технологическое исследование канфара. ГИМ ВХ ЭФЗК 4477. 10.07.2025. Исполнители: Зав. сектором ТТЭ ОРФ Шулинина А.В., эксперт I категории ТТЭ ОРФ Мамонов Н.А., эксперт II категории ТТЭ ОРФ Исхакова Л.Д., Зам. зав. ОРФ Ландратова О.Б., эксперт II категории ТТЭ ОРФ Нестеркова Е.В.

¹⁰ Исследователи по содержанию выделяют несколько основных типов самородного золота: 1 – весьма высокопробное (998–951), 2 – высокопробное (950–900), 3 – умеренно высокопробное (899–800), 4 – относительно низкопробное (799–700), 5 – низкопробное (699–600) и 6 – весьма низкопробное, высокосеребристое (менее 600) [Петровская, 1973, с. 120].

¹¹ Определение состава элементов в образцах методом энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии с использованием сканирующего электронного микроскопа (JSM-5910LV, JEOL), в отраженных электронах, в режиме Z-контраста.

ПРИЛОЖЕНИЯ**Таблица 1. Химический состав стекла эталона corning Museum of Glass B, по данным СЭМ-ЭДС (ЦКП ИА РАН), в масс %****Table 1. SEM-EDS analyses of the Corning Museum of Glass B glass standard, compared with reported values, in wt %**

Соединение	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	Cl	K ₂ O	CaO
Рекомендованное	17,00	1,03	4,36	61,55	0,82	0,50	0,20	1,00	8,56
Среднее	16,83	0,97	4,32	60,75	0,79	0,61	0,19	1,07	8,80
Станд. откл.	0,04	0,02	0,01	0,07	0,05	0,07	0,02	0,01	0,05

Соединение	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃	CoO	CuO	SnO ₂	Sb ₂ O ₅	BaO	PbO
Рекомендованное	0,09	0,25	0,34	0,05	2,66	0,04	0,46	0,12	0,61
Среднее	0,15	0,24	0,33	0,03	2,84	0,02	0,51	0,04	0,51
Станд. откл.	0,03	0,02	0,02	0,05	0,09	0,06	0,13	0,04	0,04

Таблица 2. Химический состав стекла скифоса, изученный методом СЭМ-ЭДС, в масс %**Table 2. Chemical composition of skyphos glass, studied by the SEM-EDS method, in wt %**

Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	Cl	K ₂ O	CaO
18,02	0,54	2,05	70,19	0,10	0,30	0,85	0,61	5,99

TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃	CoO	CuO	SnO ₂	Sb ₂ O ₅	PbO
<0,10	1,23	0,64	<0,10	<0,10	<0,20	<0,20	<0,10

Таблица 3. Качественный и количественный состав поверхности дисковидных подвесок (РФА), в масс %**Table 3. Chemical composition of disk pendant surface studied with SEM-EDS method, in wt %**

Декоративные детали в форме монетки		Содержание элементов					
		Al алюминий	Si кремний	Fe железо	Cu медь	Ag серебро	Au золото
1.1	лицо	0,5	3,3	0,2	3,08	7,44	87,15
	оборот	1,9	4,4	0,2	2,70	7,70	83,07
2.1	лицо	1,8	3,6	0,2	3,21	8,33	82,82
	оборот	1,5	3,4	0,3	3,74	8,37	82,72
3.1	лицо	1,5	2,5	0,5	1,77	9,44	86,22
	оборот	–	1,3	0,3	1,63	9,52	87,20
4.1	лицо	0,8	1,2	0,5	1,55	9,87	86,44
	оборот	–	–	0,3	1,62	9,83	88,29
5.1	лицо	–	0,6	0,2	2,06	10,66	86,84
	оборот	0,8	3,0	0,6	3,86	10,07	83,23
6.1	лицо	–	–	0,1	1,44	9,97	88,46
	лицо	–	1,3	0,7	1,61	9,73	87,32
7.1	оборот	0,1	0,8	0,3	3,50	8,61	86,68
	лицо	–	–	0,2	2,35	9,23	88,19
8.1	оборот	1,0	1,7	0,3	1,55	10,35	85,64
	лицо	0,9	–	7,2	2,54	8,49	80,61
9.1	оборот	–	0,6	0,4	1,62	9,67	88,03
	лицо	1,3	2,4	0,2	3,71	7,87	85,17
10.1	оборот	–	1,8	0,26	2,08	9,03	87,75
	лицо	–	–	0,31	2,35	9,65	87,69
11.1	оборот	0,8	0,9	0,26	1,76	9,88	86,80
	лицо	–	–	0,21	2,69	9,68	87,42
12.1	оборот	0,8	1,1	0,27	2,92	9,56	85,60
	лицо	–	–	0,16	1,57	9,98	88,37
13.1	оборот	–	–	0,42	1,74	10,12	87,72
	лицо	–	–	0,30	2,64	8,63	88,43
14.1	оборот	–	–	0,18	1,89	9,25	88,78
	лицо	1,8	6,3	1,59	1,61	9,30	82,49
15.1	оборот	–	0,9	0,18	–	9,70	89,20
	лицо	0,3	2,4	0,37	0,30	9,66	88,70
16.1	оборот	–	0,8	0,27	–	9,83	89,51
	лицо	–	0,5	0,40	–	9,88	89,46
17.1	оборот	–	–	0,19	1,98	9,72	88,12
	лицо	–	–	0,33	2,47	8,63	88,57
18.1	оборот	–	0,6	0,62	2,34	8,75	87,68

Таблица 4. Качественный и количественный состав поверхности цепочек (РФА), в масс %

Table 4. Chemical composition of chain surface studied with p-XRF method, in wt %

Декоративные детали-цепочки	Содержание элементов					
	Al алюминий	Si кремний	Fe железо	Cu медь	Ag серебро	Au золото
1.2	1,6	4,7	0,8	2,1	11,0	82,9
2.2	1,2	2,2	0,5	1,4	10,3	86,0
3.2	0,6	1,9	1,0	1,5	11,3	84,7
4.2	0,9	2,4	0,3	1,5	11,2	83,7
5.2	1,4	4,2	0,6	3,2	12,8	77,8
6.2	0,6	2,1	0,9	1,5	19,5	77,5
7.2	—	1,5	0,3	1,2	17,4	80,3
8.2	—	3,5	0,7	1,4	9,5	84,5
9.2	0,8	2,8	0,8	1,9	10,7	83,0
10.2	—	1,8	0,2	1,8	9,5	87,6
11.2	—	—	1,0	1,4	10,9	86,3
12.2	0,9	1,5	0,2	1,5	10,2	86,
13.2	0,9	2,1	0,4	1,4	10,6	85,1
14.2	—	4,6	1,2	2,2	11,9	78,3
	2,1	4,6	1,0	2,0	11,5	77,4
15.2	1,8	4,4	1,0	0	9,7	85,0
16.2	0,5	—	0,8	13,8	84,8	0
17.2	—	1,9	0,5	1,6	10,0	87,5
18.2	1,2	3,9	17,6	1,9	6,8	69,9

Таблица 5. Качественный и количественный состав поверхности лунниц (РФА), в масс %

Table 5. Composition of lunular pendants studied with p-XRF method, in wt %

Декоративные детали в форме лунниц	Содержание элементов					
	Al алюминий	Si кремний	Fe железо	Cu медь	Ag серебро	Au золото
1.3	лицо	1,7	3,0	2,2	2,9	6,8
	оборот	—	1,5	0,7	3,1	87,6
5.3	лицо	0,9	1,7	0,4	3,4	7,9
	оборот	—	—	0,2	3,2	88,4
9.3	лицо	1,2	4,5	2,0	2,9	7,0
	оборот	0,9	1,6	0,3	2,6	7,9
10.3	лицо	—	—	0,3	3,2	88,2
	оборот	—	—	0,2	2,7	88,4
14.3	лицо	0,1	—	0,4	4,2	7,7
	оборот	—	—	0,3	4,1	87,5
18.3	лицо	—	—	34,5	2,0	4,5
	оборот	—	1,8	4,9	2,9	6,8
						83,6

Таблица 6. Качественный и количественный состав поверхности цепочек (РФА), в масс %

Table 6. Chemical composition of chain surface studied with p-XRF method, in wt %

Декоративные детали-цепочки	Содержание элементов					
	Al алюминий	Si кремний	Fe железо	Cu медь	Ag серебро	Au золото
1.4	2,5	5,7	0,6	2,3	8,7	80,3
5.4	1,3	1,9	0,4	2,2	12,5	82,2
9.4	1,1	2,3	0,5	2,3	8,4	85,4
10.4	—	—	0,2	2,2	14,0	83,7
14.4	0,6	3,0	0,6	2,1	8,9	84,0
18.4	0,8	2,1	1,1	1,7	10,8	84,8

Таблица 7. Качественный и количественный состав поверхностей накладок на ручки и ободка сосуда (РФА), в масс %**Table 7. Chemical composition of a handle plate and the rim frame studied with p-XRF method, in wt %**

Ободок, ручки	Содержание элементов						
	Fe железо	Cu медь	Ag серебро	Au золото	Mn марганец	Si кремний	Al алюминий
19	1,1	0,6	21,3	74,7	0,3	1,8	1,3
20	0,2	0,7	22,1	77,3	–	–	–
21	0,1	2,6	32,5	64,9	–	–	–
22	0,1	2,3	30,9	66,7	–	–	–
23	0,1	2,3	31,6	66,2	–	–	–
24	–	2,3	30,9	66,8	–	–	–
25	–	2,2	31,8	66,0	–	–	–
26	0,1	2,1	31,7	66,1	–	–	–
27	0,1	2,1	31,5	66,4	–	–	–
28	–	2,0	31,5	66,5	–	–	–
29	0,1	2,2	31,2	66,6	–	–	–
30	–	1,6	29,4	69,1	–	–	–
31	0,3	2,2	30,4	66,7	0,7	–	–
32	0,1	2,2	31,0	66,6	0,3	–	–
33	–	2,3	31,6	66,2	–	–	–
34		2,1	31,7	66,3	–	–	–
35	–	2,1	31,8	66,0	–	–	–
36	–	2,2	31,2	66,6	–	–	–
37	0,1	2,3	31,4	66,2	–	–	–
38	–	2,2	31,0	66,8	–	–	–
39	0,1	2,3	31,0	66,7	–	–	–
40	0,1	2,2	31,9	65,5	–	–	–

1

2

3

Рис. 1. Скифос с территории Западного Кавказа (фото С.Г. Новоселова):

1, 2 – общий вид сбоку; 3 – вид сверху

Fig. 1. Skyphos from the Western Caucasus (photo by S.G. Novoselov):

1, 2 – general side view; 3 – top view

Рис. 2. Скифос с территории Западного Кавказа (фото С.Г. Новоселова):
 1A, 2A – проволока с петельками для крепления подвесок; 3A – украшения типа 1;
 3B, 3В – украшения типа 2; 4A, 5A – места соединения «внахлест» двух частей оправ в районе ручек сосуда

Fig. 2. Skythos from the Western Caucasus (photo by S.G. Novoselov):

1A, 2A – wire with loops for fastening pendants; 3A – ornaments, type 1;
 3B, 3В – ornaments, type 2; 4A, 5A – the overlap junction points of the frame parts near the handles

Рис. 3. Скифос с территории Западного Кавказа. Расположение точек анализа металла (фото С.Г. Новоселова)

Fig. 3. Skythos from the Western Caucasus. Location of metal analysis points (photo by S.G. Novoselov)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беглова Е. А., Эрлих В. Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М. : СПб. : Нестор-История. 384 с.

Галибин В. А., 2001. Состав стекла как археологический источник. *Archaeologica Petropolitana*, XI. СПб. : Петербург. востоковедение. 216 с.

Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб. : Фарн. 172 с.

Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю., Шемаханская М. С., 2014. Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование. М. : Ист. музей. 352 с. : ил.

Зайков В. В., Зайкова Е. В., Яблонский Л. Т., 2012. Состав золота и включений минералов осмия в изделиях из могильника Филипповка-І // Влияние ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 1. М. : Tayc. С. 228–238.

Зайков В. В., Трейстер М. Ю., Зайкова Е. В., Хворов П. В., Котляров В. А., 2015. Результаты исследования состава золотых изделий из Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 2. Золото Фанагории. М. : Ин-т археологии РАН. 604 с. : ил.

Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С., 2007. Морской Чулек : Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа. 212 с. : ил.

Засецкая И. П., Марченко И. И., 1995. Классификация стеклянных канфаров позднеэллинистического и раннеримского времени // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 32. С. 90–104.

Колесниченко А., 2014. Позднеэллинистический стеклянный кубок из собрания Одесского археологического музея // *Stratum plus*. 3. С. 34–350.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2003. Стеклянные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар. С. 106–183.

Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар : КубГУ. 340 с.

Новиченкова Н. Г., 2002. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта : РИО Крым. гос. гуманит. ин-та. 213 с.

Новиченкова Н. Г., 2015. Горный Крым. II в. до н.э. – II в. н.э. (по материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло). Симферополь : Нижняя Орианда. 216 с.

Петровская Н. В., 1973. Самородное золото (общая характеристика, типоморфизм, вопросы генезиса). М. : Наука. 348 с.

Смирнов К. Ф., 1953. Северский курган. М. : Госкультпросветиздат. 52 с.

Таиров А. Д., Бейсенов А. З., Зайков В. В., Зайкова Е. В., Блинов И. А., 2015. Древнее золото Казахстана // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии : сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева. Алматы : Бегазы-Тасмола. С. 320–335.

Таиров А. Д., Зайков В. В., 2013. Изделия из благородных металлов в памятниках ранних кочевников пограничья степи и лесостепи Зауралья // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 13, № 2. С. 59–65.

Трейстер М. Ю., 2019. Литые в формах стеклянные скифосы из погребений кочевников Волго-Донского междуречья и участие сарматов в иберо-парфянской войне 35 г. н.э. // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Вып. V. X Международная научная конференция «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь : Салта ЛТД. С. 272–281.

Трейстер М. Ю., 2023. О ювелирных изделиях первых веков н.э. из комплексов на территории Колхиды и прилегающих областей Север-Восточного Причерноморья (о так называемой стилистической группе «Горгиппия – Лоо») // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 15. С. 336–397. DOI: <https://doi.org/10.53737/7965.2023.55.50.008>

Ancient Glass Blog of the Allaire Collection, 2018. URL: <https://ancientglass.wordpress.com/2018/11/22/hellenistic-cast-skyphos-2/>

Barfod G. H., Freestone I. C., Lesher C. E., Lichtenberger A., Raja R., 2020. ‘Alexandrian’ Glass Confirmed by Hafnium Isotopes // *Scientific Reports* Vol. 10 (1). Art. 11322. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-020-68089-w>

Brill R. H., 1970. The Chemical Interpretation of the Texts // Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia. N. Y. : Corning Museum of Glass. P. 105–128.

Connolly P., Rehren Th., Doulgeri-Intzesiloglou A., Arachoviti P., 2012. The Hellenistic Glass from Pherai, Thessaly // Annales du 18e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Thessaloniki : AIHV. P. 91–97.

Cosyns P., Oikonomou A., Ceglia A., Michaelides D., 2018. Late Hellenistic and Early Roman Slumped and Cast Glass Vessels from the House of Orpheus at Paphos, Cyprus. An Interim Report // Journal of Archaeological Science: Reports. Vol. 22. P. 524–539.

Foy D., Thirion-Merle V., Vichy M., 2004. Contribution à l'étude des verres antiques décolorés à l'antimoine // Revue d'Archéométrie. Vol. 28. P. 169–177.

Henderson J., 2013. Ancient Glass: An Interdisciplinary Exploration. Cambridge : Cambridge University Press. 433 p.

Lightfoot C. S., 1990. Three Cast Vessels from Anatolia // Annales du 11 Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre: Bâle 29 août–3 septembre 1988. Amsterdam. P. 85–94.

Mandruzzato L., Marcante A., 2005. Vetri Antichi del Museo Archeologico Nazionale di Aquileia. Il vasellame da mensa. Corpus delle Collezioni del Vetro nel Friuli Venezia Giulia. Vol. II. Venezia. 176 p.

Oikonomou A., Henderson J., Chinery S., 2020. Provenance and Technology of Fourth–Second Century BC Glass from Three Sites in Ancient Thesprotia, Greece // Archaeological and Anthropological Sciences. Vol. 12. Art. 269. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-020-01222-y>

Oliver A. Jr., 1967. Late Hellenistic Glass in the Metropolitan Museum // Journal of Glass Studies. Vol. 9. P. 13–33.

Rehren Th., Spencer L., Triantafyllidis P., 2005. The Primary Production of Glass at Hellenistic Rhodes // Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre. Nottingham : AIHV. P. 39–43.

Rehren Th., Connolly P., Schibille N., Schwarzer H., 2015. Changes in Glass Consumption in Pergamon (Turkey) from Hellenistic to Late Byzantine and Islamic Times // Journal of Archaeological Science. Vol. 55. P. 266–279.

Rosenow D., Rehren Th., 2014. Herding Cats – Roman to Late Antique Glass Groups from Bubastis, Northern Egypt // Journal of Archaeological Science. Vol. 49. P. 170–184.

Rottloff A., 2015. Die Gläser vom Auerberg // Der Auerberg IV. Die Kleinfunde mit Ausnahme der Gefäßkeramik sowie die Grabungen von 2001 und 2008. Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Band 63. München. S. 261–351.

Sayre E. V., Smith R. W., 1961. Compositional Categories of Ancient Glass // Science. Vol. 133. P. 1824–1826.

Schwarzer H., Rehren Th., 2015. Antikes Glas aus Pergamon Ergebnisse archäologischer und naturwissenschaftlicher Untersuchungen // Pergamon als Zentrum der hellenistischen Kunst. Bedeutung, Eigenheiten und Ausstrahlung. Berlin : Staatliche Museen zu Berlin. S. 106–118.

Schwarzer H., Rehren Th., 2021. Glass Finds from Pergamon. A Report on the Results of Recent Archaeological and Archaeometric Research // From Artificial Stone to Translucent Mass-Product. Berlin Studies of the Ancient World. Innovations in the Technologies of Glass and Their Social Consequences Between Bronze Age and Antiquity. Vol. 67. Berlin. P. 161–215.

Thirion-Merle V., 2005. Les verres de Beyrouth et les verres du Haut Empire dans le monde occidental: étude archéométrique // Journal of Glass Studies. Vol. 47. P. 37–53.

Treister M., 2024. Late Hellenistic and Roman Glass Vessels in the Burials of the Nomads of Asian // Glass Along the Roads of Eurasia in Ancient Times and Medieval Period: Proceedings of the International Academic Conference (September 29th–October 1st 2020, Moscow). Moscow : Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, 2024. P. 11–33.

Venclová N., Hulíský V., Jonášová Š., Frána J., Fikrle M., Vaculoviè T., 2015. Hellenistic Mosaic Glass Vessels in Bohemia and Moravia // Archeologické rozhledy. Vol. 67. P. 213–238.

von Saldern A., 1966. Ancient Glass // Boston Museum Bulletin. Vol. 64, no. 335. P. 4–17.

von Saldern A., 2004. Antikes Glas. Handbuch der Archäologie. Vol. 7. München : Verlag C. H. Beck. 708 S.

REFERENCES

Beglova E.A., Ehrlikh V.R., 2018. *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya (po materialam Tenginskogo gruntnovogo mogil'nika)* [Meotians of Trans-Kuban Region in Sarmatian Times (Based on Materials from Tenginsky Cemetery)]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 384 p.

Galibin V.A., 2001. *Sostav stekla kak arkheologicheskiy istochnik* [The Composition of Glass as an Archaeological Source]. Archaeologica Petropolitata, XI. Saint Peterburg, Peterburg. vostokovedeniye Publ. 216 p.

Guschina I.I., Zasetskaya I.P., 1994. «*Zolotoe kladbischche*» rimsкои epokhi v Prikubanye [“Golden Cemetery” of the Roman Time in the Kuban Region]. Saint Petersburg, Farn Publ. 172 p.

Zhuravlev D.V., Novikova E.Yu., Shemakhanskaya M.S., 2014. *Yuvelirnye izdeliya iz kurgana Kul'-Oba v sobranii Istoricheskogo muzeya. Istoriko-tehnologicheskoe issledovanie* [Jewelry from the Kul-Oba Burial Mound in the Collection of the Historical Museum. Historical and Technological Research]. Moscow, SHM. 352 p., ill.

Zaykov V.V., Zaykova E.V., Yablonskiy L.T., 2012. Sostav zolota i vklyucheniya mineralov osmiya v izdeliyakh iz mogil'nika Filippovka-I [Composition of Gold and Inclusions of Osmium Minerals in Products from the Filippovka-I Cemetery]. *Vliyanie akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V–III vv. do n.e.)* [The Influence of the Achaemenid Culture in the Southern Urals (V–III centuries BC)]. Vol. 1. Moscow, TAUS Publ., pp. 228–238.

Zaykov V.V., Treister M.Yu., Zaykova E.V., Khvorov P.V., Kotlyarov V.A., 2015. Rezul'taty issledovaniya sostava zolotykh izdeliy iz Fanagorii [Results of the Study of the Composition of Gold Items from Phanagoria]. *Fanagoriya. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy. Zoloto Fanagorii* [Phanagoria. Results of Archaeological Research. Gold of Phanagoria], vol. II. Moscow, IA RAS. 604 p., ill.

Zasetskaya I.P., Kazanskiy M.M., Akhmedov I.R., Minasyan R.S., 2007. *Morskoy Chulek: Pogrebeniya znati iz Priazovya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunskuyu epokhu* [Morskoy Chulek: Burials of the Nobility from Azov Region and their Place in the History of the Tribes of the Northern Black Sea Region in the Post-Hunnic Epoch]. Saint Petersburg, State Hermitage. 212 p., ill.

Zasetskaya I.P., Marchenko I.I., 1995. Klassifikatsiya steklyannykh kanfarov pozdneellinisticheskogo i rannerimskogo vremeni [Classification of Glass Kanfars of the Late Hellenistic and Early Roman Time]. *Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological Papers of the State Hermitage Museum], iss. 32, pp. 90–104.

Kolesnichenko A., 2014. Pozdneellinisticheskiy steklyannyi kubok iz sobraniya Odesskogo arkheologicheskogo muzeya [Late-Hellenistic Glass Beaker from the Collection of Odessa Archaeological Museum]. *Stratum plus*, vol. 3, pp. 34–350.

Limberis N.Yu., Marchenko I.I., 2003. Sreklyannee sosudy pozdneellinisticheskogo I rimskego vreneni iz Prikubanya [Glass Vessels of the Late Hellenistic and Roman Time from the Kuban Region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kubani* [Materials and Research on the Archeology of Kuban], iss. 3. Krasnodar, pp. 106–183.

Marchenko I.I., 1996. *Siraki Kubani (po materialam kurgannykh pogrebeniy Nizhneiy Kubani)* [Siraks of Kuban (Based on Materials of Mound Burials of the Lower Kuban)]. Krasnodar, KubSU. 340 p.

Novichenkova N.G., 2002. *Ustroistvo i obryadnost svyatilischa u perevala Gurzufskoe Sedlo* [The Structure and Rituals of the Sanctuary at the Gurzufskoe Sedlo Pass]. Yalta, Crimean State Humanitarian Institute. 213 p.

Novichenkova N.G., 2015. *Gornyi Krym. II v. do n.e. – II v. n.e. (po materialam raskopok svyatilischa u perevala Gurzufskoe Sedlo)* [Mountainous Crimea. 2nd century BC – 2nd century AD (Based on Excavations of the Sanctuary near Gurzufskoye Sedlo Pass)]. Simferopol, Nizhnaya Oriadna Publ. 216 p.

Petrovskaya N.V., 1973. Samorodnoe zoloto (obshchaya kharakteristika, tipomorfizm, voprosy genezisa) [Native Gold (General Characteristics, Typomorphism, Questions of Genesis)]. Moscow, Nauka Publ. 348 p.

Smirnov K.F., 1953. Severskiy kurgan [Seversk Kurgan]. Moscow, Goskultprosvetizdat Publ. 52 p.

Tairov A.D., Beysenov A.Z., Zaykov V.V., Zaykova E.V., Blinov I.A., 2015. Drevnee zoloto Kazakhstana [Ancient Gold of Kazakhstan]. *Sakskaia kul'tura Saryarki v kontekste izucheniya ehtnosotsiokul'turnykh protsessov Steppoy Evrazii: sb. nauch. st., posvyashch. pamjati arkheologa K.A. Akisheva* [Sak Culture of Saryarka in the Context of the Study of Ethnic and Sociocultural Processes of Steppe Eurasia. The Collection of Scientific Articles, Dedicated to the Memory Archaeologist Kemal Akishev]. Almaty, Begazy-Tasmola Publ., pp. 320–335.

Tairov A.D., Zaykov V.V., 2013. Izdeliya iz blagorodnykh metallov v pamyatnikakh rannikh kochevnikov pogranich'ya stepi i lesostepi Zaural'ya [Products of precious Metals in the Monuments of early Nomads of Steppe and Forest Steppe Frontier in Zauralye]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Sotsial'no-gumanitarnye nauki»* [Bulletin of the South Ural State University “Social Sciences and the Humanities”], vol. 13, no. 2, pp. 59–65.

Treister M.Yu., 2019. Litye v formakh steklyannee skifosy iz pogrebenii kochevnikov Volgo-Donskogo mezhdurech'ya i uchastie sarmatov v iberio-parfyanskoi voine 35 g. n.e. [Mold Cast Glass Skyphoi from the Burials of the

Nomads of the Volga-Don Interflue and the Participation of the Sarmatians in the Ibero-Parthian War of 35 AD]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. – IV v. n.e.). X Mezhdunar. nauch. konf. «Problemy sarmatskoi arkheologii i istorii»* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (200 BC – AD 400). 10th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archaeology and History”], iss. V. Simferopol, Salta LTD Publ., pp. 272-281.

Treister M.Yu., 2023. O yuvelirnykh izdeliyakh pervykh vekov n.eh. iz kompleksov na territorii Kolkhidy i prilegayushchikh oblastey Sever-Vostochnogo Prichernomor'ya (o tak nazyvaemoy stilisticheskoy gruppe «Gorgippiya – Loo») [On Jewellery from the First Centuries CE Complexes on the Territory of Colchis and Surrounding Areas of the North-Eastern Black Sea Region (About the So-Called Stylistic Group “Gorgippia – Loo”)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region], no. 15, pp. 336-397. DOI: <https://doi.org/10.53737/7965.2023.55.50.008>

Ancient Glass Blog of the Allaire Collection, 2018. URL: <https://ancientglass.wordpress.com/2018/11/22/hellenistic-cast-skyphos-2/>

Barfod G.H., Freestone I.C., Lesher C.E., Lichtenberger, Raja R., 2020. ‘Alexandrian’ Glass Confirmed by Hafnium Isotopes. *Scientific Reports*, vol. 10 (1), 11322. DOI : <https://doi.org/10.1038/s41598-020-68089-w>

Brill R.H., 1970. The Chemical Interpretation of the Texts. *Glass and Glassmaking in Ancient Mesopotamia*. New York, Corning Museum of Glass, pp. 105-128.

Connolly P., Rehren Th., Doulgeri-Intzesiloglou A., Arachoviti P., 2012. The Hellenistic Glass from Pherai, Thessaly. *Annales du 18e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. Thessaloniki, AIHV, pp. 91-97.

Cosyns P., Oikonomou A., Ceglia A., Michaelides D., 2018. Late Hellenistic and Early Roman Slumped and Cast Glass Vessels from the House of Orpheus at Paphos, Cyprus. An Interim Report. *Journal of Archaeological Science: Reports*, vol. 22, pp. 524-539.

Foy D., Thirion-Merle V., Vichy M. 2004. Contribution à l'étude des verres antiques décolorés à l'antimoine. *Revue d'Archéométrie*, vol. 28, pp. 169-177.

Henderson J., 2013. *Ancient Glass: An Interdisciplinary Exploration*. Cambridge, Cambridge University Press. 433 p.

Lightfoot C.S., 1990. Three Cast Vessels from Anatolia. *Annales du 11 Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre: Bâle 29 août–3 septembre 1988*. Amsterdam, pp. 85-94.

Mandruzzato L., Marcante A., 2005. Vetri Antichi del Museo Archeologico Nationale di Aquileia. Il vasellame da mensa. *Corpus delle Collezioni del Vetro nel Friuli Venezia Giulia*, vol. II. Venezia. 173 p.

Oikonomou A., Henderson J., Chinery S., 2020. Provenance and Technology of Fourth–Second Century BC Glass from Three Sites in Ancient Thesprotia, Greece. *Archaeological and Anthropological Sciences*, vol. 12, art. 269, pp. 1-15. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12520-020-01222-y>

Oliver A.Jr., 1967. Late Hellenistic Glass in the Metropolitan Museum. *Journal of Glass Studies*, vol. 9, pp. 13-33.

Rehren Th., Spencer L., Triantafyllidis P., 2005. The Primary Production of Glass at Hellenistic Rhodes. *Annales du 16e Congrès de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. Nottingham, AIHV, pp. 39-43.

Rehren Th., Connolly P., Schibille N., Schwarzer H., 2015. Changes in Glass Consumption in Pergamon (Turkey) from Hellenistic to late Byzantine and Islamic Times. *Journal of Archaeological Science*, vol. 55, pp. 266-279.

Rosenow D., Rehren Th., 2014. Herding Cats – Roman to Late Antique Glass Groups from Bubastis, Northern Egypt. *Journal of Archaeological Science*, vol. 49, pp. 170-184.

Rottloff A., 2015. Die Gläser vom Auerberg. *Der Auerberg IV. Die Kleinfunde mit Ausnahme der Gefäßkeramik sowie die Grabungen von 2001 und 2008*. Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte, Bd. 63. München, S. 261-351.

Sayre E.V., Smith R.W., 1961. Compositional Categories of Ancient Glass. *Science*, vol. 133, pp. 1824-1826.

Schwarzer H., Rehren Th., 2015. Antikes Glas aus Pergamon Ergebnisse archäologischer und naturwissenschaftlicher Untersuchungen. *Pergamon als Zentrum der hellenistischen Kunst. Bedeutung, Eigenheiten und Ausstrahlung*. Berlin, Staatliche Museen zu Berlin, S. 106-118.

Schwarzer H., Rehren Th., 2021. Glass Finds from Pergamon. A Report on the Results of Recent Archaeological and Archaeometric Research. From Artificial Stone to Translucent Mass-Product. *Berlin Studies of the Ancient World. Innovations in the Technologies of Glass and their Social Consequences Between Bronze Age and Antiquity*, vol. 67. Berlin, pp. 161-215.

Thirion-Merle V., 2005. Les verres de Beyrouth et les verres du Haut Empire dans le monde occidental: étude archéométrique. *Journal of Glass Studies*, vol. 47, pp. 37-53.

Treister M., 2024. Late Hellenistic and Roman Glass Vessels in the Burials of the Nomads of Asian. *Steklo na putyakh Evrasii v drevnosti i srednevekov'e. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 19 sentyabrya – 1 oktyabrya 2020 g.* [Glass Along the Roads of Eurasia in Ancient Times and Medieval Period. Preceedings of the International Academic Conference. September 29th – October 1st 2020 Moscow]. Moscow, IA RAS, pp. 11-33.

Venclová N., Hulíský V., Jonášová Š., Frána J., Fikrle M., Vaculoviè T., 2015. Hellenistic Mosaic Glass Vessels in Bohemia and Moravia. *Archeologické rozhledy*, vol. 67, pp. 213-238.

von Saldern A., 1966. Ancient Glass. *Boston Museum Bulletin*, vol. 64, no. 335, pp. 4-17.

von Saldern A., 2004. *Antikes Glas. Handbuch der Archäologie*, vol. 7. München, Verlag C. H. Beck. 708 S.

Information About the Authors

Larisa A. Golofast, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Classical Archaeology, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dmitriya Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, larisa_golofast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1743-5057>

Sergey V. Demidenko, Candidate of Sciences (History), Researcher, Department of Scythian-Sarmatian Archaeology, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dmitriya Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, sergey.demidenko2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6462-0132>

Anna A. Kadieva, Researcher, Department of Archaeological Monuments, State Historical Museum, Red Square, 1, 109012 Moscow, Russian Federation, adelgeida85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9759-077X>

Olga S. Rumyantseva, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of Archaeology of the Migration Period and Early Middle Ages, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dmitriya Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, o.roumiantseva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5648-6079>

Информация об авторах

Лариса Алексеевна Голофаст, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела классической археологии, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, larisa_golofast@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1743-5057>

Сергей Викторович Демиденко, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела скифо-сарматской археологии, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, sergey.demidenko2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6462-0132>

Анна Анатольевна Кадиева, научный сотрудник Отдела археологических памятников, Государственный исторический музей, Красная площадь, 1, 109012 г. Москва, Российская Федерация, adelgeida85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9759-077X>

Ольга Сергеевна Румянцева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии эпохи Великого переселения народов и раннего Средневековья, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, o.roumiantseva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5648-6079>

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.7>

UDC 903'1(470.4):504.38
LBC 63.442.7(235.7)-1

Submitted: 21.08.2025
Accepted: 30.09.2025

COMPLEXES OF THE FINAL OF THE LATE SARMATIAN PERIOD IN THE LOWER VOLGA REGION¹

Mikhail V. Krivosheev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vladimir Yu. Malashev

Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The traditional dating established in the historiography of the upper chronological boundary of the Late Sarmatian culture requires adjustment. After the mid-3rd century, global political changes occurred in the Volga-Don region, associated with the expansion of the Alan population from the North Caucasus to the Lower Don, leading to the formation of the “Alan-Tanaites” culture. This culture was based on two cultural components: Late Sarmatian and Alan. By the 4th century, the Alan tradition of burial in T-shaped catacombs had almost completely supplanted Late Sarmatian burial structures. Thus, in the second half of the 3rd century, two apparently politically independent groups of nomads with different cultural foundations emerged in the Volga-Don steppes: the Late Sarmatians and the Alans. The western group, gravitating towards the Lower Don, is characterized by the traditions of the “Alan-Tanaites” culture, while the eastern group, associated with the Right Bank of the Lower Volga, is characterized by Late Sarmatian traditions. The boundary between them passed in the area of the Yergeni area. The article analyzes the kurgans from the final stage of the Late Sarmatian period in the Lower Volga region. A total of 8 complexes dating to the 4th century have been identified. Most are associated with the Late Sarmatian cultural complex, while several burials are represented by type I and II catacombs, which can be interpreted as the influence of the “Alan-Tanaites” culture. The obtained results confirm the previously stated hypothesis about the absence of archaeological evidence for the existence of the Late Sarmatian culture as an integral phenomenon in the region during the 4th century. Against the background of increasing climate humidity in the second half of the 3rd century AD, a complex of factors unfavorable for nomadic pastoralism in the steppe zone of the Volga-Urals region intensified. The consequence was an outflow of population from the region or their death. It cannot be ruled out that the nomads could have used these territories as summer pastures. However, it is unlikely that one can speak of a stable year-round presence of pastoralists here at this time. The historical, cultural, and natural-climatic processes that swept the Lower Volga region in the second half of the 3rd – 4th centuries were large-scale and prolonged. Similar scenarios for pastoral cultures evidently developed in the forest-steppe of Western Siberia and the steppe zone of the Southern Urals.

Key words: Lower Volga region, Late Sarmatian culture, cultural complex, upper chronological boundary, Alans-Tanaites, climatic changes.

Citation. Krivosheev M.V., Malashev V.Yu., 2025. Kompleksy finala pozdnesarmatskogo vremeni v Nizhnem Povolzh'ye [Complexes of the Final of the Late Sarmatian Period in the Lower Volga Region]. *Nizhnevولzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 4, pp. 174-186. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.7>

УДК 903'1(470.4):504.38
ББК 63.442.7(235.7)-1

Дата поступления статьи: 21.08.2025
Дата принятия статьи: 30.09.2025

КОМПЛЕКСЫ ФИНАЛА ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ¹

Михаил Васильевич Кривошеев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Владимир Юрьевич Малашев

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Традиционная датировка верхней границы позднесарматской культуры, устоявшаяся в историографии, требует корректировки. После середины III в. в Волго-Донском регионе происходят глобальные политические изменения, связанные с экспансиею аланского населения Северного Кавказа на Нижний Дон, которые приводят к оформлению культуры «алан-танайтов». В основе ее лежали два культурных компонента: позднесарматский и аланский. К IV в. аланская традиция захоронения в Т-образных катакомбах практически полностью вытеснила позднесарматские погребальные сооружения. Таким образом, во второй половине III в. в волго-донских степях складываются две, очевидно, политически независимые группы кочевников с различными культурными основами: позднесарматской и аланской. Для западной, тяготеющей к низовьям Дона, характерны традиции культуры «алан-танайтов», для восточной, связанной с Правобережьем Нижней Волги, позднесарматские. Граница между ними проходила в районе Ергеней. В статье проведен анализ курганов финала позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. Выделено всего 8 комплексов, относящихся к IV веку. Большая часть их связана с позднесарматским культурным комплексом, несколько погребений представлено катакомбными захоронениями I и II типов, что можно интерпретировать как влияние культуры «алан-танайтов». Полученные результаты подтверждают ранее высказанную гипотезу об отсутствии археологических свидетельств существования позднесарматской культуры как целостного явления в регионе в IV веке. На фоне увеличения увлажненности климата во второй половине III в. происходит нарастание комплекса факторов, которые оказываются неблагоприятными для ведения кочевого скотоводства в степной зоне Волго-Уралья. Следствием этого становится отток населения из региона, либо их гибель. Нельзя исключать, что кочевники могли использовать эти территории в качестве летних пастбищ. Однако о круглогодичном устойчивом пребывании скотоводов здесь в это время вряд ли можно говорить. Историко-культурные и природно-климатические процессы, охватившие Нижнее Поволжье во второй половине III – IV в., были масштабными и продолжительными. Аналогичные сценарии для скотоводческих культур, очевидно, развивались в лесостепи Западной Сибири и степной зоне Южного Приуралья.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, позднесарматская культура, культурный комплекс, верхняя хронологическая граница, аланы-танайты, климатические изменения.

Цитирование. Кривошеев М. В., Малашев В. Ю., 2025. Комплексы финала позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 4. С. 174–186. DOI: <https://doi.org/10.15688/navjvolsu.2025.4.7>

Начиная с середины XX в. в сарматской археологии утвердилось представление о хронологии финала раннего железного века, который связывался с нашествием гуннов в 70-х гг. IV века. Датировка позднесарматской культуры традиционно определялась в рамках II–IV вв. (Б.Н. Граков, К.Ф. Смирнов, М.Г. Мошкова). Дальнейшее изучение позднесарматских древностей позволило поднять нижнюю дату культуры до середины II в. н.э. [Скрипкин, 1984; Безуглов, 2001]. Верхняя же граница еще долгое время увязывалась с появлением гуннов и их вероятным столкновением с сарматами на пути на запад. Эта идея подтверждалась античными источниками – Аммиан Марцеллин в своем труде сообщал о столкновении гуннов с аланами, известными как танайты, которые были сокрушены, частично рассеяны, а частично включены в состав гуннского войска (Аммиан Марцеллин, XXXI, 3.1). Аланы-танайты ассоциировались

с кочевниками-сарматами в рамках позднесарматской культуры на берегах Танаиса (Дона) и никаких противоречий в этой концепции не возникало.

Изменения в понимании ситуации стали очевидны после появления, во-первых, работы В.Ю. Малашева по хронологии ременных гарнитур позднесарматского времени, позволившей получить значительно более дробную хронологию позднесарматских древностей [Малашев, 2000]; во-вторых, благодаря работам С.И. Безуглова, посвященным характеристике захоронений в Т-образных катакомбах в Нижнем Подонье [1990; 2008], и статье В.Ю. Малашева [2009], характеризующей верхнюю хронологическую границу позднесарматской культуры. Итогом этих изысканий стала возможность выделить новую культуру «алан-танайтов» середины III – IV века. Ее стоит считать самостоятельной, отличной от позднесарматской культуры и принадлежав-

шай кочевой группе, обитавшей в волго-донских степях и степном Предкавказье. Культура сформировалась на основе двух основных компонентов: субстратный позднесарматский культурный комплекс и суперстрат мигрантов – носителей аланской культуры Северного Кавказа [Малашев, 2010, с. 128–129; Малашев, Кривошеев, 2023, с. 273–274].

Именно носители культуры «алан-танаитов» были упомянуты в труде Аммиана Марцеллина в связи со столкновением с гуннами в 70-х гг. IV века. К этому моменту группа кочевников Нижнего Дона была достаточно многочисленной, что подтверждается количеством захоронений IV века.

Работы последних двух с половиной десятилетий позволили прояснить и судьбу позднесарматской культуры как целостного явления. В статье 2009 г. В.Ю. Малашев, анализируя памятники позднесарматского времени Урало-Волго-Донья, пришел к выводу, что на большей части территории степей Восточной Европы позднесарматская культура в качестве целостного культурного явления в IV в. отсутствует. Она сохраняется лишь в районах Нижнего Поволжья; однако количество этих комплексов невелико, инвентарь их сравнительно беден [Малашев, 2009, с. 50].

В дальнейшем полученные В.Ю. Малашевым выводы о верхней хронологической границе были верифицированы на подробном анализе материалов Южного Приуралья. Позднесарматские памятники этого региона не выходят за пределы середины II – III века. При этом, вероятно, датировка комплексов, относящихся ко 2-й половине III в. н.э., скорее всего, должна исключать финал этого столетия [Малашев, 2013, с. 130]. Данный вывод указывает на региональные особенности в развитии позднесарматской культуры и хронологию ее верхней даты. Таким образом, из традиционных представлений о позднесарматской культуре выпадает период IV в., который ранее увязывал историю сарматского господства в степях Восточной Европы с историей гуннского объединения.

Аналогичная картина, демонстрирующая практически полное отсутствие захоронений IV в., фиксируется и в степях Заволжья. На сегодняшний день с территории к востоку от Волги нам известно всего 2 комп-

лекса из Сусловского могильника, которые по пряжкам можно уверенно датировать IV в. [Рыков, 1925; Скрипкин, 1976] (об их датировке – ниже). С особенностями и своеобразием этих комплексов еще предстоит разобраться, однако, наличие всего двух захоронений IV в. на этой территории не позволяет говорить о широком присутствии здесь кочевников.

Поскольку, как было сказано ранее, после середины III в. на Нижнем Дону формируется культура «алан-танаитов», просуществовавшая до конца IV в., а о широком присутствии позднесарматской культуры IV в. в Южном Приуралье и Заволжье говорить не приходится, то есть основания полагать, что некие кочевые группы – носители позднесарматских традиций, могли сохраняться в Нижнем Поволжье. Комплексы второй половины III в. представлены многочисленными захоронениями на территории Астраханского Правобережья, преимущественно в могильниках у с. Кривая Лука, а также в целом на территории южной части Волго-Донского междуречья.

Анализ массива степных подкурганных комплексов середины III – IV в. в южной части междуречья Волги и Дона демонстрирует некую ощущимую границу между ареалом распространения традиций культуры «алан-танаитов», ядро памятников которой находилось в междуречье Сала и Маныча, и территорией восточных районов этого региона, которые демонстрируют устойчивое сохранение традиций позднесарматской культуры.

Судя по имеющимся данным, можно говорить о существовании в волго-донских степях двух групп памятников, одна из которых, западная, являлась носителем традиций культуры «алан-танаитов», фиксирующейся в использовании катакомбных могильных конструкций, которые не характерны для позднесарматского культурного комплекса. Ареал распространения курганов этой группы охватывает почти всю территорию южной части Волго-Донского междуречья, исключая Астраханское Правобережье Волги, бассейн реки Медведица в северной части Волго-Донского междуречья и правобережье Нижнего Дона [Кривошеев, 2016].

Памятники второй группы кочевников, восточной, сосредоточены, в основном, на правом берегу Волги (некрополь у с. Кривая

Лука). В погребальных традициях этой группы и в вещевом материале отсутствуют признаки взаимодействия с носителями культуры «алан-танайтов» [Кривошеев, 2016, с. 101].

Таким образом, для второй половины III в. в волго-донских степях можно говорить о существовании двух, очевидно, политически независимых групп кочевников с различными культурными основами: позднесарматской и аланской [Малашев, 2009, с. 50].

В условиях проживания на сопредельных территориях, вероятно, происходила некая диффузия, при которой катаомбный обряд захоронений отчасти воспринимался в группе позднесарматского населения. Зона взаимодействия описанных двух групп проходила примерно по Ергеням. В этой зоне находятся такие крупные могильники, как Купцын толга, Кермен толга, Абганерово II, относящиеся к восточной группе, в курганах которых отмечается проникновение традиций захоронения в Т-образных катаомбах, но позднесарматские погребальные сооружения доминируют.

Из 53 курганов могильника Купцын толга 32 кургана уверенно связываются с финальной фазой позднесарматской культуры, и имеющиеся хроноиндикаторы указывают на время его функционирования во второй половине III в.: крупные двуячленные лучковые фибулы III серии с расширенной ножкой, сюльгамы, подвески-лунницы [Кривошеев, Малашев, 2016]. При этом в 30 курганах могильные конструкции представлены подбоями или узкими ямами и лишь в одном случае катаомбой II типа (кург. 34), в которой погребенный был ориентирован на юг, находясь головой к входу в камеру.

В могильнике Кермен толга из 18 курганов позднесарматского времени 11 относятся также ко второй половине III в. н.э. Хроноиндикаторы для этой группы те же, что и в Купцын толга. В кургане 21, в единственной в могильнике Т-образной катаомбе, было обнаружено парное захоронение женщины с ребенком, ориентированными головами на ВЮВ, вправо от входа в камеру. По находке крупной двуячленной лучковой фибулы III серии и подвески-лунницы комплекс относится ко второй половине III века.

В могильнике Абганерово II из 33 курганов позднесарматского времени 18 датируют-

ся после середины III века. Преимущественно это подбои и узкие прямоугольные ямы. В двух курганах встречены Т-образные катаомбы, обе были полностью ограблены. Элемент обряда в виде захоронений в Т-образных катаомбах (тип I) был принесен и стал основным диагностическим признаком культуры «алан-танайтов». Появление катаомб II типа можно рассматривать как некий синтез северной ориентировки погребенных, характерной для позднесарматской традиции, и катаомбного обряда захоронений [Малашев, 2009, с. 50; Малашев, Кривошеев, 2023, с. 273]. Катаомба нестандартной конструкции в кургане 33 по времени отстоит от основной группы, датируемой второй половиной III в., и относится к IV веку. В ней погребенный также был уложен в меридиональном направлении.

Если обстановка в волго-донских степях во второй половине III в. достаточно ясная, то не вполне очевидна ситуация для IV века. Целью данной статьи является выявление комплексов IV в. в Нижнем Поволжье и попытка установления верхней границы существования позднесарматской культуры и позднесарматского культурного комплекса.

Наиболее поздние в Нижнем Поволжье подкурганные комплексы круга позднесарматских древностей и захоронения с элементами культуры «алан-танайтов» относятся к IV в. и количество их не велико. Нам удалось выделить 8 комплексов, которые могут уверенно датироваться IV веком (рис. 1).

Из выделенных захоронений к позднесарматскому культурному комплексу можно отнести 5 погребений в подбоях и прямоугольных ямах, с северной ориентировкой и искусственной деформацией черепов.

Эти комплексы связаны с несколькими могильниками, в которых присутствуют курганы, относящиеся к финальному этапу позднесарматского времени (второй половине III – IV в.).

Одним из ярких памятников финала позднесарматского времени в волго-донском регионе является могильник Большая Дмитриевка, находящийся на реке Карамыш (левый приток р. Медведица) в Саратовской области. К IV в. можно отнести погребение 2 в кургане 1, погребение 1 в кургане 6² и погребение 3 в кургане 16, по обряду соответству-

ющие позднесарматскому культурному комплексу. Все они сооружены в подбойных могилах, два из них были впускные (кург. 1, погр. 2 и кург. 16, погр. 3) в курганы более раннего времени. Все погребенные ориентированы головой в северный сектор. Вещевой материал из указанных погребений указывает на IV в. как наиболее вероятную дату данных комплексов. Морфологически и стилистически близки друг другу пряжки из погребения 3 кургана 16 Большой Дмитриевки и кургана 33 Абганерово II. К этой же группе можно отнести ременные застежки из кургана 108 могильника Новый, Тугозвоново и кургана 25 Бродовского могильника и др., включенные А.А. Красноперовым в предметы «умеренно-зерненого стиля» [Красноперов, 2019, рис. 6]. Особенностями данной группы пряжек является стилистика оформления лицевой пластины щитков (вставки, зернь и др.), находящая определенные соответствия с древностями гуннского времени, при этом морфология язычков соответствует признакам ременных застежек позднесарматского времени, характерным для пряжек П8, П9, П10 [Малашев, 2000]. Наиболее поздней из приведенных находок является пряжка из кургана 25 Бродовского могильника, хронологическая оценка которой опирается на контекст памятника, связанного с началом гуннского времени. Остальные находки имеют более раннюю дату, но не выходят за рамки 2–3-й четверти IV в. [Красноперов, 2019, с. 109–110; Гавриухин, 2022, с. 304]. Хронологическая оценка комплексов погребения 2 кургана 1 и погребения 1 кургана 6, также относящихся к IV в., уже была дана ранее при анализе находок в них сильнопрофилированных фибул 11-II-3 [Малашев, Кадзаева, 2021, с. 63].

Данный могильник является интересным с точки зрения сочетания в нем захоронений в различных типах погребальных сооружений: подбоях, узких прямоугольных ямах и катакомбах II типа, которые получают распространение в культуре «алан-танайтов» после середины III в. [Малашев, Кривошеев, 2023, с. 268–270]. В могильнике отсутствуют катакомбы I типа (Т-образные), которые принято считать маркером аланской погребальной традиции, в том числе и на территории Нижнего Дона, где происходило оформление культуры

«алан-танайтов». При этом совсем недалеко от Большой Дмитриевки известно захоронение в Т-образной катакомбе (Широкий Карамыш 2, кург. 7, погр. 1). В нижнем течении Медведицы при впадении в Дон в могильнике Глазуновский II также встречена Т-образная катакомба (кург. 4) в сочетании с подбойными могилами в других курганах.

Инвентарь из рассмотренных захоронений в бассейне Медведицы указывает на связь этой группы кочевников с производственными центрами в среде аланской культуры Северного Кавказа. Ранее уже высказывалось мнение, что эти памятники отражают места летников нижнедонских «алан-танайтов» [Кривошеев, 2016]. Указанные погребения на этой территории укладываются в общую хронологию древностей «алан-танайтов», в том числе и в IV веке.

Другая группа сарматских памятников Нижнего Поволжья, в которой присутствуют наиболее поздние комплексы, связана с восточными районами южной части Волго-Донского междуречья. Здесь стоит выделить памятники, наибольшее число курганов в которых относится к финальной части позднесарматского времени – это могильники Абганерово II, Купцын толга, в которых, как говорилось выше, встречены катакомбные захоронения, характерные для культуры «алан-танайтов». Однако ведущим типом погребальных сооружений являлись подбойные могилы. К IV в. можно отнести только два комплекса в могильнике Абганерово II – курган 13, погребение 1 и курган 33, погребение 1. Погребение в кургане 13 было совершено в подбое. В кургане 33 погребальное сооружение представляло собой катакомбную конструкцию, аналогов которой пока нет, но по формальным признакам она относится к вариациям (отклонениям от стандарта) типа I. Погребенный в камере был уложен меридионально. Подтверждением указанной даты являются изделия, выполненные в полихромном стиле: серебряные щитки пряжек, покрытые золотой фольгой и украшенные зернью, плетенкой и вставками. О датировке пряжки из кургана 33 (2–3-я четверть IV в.) сказано выше при рассмотрении стилистически близкой ременной застежки из погребения 3 кургана 16 Большой Дмитриевки. Основаниями для от-

несения кургана 13 к IV в. могут служить янтарные грибовидные подвески и щиток пряжки, по оформлению лицевой стороны стилистически близкий пряжке из кургана 33 Абганерово II.

Среди степных памятников Заволжья выделяются комплексы в курганах 58 и 69 Сусловского могильника, которые по пряжкам и наконечнику ремня датируются IV в. [Рыков, 1925; Скрипкин, 1976]. Основанием для оценки хронологии этих курганов являются ременные гарнитуры, которые были датированы А.С. Скрипкиным не позднее 3-й четверти IV в. [Скрипкин, 1976, с. 326, рис. 1]. И.О. Гавритухин, анализируя воинскую поясную гарнитуру из лесных и лесостепных памятников населения Волго-Уральского региона IV в., атрибутировал и дал хронологическую оценку находкам из сусловских курганов, как связанных с верхнесурской группой древнемордовской культуры и датирующихся в рамках 1-й половины – 3-й четверти IV в. [Гавритухин, 2022, с. 303; 2024, с. 224, 228].

Стоит обратить внимание на погребальный обряд в указанных курганах. В одном случае (кург. 58) могильная конструкция представлена широкой прямоугольной ямой, в другом (кург. 69) – подбойной могилой. В кургане 58 погребальное сооружение было оформлено деревянной конструкцией из столбов (два из которых обожжены), укрепленных дубовыми досками. К сожалению, в публикации план погребения не приводится, и точно реконструировать деревянную конструкцию по описанию невозможно [Рыков, 1925, с. 48]. Можно предположить, что в данном погребении был захоронен человек высокого социального ранга. Для памятников восточного ареала позднесарматской культуры, в который входили Заволжье и Южное Приуралье, наиболее значимые захоронения совершены в широких прямоугольных ямах, в том числе с использованием деревянных внутримогильных конструкций [Багриков, Сенигова, 1968; Малашев, 2013, с. 34, 35; Кривошеев, 2017, с. 57].

Оба захоронения воинские. В них погребенные мужчины были ориентированы головами в северный сектор. Черепа носят следы искусственной деформации. В обеих могилах справа от костяков обнаружены мечи. В кургане 69 вместе с мечом находился нож со сложносос-

тавной костяной рукоятью, указанная выше бронзовая пряжка и наконечник ремня.

Наиболее поздним уверенно датируемым комплексом в Нижнем Поволжье, которое связано с сарматской эпохой, является катакомбное захоронение в кургане 3 могильника Барановка в Астраханском Правобережье Волги. Предложенная А.С. Скрипкиным в публикации дата погребения (середина – первая половина III в.) [Скрипкин, 1974, с. 62] была скорректирована по наличию крупного кувшина северокавказского производства со сливом и орнаментацией туловища налепными валиками в сторону омоловления – комплекс датируется не ранее середины IV в. [Малашев, Кадзаева, 2021, с. 58, 63]. Погребальное сооружение, которое можно отнести к катакомбам II типа, оригинально: узкая входная яма и широкая подпрямоугольная камера с нишами по углам были ориентированы по линии С–Ю. Костяк погребенной лежал головой на север. Высота кургана (1,3 м), размеры погребального сооружения указывают на достаточно высокий статус захороненной женщины. Как уже упоминалось выше, катакомбы II типа являлись характерной особенностью культуры «алан-танаитов», и демонстрируют синтез катакомбной идеи и элементов позднесарматского погребального обряда. В комплексе из Барановки такие элементы отчетливо представлены: северная ориентировка, искусственная деформация черепа, кубическая курильница.

Таким образом, анализ наиболее поздних захоронений позднесарматского времени в Нижнем Поволжье свидетельствует об отсутствии археологических материалов существования позднесарматской культуры как целостного явления в регионе в IV веке. Однако к этому времени можно отнести крайне немногочисленные захоронения, которые в полной мере соответствуют традициям позднесарматского культурного комплекса (Большая Дмитриевка, кург. 1, погр. 2, кург. 6, погр. 1, кург. 16, погр. 3; Абганерово II, кург. 13; Сусловский могильник, кург. 58 и 69) и демонстрируют использование данных территорий кочевым населением, но говорить о его многочисленности не приходится.

При этом к IV в. здесь также относятся захоронения в катакомбах, которые уверенно

можно связать с традициями культуры «алан-танаитов» (Абганерово II, кург. 33; Барановка, кург. 3).

В западной группе кочевнических памятников Волго-Донского региона, которая связана с Нижним Доном, где находилось ядро культуры «алан-танаитов», после середины III в. уже отмечалась динамика сокращения количества захоронений позднесарматского облика и позднесарматских черт в погребальном обряде культуры «алан-танаитов», что привело к почти полному доминированию обрядовых норм новой культуры в IV в. [Безуглов, 2008; Малашев, 2009, с. 49]. К этому времени можно отнести два подбойных погребения из кургана 1 могильника Кузнецовский I [Узянов, 1975, рис. 960, 969, 2, 3] и из кургана 15 могильника Козинка VIII [Безуглов, Глебов, 2002, рис. 1].

Из вышеприведенного анализа видно, что восточную группу волго-донских памятников, к востоку от Ергеней, отличает продолжительное существование традиций позднесарматской культуры. Погребения этой группы во второй половине III в. формируются в достаточно крупные некрополи (Абганерово II, Купцын толга, Кермен толга), в которых эпизодически встречаются катакомбные могилы. Как мы видим, на общем фоне сокращения населения в этом регионе соотношение традиций позднесарматского культурного комплекса и аланско-кого комплекса не меняется и в IV веке. Катакомбный обряд в этой группе является, скорее, исключением на фоне преобладания подбойных могил, хотя и связан с захоронениями людей высокого статуса. Данная ситуация может указывать на позднесарматский субстрат, как основу кочевого населения волго-донских степей после середины III в., которое взаимодействовало с носителями культуры «алан-танаитов», перенимая некоторые элементы погребального обряда.

Подводя итог, можно уверенно подтвердить тезис о верхней хронологической границе позднесарматской культуры как целостного явления на рубеже III–IV вв. в Нижнем Поволжье. В IV в. погребения, демонстрирующие позднесарматские культурные традиции, единичны, что может свидетельствовать о присутствии некоторых кочевых групп позднесарматского происхождения на этой территории, но они

не многочисленны. Не исключено, что некоторые из них (Большая Дмитриевка), были интегрированы в кочевое объединение алан-танаитов, но длительное время сохраняли позднесарматские традиции в погребальном обряде.

Вероятно, одним из важнейших факторов, повлиявшим на деградацию позднесарматской культуры в Южном Приуралье и Нижнем Поволжье в IV в., стали природно-климатические изменения, направленные на усиление увлажненности климата, приведшего к возникновению условий, в первую очередь зимних, при которых кочевое скотоводство, как экономический базис, в регионе стало невозможно. Мягкие зимы способствовали накоплению высоких снежных покровов и образованию ледяного наста, что затрудняло животным добычу корма, частые колебания температур приводили к намоканию руна, болезням животных и сокращению стада. Следом за сокращением стада неизбежен был либо отток кочевников из региона, либо их гибель [Кривошеев, Борисов, 2019]. Нельзя исключать, что присутствие на территории Нижнего Поволжья в IV в. незначительного количества курганов кочевников может указывать на использование этой территории в качестве летних пастбищ. Однако о круглогодичном устойчивом пребывании скотоводов здесь в это время вряд ли стоит говорить.

Историко-культурные и природно-климатические процессы, охватившие Нижнее Поволжье во второй половине III – IV в., были масштабными и продолжительными. Аналогичные сценарии для скотоводческих культур, вероятно, развивались в лесостепи Западной Сибири и степной зоне Южного Приуралья [Кривошеев, Борисов, 2023].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00572 «Финал сарматской эпохи в волго-уральских степях: социально-исторические процессы и палеоэкологические условия», <https://rscf.ru/project/25-28-00572/>.

The research was carried out with the funds of the Russian Science Foundation grant № 25-28-00572 «The final of the Sarmatian era in the Volga-Ural steppes: socio-historical processes and paleoecological conditions», <https://rscf.ru/en/project/25-28-00572/>.

² В публикации А.Д. Матюхина комплексов из Большой Дмитриевки закрались ошибки: вещи из этого комплекса в тексте упоминаются, как происходящие из кургана 5, в подрисуночной подписи – как из кургана 3 [1992, с. 147, 148, 152, рис. 2]. На подрисуночную подпись в статье А.Д. Матюхина опирались В.Ю. Малашев и З.П. Кадзаева [2021, рис. 4, 7–9], отнеся вещи к кургану 3. Попытка разобраться в правильности нумерации по отчетным

материалам [Матюхин, 1989] еще более запутывает ситуацию, поскольку в тексте отчета данный курган озаглавлен как «курган 9», а вот в заключении описания и в подписях под рисунками и фотографиями вещей указывается, что это «курган 6». Поскольку на планах кургана и погребения подписано «курган 6», то мы считаем целесообразным использовать его именно под этим номенклатурным – курган 6.

ПРИЛОЖЕНИЕ

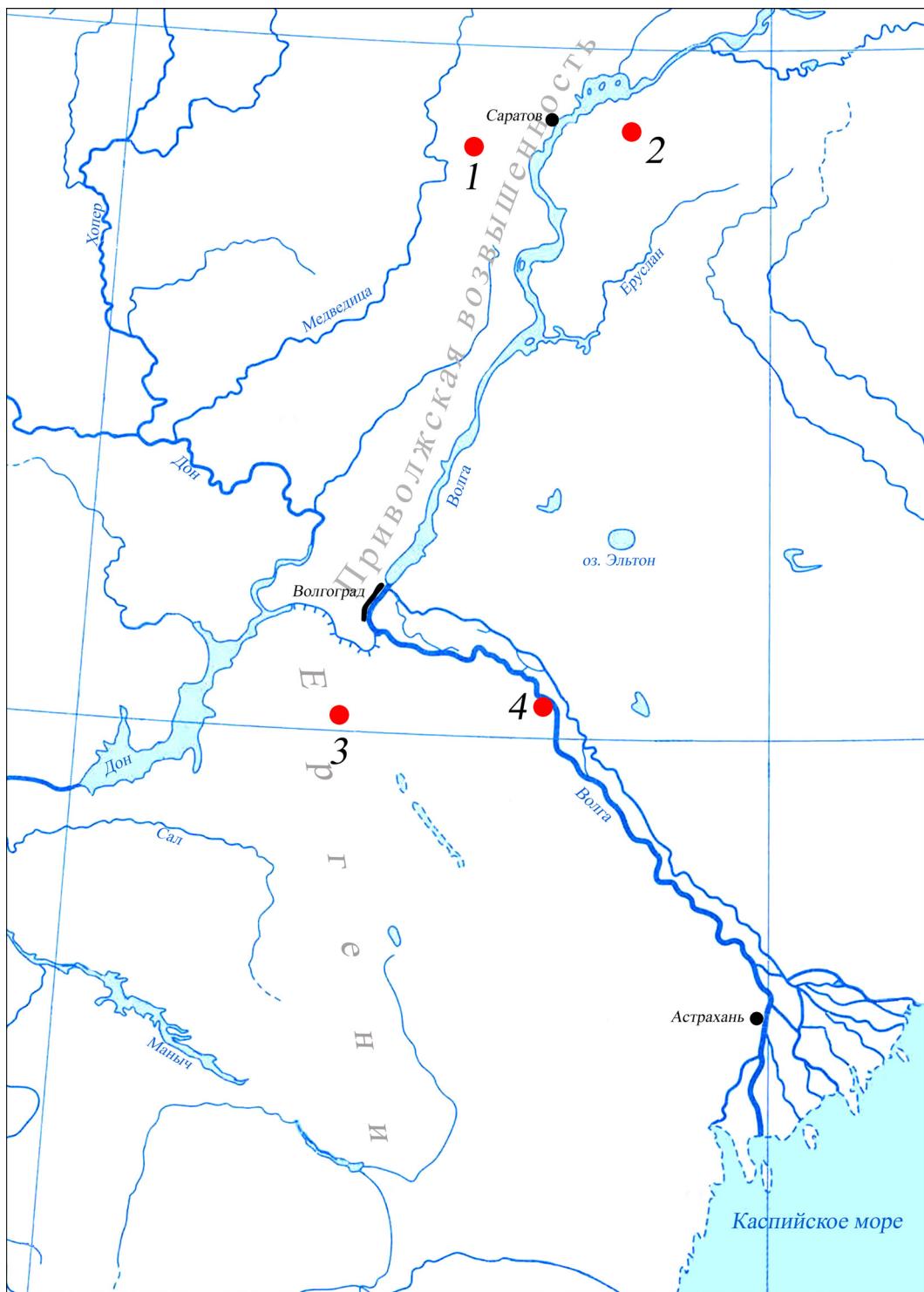

Рис. 1. Карта Нижнего Поволжья с курганными могильниками, содержащими погребения IV в. н.э.:
1 – Большая Дмитриевка; 2 – Сусловский; 3 – Абганерово II; 4 – Барановка

Fig. 1. Map of the Lower Volga region with burial mounds containing burials from the 4th century AD:
1 – Bolshaya Dmitrievka; 2 – Suslovsky; 3 – Abganerovo II; 4 – Baranovka

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багриков Г. И., Сенигова Т. Н., 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–IV и XIV вв.) // Известия АН КазССР. Серия «Общественные науки». № 2. Алматы : Наука. С. 71–89.

Безуглов С. И., 1990. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов : Изд-во Азов. краевед. музея. С. 80–87.

Безуглов С. И., 2001. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.) : дис. ... канд. ист. наук. М. 368 с.

Безуглов С. И., 2008. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии. М. : ИА РАН. С. 284–301.

Безуглов С. И., Глебов В. П., 2002. Курганные погребения позднеримского времени из могильника Козинка VIII // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов. С. 288–301.

Гавритухин И. О., 2022. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи Великого переселения народов // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Т. 4. Эпоха Великого переселения народов. Казань : Изд-во АН РТ. С. 272–316.

Гавритухин И. О., 2024. Пояса типа Суворово (к изучению волго-уральской военизированной элиты IV в. н.э.) // Stratum plus. № 4. С. 201–240. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp244201240>

Красноперов А. А., 2019. Пряжка из Бродовского могильника (Прикамье) в контексте полихромных стилей // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов : конференция 4. Ч. 2. Тула : Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 103–190.

Кривошеев М. В., 2016. Волго-Донское междуречье в середине III – IV в. н.э. Этноисторические проблемы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : материалы V Междунар. Нижневолж. археол. конф., 15–18 ноября 2016 года. Элиста : Изд-во Калмыц. ун-та. С. 100–103.

Кривошеев М. В., 2017. К вопросу о критериях выделения элитных погребальных комплексов позднесарматского времени // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение : материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Челябинск : Гос. ист. музей Южного Урала. С. 56–59.

Кривошеев М. В., Борисов А. В., 2019. Климатический оптимум как фактор кризиса экономики степныхnomadov в IV в. н.э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 24, № 3. С. 47–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>

Кривошеев М. В., Борисов А. В., 2023. Палеоэкологические условия финала сарматской эпохи и их влияния на общества скотоводов и земледельцев Восточной Европы и Западной Сибири // Нижневолжский археологический вестник. Т. 22, № 2. С. 112–125. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.6>

Кривошеев М. В., Малашев В. Ю., 2016. Хроноиндикаторы середины III – IV в. н.э. из степных памятников Волго-Донского региона // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, посвящ. 70-летнему юбилею Б.А. Раева (г. Кагальник, 20–21 октября 2016 г.). Ростов н/Д : ЮНЦ РАН. С. 138–147.

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Ростов н/Д : Терра. С. 194–232.

Малашев В. Ю., 2009. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // Российская археология. № 1. С. 47–52.

Малашев В. Ю., 2010. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным) : материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. III. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 117–142.

Малашев В. Ю., 2013. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II–III вв. н.э. : дис. ... канд. ист. наук. М. 301 с.

Малашев В. Ю., Кадзаева З. П., 2021. Сильнопрофилированные фибулы середины III – IV в. н.э. // Российская археология. № 2. С. 54–72.

Малашев В. Ю., Кривошеев М. В., 2023. Катакомбные памятники степного Волго-Донья и Предкавказья середины III – IV в. // Региональные особенности хронологии и периодизации сарматской и сарматских культур : материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящ. памяти А.С. Скрипкина, 15–19 мая 2023 г., г. Волгоград. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 265–281.

Матюхин А. Д., 1989. Отчет об археологических исследованиях в Саратовском и Лысогорском районах Саратовской области в 1989 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 14185.

Матюхин А. Д., 1992. Сарматские памятники I–IV вв. Саратовского Правобережья (краткий обзор материалов) // Археология восточно-европейской степи. Вып. 3. Саратов : Сарат. гос. ун-т. С. 144–158.

Рыков П. С., 1925. Сусловский курганный могильник. Саратов. 54 с.

Скрипкин А. С., 1974. Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 140. С. 57–63.

Скрипкин А. С., 1976. Две бронзовые пряжки из Суловского курганного могильника. [IV в.] // Советская археология. № 3. С. 325–327.

Скрипкин А. С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та. 151 с.

Узянов А. А., 1975. Отчет Донской экспедиции о работах в Ростовской области в 1975 г. Могильники Лебединский, Кузнецовский I, Балабинский III. Разведки на Багаево-Садковской оросительной системе. Т. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 11238.

REFERENCES

Bagrikov G.I., Senigova T.N., 1968. Otkrytie grobnits v Zapadnom Kazakhstane (II–IV i XIV vv.) [The Discovery of the Tombs in Western Kazakhstan (2nd – 4th and 14th Centuries]. *Izvestiya AN KazSSR. Seriya «Obshchestvennye nauki»* [Proceedings of Academy of Science of Kazakh SSR. Series “Social Science”], no. 2. Almaty, Nauka Publ., pp. 71–89.

Bezuglov S.I., 1990. Alany-tanaity: ekskurs Ammiana Martsellina i arkheologicheskie realii [The Tanaite Alans: Ammianus Marcellinus’ Account and Archaeological Reality]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g.* [Historical and Archaeological Research in Azov and the Lower Don in 1989], iss. 9. Azov, Azov Museum of Local Lore, pp. 80–87.

Bezuglov S.I., 2001. *Denezhnoe obrazcheniye Tanaisa (III v. do n.e. – V v. n.e.): dis. ... kand. ist. nauk* [Monetary Circulation of Tanais (the 3rd Century BC – 5th Century AD). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow. 368 p.

Bezuglov S.I., 2008. Kurgannyе katakombnye pogrebeniya pozdnerimskoy epokhi v nizhnedonskikh stepyakh [Barrow Catacomb Burials of the Late Roman Age in the Lower Don Steppes]. *Problemy sovremennoy arkheologii* [The Issues of Modern Archaeology]. Moscow, Taus Publ., pp. 284–301.

Bezuglov S.I., Glebov V.P., 2002. Kurgannyе pogrebeniya pozdnerimskogo vremeni iz mogil’nika Kozinka VIII [Kurgan Burials of the Late Roman Period from the Kozinka VIII Burial Ground]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g.* [Historical and Archaeological Research in Azov and on the Lower Don in 2001], iss. 18. Azov, pp. 288–301.

Gavritukhin I.O., 2022. Hronologiya i dinamika kul’tur v kontse pozdnesarmatskogo vremeni i nachale epohi Velikogo pereseleniya narodov [Chronology and Dynamics of Cultures at the End of the Late Sarmatian Period and the Beginning of the Great Migration Period]. *Arheologiya Volgo-Ural’ya. V 7 t. T. 4. Epoha Velikogo pereseleniya narodov* [Archaeology of the Volga-Urals. In 7 Vols. Vol. 4. The Great Migration Period]. Kazan, AS RT, pp. 272–316.

Gavritukhin I.O., 2024. Poyasa tipa Suvorovo (k izucheniyu volgo-ural’skoy voenizirovannoy elity IV v. n.e.) [Suvorovo Type Belts (for the Study of the Volga-Ural Paramilitary Elite of the 4th Century AD)]. *Stratum plus.* no. 4, pp. 201–240. DOI: <https://doi.org/10.55086/sp244201240>

Krasnoperov A.A., 2019. Pryazhka iz Brodovskogo mogil’nika (Prikam’ye) v kontekste polihromnyh stiley [Buckle from the Brody Burial Ground (Prikamye) in the Context of Polychrome Belt-Garnitures and Jewelry Styles]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epohi rimskikh vliyanii i Velikogo pereseleniya narodov* [Forest and Forest-Steppe Zones of Eastern Europe during Roman Influences and Great Migration of Peoples]. Conference 4. Part 2. Tula, The Museums of Kulikovo Field, pp. 103–190.

Krivosheev M.V., 2016. Volgo-Donskoe mezhdureche v serедине III – IV v. n.e. Etnoistoricheskie problemy [The Volga-Don Interflue in the Middle of the 3rd – 4th Centuries AD. Ethnohistorical Problems]. *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzhya: materialy V Mezhdunar. Nizhnevolzh. arkheol. konf. (15–18 novab. 2016 g.)* [Materials of the 5th International Lower Volga Archaeological Conference “Problems of Archaeology of the Lower Volga Region” (15–18 November 2016)]. Elista, KalmSU, pp. 100–103.

Krivosheev M.V., 2017. K voprosu o kriteriyah vydeleniya elitnyh pogrebal’nyh kompleksov pozdnesarmatskogo vremeni [Identification Criteria for Elite Burial Complexes of Late Sarmatian Period]. *Etnicheskie*

vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Sarmaty i ih okruzhenie: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Sarmatians and Their Environment. Proceedings of the 7th All-Russian (with International Participation) Scientific Conference]. Chelyabinsk, State Historical Museum of the Southern Urals, pp. 56-59.

Krivosheev M.V., Borisov A.V., 2019. Klimaticheskiy optimum kak faktor krizisa ekonomiki stepnyh nomadov v IV v. n.e. [Climatic Optimum as a Factor of the Economic Crisis of Steppe Nomads in the 4th Century AD]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 24, no. 3, pp. 47-57. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.3.4>

Krivosheev M.V., Borisov A.V., 2023. Paleoekologicheskie usloviya finala sarmatskoy epohi i ih vliyaniya na obshhestva skotovodov i zemledel'cev Vostochnoy Evropy i Zapadnoy Sibiri [Paleoecological Conditions at the End of the Sarmatian Period and Their Impact on Herder and Farmer Communities from Eastern Europe and Western Siberia]. *Nizhevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 22, no. 2, pp. 112-125. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2023.2.6>

Krivosheev M.V., Malashev V.Yu., 2016. Chronoindikatory serediny III – IV v. n.e. iz stepnykh pamyatnikov Volgo-Donskogo regiona [Chronological Indicators of the Middle of the 3rd – 4th Centuries AD from the Steppe Archaeological Sites of the Volga-Don Region]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspinskogo regiona: materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 70-letnemu yubileyu B.A. Raeva (g. Kagalnik, 20–21 oktyabrya 2016 g.)* [Ancient Civilization and Barbaric World of the Ponto-Caspian Region. Proceedings of the All-Russian Academic Conference with International Participation Dedicated to B.A. Raev's 70th Anniversary (Kagalnik, October 20–21, 2016)]. Rostov-on-Don, SSC RAS, pp. 138-147.

Malashev V.Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of Belt Sets of Late Sarmatian Time]. *Sarmaty i ikh sosedni na Donu* [Sarmatians and Their Neighbors on Don]. Rostov-on-Don, Terra Publ., pp. 194-232.

Malashev V.Yu., 2009. Pozdnesarmatskaya kul'tura: verhnyaya hronologicheskaya granitsa [Late Sarmatian Culture: Upper Chronological Boundary]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 1, pp. 47-52.

Malashev V.Yu., 2010. Tsentralnye rayony Severnogo Kavkaza v pozdnesarmatskoe vremya [Central Regions of the North Caucasus in the Late Sarmatian Period]. *Stanovlenie i razvitiye pozdnesarmatskoy kultury (po arkheologicheskim i estestvennonauchnym dannym): materialy seminara Tsentra izucheniya istorii i kultury sarmatov* [The Formation and Development of the Late Sarmatian Culture (Based on Archaeological and Natural Science Data). Materials of the Seminar of the Center for Studying History and Culture of the Sarmatians], iss. 3. Volgograd, VolSU, pp. 117-142.

Malashev V.Yu., 2013. *Pozdnesarmatskaya kultura Yuzhnogo Priuralya vo II–III vv. n.e.: dis. ... kand. ist. nauk* [Late Sarmatian Culture of the Southern Urals in the 2nd – 3rd Centuries A.D. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow. 301 p.

Malashev V.Yu., Kadzaeva Z.P., 2021. Sil'noprofilirovannye fibuly serediny III – IV v. n.e. [Strongly Profiled Fibulae of the Middle 3rd – 4th Century]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archaeology], no. 2, pp. 54-72.

Malashev V.Yu., Krivosheev M.V., 2023. Katakombnye pamyatniki stepnogo Volgo-Don'ya i Predkavkaz'ya serediny III – IV v. [Catacomb Burials of the Volga-Don Steppe and the Fore-Caucasus in the Middle of the III – IV Centuries]. *Regional'nye osobennosti hronologii i periodizatsii savromatskoy i sarmatskikh kul'tur: materialy XI Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem «Problemy sarmatskoy arheologii i istorii», posvyashch. pamyati A.S. Skripkina, 15–19 maya 2023 g., g. Volgograd* [Chronology and Periodization of the Sauromat and Sarmatian Cultures: Regional Features. Materials of the 11th All-Russian Scientific Conference with International Participation “Problems of Sarmatian Archeology and History” Dedicated to the Memory of Prof. Anatoly S. Skripkin, May 15–19, 2023, Volgograd]. Volgograd, VolSU, pp. 265-281.

Matyukhin A.D., 1989. Otchet ob arheologicheskikh issledovaniyah v Saratovskom i Lysogorskem rayonah Saratovskoy oblasti v 1989 godu [Report on Archaeological Research in the Saratov and Lysogorsky Districts of the Saratov Region in 1989]. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 14185.

Matyukhin A.D., 1992. Sarmatskie pamyatniki I–IV vv. Saratovskogo Pravoberezh'ya (kratkiy obzor materialov) [The Sarmatian Sites of the 1st – 4th Centuries in the Right Bank Saratov Area (Brief Review of Materials)]. *Arkeologiya vostochno-evropeyskoy stepi* [Archaeology of Eastern European Steppe], iss. 3. Saratov, SSU, pp. 144-158.

Rykov P.S., 1925. *Suslovskiy kurgannyy mogil'nik* [Suslovskiy Kurgan Cemetery]. Saratov. 54 p.

Skripkin A.S., 1974. Pozdnesarmatskoe katakombnoe pogrebenie iz Chernoyarskogo rayona Astrahanskoy oblasti [Late Sarmatian Catacomb Burial from the Chernoyarsk District of the Astrakhan Region]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], iss. 140, pp. 57-63.

Skripkin A.S., 1976. Dve bronzovye pryazhki iz Suslovskogo mogilnika [Two Bronze Buckles from Suslovskiy Burial Mound]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 3, pp. 325-327.

Skripkin A.S., 1984. *Nizhnee Povolzhe v pervyye veka nashey ery* [The Lower Volga Region in the First Centuries AD]. Saratov, Saratov University. 151 p.

Uzyanov A.A., 1975. Otchet Donskoy ekspeditsii o rabotah v Rostovskoy oblasti v 1975 g. Mogil'niki Lebedinyy, Kuznetsovskiy I, Balabinsky III. Razvedki na Bagaev-Sadkovskoy orositel'noy sisteme [Report of the Don Expedition on the Work in the Rostov Region in 1975. Lebedinyy, Kuznetsovskiy I, Balabinsky III Burial Grounds. Exploration on the Bagaev-Sadkovsky Irrigation System], vol. 4. *Arkhiv IA RAN*, P-1, no. 11238.

Information About the Authors

Mikhail V. Krivosheev, Candidate of Sciences (History), Head of the Laboratory of Archaeological Research named after Prof. A.S. Skripkin, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, krivosheev.azi@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Vladimir Yu. Malashev, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

Информация об авторах

Михаил Васильевич Кривошеев, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, krivosheev.azi@volsu.ru, tyaf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4847-8209>

Владимир Юрьевич Малашев, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, malashev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1276-7650>

ПУБЛИКАЦИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.8>

UDC 902:572(470.45)
LBC 63.48(2Poc-4Bor)-427.1

Submitted: 29.08.2025
Accepted: 30.09.2025

ANTHROPOLOGICAL STUDY OF THE REMAINS FROM A DOUBLE BURIAL AT THE MALYAEVKA V BURIAL SITE ¹

Maria A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeniy V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Konstantin M. Khegai

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The Malyaevka V kurgan burial site was excavated by a joint expedition of the Volgograd State University and the Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences in 1998–1999. This paper presents the results of an anthropological analysis of two male skulls obtained from the excavation of burial 5 of kurgan 7 at the Malyaevka V burial site, Leninsky District, Volgograd region. The description of the craniological materials was carried out using methods conventional in Russian and international anthropology, including sex and age assessment based on the skull and postcranial skeleton bones; description of the skull using craniometric and cranioscopic systems of features; and description of pathological conditions on the skull. The results showed that both skulls are identified as belonging to the dolichocephalic Europoid type and exhibit a “steppe pathological complex,” indicative of a specialized meat-and-dairy diet. Both males showed signs of exposure to cold stress in the form of a vascular reaction of the “orange peel” type, indicating a mobile lifestyle for individuals who could spend long periods outdoors, exposed to cold winds. The male (skeleton 1) showed such a pathological condition as internal frontal hyperostosis, which is rare in paleogroups. The presence of signs of unintentional artificial deformation of the Beshik cradle type in this same individual is also noteworthy. Furthermore, the skulls show a high incidence of combat-related injuries, suggesting the males’ participation in armed conflicts. The successful healing of the wounds may indicate that the society of early nomads possessed proficient skills in battlefield surgery and the use of defensive weaponry. The high degree of similarity in the morphological complex of features between both skulls suggests a close biological relationship between the males.

© Балабанова М.А., Перерва Е.В., Хегай К.М., 2025

Key words: burial, early nomads, bronze arrowhead, craniological complex, combat trauma, beshik, dolichocephalic Europoids.

Citation. Balabanova M.A., Pererva E.V., Khegai K.M., 2025. Antropologicheskoe issledovanie ostankov iz parnogo pogrebeniya mogil’nika Malyaevka V [Anthropological Study of the Remains from a Double Burial at the Malyaevka V Burial Site]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 24, no. 4, pp. 187–200. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.8>

УДК 902:572(470.45)
ББК 63.48(2Рос-4Вог)-427.1

Дата поступления статьи: 29.08.2025
Дата принятия статьи: 30.09.2025

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСТАНКОВ ИЗ ПАРНОГО ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА МАЛЯЕВКА V¹

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Владимирович Перерва

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Константин Михайлович Хегай

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Курганный могильник Маляевка V (Ленинский район Волгоградской области) исследовался комплексной экспедицией Волгоградского государственного университета и Института археологии РАН в 1998–1999 годах. В данной статье приводятся результаты антропологического анализа двух мужских черепов, полученных при раскопках погребения 5 кургана 7 могильника Маляевка V. Описание краниологических материалов проводилось по общепринятой в отечественной и зарубежной антропологии методике, включющей половозрастную диагностику по черепу и костям посткраниального скелета; описание черепа по краниометрической и краниоскопической системам признаков; описание патологических состояний на черепе. Как показали результаты, на обоих черепах определяется тип длинноголовых европеоидов и наличие «степного патологического комплекса», характеризующий специализацию мясомолочной диеты. У обоих мужчин зафиксированы признаки воздействия на организм холодового стресса в виде вакулярной реакции по типу «апельсиновой корки», что указывает на мобильный образ жизни индивидов, которые длительное время могли проводить на открытом воздухе, подвергаясь воздействию холодных ветров. У мужчины (костяк 1) зафиксировано такое патологическое состояние, как внутренний лобный гиперостоз, которое редко встречается в палеогруппах. Внимание привлекает и наличие у этого же индивида признаков непреднамеренной искусственной деформации бешикового колыбельного типа. Кроме этого, на исследуемых черепах отмечено большое количество травм, что позволяет говорить о возможном участии мужчин в вооруженных конфликтах. Благополучный исход ранений может указывать на наличие в обществе ранних кочевников хороших навыков военно-полевой хирургии и использования защитного вооружения. Большое сходство морфологического комплекса признаков на обоих черепах позволяет предположить близкое родство между мужчинами.

Ключевые слова: погребение, ранние кочевники, бронзовый наконечник стрелы, краниологический комплекс, травма боевого характера, бешик, длинноголовые европеоиды.

Цитирование. Балабанова М. А., Перерва Е. В., Хегай К. М., 2025. Антропологическое исследование останков из парного погребения могильника Маляевка V // Нижневолжский археологический вестник. Т. 24, № 4. С. 187–200. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2025.4.8>

Введение

Раннесарматское погребение 5 из кургана 7 могильника Маляевка V в волгоградском Заволжье было раскопано совместной комплексной экспедицией Волгоградского государственного университета и Института археологии РАН в 1998–1999 гг. и опубликовано в 2001 г. [Сергацков и др., 2001].

Погребение представляет определенный интерес как с точки зрения необычного для сарматов случая подзахоронения в имеющу-

юся могильную яму, так и с точки зрения ярко выраженного воинского характера погребений. Погребение 5 находилось в центре кургана, другие раннесарматские захоронения располагались вокруг него [Сергацков и др., 2001, рис. 4, 1]. В подбойной могиле, ориентированной меридионально, было обнаружено два костяка. Костяк 1, для которого создавалась могильная яма, после истлевания мягких тканей был сдвинут к западной стенке могилы. В камере, на гумусовой подстилке, в сопровождении погребального инвентаря, среди ко-

торого клиновое орудие и бронзовый наконечник стрелы, был уложен вытянуто на спине костяк 2, ориентированный головой на юг [Сергацков и др., 2001, с. 20, 21, рис. 4,5, 16,4–6].

Парные захоронения в раннесарматское время не редкость, но факт разновременных подзахоронений в могилу у сарматов встречается не часто.

Данный комплекс был опубликован более 20 лет назад и антропологические данные там приведены поверхностно. В связи с этим мы решили более детально проанализировать антропологические материалы.

По особенностям погребального обряда и находке бронзового наконечника стрелы, относящегося к типу VIБ по типологии М.Г. Мошковой [Мошкова, 1963, табл. 14], авторы публикации датировали данное погребение широко в рамках IV–III вв. до н.э. [Сергацков и др., 2001, с. 32]. Однако, по мнению В.М. Клепикова², дату комплекса можно сместить на III–II вв. до н.э., поскольку единственный бронзовый наконечник вне колчанного набора мог быть помещен в могилу и позже III в. до н.э., когда бронзовые стрелы практически выходят из употребления.

Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили два мужских черепа. Половозрастные определения были сделаны на основе общепринятой в отечественной и зарубежной палеоантропологии методике. Индивидуальная характеристика черепов дается на основе измерительных и описательных признаков и их производных по системе среднемировых значений, которые приведены у В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [1964, с. 114–122, табл. 4–11] (табл. 1). Система краиниоскопических признаков приводится на основе методических рекомендаций А.Г. Козинцева [1988] и А.А. Мовсесян [2005]. Патологические состояния на черепах изучались по стандартной программе, разработанной А.П. Бужиловой [1998].

Индивидуальные значения краинометрических, краиниоскопических признаков и патологические состояния на черепах впервые вводятся в научный оборот. Краинологические измерения представлены в таблице 1, а фото черепов и патологических состояний – на рисунках 1–3.

Индивидуальная характеристика черепов

Краинология. Скелет 1 (табл. 1, ск. 1, рис. 1,1–4). Череп хорошей сохранности. При определении пола на черепной коробке был выделен комплекс признаков, который позволил определить ее как мужскую. На черепе хорошо выражен рельеф, при этом затылочный гребень достигает 4 баллов; сосцевидные отростки – 2 баллов, надбровные дуги – 2,5 балла, а степень развития надпереносья – 4 баллов. Хорошо выражены височные линии, скуловые отростки, почти прямые углы нижней челюсти, притупленный верхний край орбит и др. [Алексеев, Дебец, 1964, с. 29–39]. При определении возраста принималось во внимание состояние облитерации черепных швов в сочетании со степенью стертости зубов. Оценка полученного обследования позволяет определить биологический возраст данного мужчины в пределах 25–35 лет.

Набор краинометрических признаков позволяет характеризовать череп как среднедлинный и узкий, по указателю долихокранный (табл. 1, ск. 1) [Алексеев, Дебец, 1964, с. 114–117]. Его черепной свод высокий как от базион-брегма, так и от порион-порион, по указателям гипсикранный и акрокранный. Основание черепа длинное и широкое. Вид черепа сверху ближе к овоидной форме (рис. 1,3).

Лобная кость широкая и в наименьшей части, и в наибольшей. Угол поперечного изгиба лба резкий, а угол профиля от назион-метопион меньше 80° [Рогинский, Левин, 1978, с. 98]. Лобная хорда длинная, а дуга средней длины. У теменной кости хорда и дуга короткие. Затылочная кость широкая, со среднедлинной хордой и дугой.

Лицевой скелет широкий на верхнем уровне (по скуловому диаметру и верхней ширине) и узкий на среднем (средняя ширина лица). Его верхняя высота средняя, с резкой горизонтальной и прогнатной вертикальной профилировкой. Альвеолярная дуга средней длины и очень широкая, а небо очень широкое и длинное. Нос средней высоты и очень широкий как по абсолютной ширине, так и по указателю (платирический). Форма нижнего края грушевидного отверстия антропинная. Передне-носовая кость среднедлинная. Глаз-

ницы очень широкие и низкие, и по 52 размеру, и по указателю (хамэконхные). Переносье среднеширокое и очень высокое, а носовые кости средней ширины и высоты. Угол выступания носа большой. Глубина клыковой ямки мелкая.

Из эпигенетических признаков на черепе следует отметить:

- 1) уплощение затылочной области по типу «бешика», с небольшой левосторонней асимметрией (рис. 1,2,4);
- 2) наличие клиновидно-верхнечелюстного шва с обеих сторон;
- 3) подглазничный узор устроен по типу II по А.Г. Козинцеву [1988] с обеих сторон;
- 4) наличие теменных (*foramen parietale*), сосцевидных, задне-мышцелковых отверстий и отверстий на скуловых костях [Мовсесян, 2005, с. 51, 52];
- 5) присутствие кости астерион справа (*Os asterii*) и дополнительных костей в лямбдоидном шве (*Ossa Wormii suturae lambdoideae*);
- 6) зафиксирована лопатообразность резцов на верхней челюсти;
- 7) нарушение зубного ряда в виде краудинга резцов верхней и нижней челюстей (рис. 2,1Б);
- 8) третьи моляры на нижней челюсти с обеих сторон имеют аномальное расположение в вестибулярной норме, зубы под некоторым углом наклонены к жевательной поверхности вторых моляров [Зубов, 1968, с. 101–103, 140–142];
- 9) форма небного шва – тип III [Мовсесян, 2005; Козинцев, 1988, с. 73–75, 103];
- 10) затылочные мыщелки носят на себе следы незначительной изношенности и имеют двусоставное строение (*facies condylaris bipartitum*) [Мовсесян, 2005, с. 77].

Патология. На костях свода черепа выявлены признаки васкулярной реакции по типу «капельсиновой корки» (рис. 2,3Б) 2-го балла по А.П. Бужиловой [1998, с. 104–105]. В области височно-нижнечелюстных суставов имеются следы незначительной изношенности в виде потертостей. В затылочной части черепа в месте прикрепления мышц *m. occipitalis*, *m. rectus capitis posterior minor*, *m. rectus posterior major* зафиксировано увеличение рельефа костной ткани.

На зубах мужчины имеются минерализованные отложения светло-желтого цвета 2-го балла (рис. 2,2А) [Brothwell, 1981, р. 155]. Стертость эмали зубов незначительная и соответствует возрастным критериям. На резцах и клыках верхней и нижней челюсти обнаружены горизонтально ориентированные линии эмалевой гипоплазии (рис. 2,1Б, 2Б). Возраст возникновения дефектов эмали укладывается в интервал 1,5–2,5 года [Reid, Dean, 2006, р. 343–344]. На резцах верхней и нижней челюсти наблюдаются множественные сколы эмали (рис. 2,1Г, 2Г). Корни зубов несколько оголены, что маркирует развитие ранней стадии пародонтита, степень развития – «Slight» (рис. 2,2Б) [Brothwell, 1981, р. 155].

На черепной коробке обнаружено 5 травматических повреждений. Сначала проанализируем травму носовых костей. Верхняя часть нижнего края левой носовой кости утрачена (рис. 2,3А). Нижние края носовых костей заострены. В месте схождения носовых костей в центральной части наблюдается трещина, сошник S-образно изогнут. Визуально наблюдается некоторое смещение лобного отростка левой верхнечелюстной кости в правую сторону, что, вероятно, вызвано траекторией удара, в результате которого была получена травма лица. Признаков воспалительного процесса на носовых костях не обнаружено. Травма имеет прижизненный характер и благополучный исход.

Второе повреждение визуально фиксируется на левой половине лобной кости, несколько выше и правее левого лобного бугра (рис. 2,4). Дефект по типу небольшой подвальной вмятины локализуется в 47 мм от антропологической точки «глабелла» и в 64 мм от антропологической точки «брегма». Размер повреждения 6 × 12 мм, длинной осью ориентированно поперек стреловидного шва. Края дефекта ровные и слаженные, а дно неровное, волнообразное. Следов прободения в полость черепа не обнаружено, как и признаков воспалительного процесса. Вероятно, перед нами последствия удара узким и округлым в диаметре предметом, который был получен задолго до смерти индивида.

Третье повреждение большей своей частью затрагивает середину лобного края левой теменной кости, лобный шов и незначи-

тельно лобную кость в нижней ее части (рис. 2,5). Располагается оно в 31 мм от антропологической точки «брегма» (верхний край), в 60 мм от «птериона» (нижний край). Дефект имеет линзовидную форму по типу длинной щели-борозды, с продольным диаметром 45 мм и шириной до 4,5 мм и глубиной до 2,5 мм. Повреждение начинается от лобного шва, где располагается нижний край борозды, и под острым углом направлено к стреловидному шву, не доходя до него 9,5 мм. Структура дефекта неоднородная. В лобном шве наблюдается широкая щель – 4,5 мм, а на теменной кости возле стреловидного шва повреждение переходит в борозду с пологими полукруглыми краями. Стенки ранения оформлены новообразованной костной тканью без признаков воспалительного процесса. Внутренняя структура теменной кости не прослеживается, что указывает на удачный процесс заживления.

Четвертое повреждение располагается параллельно третьему дефекту в области теменного бугра и имеет схожую форму (рис. 2,6). Ранение находится в 54 мм от третьей травмы, в 53 мм от венечного шва и 36 мм от теменного шва. Дефект представляет собой удлиненный эллипс размером 25 × 9 мм, ориентированный поперек стреловидного шва под небольшим углом. Края и дно травмы ровные, слаженные и покрыты новообразованной надкостницей.

Пятое повреждение располагается на теменном крае левой теменной кости, затрагивая большей частью стреловидный шов, локализуясь в 58 мм от антропологической точки «брегма» (верхний край) и в 32 мм от антропологической точки «лямбда» (нижний край). Дефект имеет линзовидную форму длиной 26,6 мм и шириной в центральной части 6 мм (рис. 2,7). Глубина повреждения до 3 мм. Ориентировано ранение параллельно стреловидному шву. Дно дефекта неровное, как и стенки, и края. Это вызвано тем обстоятельством, что дефект располагается в зубчатой структуре теменного шва. Несмотря на это, признаков выходного отверстия на внутренней поверхности черепной коробки не выявлено. Отсутствуют и следы воспалительного процесса, что указывает на благоприятный исход ранения.

Вероятнее всего, все три ранения теменной кости, несмотря на отличие в локализации повреждения № 5, были получены индивидом единовременно. Травмы имеют характерную линзовидную форму, указывая на то, что они возникли в результате ударов сверху, сбоку или сзади каким-то предметом с острым режущим краем и узким в сечении не более 6 мм. Все три травмы имеют благоприятный исход. Ранения были болезненны, так как затрагивали верхний компактный и внутренний губчатый слой кости, а также наружные мягкие ткани. Не исключено, что отсутствие проникающих дефектов вызвано использованием индивидом защитного вооружения, что позволило избежать более тяжелых повреждений.

Скелет 2 (табл. 1, ск. 2, рис. 1,5–8). Определение пола не вызвало сомнений о его принадлежности к мужскому полу. Несмотря на то что череп имеет более грацильное строение, чем у костяка № 1, набор признаков полового диморфизма представлен довольно четко. Об этом свидетельствует надпереносье, выраженное выше среднего, и наружный затылочный бугор, массивные надбровные дуги, округлый надглазничный край, профилированная нижняя челюсть, сосцевидные отростки 3-го балла [Алексеев, Дебец, 1964, с. 29–39].

Диагностика общего физического состояния черепа на момент смерти, а также состояние костей посткраниального скелета позволяет определить возраст мужчины в пределах 45–55 лет. О том, что мужчина умер в преклонном возрасте, свидетельствует состояние черепных швов. Все они облитерированы как внутри, так и снаружи, кроме височных и затылочно-сосцевидного шва (справа). Несмотря на это, степень стертости зубов, особенно на верхней челюсти, не достигает 4 баллов по М.М. Герасимову.

Череп характеризуется средней длиной продольного диаметра, узким поперечным и очень низким высотным диаметром [Алексеев, Дебец, 1964, с. 118–122] (табл. 1, ск. 2). По рубрикации указателей мозгового отдела череп попадает в долихокранные, хамекранные и метриокранные формы, с овощной вертикальной нормой (рис. 1,7). Основание черепа короткое и узкое. Лобная кость широкая по наимень-

шей ширине и узкая по линии стефанион-стефанион. Угол ее перегиба по линии фронтально-темпоральных точек большой, а вертикальный профиль по линии назион-метопион слегка покатый [Рогинский, Левин, 1978, с. 98]. У лобной кости хорда и дуга короткие, у теменной – средней длины. Затылочная кость средней ширины и средней длины хорды дуги.

Лицо низкое, средней ширины по скуловому диаметру и средней ширине, широкое по верхней ширине. Его горизонтальная профилировка резкая на уровне глазниц и средняя на уровне скуловых костей (77 и <zm’), а вертикальная – ортогнатная. Альвеолярная дуга короткая и узкая, а небо – длинное и средней ширины. Нос среднеширокий и низкий с антропинной формой грушевидного отверстия, пластиинный по пропорции. Передне-носовая кость по Брока достигает 3 баллов. Размеры орбиты укладываются в категорию широких и низких как по абсолютным размерам, так и по указателю (хамэконхная). Переносье и носовые кости среднеширокие и высокие, резко выводят нос к линии профиля. Клыковая ямка глубокая.

Из эпигенетических признаков на черепе следует отметить преждевременную облитерацию черепных швов; отсутствие надглазничного отверстия с обеих сторон (вырезки); наличие теменных отверстий с обеих сторон (foramen parietale); отверстия на скуловых костях и подглазничный узор, сформированный по типу II [Мовсесян, 2005; Козинцев, 1988]. На верхней челюсти с левой стороны отсутствует 3-й моляр – гиподонтия ³M [Зубов, 1968, с. 103; Мовсесян, 2005, с. 51–52].

Патология. Изучение черепной капсулы показало наличие на лобной кости, на теменных и затылочной костях признаков васкулярной реакции по типу «апельсиновой корки» (рис. 3,1). Степень развития данного состояния достигает 2-го балла по А.П. Бужиловой [1998, с. 104–105]. Височно-нижнечелюстной сустав со следами дегенеративных изменений, которые проявляются в виде краевых разрастаний и стертости. Суставной бугорок сбит, а на суставной поверхности височных костей имеются потертости.

На внутренней поверхности лобной кости по обеим сторонам от лобного синуса наблюдаются костные единичные образования до 7 мм в диаметре, которые маркируют фор-

мирование внутреннего лобного гиперостоза. Степень развития патологического состояния по градации И. Гершковича «А» (рис. 3,2) [Hershkovitz et al., 1999].

Нижние части обеих носовых костей обломаны. Судя по их состоянию, произошло это прижизненно, так как на костях имеются следы образования костной мозоли. На краях носовых вырезок и лобных отростков верхнечелюстных костей наблюдаются следы остеомаляции. Нижние части носовых костей не примыкают к носовым краям верхнечелюстных костей. Вероятнее всего, утрата нижних частей носовых костей была вызвана травмой и развитием последующего воспалительного процесса (рис. 3,3).

Обследование состояния зубной системы показало, что на коронках присутствуют минерализованные отложения светлого цвета и 2-го балла по своему развитию (рис. 3,5A) [Brothwell, 1981, р. 155]. Сколы эмали обнаружены на резцах и клыках верхней и нижней челюсти. Стертость зубов интенсивная до дентина, а на передних зубах до пульпы (рис. 3,4). Корни коронок оголены наполовину, маркируя развитие такого заболевания, как пародонтит (рис. 3,5Б), тип развития по Д. Бrottвеллу «medium» [Brothwell, 1981, р. 155]. На молярах верхней и нижней челюсти выявлены интерпроксимальные желобки (рис. 3,5Б).

Кроме вышесказанного, следует также отметить наличие следов незначительной изношенности суставных поверхностей на затылочных мышцелках. В затылочной области черепа в месте прикрепления мышц *m. occipitalis*, *m. rectus capitis posterior minor*, *m. rectus posterior major* зафиксировано увеличение рельефа костной ткани.

Обсуждение результатов и основные выводы

Антропологический материал, представленный в работе, позволяет отметить сходство комплекса краниологических признаков, которое позволяет предположить близкое родство между мужчинами, явившимися носителями типа длинноголовых европеоидов. Если принять идею о близком родстве между мужчинами, то стоит предположить, что погребение выполняло функцию семейного склепа.

Оценивая патологические состояния, выявленные на мужских черепах из погребения 5 кургана 7 могильника Малеевка V, следует указать, что при обследовании зубочелюстной системы у обоих индивидов проявляется комплекс состояний, которые можно описать как «степной патологический комплекс», который характеризуется отсутствием кариеса и абсцессов, наличием зубного камня, признаков пародонтита, сколов эмали на зубах и наличием следов деформирующего артоза в области височно-нижнечелюстного сустава. Данный комплекс проявляется вне зависимости от возраста индивидов, и формирование его связано со специализацией в диете на вязкой пище и производных мяса и молока [Перерва, 2024, с. 100–101].

У обоих мужчин зафиксированы признаки воздействия на организм холодового стресса в виде вискулярной реакции по типу «апельсиновой корки». Наличие этих состояний указывает на мобильный образ жизни индивидов, которые длительное время могли проводить на открытом воздухе, подвергаясь воздействию холодных ветров.

Внутренний лобный гиперостоз – отклонение, которое сравнительно редко встречается в палеогруппах. Однако для ранних кочевников сарматского времени, особенно мужчин, эта патология обычное явление, что уже неоднократно отмечалось исследователями [Бужилова и др., 2005; Перерва, Моисеев, 2018]. Причины развития подобного состояния многофакторные, однако, в отношении сарматских групп наиболее вероятным является влияние таких негативных стрессоров, как специфическая диета и кочевой, походный образ жизни [Перерва, Моисеев, 2018, с. 29].

Особое внимание привлекает наличие у молодого мужчины (костяк 1) признаков не-преднамеренной искусственной деформации бешикового колыбельного типа, что в большей степени характерно для кочевого и оседлого населения эпохи раннего и классического средневековья [Перерва, 2015]. Наличие колыбельной деформации у носителей раннесарматской культуры, скорее всего, указывает на то, что в формировании кочевого общества IV–III вв. до н.э. и позднее могли принимать участие и мигранты с территории Средней Азии. Именно там колыбели по типу «бе-

шик» получили самое широкое распространение [Китов и др., 2019, с. 165].

Что касается травматических повреждений, обнаруженных на обоих исследованных мужских черепах, то это обстоятельство требует отдельного анализа. Отметим, что на мозговой капсуле молодого индивида (костяк 1) их зафиксировано не менее пяти. Дополнительно следует указать, что авторы раскопок при разборке и снятии скелета (костяк 1) со дна камеры подбоя обнаружили, что в области левой крыло-небной ямки находился обломок железного наконечника стрелы, который, как предположили исследователи, застрял в мягких тканях и мог являться причиной смерти индивида [Сергацков и др., 2001, с. 21]. Если травмы носовых костей у сарматов являются следствием бытового травматизма, и могли возникать по разным житейским обстоятельствам, то травмы на своде данного черепа молодого индивида имеют преднамеренный насильтственный характер и нанесены в результате вооруженного столкновения. Тем не менее фиксация признаков заживления рубленых травм на мозговой капсуле мужчины из погребения 5 кургана 7 могильника Малеевка V, с одной стороны, свидетельствует о хороших навыках военно-полевой хирургии у кочевников сарматского круга, а с другой – указывает на то, что они могли использовать защитное вооружение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-68-00011 «Tempora incognita в истории Волго-Уральского региона: культурно-исторические, антропологические, палеоэкологические предпосылки и последствия смены эпох и культур на рубеже поздней бронзы – в начале раннего железного века», <https://rscf.ru/project/25-68-00011/>

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-68-00011 “Tempora incognita in the history of the Volga-Ural region: culturalhistorical, anthropological paleoecological prerequisites and consequences of the change of eras and cultures at the turn of the Late Bronze Age – at the beginning of the Early Iron Age”, <https://rscf.ru/project/25-68-00011/>

² Авторы выражают благодарность к.и.н., доценту Волгоградского государственного университета Валерию Михайловичу Клепикову за помощь и консультацию по данному комплексу.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Индивидуальные размеры и указатели мужских черепов из погребения 5 кургана 7 могильника Малаяевка V

Table 1. Individual sizes and indexes of the male skulls from burial 5 of kurgan 7 of the Malyaevka V burial ground

№ по Марти- ну и др.	Признак	Скелет 1	Скелет 2	№ по Мар- тину и др.	Признак	Скелет 1	Скелет 2
	Коллекционный номер ВолГУ	8-49	8-56		Коллекционный номер ВолГУ	8-49	8-56
	возраст	25–35 лет	45–55 лет		возраст	25–35 лет	45–55 лет
1	Продольный диаметр	183	181	25	Сагиттальная дуга	364	359
8	Поперечный диаметр	136	131	26	Лобная дуга	126	119
8:1	Черепной указатель	74,3	72,4	27	Теменная дуга	120	124
17	Высотный диаметр (ba-br)	139	122?	28	Затылочная дуга	118	116
17:1	Высотно-продольный индекс	76,0	67,4	29	Лобная хорда	113,5	105
17:8	Высотно-поперечный индекс	102,2	93,1	30	Теменная хорда	107,5	110
ОРВ	Общеростовая величина	267,0	254,6	31	Затылочная хорда	95	96
M2	Условное трансверсальное сечение	248,9	237,1	28:27	Затылочно-теменной индекс	98,3	93,5
M3	Условный трансверсальный объем	1729,7	1446,4	29:26	Изгиб лба	90,1	88,2
5	Длина основания черепа	105	98	30:27	Изгиб темени	89,6	88,7
20	Ушная высота (ро-ро)	121	116	31:28	Изгиб затылка	80,5	82,8
9	Наименьшая ширина лба	101	102	Syb.Nβ.	Высота изгиба лба	24,5	22,0
h/9	Высота над ft-ft точками	21,0	17,5	Syb.Nβ.: 29	Индекс выпуклости лба	21,6	21,0
h/9:9	Указатель профиля лба над ft-ft точками	20,8	17,2	УИЛ	Угол изгиба лба	133,3	134,4
УПИЛ	Угол поперечного изгиба лба	134,8	142,0	Syb.Nβ.	Высота изгиба затылка	27,0	27,5
9:8	Лобно-поперечный	74,3	74,8	Syb.Nβ.: 31	Индекс выпуклости затылка	28,4	28,6
9:10	Широтный лобный	82,65	93,6	УИЗ	Угол изгиба затылка	120,8	120,5
10	Наибольшая ширина лба	122,5	109	45	Скуловой диаметр	140	136?
11	Ширина основания черепа	132	122	45:8	Поперечный фацио-церебральный указатель	102,9	103,8
12	Ширина затылка	115	109	40	Ширина основания лица	98	90
40:5	Указатель выступания лица	93,3	91,8	<zm'	Зиго-максиллярный угол	126,7	132,1
48	Верхняя высота лица	69	66	FC	Глубина клыковой ямки (справа/слева)	3,7/3,8	5,9/7,0
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	49,6	54,1	MC	Максилло-фронтальная ширина	20,8	19,0
48:45	Верхний лицевой указатель	49,3	48,5	MS	Максилло-фронтальная высота	9,1	9,2
47	Полная высота лица	121,5	108	MS:MC	Максилло-фронтальный указатель	43,8	48,4
43	Верхняя ширина лица	111	113	DC	Дакриальная ширина	22,8	21,2
46	Средняя ширина лица	93	99	DS	Дакриальная высота	13,1	15,6
60	Длина альвеолярной дуги	55	50	DS:DC	Дакриальный указатель	57,5	73,6
61	Ширина альвеолярной дуги	69	60	SC	Симотическая ширина	8,1	8,0
61:62	Альвеолярный указатель	125,45	120,0	SS	Симотическая высота	3,8	4,6
62	Длина неба	57	52	SS:SC	Симотический указатель	46,9	57,5
63	Ширина неба	45	41	32	Угол профиля лба от назиона	77	79
63:62	Небный указатель	78,9	78,8	GM/FH	Угол профиля лба от гlabelлы	60	70
51	Ширина орбиты (правая/левая)	48/47	47,7/48	72	Общий лицевой угол	82	90
52	Высота орбиты (правая/левая)	33/31	33/31	73	Угол средней части лица	88	92
52:51	Орбитный указатель (правая/левая)	68,8/66,0	69,5/64,6	74	Угол альвеолярной части лица	63	83
54	Ширина носа	28	26	75	Угол наклона носовых костей	50	49
55	Высота носа	51,5	49	75-1	Угол выступания носа	32	41
54:55	Носовой указатель	54,4	53,1	Форма черепа сверху	Ovoid.	Ovoid.	
43a	Бимолярная хорда fmo-fmo	104,9	106,5	Надпереносье (по Мартину 1–6)	4	3	
	Высота назиона над б/м хордой	23,5	21,8	Надбровные дуги	2,5	2	
	Назомалярный индекс	22,4	20,7	Наружный затылочный бугор	2	3	
77	Назомалярный угол	131,7	135,0	Сосцевидный отросток	Anthrop.	Anthrop.	
	Зиго-максиллярная ширина	96,5	98,0	Нижний край грушевидного отверстия	4	2	
	Высота subspinalе над з/м хордой	24,2	21,8	Передне-носовая ость	3	3	
	Зиго-максиллярный индекс	25,1	22,2	Наличие деформации (бешиковский тип)	+	–	

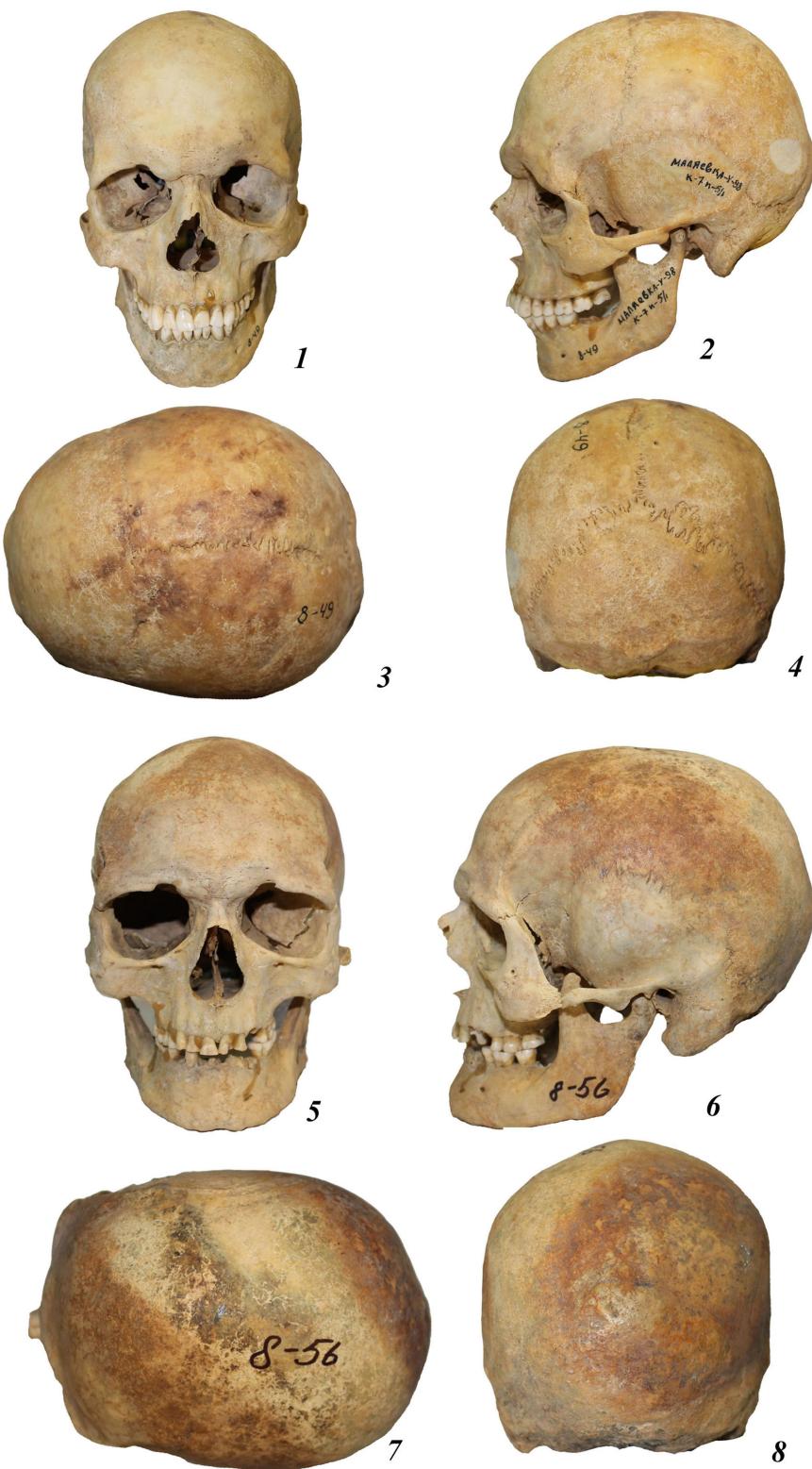

Рис. 1. Мозговые капсулы исследуемых индивидов:

1–4 – черепная коробка мужчины из погребения 5 кургана 7 могильника Малаяевка V, костяк 1;
5–8 – черепная коробка мужчины из погребения 5 кургана 7 могильника Малаяевка V, костяк 2

Fig. 1. Brain capsules of the individuals studied:

1–4 – male cranium from burial 5, kurgan 7, Malyaevka V burial ground, skeleton 1;
5–8 – male cranium from burial 5, kurgan 7, Malyaevka V burial ground, skeleton 2

Рис. 2. Патологические состояния на черепной коробке мужчины из погребения 5 кургана 7 могильника Малеевка V, костяк 1:

1 – А – скол эмали; Б – эмалевая гипоплазия; В – нарушение зубного ряда (краудинг);
 2 – А – минерализованные отложения; Б – эмалевая гипоплазия; В – пародонтит; Г – скол эмали;
 3 – А – травма носовых костей; Б – васкулярная реакция; 4 – травматическое повреждение лобной кости;
 5 – повреждение левой теменной кости в области лобного края; 6 – костный дефект на левой теменной кости в центральной ее части; 7 – повреждение левой теменной кости в области теменного края

Fig. 2. Pathological conditions on the male cranium from burial 5, kurgan 7, Malyaevka V burial ground, skeleton 1:

1 – А – enamel chip; Б – enamel hypoplasia; В – disruption of the dental row (crowding);
 2 – А – tartar deposits; Б – enamel hypoplasia; В – periodontitis; Г – enamel chip;
 3 – А – trauma to the nasal bones; Б – vascular reaction; 4 – traumatic injury to the frontal bone;
 5 – injury to the left parietal bone in the area of the frontal margin; 6 – bone defect on the left parietal bone in its central part; 7 – injury to the left parietal bone in the area of the parietal margin

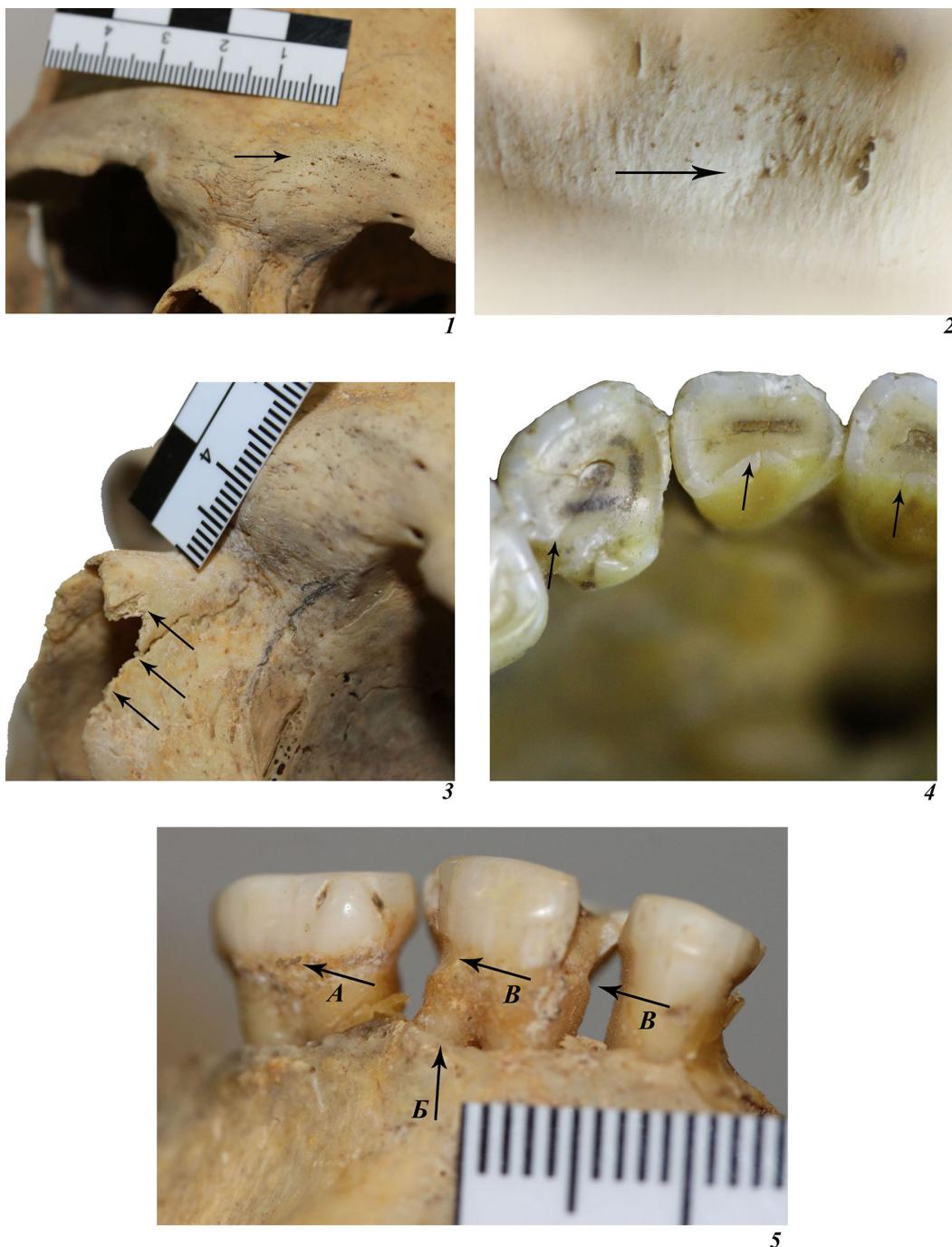

Рис. 3. Патологические состояния на черепной коробке мужчины из погребения 5 кургана 7 могильника Малеевка V, скелет 2:

1 – васкулярная реакция в области надбровных дуг; 2 – внутренний лобный гиперостоз;
 3 – последствия травмы носа и лобного отростка левой верхнечелюстной кости; 4 – стертость эмали верхних резцов;
 5 – А – зубной камень; Б – оголение корней зубов нижней челюсти в результате развития пародонтита;
 Б – интрапроксимальные желобки на первом и втором моляре нижней челюсти

Fig. 3. Pathological conditions on the cranium of a male from burial 5, kurgan 7, Malyaevka V burial ground, skeleton 2:

1 – vascular reaction in the area of the frontal bone; 2 – internal frontal hyperostosis;
 3 – consequences of trauma to the nose and frontal process of the left maxillary bone;
 4 – abrasion of the enamel of the upper incisors; 5 – A – tartar;
 Б – exposure of the roots of the teeth of the lower jaw as a result of the development of periodontitis;
 Б – intraproximal grooves on the first and second molars of the lower jaw

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 127 с.

Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Бужилова А. П., Козловская М. В., Лебединская Г. В., Медникова М. Б. Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. : Старый сад. С. 87–147.

Бужилова А. П., Соколова М. А., Перерва Е. В., 2005. Об эндокринных нарушениях у кочевых народов (на примере отдельных представителей сарматской культуры) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4. М. : Изд-во ИА РАН. С. 203–216.

Зубов А. А., 1968. Одонтология. Методика антропологических исследований. М. : Наука. 199 с.

Китов Е. П., Тур С. С., Иванов С. С., 2019. Палеоантропология сакских культур Притяньшаня (VIII – первая половина II в. до н.э.). Алматы : Хикари. 300 с.

Козинцев А. Г., 1988. Этническая краниоскопия. Расовая изменчивость швов черепа современного человека. Л. : Наука. 168 с.

Мовсесян А. А., 2005. Фенетический анализ в палеоантропологии. М. : Унив. кн. 272 с.

Мошкова М. Г., 1963. Памятники прохоровской культуры. Свод археологических источников. Вып. Д1-10. М. : Изд-во АН СССР. 55 с.

Перерва Е. В., 2015. Рентгенологическое исследование деформированных черепов золотоордынского времени с территории Нижнего Поволжья (палеопатологический аспект) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (29). С. 98–114.

Перерва Е. В., 2024. К вопросу о палеопатологических особенностях населения V–VII вв. н.э. с территории Волго-Донских степей // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 2. С. 94–111. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.5>

Перерва Е. В., Моисеев В. И., 2018. Внутренний лобный гиперостоз на костных останках сарматов Нижнего Поволжья и Нижнего Дона (к вопросу о причинах проявления эндокринных нарушений у кочевников раннего железного века) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23, № 6. С. 18–43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.2>

Рогинский Я. Я., Левин М. Г., 1978. Антропология. М. : Высш. шк. 528 с.

Сергацков И. В., Дворниченко В. В., Демкин В. А., 2001. Курганный могильник Малаяевка V // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 13–63.

Brothwell D. R., 1981. Digging up Bones. Trustees of British Museum. London : British Museum (Natural History). 208 p.

Hershkovitz I., Greenwald C., Rothschild B. M., Latimer B., Dutour O., Jellema L. M., Wish-Baratz S., 1999. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective // American Journal of Physical Anthropology. № 109. P. 303–325.

Reid D. J., Dean M. C., 2006. Variation in Modern Human Enamel Formation Times // Journal of Human Evolution. Vol. 50. P. 329–346.

REFERENCES

Alekseev V.P., Debets G.F., 1964. *Kraniometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Craniometry. Anthropological Research Methodology]. Moscow, Nauka Publ. 127 p.

Buzhilova A.P., 1998. *Paleopatologiya v bioarkheologicheskikh rekonstruktsiyakh* [Paleopathology in Bioarchaeological Reconstructions]. Buzhilova A.P., Kozlovskaya M.V., Lebedinskaya G.V., Mednikova M.B. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovanii* [Historical Human Ecology Methods of Biological Research]. Moscow, Staryy sad Publ., pp. 87-147.

Buzhilova A.P., Sokolova M.A., Pererva E.V., 2005. *Ob endokrinnykh narusheniyakh u kochevykh narodov (na primere otdelnykh predstaviteley sarmatskoy kultury)* [About Endocrine Disorders in Nomadic Peoples (On the Example of Sarmatian Culture's Representatives)]. *OPUS: Mezhdisciplinarnye issledovaniya v arkheologii* [OPUS: Interdisciplinary Research in Archaeology], iss. 4. Moscow, IA RAS, pp. 203-216.

Zubov A.A., 1968. *Odontologiya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Odontology. Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ. 199 p.

Kitov E.P., Tur S.S., Ivanov S.S., 2019. *Paleoantropologiya saksikh kul'tur Prityanshan'ya (VIII – pervaya polovina II v. do n.e.)* [Paleoanthropology of the Saka Cultures of the Prityanshan'ye (8th – First Half of the 2nd Century BC)]. Almaty, Khikari Publ. 300 p.

Kozintsev A.G., 1988. *Etnicheskaya kranioskopiya. Rasovaya izmenchivost' shvov cherepa sovremenennogo cheloveka* [Ethnic Cranioscopy. Racial Variability of the Sutures of the Modern Human Skull]. Leningrad, Nauka Publ. 168 p.

Movsesyan A.A., 2005. *Feneticheskiy analiz v paleoantropologii* [Phenetic Analysis in Paleoanthropology]. Moscow, Univ. kn. Publ. 272 p.

Moshkova M.G., 1963. *Pamyatniki prohorovskoy kul'tury* [Monuments of the Prokhorovka Culture]. Svod arheologicheskikh istochnikov, iss. Д1-10. Moscow, AS USSR. 55 p.

Pererva E.V., 2015. Rentgenologicheskoe issledovanie deformirovannykh cherepov zolotoordynskogo vremeni s territorii Nizhnego Povolzhya (paleopatologicheskiy aspekt) [X-ray Study of Deformed Skulls of the Golden Horde Time from the Territory of the Lower Volga Region (Paleopathological Aspect)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], no. 2 (29), pp. 98-114.

Pererva E.V., 2024. K voprosu o paleopatologicheskikh osobennostyah naseleniya V–VII vv. n.e. s territorii Volgo-Donskikh stepей [Revisiting the Paleopathological Features of the 5th – 7th Centuries AD Population from the Volga-Don Steppes Area]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 2, pp. 94-111. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.2.5>

Pererva E.V., Moiseev V.I., 2018. Vnutrenniy lobnyy giperostoz na kostnyh ostankah sarmatov Nizhnego Povolzh'ya i Nizhnego Dona (k voprosu o prichinah proyavleniya endokrinnyh narusheniy u kochevnikov rannego zheleznogo veka) [Hyperostosis Frontalis Interna on the Skeletal Remains of the Sarmatians of the Lower Volga and the Lower Don (to the Question of Causes of the Endocrine Disorders in the Early Iron Age)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], vol. 23, no. 6, pp. 18-43. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.2>

Roginsky Ya.Ya., Levin M.G., 1978. *Antropologiya* [Anthropology]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 528 p.

Sergatskov I.V., Dvornichenko V.V., Demkin V.A., 2001. Kurgannyy mogilnik Malyaevka V [The Malyayevka V Kurgan Burial Ground]. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on the Archaeology of the Volga-Don Steppes], iss. 1. Volgograd, VolSU, pp. 13-63.

Brothwell D.R., 1981. *Digging up Bones. Trustees of British Museum*. London, British Museum (Natural History). 208 p.

Hershkovitz I., Greenwald C., Rothschild B.M., Latimer B., Dutour O., Jellema L.M., Wish-Baratz S., 1999. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective. *American Journal of Physical Anthropology*, no. 109, pp. 303-325.

Reid D.J., Dean M.C., 2006. Variation in Modern Human Enamel Formation Times. *Journal of Human Evolution*, vol. 50, pp. 329-346.

Information About the Authors

Maria A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Evgeniy V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Konstantin M. Khegai, Postgraduate Student, Junior Researcher, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, hegaykm@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-9365-7180>

Информация об авторах

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Константин Михайлович Хегай, аспирант, младший научный сотрудник кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, hegaykm@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-9365-7180>

Миссия журнала «Нижневолжский археологический вестник» – создание благоприятных условий для научного общения, популяризации и обмена новейшими достижениями в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; обогащение науки новыми археологическими источниками; ознакомление широкого круга исследователей с новациями и достижениями в области теории и практики современной археологии.

Редакционная политика журнала направлена на популяризацию исторических знаний и оперативный обмен новейшими разработками в евразийской степной археологии между отечественными и зарубежными учеными и заинтересованными читателями. Степи Евразии являются важнейшим регионом, история которого непосредственно влияла на процессы культурогенеза и этногенеза как в древности, так и в средневековье, связывая цивилизации Востока и Запада. Археологические исследования на данной территории остаются ценным источником реконструкции многих исторических процессов и важным фактором для понимания современных процессов мировой интеграции в Евразийском регионе.

Журнал приветствует естественнонаучные исследования в области археологии и исторических реконструкций.

С целью обеспечения высокого качества публикуемых материалов рецензентами выступают ведущие российские и зарубежные специалисты в различных областях знаний и периодах истории. Публикация полевых исследований допускается при наличии в статье глубокого анализа материалов с учетом достижений мировой науки.

Цели журнала – освещение и обсуждение актуальных теоретических и практических проблем археологии, использование естественнонаучных методов в области археологии евразийских степей и сопредельных территорий; информирование научной общественности о достижениях в области полевой и теоретической археологии в древности и средневековье.

Задачи журнала:

- публикация аналитических научных статей, рецензий и критических обзоров;
- оперативное введение в научный оборот результатов полевых археологических исследований;
- организация дискуссий по наиболее актуальным проблемам археологии евразийских степей и сопредельных территорий;
- развитие научных контактов между специалистами в области археологии и естественнонаучных дисциплин;
- обзор прошедших и анонс предстоящих научных мероприятий по археологии и междисциплинарным исследованиям;
- поддержание высокого уровня научных публикаций.

The mission of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* is to create favorable conditions for scientific communication, promoting and exchanging the latest achievements in the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to enrich the science with new archaeological sources; to present the most recent advances and innovations in the contemporary Archaeology to a wide range of researchers.

The aim of the journal is to cover and discuss current research issues related to Archaeology and scientific methods applied to the Archaeology of Eurasian steppes and adjacent territories; to inform the scientific community on the achievements of field and theoretical Archaeology in ancient times and the Middle Ages.

The editorial policy of the journal is aimed at the historical knowledge popularization and rapid exchange of the latest developments in the Eurasian steppe Archaeology between Russian and foreign scholars. The Eurasian steppes are a very important region. Its history had a direct impact on the processes of culture-genesis and ethnogenesis both in ancient times and in the Middle Ages and connected Eastern and Western civilizations. Archaeological research in this territory remains a valuable source of reconstructing many historical processes and a key factor for understanding modern world integration processes in the Eurasian region.

The journal welcomes natural scientific research applied to Archaeology and historical reconstructions.

To ensure the high quality of published materials the international team of leading experts in various disciplines, fields and historical periods provide their reviews. We publish field studies only if the article contains the in-depth analysis of materials and takes into account the achievements of world science.

The objectives of the journal are to:

- publish research papers, reviews and critical notes;
- present research findings to end users in the most useful way;
- create a platform for discussing challenges related to the Archaeology of the Eurasian steppes and adjacent territories;
- develop scientific contacts between experts in Archaeology and Natural Sciences;
- review the past scientific events in Archaeology and interdisciplinary studies and announce the future ones;
- maintain the high level of academic publications.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редакции журнала (nav@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции nav@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Нижневолжский археологический вестник».

Редакция приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://nav.jvolsu.com> («Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of *The Lower Volga Archaeological Bulletin* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail nav@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail nav@volsu.ru, the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *The Lower Volga Archaeological Bulletin* print periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://nav.jvolsu.com/index.php/en> (section "For Author").

ISSN 2587-8123

9 772587 812000

37>